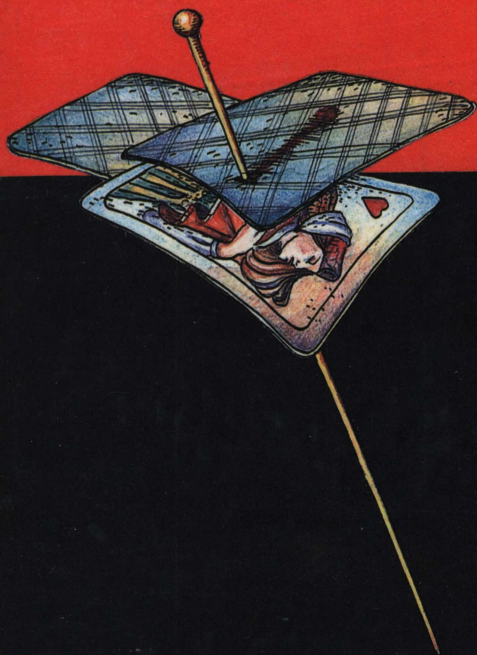
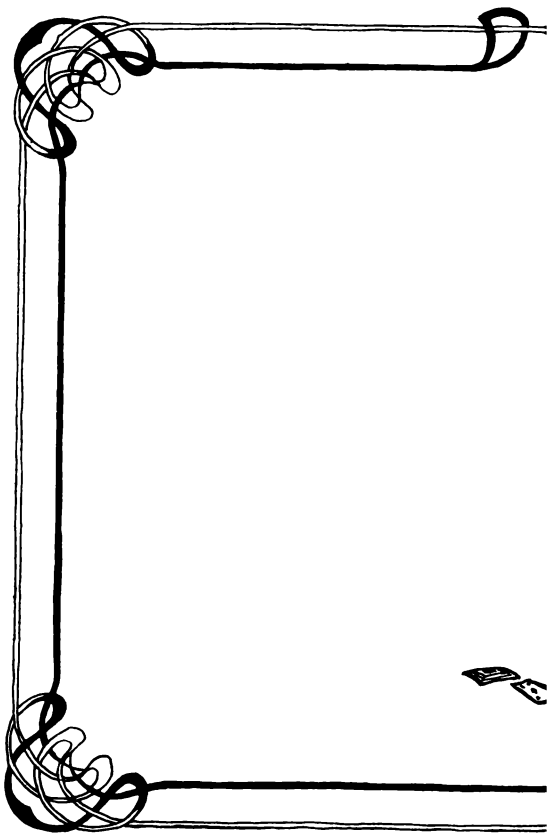

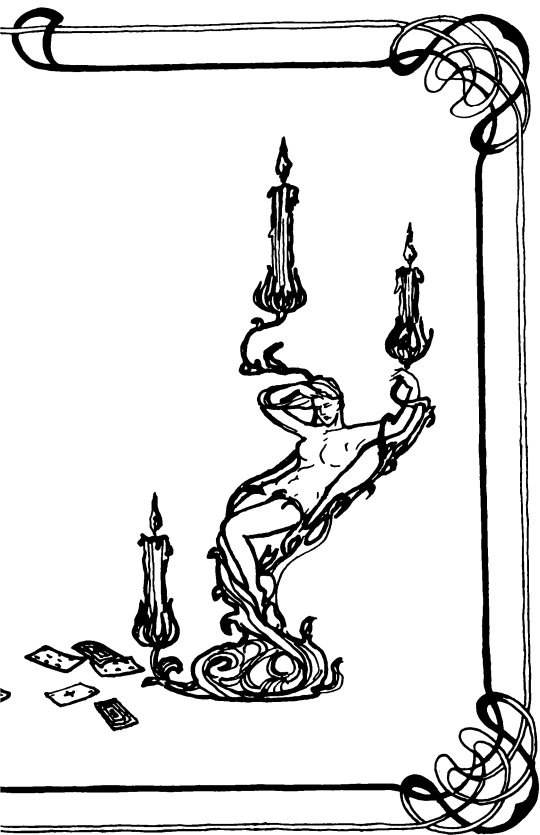
А. Бувье

КРЕДИТОРЫ ЭШАФОТА

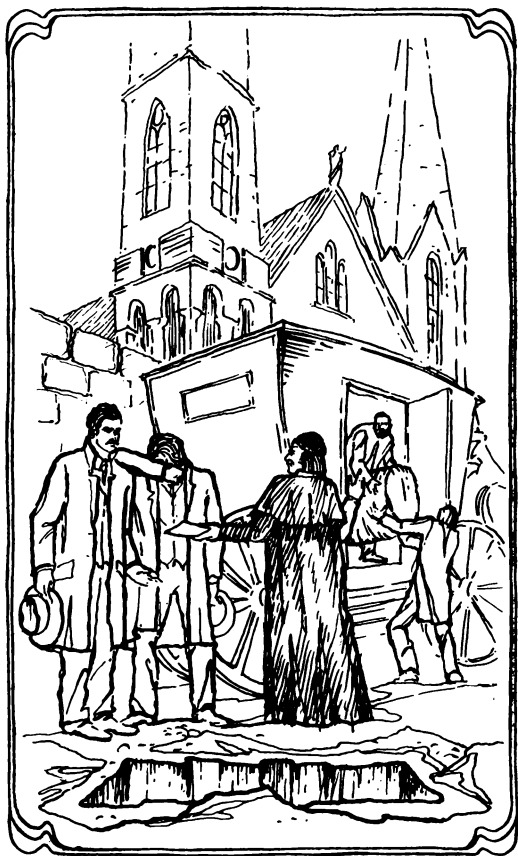

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

А. Бувье

КРЕДИТОРЫ
ЭШАФОТА

Роман

Харьков «ПАРИТЕТ» 1994

**ББК 84.4 Фр
Б90**

Текст печатается по изданию:

**А.Бувье. Кредиторы эшафота: Роман. — С.Петербург:
Издательство А.А. Каспари, 1880 год.**

Художник-иллюстратор Литвинова Лада Арнольдовна

А. Бувье
Б90   **Кредиторы эшафота: Роман. Перевод с французского. Художник-иллюстратор Л.А. Литвинова. — Харьков: Изд.-коммер. предприятие «Паритет» ЛТД, 1994. — 496 с.**

ISBN 5-86906-056—7

Роман популярного французского писателя А.Бувье (1836—1892) «Кредиторы эшафота» повествует о необычайных приключениях братьев Лебрен, которые, защищая честь оклеветанного отца, счастье любимой сестры, разоблачают жестокие замыслы карточного игрока и убийцы.

Любовь и предательство, благородная месть и торжество справедливости — все это причудливо и органично переплелось в сюжете романа.

К 4703010100-028 Без объявл.
Б22-94

ББК 84.4 Фр

ISBN 5-86906-056-7

© Редакция, оформление
Издательско-коммерческое
предприятие «Паритет»
ЛТД, 1994.

Пролог

Глава I

ЧТО ПРОИСХОДИЛО НА ПЛОЩАДИ ЛА-РОКЕТТ В ОДНУ НОЯБРЬСКУЮ НОЧЬ

Только что пробило два часа утра. Погода была сырая и холодная, и сквозь густой туман слышался только глухой шум толпы, собравшейся на площади Ла-Рокетт.

Туман был до такой степени густым, что уже в трех шагах ничего не было видно. Агенты полиции с трудом сдерживали любопытных, не позволяя им приблизиться к тому месту на площади, где работали шесть человек. Они ставили эшафот, на который рано утром должна была упасть голова Корнея Лебрена.

В тумане едва виднелись два красных фонаря, светивших рабочим.

Ночь, туман, гул толпы, стук молотков, моросивший мелкий холодный дождь — это была довольно мрачная картина. Кровь застывала в жилах, и

человек невольно вздрагивал от ужаса. Холодный пот прошибал его в самом теплом платье.

Публика, присутствующая обычно на казнях, была вся в сборе — бледные лица со впалыми щеками, с мрачным огнем в глазах, худые фигуры в одних холстинных блузах. Раздававшиеся голоса были хриплыми от водки. Тут же находились женщины, молодые девушки, матери с грудными детьми, посиневшими от холода.

Большая часть этих людей уже не один раз приходила в этот самый час смотреть подобные зрелища. Казалось, они все были знакомы между собой. В толпе слышались крики носильщиков.

Обычные посетители разговаривали между собой таким образом:

— А, это вы? Здравствуйте! Я видел вас, когда казнили Лапомаре.

— Да, я никогда не пропускаю казней.

— Точно так же, как и я.

— Да, я вас припоминаю — мы были вместе.

— Сегодня нам будет лучше видно.

— О, сегодня не будет так много народа.

— Да, если бы не привычка, я тоже не пришел бы. Погода ужасная.

— А этот не то, что Лапомаре, — тот был молодец.

— Да, такие попадают редко.

Уличный мальчишка, уже с вечера взобравшийся на дерево, говорил другому, сидевшему на соседней ветке:

— Мне здесь очень удобно. Если туман пройдет, то я увижу все отлично. Его последняя улыбка будет моей.

— Зачем тебе это?

— А как же! Мне завидно.

— И мне тоже.

— Я бы показал, как себя вести, если бы меня казнили... По правде сказать, наверное мучаешься недолго, всего какую-нибудь секунду... шее станет холоднее — и все кончено...

Находящаяся на другой стороне площади молодая девушка с голубыми глазами и нежным цветом

лица обращалась к молодой матери, державшей за руку своего ребенка:

— Моя милая, — говорила она, — я боюсь только одного: чтобы его не простили.

— О, этого нечего бояться — эшафот выстроен, и он будет казнен.

— Мне говорили, что он просил о помиловании.

— Нет, он даже не подал кассацию. Говорит, что невиновен.

— Они все говорят это. Труссы, как все мужчины.

— Бедная женщина, как ужасно он зарезал ее!

— О да, негодяй! Поэтому я и хочу посмотреть ему в лицо.

Ребенок, которого мать держала за руку, начал кричать.

— Замолчишь ли ты? — рассердилась его мать. — Берегись! Если ты не будешь умницей, то не увидишь, как ему отрубят голову.

В это же время один любопытный, забравшийся на стену, говорил своему соседу:

— Ты знаешь, что он сказал? — «Я пойду на казнь с тем же спокойствием, с каким выслушиваю ваш приговор. Только одни преступники боятся вечности».

— Это все фразы. После «Лионского курьера» они все говорят так. Вот пьеса, которая испортила всех казнимых... Посмотрим, будет ли он разыгрывать невинного на эшафоте.

— Если он струсит — я свистну.

— И я тоже.

Вдруг в толпе поднялся шум. Мальчишки закричали:

— Солдаты! Солдаты!

На площади появился отряд национальной гвардии, затем жандармы окружили эшафот, еще окутанный туманом. В течение нескольких минут слышны были только крики, рев и брань, которые разбудили осужденного в его камере. Затем наступило молчание, прерываемое только глухим ропотом толпы.

В одном из углов площади, около входной двери в тюрьму Ла-Рокетт, позади первой линии жандар-

мов, почти возле ног их лошадей, стояли, прижавшись к стене, двое мужчин. Они были одеты в теплые пальто с воротниками, поднятыми не столько от холода, сколько для того, чтобы избежать внимания любопытных.

Мужчины стояли молча, прижавшись друг к другу и держась за руки.

Каждый вечер последней недели эти двое являлись к продавцу вина, жившему на углу улицы Фоли-Реньо, и каждый вечер они спрашивали, приходили ли рабочие на площадь строить эшафот. В этот вечер им ответили: «Да». Они побледили и переглянулись, затем пожали друг другу руки, как бы желая придать себе мужества. Наконец один из них с усилием сказал продавцу вина: «Благодарю вас!»

Затем они молча вышли и прошли на улицу Фоли-Реньо, где остановились у маленького домика без номера — странной постройки мрачного вида.

Перед дверью этого дома их ждала телега, на которую накладывали бревна и доски. Когда телега была нагружена, она отправилась на площадь Ла-Рокетт. Два незнакомца последовали за ней.

Был час ночи. Два незнакомца стояли у мокрой стены, не обращая внимания на грязь, не обмениваясь ни одним словом.

В четыре часа утра один из рабочих, строивших эшафот, подошел к ним.

— Господин Винсент? — шепотом спросил он.

Тот, что казался старше, ответил:

— Это я. Что вы хотите?

Тогда помощник палача прошептал:

— Я пришел от имени... кого — вы знаете... сказать вам, что все условлено... Позволение вам дано.

— Благодарю, мы придем.

Помощник сразу же вернулся к эшафоту, а тот, кого он называл Винсентом, сжал руку своего спутника и сказал ему:

— Ну, Шарль, скоро все будет кончено. Теперь нам необходимо все наше мужество.

— Не беспокойся обо мне.

Незнакомцы снова заняли свои места. Эта неподвижная пара выглядела странно. В то время как окружавшие их люди дули себе на пальцы, чтобы хотя бы немного согреться, они, казалось, не обращали никакого внимания ни на холод, ни на туман, не чувствовали времени. Они не слышали ропота толпы, не обращали внимания на толчки.

Когда раздался первый удар часов, оповестивший, что уже семь утра, они вздрогнули, словно пробудившись от сна. Туман почти рассеялся.

— Боже мой, — вскрикнул один из мужчин, с ужасом хватая за руку своего спутника.

Последний взглянул вперед, и чувствуя, что готов упасть в обморок, сделал над собой усилие, чтобы победить слабость...

Дело в том, что они увидели очень мрачное зрелище. Перед ними волновалось целое море бледных лиц, и в середине этого моря возвышался, словно остров, эшафот, протягивая свои две красные руки. Подавляя слабость, старший из двух незнакомцев, Винсент, взял за руку своего спутника и прошептал ему на ухо:

— Успокойся, Шарль, будь мужественным. Он сейчас придет.

Шарль выпрямился и встряхнул головой, словно желая прогнать мрачные мысли.

Дверь в Ла-Рокетт отворилась, мгновенно по площади пронесся глухой ропот, за которым последовало мертвое молчание. Два незнакомца напрасно старались заглушить рыдания, вырывавшиеся у них из груди. Затем они сняли шляпы и опустили их на колени.

Из открытой двери вышли сначала два человека, каждый из которых держал по зажженному фонарю. Вслед за ними шел осужденный, опиравшийся на плечо священника и поддерживаемый помощником палача, так как связанные ноги мешали ему идти.

— Не так быстро, — попросил несчастный поддерживавшего его помощника. Затем остановился

и, повернув голову в ту сторону, где стояли два незнакомца, громко произнес:

— Прощайте. И помните!

— Прощайте! Прощайте! — душераздирающими голосами отвечали они.

Тогда помощник палача увлек осужденного, который, поставив ногу на первую ступень эшафота, поцеловал священника и сказал ему:

— Отец мой, благодарю вас за ваши заботы! Я поручаю вам мою последнюю волю. Вы обещали мне увидеться с ними сегодня же. Прощайте, отец мой, молитесь за меня и успокойте их.

— Ваше желание будет исполнено... О сын мой, думайте о Боге.

— Прощайте!..

Затем, повернувшись к помощнику, который поддерживал его, осужденный сказал:

— Помогите мне, друг мой, пусть это закончится побыстрее.

Он поспешно поднялся по ступеням эшафота и, как бы сомневаясь в себе, быстро упал на колени.

Помощники палача привязали его, и тишина прерывалась только голосом священника, читавшего молитвы. Между двумя бревнами эшафота сверкнула молния, и раздался страшный, оборвавшийся крик.

Общество было отомщено. Его представители наказали виновного. Глухой стон вырвался из тысячи грудей.

Два жандарма двинулись вперед, расчищая дорогу для низкого экипажа, в который помощники палача опустили корзину, более красную, чем кровь, просачивавшаяся сквозь нее.

За этой повозкой следовал фиакр, в котором сидел священник.

Увидев мрачное шествие, перед которым расступалась толпа, двое молодых людей поднялись, положили себе дорогу в толпе, работая локтями и плечами, и с непокрытыми головами побежали вслед за повозкой.

Когда они дошли до предместья Сент-Антуан, один из жандармов хотел отогнать их, но помощник палача, говоривший с ними на площади, помешал сделать это, говоря жандарму, что у них есть разрешение. Он приказал остановить повозку, вышел и почтительно спросил их:

— Священник приказал спросить вас: не желаете ли вы сесть вместе с нами в фиакр?

— Нет, — отвечал тот, которого звали Винсентом, — мы пойдем пешком.

— Дело в том, что мы должны ехать быстрее.

— В таком случае мы побежим.

Помощник поклонился и, заняв свое прежнее место на козлах фургона, сказал жандармам:

— Езжайте медленнее — они отказываются садиться и хотят идти пешком.

— Но кто эти люди? — спросил жандарм.

— Это сыновья казненного.

Глава II

ПРОКЛЯТЫЙ УГОЛ

По просьбе священника кучер заставил лошадей идти медленнее, и сыновья казненного могли следовать за ними.

Этот печальный кортеж миновал площадь Бастилии, бульвар Контр-Эскарп, Аустерлицкий мост, бульвар Госпиталя, Итальянскую площадь и дорогу Шуази. Наконец он прибыл на кладбище Иври, ворота которого были открыты.

Когда мрачный фургон, фиакр священника и жандармы въехали в ворота, сторожа хотели их закрыть, но, увидев разрешение, впустили сыновей казненного, и ворота закрылись вслед за ними, к великому огорчению нескольких любопытных, крестившихся при виде похоронной процессии.

Похоронное шествие шагом прошло через маленькое кладбище в ограду, отделявшую место, предназначенное для казненных.

Эта проклятая земля — наказание, которое общество налагает на тех, кого оно осудило. Нет ни могил, ни крестов, ни цветов —ничего, что напоминало бы об ушедших. Одна крапива покрывает этот Проклятый Угол.

Солнце уже почти взошло, туман полностью растаял, но все было печально и молчаливо на этом маленьком кладбище. Слышен был только стук копыт лошадей и скрип колес фургона.

Наконец повозка остановилась перед вырытой ямой. Братья стали на ее краю. Священник вышел из фиакра и, видя, что корзину хотят вынуть из фургона, сделал помощнику знак подождать минуту. Затем, подойдя к несчастным молодым людям, сказал им:

— Господа Винсент и Шарль Лебрэн, я должен здесь передать вам письмо, заключающее в себе последнюю волю вашего отца —Корнелия Лебрэна. Он пожелал, чтобы вы прочитали это письмо перед его останками и поклялись над ними исполнить его волю.

Старший из сыновей взял письмо из рук священника и, поцеловав его, сломал печать.

Так, чтобы его слышал только брат, он прочел письмо:

«Шесть часов утра. Мои возлюбленные сыновья, я оставляю вам в наследство свое имя и хочу, чтобы вы гордо носили его, так как я умираю невинным. Над моим еще теплым трупом вы поклоняетесь неустанно искать того, за кого общество приговорило меня к смерти, но не для того, чтобы отомстить за меня, а чтобы спасти мою честь. Общество хочет крови за кровь — я плачу ему. Вы найдете виновного. Но в этот день во имя крови, которую я проливаю за него, я прошу, чтобы он не понес другого наказания, кроме вечных угрызений совести за преступление, совершенное из-за него или для него. Я не просил ни касса-

ции, ни помилования, потому что по закону судьи были правы, к тому же, моя невиновность не может довольствоваться помилованием. Вы должны быть достойны меня и будете добиваться только одного — доказательства моей невиновности. Мой труп должен оставаться в Проклятом Углу до того дня, когда вы докажете обществу, что оно ошиблось. Только тогда вы похороните меня рядом с вашей матерью. Мои дорогие сыновья, вы — мужчины, и я не боюсь за вас, но ваша сестра Маргарита может навсегда погибнуть из-за ошибки, допущенной судьями. Прежде, чем подумать обо мне, вы должны подумать о ней. Я хочу, чтобы она вышла замуж раньше, чем вы начнете свои поиски. Я хочу, чтобы она как можно скорее изменила свое имя, которое она, являясь женщиной, не в состоянии защитить, если на него станут нападать. Маргарита должна была выйти замуж за Берри, вашего друга. Со времени моего ареста он не приходил к вам — из скромности, как он сказал! Мне говорили, что он не обвиняет меня. Если это так, то осуществите этот предполагавшийся союз. Если же эта свадьба не будет возможна, то я прошу у Маргариты, как милости, чтобы она ушла в монастырь до того дня, когда вы докажете, что ваш отец, Корнель Лебрэн, умер невинным. Я чувствую, что вы найдете виновного. Когда вы убедите общество в его виновности, я приказываю вам требовать его прощения, так как за кровь я заплатил кровью. Следовательно, виновный принадлежит нам. Если действительно существует другая жизнь, если существует душа, если, оставив свою земную оболочку, она может следить за тем, что делается на земле, то я постоянно буду с вами. Эшафот должен вам мою кровь — не мстите за меня, но оправдайте меня! Вот в коротких словах то, что я приказываю вам, дети мои: первое — выдать замуж вашу сестру или же окончательно разорвать обязательства с ее женихом; второе — спасти мою честь. Кроме того, я приказываю вам высоко держать головы, так как вы

сыновья Корнеля Лебрена, умирающего не виновным в том преступлении, за которое его осудили. Смерть моя не может быть для вас причиной горя. Являясь жертвой общественного несовершенства, я служу человечеству, умирая за него. Поэтому я запрещаю носить по мне траур.

Прощай, моя возлюбленная дочь, моя дорогая Маргарита! Прощай, Винсент! Прощай, Шарль! Прощайте!

Корнель Лебрен».

Они снова с благоговением поцеловали подпись отца, и старший сказал священнику:

— Господин аббат, мы готовы исполнить последнюю волю нашего отца.

Священник поднялся с колен и, пожав руки молодым людям, сам заплакал, говоря:

— Бедные мои дети, будьте мужественны!

Братья обнялись, прилагая большие усилия, чтобы не плакать.

— Не беспокойтесь, мы будем мужественны, господин аббат, — отозвался младший.

Тогда аббат повернулся к помощникам палача и сказал:

— Делайте свое дело.

Повинуясь священнику, помощники вынули из фургона красную корзину с останками казненного Корнеля Лебрена и, поставив ее на землю, вынули обезглавленное тело. Положив его на траву, они развязали веревки, связывавшие ноги и руки несчастного.

Странную картину представляло это погребение в столь ранний час!

Солдаты и помощники еле сдерживали себя, чтобы не плакать; аббат отвернулся и молился. Одни сыновья казненного стояли неподвижно с крепко сжатыми губами.

Наконец из корзины вынули голову казненного! Лицо было бледно, но черты его — спокойны: рот улыбался, глаза были полуоткрыты.

Винсент и Шарль Лебрен опустились на колени, взяли голову отца и поцеловали его в губы. Затем они проговорили:

— Отец, над твоим телом мы клянемся, что не будем знать ни отдыха, ни радости, ни удовольствия до того часа, когда твоя невинность будет доказана.

Закон требует, чтобы тело было брошено в яму. Помощники палача подняли казненного за ноги и спустили труп в яму. Могильщик соскользнул в могилу и выровнял тело, еще не успевшее окоченеть. Затем он взял голову из рук сыновей и положил ее между ног трупа. Молившийся аббат бросил горсть земли в могилу.

Это оказалось уже выше сил несчастных. Братья разразились рыданиями с душераздирающими возгласами:

— О, отец! Отец!

— Плачьте, друзья мои, плачьте, — произнес аббат, — но будьте мужественны. Смерть ничего не значит — спасите его честь.

Винсент и Шарль оставались до тех пор, пока могила была совершенно засыпана.

Когда все было закончено, они огляделись и увидели, что помощники палача и жандармы уже уехали. Аббат предложил им свой экипаж, чтобы вернуться в Париж, но они отказались.

— Прощайте, дети мои, — сказал тогда аббат, — и не забывайте, что я весь в вашем распоряжении — днем и ночью, когда бы вам ни понадобилось. До свиданья!

Священник в свою очередь сел в экипаж.

Оставшись вдвоем, несчастные молодые люди взяли за руки.

— Шарль, начнем сейчас же, — проговорил Винсент. — Пойдем к Берри.

— Да.

Опустившись на колени перед могилой, они помолились, затем покинули кладбище и, взявшись за руки, отправились в Париж.

Глава III

ТРИ БРАТА

Сыновья Корнелия Лебрена были красивые молодые люди. Старшему, Винсенту, было двадцать четыре года. Ростом немного выше среднего, он был сложен и изящен, одевался без всякой изысканности, но это скрадывалось изяществом и грациозностью движений. Бледное лицо его было очень выразительно: высокий лоб, обрамленный темно-каштановыми волосами, прямой нос, красиво очерченный рот с губами ярко-красного цвета, оттененный рыжеватыми усами; темные глаза, сверкавшие из-под длинных ресниц, придавали взгляду особенную прелесть.

Младшему — Шарлю, было двадцать два года. Почти такого же роста, как брат, он был тоже хорошо сложен и чертами лица напоминал брата. Но глаза у него были голубые, волосы — настолько светлые, что ресницы казались почти белыми. Маленький рот оттенялся шелковистыми усами.

Сначала они шли молча, и только на бульваре Госпиталя Винсент сказал Шарлю:

— Мы сегодня же начнем исполнение воли нашего отца. Я еще не знаю, какие средства мы употребим — поговорим об этом, когда будем спокойнее, но мне кажется, что прежде всего мы должны договориться вот о чем: воля нашего отца должна остаться в тайне. Кроме нас никто не должен знать данного приказанья. Будем делать вид, что покорились совершившемуся.

— Совершенно с тобой согласен.

— Благодаря такому образу действий истинный виновник будет жить спокойно, и мы легче достигнем нашей цели, воспользовавшись его уверенностью в безнаказанности. Но это решение должно касаться всех, даже нашей сестры. Мы одни должны знать, что отец оставил завещание.

— Да, брат.

— Я говорю тебе об этом для того, чтобы ты не проговорился у Берри.

Это были единственные слова, которыми они обменялись за всю дорогу.

После получасовой ходьбы братья пришли на улицу Барбетт в Маре.

Там они подошли к дому, стоящему в середине улицы, и постучались.

Им отворил молодой человек. Увидев их, он отступил назад, пораженный, и срывающимся голосом спросил:

— Почему вы пришли так рано?

— Мы пришли оттуда.

— Оттуда?.. Откуда?

Винсент сделал над собой усилие и глухим голосом проговорил:

— Это было сегодня утром. Мы пришли с казни.

— Все кончено?

Братья молча опустили головы. Открывший им дверь молодой человек закрыл лицо руками, словно желая прогнать зрелище, которое при их словах представилось его глазам.

— О, Боже мой! Боже мой!

Несколько минут продолжалось молчание, нарушаемое только рыданиями детей Корнеля Лебрена и вздохами того, к кому они пришли. Наконец, овладев собой, Винсент поднял голову, вытер слезы и, взяв молодого человека за руку, сказал ему:

— Андре, наш отец умер, и в настоящую минуту я глава семейства. Справедливо или нет — общество удовлетворено. Оно отомстило, наказывая нас. Первая обязанность, которую я должен исполнить — это заменить того, кого у нас отняли, и для этого я пришел к тебе.

Тот, кого звали Андре, весь погруженный в ужасные мысли о казни, едва ли слышал, что говорил ему Винсент.

Он качал головой, повторяя:

— Все кончено! Его казнили!

— Андре, — сказал Винсент, — не будем больше о нем говорить, а то нам не хватит мужества

исполнить свой долг. Мы пришли поговорить с тобой о серьезных вещах.

— О серьезных вещах... — повторил молодой человек, поднимая голову.

Затем он пододвинул к камину два кресла, жестом приглашая братьев садиться, и, стоя перед ними, произнес:

— Теперь, друзья мои, я слушаю вас.

Винсент задумался на несколько минут, затем поднял голову и, пристально взглянув на Андре, сказал:

— Андре, прежде чем я продолжу, ты должен поклясться мне, что ответишь откровенно на мой вопрос. Поклянись!

— Клянусь тебе, что я скажу истину, — отозвался Андре, стараясь по лицу своего друга угадать, что он может у него спросить.

— Ты клянешься?

— Да, клянусь.

Винсент встал и, остановившись перед Андре, посмотрел ему прямо в глаза.

Шарль также поднял голову и глядел на Андре.

Тогда старший брат заговорил.

— Андре, веришь ли ты в виновность нашего отца?

Молодой человек побледнел. Его губы задрожали. Было очевидно, что он затруднялся ответить. Он, казалось, колебался, и братья, наблюдавшие за ним, уже начали хмурить брови. Но он, секунду помедлив, сказал:

— Клянусь вам, я не считаю его виновным!

И он в свою очередь взглянул на братьев, пытается понять, какое впечатление произвел его ответ.

Братья с благодарностью улыбнулись.

— В таком случае, я могу говорить с тобой откровенно, — сделал вывод Винсент, сядя на прежнее место.

— Разве вы сомневались во мне?

— Со времени ареста нашего отца ты не был у нас ни разу.

— Я извинился в письме.

— Это правда, но...

— Но, — перебил Андре, — вы подумали, что то, что я писал, было неискренним.

Братья наклонили головы в знак согласия.

— Вы подумали, что я оставляю вас в минуту несчастья, но вот истина: обвинение, выдвинутое против вашего отца, должно было расстроить предполагавшийся союз между вашей сестрой и мной. Со времени ареста Корнеля Лебрена вы отправили Маргариту к родственникам, чтобы спокойно посвятить себя следствию, которое должно было доказать невиновность вашего отца. Мои посещения для вас были бесполезны, я стеснил бы вас, а я не хотел этого. Мне казалось более приличным написать вам, что ввиду поразившего вас несчастья я прекращаю мои визиты, но готов служить вам каким бы то ни было способом.

— И это были истинные твои мысли?

— Да, я так думал и думаю.

— У тебя не было желания избежать общения с семьей убийцы?

— Я не верю в то, что Корнель Лебрен был убийцей, — твердым голосом ответил Андре. — Я был другом господина Лебрена — я продолжаю оставаться другом его сыновей.

— Мы явились просить у тебя большего, Андре.

— Говорите.

— Андре, ты любишь нашу сестру Маргариту?

— Я люблю ее по-прежнему.

— Наша сестра любила тебя. Мы явились спросить у тебя: сохранил ли ты к дочери казненного ту любовь, которую питал к ней раньше? Мы хотим узнать, достаточно ли ты ее любишь, чтобы жениться на ней? Если ты скажешь «нет», мы не будем испытывать к тебе ни вражды, ни ненависти. Надо быть сильным человеком, чтобы оградить дочь от падающей на нее тени обвинения, из-за которого пострадал ее отец.

Вопрос прозвучал категорически, нельзя было отделаться пустыми словами, и молодой человек понял это. Он опустил голову и страшно побледнел.

— Жениться на Маргарите... — повторил он вполголоса и смолк.

Братья ждали несколько минут, наблюдая за ним, но видя, что он не отвечает, переглянулись, покачав головами, и встали.

— Прощай, Андре, — сказал старший, — мы поняли тебя и не имеем права осуждать.

— Бедная Маргарита! — проговорил Шарль.

Они хотели выйти из комнаты, но Андре бросился к двери и, преградив им дорогу, вскрикнул:

— Я не сказал, что отказываюсь. Я даже не знаю, о чем думал. Просто мне пришли в голову требования светского общества, с которым человек вынужден иметь дело. Я, как и вы, убежден в невинности вашего отца, но для всех других она будет дочерью казненного. Но я не отказывался, я только обдумывал положение, которое готов принять. Дети не отвечают за своих отцов. Дочери, выходя замуж, принимают новое имя, и даже если бы отец был виновен и Маргарита носила его имя, то и тогда она все-таки ни в чем не виновата, а моя любовь достаточно велика, чтобы защитить ее от тех, кто стал бы искать в ней кого-либо другого кроме мадам Берри. Шарль! Винсент! Мои дорогие братья, я прошу у вас руки Маргариты Лебрен, вашей сестры.

Несчастные молодые люди с мокрыми от слез глазами нежно пожали руку Андре. Затем все трое уселись вокруг камина, и Андре продолжал:

— Помолвка была уже объявлена, все было готово, поэтому понадобится немного времени, чтобы все завершить. И я полагаю, что вы желаете ускорить заключение этого брака.

— О, да. Мы мужчины и должны все перенести, но Маргарита остается без семьи, так как молодая девушка не может жить с двумя молодыми мужчинами.

— Я совершенно с вами согласен.

— Случившееся несчастье должно тяжело на нее подействовать! Она любит тебя, и ты один дашь ей силу, необходимую для того, чтобы противиться горю. Ты ее любишь, и мы снова убедились, что ты честный человек, вполне достойный любви, которую ты ей внушил. Мы знаем, что она будет счастлива. Завтра же мы займемся всем необходимым, и через две недели вы будете женаты.

— Да, мы обвенчаемся как можно проще и не будем приглашать никого, кроме свидетелей.

— О нет, — перебил Винсент, — свадьба будет тихая, но такая, какая должна была быть. Мой отец требовал этого. Она будет венчаться в белом.

— Что ты говоришь? — произнес с удивлением Андре.

— Мы не будем носить траура по нашему отцу. Он мученик, и его смерть должна быть нашей славой.

— Как только Маргарита выйдет замуж, вы, по всей вероятности, станете искать настоящего виновного?

— Нет, эти поиски нам запрещены, — отвечал Винсент, следуя заранее обговоренному плану.

— Вы правы, друзья мои, постарайтесь забыть это.

— Да, мы забудем, — отозвались братья со странными улыбками.

— Разве Маргарита уже вернулась от тетки?

— Нет, мы вызовем ее завтра, и с завтрашнего дня ты будешь каждый день приходить к нам обедать.

— Отлично!

— У меня к тебе большая просьба. Пожалуйста, не говори ни слова при Маргарите о нашем отце.

— Бедняжка! Разве она ничего не знает?

— Нет, она все знает, но для нее и для нас гораздо лучше не говорить об этом.

— Да, вы правы. Она стала бы плакать, а слезы убивают некоторых людей.

Затем братья встали.

— До свиданья! До завтра, брат Андре!

— До свиданья, — отвечал последний.

Трое молодых людей обнялись, и братья ушли.

Заперев за ними дверь, Андре вернулся к камину, сел в большое кресло и несколько минут просидел, закрыв лицо руками, думая о том, на что решился.

— Странный союз! — проговорил он наконец, по всей вероятности разогнав последние сомнения, которые мучили его при мысли о женитьбе на дочери казненного.

Глава IV

ЗАВЕЩАНИЕ

Две недели спустя после событий, описанных нами, около одиннадцати часов вечера в освещенных окнах первого этажа ресторана Дор можно было увидеть человек двенадцать, сидящих вокруг большого стола. Они отмечали обедом брак Маргариты Лебрен и Андре Берри. Когда приглашенные на свадьбу приехали в ресторан, лакеи говорили:

— Право, можно подумать, что это не свадьба, а похороны.

Но благодаря хорошим винам обед мало-помалу оживлялся, и за десертом все были уже веселы.

Один из родственников жениха, торговец мебелью из предместья Сент-Антуан, отвел в сторону старшего из братьев новобрачной, Винсента.

— Мсье, — сказал он ему, — буду откровенен. Если мой племянник женился на вашей сестре, то, конечно, не по моей вине. Вы знаете, что мы, люди коммерческие, имеем предрассудки; во всяком случае, она — дочь человека, который был осужден... Осужден и казнен.

Винсент слушал с улыбкой на губах. Он был бледен и не шевелился.

— Вы скажете мне на это, что если отец был убийца, то из этого еще не следует, что сыновья и

дочь люди не честные. Конечно, не могу сказать, что я сам воплощенная честность, и сын у меня негодяй, но это ничего не значит. Я говорил моему племяннику: «Ты напрасно женишься на дочери убийцы». Я человек откровенный и говорю то, что думаю.

Винсент был бледнее мрамора, на губах его выступила пена. Тем не менее он отвечал:

— Да, вы откровенны.

— Да, таков уж я родился. К счастью, ваша сестра изменит имя. Но знаете, когда я сюда приехал, я говорил себе: «У них будет мрачный вид в трауре!» И что же? Невеста одета в белое, вы одеты, как все. Это удивило меня. Я сказал себе: «Почему они одеты таким образом?» А потом я понял и благодарю вас за это. Вы сказали себе: «Мой отец большой преступник, он обесчестил нас, но мы постараемся забыть об этом и в доказательство того, что мы о нем не жалеем, что мы не зависим от него, мы не будем носить по нему траур». Это очень хорошо, молодой человек! Я человек откровенный и говорю вам в двух словах — это очень хорошо!

— Благодарю вас, мсье, — откликнулся Винсент.

Старший сын Корнеля Лебрена стоял, опершись о стену и заложив руку за борт жилета. В продолжение всей тирады торговца мебелью он стоял совершенно спокойно и даже улыбался. Когда же родственник новобрачного отошел, Винсент глубоко вздохнул и вынул руку из-за жилета — ногти его были в крови: с такой силой он впился ими в грудь, чтобы сдержаться.

Около полуночи, когда гости стали разъезжаться, торговец мебелью сказал своему племяннику:

— Друг мой, дело сделано, его не переделаешь, но я надеюсь, что ты не будешь видеться с ее семьей и разлучишь свою жену со всеми этими людьми.

— Да, дядюшка, насколько возможно.

Когда Шарль и Винсент подошли к сестре, чтобы проводить ее до экипажа, она обратилась к ним:

— Винсент, ты обещал мне, что в тот день, когда я выйду замуж, ты скажешь мне, почему мы не должны плакать, почему я как можно скорее должна выйти замуж; теперь я требую, чтобы ты сдержал свое обещание.

— Маргарита, повторяю тебе еще раз: все это тайна, которую знают и должны знать только дети казненного.

— Я помню это, Винсент.

В эту минуту к ним подошел Андре.

Маргарита встала и, поцеловав брата, взяла мужа за руку.

Винсент пожал руку Андре, говоря:

— Мы отдаем тебе нашу сестру и знаем, что даем тебе верную и преданную подругу. Она хорошая партия, к тому же, женись на ней, ты делаешь доброе дело. Надеюсь, что вы будете счастливы.

Между тем гости громко кричали за столом, приглашая новобрачных выпить на прощанье.

Обнявшись еще раз, сестра и братья расстались.

Сыновья Лебрена вышли на шоссе, потом свернули на бульвар, идущий вдоль кладбища, и повернули направо на улицу Ла-Рокетт.

Проходя по площади, они оба сняли шляпы, затем, повернув на вторую улицу направо, постучались в дверь одного из домов. Им отворила старуха, и прежде, чем они успели заговорить, она спросила:

— Вы господа Лебрен?

— Да.

— Входите, господин аббат ждет вас.

Сопровождаемые старухой, молодые люди прошли на первый этаж. Старуха открыла одну из дверей и сказала:

— Господин аббат, господа Лебрен пришли.

— Хорошо, — отвечал голос, — пусть войдут.

Раскланявшись с аббатом, братья по его приглашению сели возле камина. Тогда аббат заговорил.

— Дети мои, — сказал он, — вы исполнили первое желание вашего отца, теперь руки у вас развязаны, и вы можете посвятить себя исполнению его следующего желания.

— Мы готовы сделать это!

— Он думал, что поступает благоразумно, поручив мне передать вам в этот час второе письмо. Боясь усиленного надзора, он пожелал, чтобы это письмо было передано вам только в тот день, когда те, которым нужна была его смерть, совершенно успокоятся, видя, что вы, забыв его трагическую кончину, думаете только о ваших личных делах, выдавая замуж свою сестру.

— То, что он желал, будет выполнено.

Аббат открыл свой письменный стол и вынул оттуда маленькое письмо в конверте без адреса.

— Вот это письмо!

Винсент взял его и подошел к лампе, чтобы прочитать, но аббат остановил его.

— Следуя приказаниям вашего отца, — предупредил он, — вы должны сломать печать и прочитать это письмо только тогда, когда останетесь у себя дома одни.

— Отец мой, — сказал Винсент, — мы благодарим вас за ваши заботы и с этого же дня займемся исполнением нашей обязанности. Мы спасем от позора память нашего отца. И перед началом этого трудного дела просим вас, принявшего его последний вздох, дать нам ваше благословение.

Сыновья казненного опустили на колени, а расстроганный аббат протянул над ними руки со словами:

— Да будет над вами благословение Божие!

Винсент и Шарль Лебрен поднялись и поспешно вышли, торопясь домой, чтобы прочесть последнее письмо отца.

Глава V

КОЛЬЦО

Было два часа ночи, когда братья пришли к себе на квартиру на улице Шарло. Было очень холодно, но, спеша узнать содержание письма, пере-

данного им аббатом, они даже не подумали затопить камин, а поспешно зажгли свечу и принялись за чтение.

Вот что было в письме:

«Дорогие мои дети, я хочу сообщить вам одно сведение, которое поможет вам найти виновного. Когда несколько дней тому назад меня привели показать труп, я не увидел на пальце жертвы кольца, которое я подарил ей за шесть дней до этого. Его не было также в списке вещей, пропавших у мадам Мазель. Впрочем, вы знаете, что украдено было золото, банковские билеты и пара бриллиантовых серег — все это вещи, которые трудно узнать, но о кольце нельзя сказать того же. Оно довольно широкое, и на нем в лапке закреплён большой бриллиант, настолько большой, что его заметят, если он будет продан. На нем два пятна — я вам их нарисую на обороте этой бумаги. Кольцо это греческой работы, на нем нанесена золотая резьба, которая мешает заметить, что оно открывается. Если прижать одну из золотых пластинок, поддерживающих бриллиант, кольцо раздвигается, открывая надпись: «Корнель — Адели». Нет сомнения, что убийца сохранил это кольцо, так как правосудие ничего не знает о нем. Никому не известно, что вы о нем знаете, поэтому будьте осторожны. Я не говорил в суде, что накануне преступления видел мадам Мазель, так как это было бы лишним доказательством против меня, но вам я это могу сказать. В этот день я узнал, что вечером у нее должна была быть довольно большая сумма в золоте и банковских билетах. Надо узнать, кто мог провести об этом, так как я убежден, что мадам Мазель говорила об этом только мне.

Корнель Лебрён».

Винсент перевернул письмо и увидел на обороте бумаги кольцо, тщательно нарисованное в четырех видах.

— Ну, — сказал он, складывая письмо, — завтра мы примемся за дело, а сейчас отдохнем.

После этого братья разошлись по своим комнатам, а с рассветом были уже на ногах, несмотря на то, что легли поздно, и вместе отправились на кладбище Иври.

Они пошли преклонить колени в этом Проклятом Углу, и молитва их была довольно продолжительной. Вернувшись в Париж, они решили расстаться.

— Куда ты отправишься? — спросил Винсент Шарля.

— Я иду к нотариусу мадам Мазель, чтобы узнать, через какие руки прошла находившаяся у нее сумма денег, прежде чем попасть к ней.

— Да, это будет полезно.

— Расспрашивая одного, другого, я увижу, куда это меня приведет. А ты?

— Пойду отыщу человека, чтобы он нанял для нас квартиру, в которой жила мадам Мазель.

— Но что скажут, если это узнают?

— Все, что угодно. Кто может помешать мне?

— Разве ты не боишься, что это может возбудить подозрения настоящего убийцы?

— Наоборот, свадьба нашей сестры, наше равнодушие заставят поверить в наш цинизм, а жизнь, которую мы будем вести, заставит всех предполагать, что мы отказываемся от нашего отца.

— Но с какой целью ты это делаешь?

— Чтобы шаг за шагом восстановить картину преступления.

— Каким образом?

— В той самой комнате, где было совершено убийство, я буду искать то, что было упущено следствием, и, без сомнения, мне удастся восстановить истину.

— Но, восстановив факты, ты еще не найдешь виновника.

— Конечно, но я буду на пути к этому. Мы соединим людей и обстоятельства и узнаем истину.

— Да, может быть, — задумчиво сказал Шарль.

— Для того, чтобы достигнуть цели, нам нужно много мужества. Ты не можешь себе представить, Шарль, сколько нам придется еще страдать. Нам днем и ночью придется бывать в различном обществе: на балах, в театрах, на праздниках. Нам, может быть, придется бывать повсюду и делать веселый вид. Вчера, Шарль, я проделал опыт — один родственник Андре восхищался моим равнодушием. «Вы правы, — говорил он, — что отрекаетесь от вашего отца. Он был негодяй! Вы говорите, что он вам не отец, и развлекаетесь, веселитесь на свадьбе вашей сестры, не носите траура» и так далее.

— Тебе сказали это?

— Да, сказали.

— И ты не вышел из себя?

— Нет, напротив, я улыбался и соглашался.

— О, негодяй!

— Ты видишь, Шарль, что тебе не хватает мужества. Если ты не научишься сдерживаться, то рискуешь все погубить.

— Это правда, но как тяжело сдержаться, слыша, как оскорбляют отца — эту святую жертву.

— О, Боже мой! Это эгоизм всех людей, которые желают наследовать богатство и славу отца, а не его поступки и преступления. Они цинично признаются в этом, говоря, что деньги чисты. Мы же, что унаследовали от отца только эшафот, — мы составляем исключение, которому никто не может верить. Нас хотят считать людьми недостойными и неблагодарными, не хотят верить, что мы могли быть признательны отцу. Мы свободны в наших поступках, и никто не подозревает о той миссии, которую мы выполняем.

— Я постараюсь быть твердым, — пообещал Шарль.

— Это необходимо, Шарль, необходимо. Не должно пройти и месяца, чтобы все убедились, что мы сыновья без души и без сердца — два искателя приключений, развлекающиеся, чтобы забыть о пятне, лежащем на их имени, проживающие деньги, которые украл отец.

— Ах! Что ты говоришь!

— Я говорю то, что тебе скажут они, то, что ты должен выслушать спокойно. Ты должен стать на уровень людей, с которыми придется жить. Они поступили бы именно так. Почему же тебе сердиться за то, что тебя будут считать способным сделать это?

— Ты приводишь меня в ужас!

— Что сказал бы ты сам, видя их.

— Но для чего ты говоришь мне все это? — перебил Шарль. — Ты хочешь привести меня в отчаяние.

— В отчаяние!.. Ты с ума сошел! Наоборот, я хочу тебя сделать твердым. Я говорю тебе, что тебя будут оскорблять тут и там — будь готов все перенести. Ты не знаешь, что вчера, чтобы спокойно слушать этого человека и улыбаться ему, я должен был до крови разодрать себе грудь.

— Не бойся ничего, брат, ты увидишь, я буду мужественным.

— В таком случае — прощай, до вечера.

— Да, до вечера.

Братья пожали друг другу руки и расстались.

Часть первая

ПАРИЖСКИЕ
ТРУЩОБЫ
и
ИГОРНЫЕ
ДОМА

Глава I

«БЕШЕНАЯ КОШКА»

На улице Захария находился странный кабачок: в него входили через длинный и узкий коридор с сырыми стенами и серым от пыли потолком. Этот коридор упирался в маленький грязный двор, через который нужно было пройти прежде, чем войти в святилище. Этим святилищем была довольно большая комната, которая, должно быть, была раньше конюшней. Стены, не оклеенные обоями, были покрыты самыми разнообразными рисунками мелом и углем.

В кабачке перед громадным прилавком стояло шесть столов, занимавших почти всю площадь комнаты.

Входящий в комнату погружался в необычайно плотную смесь запаха спиртного и дыма. Попав в этот смрад, новички кашляли, но постоянные посетители с восторгом вдыхали его полной грудью. Все вокруг было настолько грязным, что оставляло впечатление довольно странное и крайне неприятное.

Начиная с пяти часов вечера, посетители, вполне достойные этого места, расхаживали здесь взад-вперед. Все, что спаслось от каторги, все, что тюрь-

мы не хотели хранить, находилось тут. Когда полиция искала какого-нибудь убийцу или мошенника, она прежде всего делала обыск в этом месте. Нужно-го человека здесь могло не быть, но не было сомнения, что он сюда приходил.

Этот кабачок носил название «Бешеная кошка» из-за мрачной истории, происшедшей в нем.

В один прекрасный день основатель кабачка умер; вдова его, тетка Дюша, которая содержала и еще содержит этот дом, не считая нужным из-за таких пустяков останавливать обслуживание посетителей, оставила труп своего мужа в подвале, служившем спальней.

Когда для погребения тела несчастного явились гробовщики, они с испугом отступили, увидя его обезображенное лицо: нос и губы трупа были съедены кошками.

Прелестные посетители этого места не пропустили случая дать ему прозвище, и кабачок с этого дня стал называться «Бешеная кошка». Это было последним напоминанием о покойнике, вдова же стала хозяйкой «Бешеной кошки».

Ей было около пятидесяти лет. Мы несколькими словами опишем ее портрет. Она была не некрасива — она была отвратительна.

Ей помогал всего один человек — странное создание: красивый, как Квазимодо, высокий, как Мефистофель. Его руки были так длинны, что он легко доставал концы стола, не наклоняясь. Его звали Грибом.

Одни говорили, что это прозвище было дано ему из-за его носа, другие — из-за его горба.

Теперь, описав помещение, мы можем перейти к тем, кто находился в нем в один из сентябрьских вечеров около десяти часов.

В этот вечер посетители тихо переходили от стола к столу, разговаривая шепотом.

Не было сомнения, что в «Бешеной кошке» происходило что-то необычное, так как клиенты подзывали Гриба и глазами указывали ему на человека, сидевшего одиноко за столом, и после утверди-

тельного знака прислужника снова начинали разговаривать.

Человеку, которым все интересовались, казалось, было лет от двадцати пяти до тридцати.

Довольно красивый собой, кроткий с виду, он выглядел, как рабочий, и, очевидно, был постоянным посетителем этого кабака, так как входя, потребовал:

— Гриб, кружку пива!

И сев за стол, положил на него кусок хлеба, который принес под мышкой.

Затем он вынул из кармана кусок колбасы, завернутый в бумагу, и начал обедать.

— Вы знаете, они опять приходили, — сказал ему хриплым голосом Гриб.

— А еще придут?

— Вы же знаете, — продолжал Гриб, — что наделаете дел, если будете привлекать сюда неизвестных нам людей.

Тогда незнакомец поднял голову и сказал:

— Но разве это моя вина? Я даже не знаю, кто они... И кроме того, черт возьми, не приставайте ко мне, — прибавил он, пожав плечами и давая понять, что готов на все.

Гриб не ответил ни слова и подошел к столу, стоявшему в глубине, за которым сидели шестеро посетителей.

Когда они выслушали Гриба, между ними начался следующий разговор:

— Ну, это нам не нравится, и мы покажем ему это.

— Но я вам давно говорю об этом.

— Что ты говоришь?

— Я вам говорю, — повторил Гриб, — я вам говорю, что он был и есть еще...

— Полицейский? Он, может быть, пришел сюда для того, чтобы выдать нас...

— Очень может быть! — пробормотал один, искоса глядя на того, о ком говорили.

— И что он здесь делает? Разве он работает вместе с нами?

— Нет, он никогда не ходит на дело.

— В таком случае, для чего он сюда ходит?

— Да, действительно!

— Знаете что, — продолжал первый, — я скажу вам, что мы все дураки. Между нами постоянно отираются шпионы, а потом кому приходится расплачиваться? Все нам! Нет, мне все это уже надоело!

— Да, конечно, надо хоть раз хорошенько показать ему, что мы за люди.

— Вот именно! Гриб сказал нам, что вот уже четыре дня его спрашивает какой-то высокий малый.

— Зачем?

— Видимо, и человек, который его спрашивает — полицейский.

— Ты думаешь? — проговорили пятеро остальных, хмуря брови и сверкая глазами.

— Вам известно, что Гриб знаток своего дела, его трудно обмануть. Он знает в этом толк, а сказал мне...

— Что он тебе сказал?

И все шестеро наклонились друг к другу, соприкасаясь головами.

Тот, который казался их начальником, продолжал:

— Он сказал мне: нет сомнения, что на этих днях было какое-то дело, и сюда подослали шпиона наблюдать за нами. Но это еще не все. Он прибавил, что если вы знаете господина Ладеппа, то предупредите его.

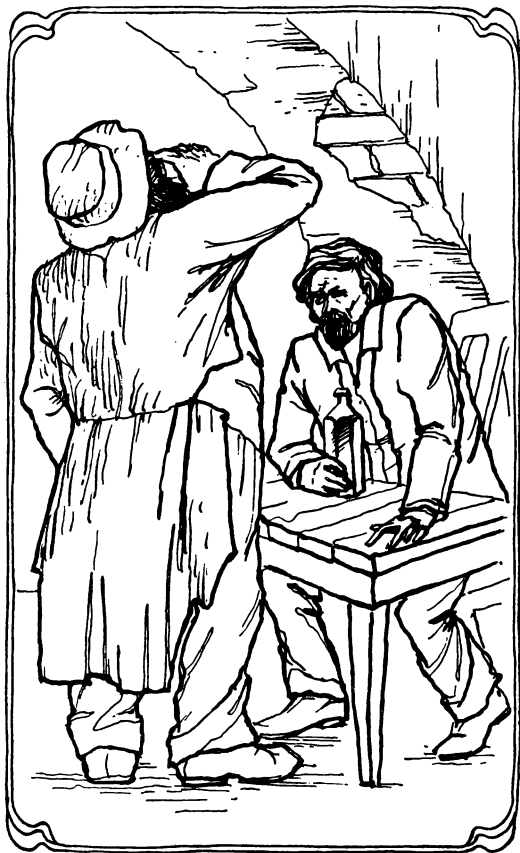
— Неужели же мы позволим сделать это здесь у нас!

— Нет, никогда.

— Пусть кто-то начнет. Затем бросятся и все остальные.

— Но мне кажется, здесь будет не совсем удобно, — заметил один из негодеев.

— Здесь мы дома. Все предупреждены. Он наверняка полицейский. Напрасно он говорит, что тут замешана любовь. Во всяком случае, раз он

был полицейским, то он навсегда им и останется, но надо отучить его от этого. Ну, кто же начнет?

— Я, — сказал один, вставая.

Это был человек огромного роста, бывший каменщик, проведенный на каторге пятнадцать лет. Его звали Пьер по прозвищу Деталь.

Видя, что он встает, все обычные посетители кабачка подошли к этой группе, догадываясь, что должно произойти нечто любопытное. Только один незнакомец продолжал спокойно уплетать обед, не замечая готовящегося против него заговора.

Пьер Деталь вытянул руки и пошевелил плечами, как бы желая убедиться, что сила не оставила его.

— Вы увидите, что я с ним живо разделаюсь, — проговорил он.

Тетка Дюша, знавшая, что подготавливается, с улыбкой наблюдала за этой сценой. «Наконец-то мы немного развлечемся», — думало это прелестное создание, так как у нее в кабачке можно было драться и даже убивать друг друга. Она смотрела на это совершенно спокойно, только бы не портили ее вещей.

Каменщик направился к столу, раскачиваясь и немного наклонив вперед голову.

Незнакомец наливал себе пиво, когда гигант встал перед ним и сказал насмешливым голосом:

— Скажи-ка, мой милый, любишь ли ты пиво, которое себе наливаешь?

Молодой человек поднял голову, нахмутив лоб и спрашивая себя, за что его оскорбили, и ответил тем же тоном:

— Я не понял, что вы от меня хотите.

— Сейчас увидишь.

С этими словами Пьер Деталь взял стакан, налитый молодым человеком, и залпом выпил его.

Все посетители «Бешеной кошки» разразились громким смехом.

Тот, кого оскорбили таким образом, сильно побледнел и встал с угрожающим видом, сжав кулаки.

Но, сдержавшись, он взял стакан, только что опорожненный гигантом, и снова налил его до краев.

Все присутствующие смотрели с недоумением.

— Одного стакана мало, — сказал незнакомец, — ты освежил себе только губы — надо освежить все лицо.

И он быстрым жестом выплеснул пиво в лицо Пьеру.

Среди присутствующих послышался ропот удивления.

Каменщик не пошевелился, продолжая стоять с мокрым лицом, как будто пиво, освежив ему лицо, в то же время заморозило кровь в его венах.

Но это спокойствие продолжалось только несколько мгновений.

Пьер Деталь вытер лицо рукой, и видно было, как вены на его щеке наливаются кровью. С шумом вздохнув, он произнес глухим голосом:

— Я с тобой разделаюсь!

И наклонив голову, как разъяренный бык, он медленно двинулся навстречу своему противнику, а затем бросился на него.

Последний избежал столкновения, отскочив в сторону.

Все посетители сразу же образовали круг около сражающихся; одни становились на скамейки, другие влезали на столы.

Два борца схватились, сжимая друг друга в объятиях до такой степени, что кости трепали, и несколько мгновений в напряженной тишине слышалось только их прерывистое дыхание.

Вырвавшись из объятий каменщика, молодой человек обхватил его одной рукой за шею, а другой нанес несколько ударов.

Но исход драки не вызывал сомнений. Быстрым движением гигант вырвался из рук противника и, столкнув его на землю, сел на него верхом, подняв свой окровавленный кулак.

Очевидно, голова молодого человека была бы разбита страшным ударом негодяя.

Но вдруг среди зрителей поднялся страшный шум, а каменщик, готовящийся опустить свой кулак на голову противника, почувствовал, что его поднимают и бросают, как безжизненную куклу, в угол.

Дело в том, что в это самое мгновение Гриб крикнул: «Внимание! Полиция!»

Но Гриб ошибался.

Он слышал, что перед дверью остановился экипаж, и видел, что в кабачок входят двое людей, довольно хорошо одетых. Это происходило в то время, когда зрители кричали: «Смерть шпиону!»

В ту же самую минуту один из новоприбывших проговорил другому: «Это он!»

Растолкав столпившихся вокруг сражающихся и увидев, что каменщик одной рукой душит своего противника, а другая рука приготовлена, чтобы разбить ему голову, он бросился вперед, схватил него, дая за шиворот, с неслыханной ловкостью оторвал гиганта от его добычи и отбросил на несколько шагов от себя.

Услышав крик Гриба, все негодяи бросились на свои места.

Несколько мгновений прошло во всеобщем недоумении. Противник каменщика, поднявшись с пола, поворачивал голову и с шумом втягивал в себя воздух, чтобы убедиться — цела голова у него или нет; двое вошедших держались настороже; каменщик полз в глубину зала, боясь встать на ноги вблизи того, кто победил его.

Посетители «Бешеной кошки», обеспокоенные заявлением Гриба о появлении полиции, сначала смотрели исподлобья, но видя только двух изящно одетых молодых людей, начали мало-помалу успокаиваться и наконец заговорили между собой.

Каменщик сильно ушибся во время падения и, ни слова не говоря, сел на свое прежнее место, рядом со своими товарищами.

— Что это за люди?

— Берегитесь их! Это сильные молодцы! — сказал Пьер Деталь.

— Гриб! — позвал вполголоса один из посетителей. — Знаешь ты этих людей?

— Высокий — это тот самый, который его спрашивал.

— А! В таком случае, они... Надо быть осторожнее.

— Не шевелитесь! — тихо проговорил Гриб. — Я слышал, что у дверей остановился экипаж. Весь двор, наверное, набит полицейскими.

— Пойди открой маленькую дверь — на случай, если придется постоять за себя, — велел один из посетителей.

— Будьте спокойны, — отвечал Гриб все так же тихо.

Одна только тетка Дюша спокойно стояла за прилавком.

Поднявшийся молодой человек поблагодарил вновь пришедших за неожиданную помощь, оказанную ему.

— Вы господин Панафье? — спросил один из них.

— А, так это вы, мсье, несколько раз приходили сюда и спрашивали меня?

— Да, я.

— Ну, — проговорил со смехом Панафье, — я очень рад, что познакомился с вами именно теперь.

— Я должен сделать вам одно очень важное предложение.

— Я к вашим услугам, мсье. Но мы должны уйти отсюда, так как эти господа могут снова напасть на нас.

— Хорошо, если вам угодно. Но, — прибавил он громче, — если бы этим господам захотелось побеспокоить нас, то у моего брата и у меня в кармане найдется, чем разбить головы десятку из них.

Панафье взглянул на группу, столпившуюся в глубине зала.

Мрачное молчание встретило слова незнакомца.

— Теперь можно сесть, — спокойно сказал он. — Они не тронут нас. Что же касается каменщика, то я с ним еще разделаюсь. Садитесь же, господа!

Двое незнакомцев и Панафье сели за стол, за которым Панафье перед этим начал обедать.

— Могу я узнать, господа, с кем имею честь говорить?

— Мы скажем вам наши имена, если вы согласитесь на наше предложение.

— Отлично, господа! Гриб, бутылку хорошего вина! Вы позволите мне предложить вам стакан? А теперь я вас слушаю.

— Мсье, — сказал тогда старший из братьев, — мне говорили, что вы знаете труппы Парижа, что вы знакомы с преступниками и изгоями общества.

— Это правда, мсье. И вы сейчас могли убедиться, что мне не прощают этого.

— Как! Так все было из-за этого?

— Боже мой, да! Вот уже два года, как я живу среди этих людей. Вы очень хорошо понимаете, что я не разделяю ни их вкусов, ни их привычек, ни их принципов. Они напрасно старались понять причину моего присутствия среди них и, не придумав ничего, пришли к выводу, который служит здесь приговором: «Он полицейский!» И сейчас меня хотели заставить заплатить за это.

— Вы знаете все труппы, где собираются...

— Убийцы, воры, негодяи. Да, мсье.

— Вы знаете этих людей? — спросил с некоторым смущением младший из братьев.

— Да, мсье, я знаю их имена, их жилища, если они их имеют. Я знаю все. И это в особенности их удивляет. Я знаю их преступления и приговоры.

— Одним словом, вы знаете, на что каждый из них способен?

— Да.

Братья переглянулись, как бы говоря друг другу: «Нас не обманули».

— По причинам, которые не стану вам объяснять, я вынужден жить с этими людьми, воплотившими в себе пороки общества, ворами и убийцами,

а также с теми, которые неминуемо должны ими стать и которые могут избежать этого только благодаря смерти.

— О ком вы говорите?

— О пулерах, об игроках, которые играют на чужие деньги и которые, чтобы играть, продают драгоценности своих любовниц.

— И вы знаете этих людей?

— Вполне!

— Вы знаете средства к существованию каждого из них?

— Средство к существованию для всех них одинаково — преступление.

— Я не так выразился, — возразил молодой человек. — Я хотел сказать, что вы можете заметить, если в один прекрасный день средства кого-то из них увеличатся необъяснимым образом.

— Да, конечно, я знаю места, куда каждый из них ходит. Я знаю его любовницу, знаю, чего она ему стоит или чего он ей стоит. Я знаю, что этот плутует в игре, тот таскает из карманов, а тот — из кассы. Знаю, что те воруют, предварительно совершив убийство. Одним словом, я знаю, чем каждый занимается, и знаю не только средства, но причину и цель.

— Вы приводите меня в изумление.

— Да, мсье, это тяжелая наука, в которой человек оставляет все то, что Бог дал ему доброго и человеческого. Это тяжелый путь, на котором, если человек не оставляет своей жизни, то очень часто оставляет свое сердце.

— Что заставило вас заняться изучением всего этого?

Панафье поглядел на обоих братьев и ответил:

— Я уже сказал вам, господа, что не хочу открывать причину, заставившую меня поступать таким образом.

— Извините нас.

Несколько минут продолжалось молчание, затем младший из братьев сказал другому:

— Надо переходить к делу! Давай спросим сейчас.

— Да, мсье, — перебил старший, — вот что я хочу от вас узнать. По причинам, которые так же, как и вам, мне не хочется называть, я хотел бы тоже изучить этот странный мир, хотел бы для этого посещать все трущобы и преступные норы. Я хотел бы, чтобы вы мне показали преступников, безнаказанно живущих в том обществе, где преступление называется работой.

— Боже мой, мсье, прежде чем обратиться ко мне, вы должны были узнать, что я беден и что...

— О, денежный вопрос для нас не существует.

— В таком случае, господа, я согласен.

— Вы согласны руководить нами?

— Да. Могу ли я теперь узнать, господа, с кем имею честь говорить? Это необходимо.

— Вот напи визитные карточки.

На карточках, поданных старшим из мужчин, Панафье прочитал: «Винсент Лебрэн. Шарль Лебрэн. Улица Шарло».

— Завтра, господин Панафье, если вам угодно, мы будем ждать вас у себя дома и поговорим подробнее.

— Если вам все равно, я приду в десять часов.

— В десять часов. Отлично!

После этого все трое встали. Но в ту минуту, когда они хотели выйти, к ним подошел каменщик. Они отступили, готовясь к обороне, но Пьер Деталь поклонился и, вертя в руках фуражку, заговорил голосом, которому старался придать кроткое выражение.

— Господа, я явился извиниться перед вами от имени моих товарищей. Причиною того, что произошло, были сплетни и ложь. Я прошу господина Панафье простить меня.

Братья удивленно переглянулись. Панафье пристально посмотрел на Пьера, стараясь убедиться, не скрывается ли какая-нибудь западня за его словами.

— Почему ты оскорбил меня? — спросил Панафье.

— Я хотел затеять с вами ссору. Говорили, что вы будто бы полицейский. Но теперь мы видим, в чем дело, и не хотим ссориться с друзьями. Я выпил ваше пиво и пришел предложить вам выпить с нами в знак примирения.

Панафье хотел отказаться, но Винсент шепнул ему:

— Согласитесь, может быть, они нам понадобятся.

— Вы правы, — отозвался Панафье.

— Мы согласны, — громко сказал Винсент. — Только платить буду я.

— О, в этом отношении можете не стесняться, — раздался два или три гелоса.

После того, как новые знакомцы чокнулись, надо было пожать друг другу руки, что молодым людям было не особенно приятно. Тем не менее, пришлось покориться. И провожая их, Пьер Деталь проговорил:

— Помните, господа, если вам понадобится кто-нибудь, то я всегда к вашим услугам.

Когда братья Лебрен и Панафье вышли на улицу, Винсент спросил:

— Почему произошла эта перемена?

— Очень просто. Они принимали нас за полицейских агентов, а теперь...

— А теперь?

— Теперь они принимают нас за трех негодяев, таких же, как и они, которые условились вместе повернуть дело.

— Нечего сказать, очень лестно для нас!

Выйдя из кабачка «Бешеная кошка», они прошли по улице Захария до улицы Гюше и скоро подошли к Малому мосту.

Тут Панафье сказал братьям Лебрен:

— Господа, я вынужден с вами расстаться.

— Вы идете не в сторону Маре?

— Нет, я должен встретиться с одним приятелем.

Говоря, что он уходит, Панафье, тем не менее, с видимым смущением продолжал стоять перед Винсентом и Шарлем, не трогаясь с места.

Братья тоже чувствовали смущение. А между тем все объяснялось очень просто.

Скудный обед Панафье, которому так неожиданно помешали, его костюм, более чем бедный, — все доказывало сильную нужду. Братья были готовы дать ему денег, но не знали, как их предложить. Что же касается Панафье, то он желал получить деньги вперед, но не знал, как об этом сказать.

Первым решился Винсент:

— Вы расстаетесь с нами, господин Панафье, и я могу на вас рассчитывать?

— Да, вполне.

— Но дело — всегда дело! Вы дали мне свое слово, я в свою очередь должен вам обязательство.

— Вы точно так же дали мне ваше слово.

— Но вы знаете, что многие люди не смотрят на слова, как на исполнение обещания. Вы же — человек, который мне нужен, и я очень хочу сделать так, чтобы вы не могли отказаться.

— Вы, может быть, хотите, чтобы я подписал вам бумагу? — спросил, смеясь, Панафье.

— Нет, господин Панафье, обращаясь к вам, я знал, что вы за человек, и нисколько не нуждаюсь в письменном обязательстве. Завтра мы договоримся относительно плана. Вот и все.

— Но в таком случае я не понимаю, о каком обязательстве вы говорите.

— Дорогой господин Панафье, когда договариваются о каком-нибудь деле, то обыкновенно дают задаток.

— Да, это обязательство очень приятное.

— И я хотел бы вам его предложить.

— Но, — перебил более веселым тоном Панафье, — кроме э ого обязательства существует еще другое, очень неприятное.

— Какое же?

— Если в течение двадцати четырех часов дело не состоится, то надо возвратить задаток.

— Напротив, вы ошибаетесь. Если через двадцать четыре часа дело расстроится, то задаток принадлежит тому, кто его получил.

— Отлично!

— Вот, господин Панафье, задаток, и дело решено.

— Решено! — проговорил бедняк, протягивая руку.

— Берите!

Говоря это, Винсент сунул ему в руку сверток с двадцатью пятью луидорами.

— До свиданья, господин Панафье. Встречаемся в десять часов.

— До завтра, — проговорил Шарль.

— До свиданья, господа. До завтра. В десять часов.

Молодые люди пожали ему руки и удалились, тогда как бедняк взвешивал в руке сверток, говоря себе:

— Не может быть! Похоже, это золото!

Тогда он поспешно побежал к фонарю, и разорвав сверток, с восторгом воскликнул:

— Золото! Золото!

И как бы против воли, он взял одну монету и бросил на тротуар, прислушиваясь к звуку, чтобы убедиться, что она не фальшивая.

— Нет, это настоящее золото! — весело вскричал он, подняв монету и разделяя содержимое свертка на несколько частей. Он начал раскладывать деньги по карманам, как вдруг кто-то ударил его по плечу. Он быстро обернулся и увидел перед собой своего недавнего противника.

— Пьер Деталь! — вскрикнул он, отступая и становясь в оборонительную позу.

Увидев это движение, гигант проговорил:

— Не бойся, Панафье.

— Но почему ты здесь?

— Потому что я следил за тобой и этими двумя людьми.

— Почему ты за мной следил? Что тебе надо?

— Панафье, я поступил с тобой, как негодяй. Я просил уже у тебя прощения. Теперь я пришел к тебе как друг и умоляю выслушать меня!

Молодой человек посмотрел на геркулеса, и увидев по его глазам, что он не лжет, сказал:

— Я слушаю!

Глава II

УДАРЫ КУЛАКА ИНОГДА ПОДДЕРЖИВАЮТ ДРУЖБУ

Прежде чем продолжить наш рассказ, представим читателю человека, с которым он познакомился под именем Панафье. Это был красивый мужчина лет двадцати пяти с бледным лицом, прямым носом и голубыми глазами. Его красиво очерченный рот казался созданным для улыбки, а густые каштановые волосы падали локонами на маленькие уши. Ярко-красные губы скрывали блестящие зубы. Он носил усы и бороду, которые были белокурого цвета.

Одетый очень бедно, в пальто, купленное по случаю, он тем не менее выглядел вполне прилично.

— Что тебе от меня нужно? — спросил он каменщика.

— Я хочу убедить тебя, что очень сожалею о случившемся.

— Этот разговор закончен. А дальше?

— В доказательство я пришел к тебе сказать вот что: в настоящее время у меня нет дела; я верю тебе; если у тебя есть какая-нибудь работа, то я хочу принять в ней участие, причем совершенно даром. Согласен ли ты принять меня?

Панафье взял Пьера Деталья за обе руки, и подводя к фонарю, заглянул ему в глаза.

— Почему ты делаешь мне это предложение? — спросил он.

— Выслушайте меня. Это очень просто. Мне сказали: «Он полицейский!» Тогда я напал на вас. Я думал, что попаду на труса. Я привык видеть, что люди отступают передо мной, вы же, напротив, дали мне достойный отпор, и, черт возьми, вы порядоч-

но сильны. Я не говорю о ваших друзьях — они еще сильнее. Высокий — это не мужчина, а настоящий геркулес. Он поднял меня, как перышко. Я до сих пор еще не могу прийти в себя.

— Но все это не объясняет мне причины твоей дружбы ко мне.

— Вы не понимаете, что я вижу все очень хорошо. То, что говорили о вас — неправда. Вы работаете вместе с этими двумя франтами.

— Работаю?

— Да. Я не знаю, что это за работа, но я человек проникательный. Мне надоело работать с такой кучей ленивцев, как в «Кошке». Когда я с вами, я убежден, что меня поддержат, и если вам нужен человек, то я к вашим услугам. Согласен ли ты?

Панафье не знал цели, которую преследовали братья Лебрэн, и подумал, что, быть может, человек такой силы, как Пьер Деталь, может им пригодиться. Поэтому он решил посоветоваться с ними.

— Я не могу дать тебе ответ сегодня, — сказал он. — Я подумаю и отвечу тебе завтра вечером.

— Вы на меня не сердитесь?

— Нет.

— О, вы увидите, господин Панафье, я искуплю сегодняшнее происшествие. Я человек невзыскательный, но мне нужно жить на какие-то средства — плохо или хорошо, все равно, было бы только, что поесть каждый день, и чтобы рядом были люди, на которых можно рассчитывать.

— Хорошо. До завтра. Встретимся в «Кошке».

— До завтра, господин Панафье!

— А главное, не говори никому ни слова!

— О, на это вы можете рассчитывать.

Говоря это, геркулес продолжал в смущении стоять перед Панафье.

— Что тебе надо? — спросил последний.

— Неужели вам трудно пожать мне руку?

Панафье засмеялся и протянул руку гиганту, который пожал ее и пошел с веселым видом, сказав на прощание:

— До завтра!

Оставшись один, Панафье вынул из кармана пригоршню луидоров и, пересыпая их с руки на руку, воскликнул:

— О, как это хорошо — золото! Как она будет счастлива! Скорее домой!

И в то же мгновение, словно охваченный внезапной лихорадкой, он опустил золото в карман и побежал.

Так он прошел весь квартал Отель-де-Виль, поднялся на улицу Тампль и, наконец, пришел на улицу Пуату.

Тут он постучался в дом номер 12.

Когда дверь открыли, он, не переводя дух, забежал на шестой этаж и постучался в дверь, находившуюся в глубине узкого коридора.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Луиза, это Поль! — отвечал Панафье.

— Сейчас! — отвечал тот же голос, и почти в ту же минуту дверь открыла молодая девушка лет семнадцати или восемнадцати, которая сердито сказала ему:

— Ты мог бы вернуться и раньше. Ведь я знаю, что тебя не работа задерживает.

Панафье ничего не отвечал.

Он молча взял Луизу за руку, и закрыв дверь, вывел девушку на середину комнаты.

— Что ты делаешь? — спросила она. — Ты опять собираешься делать глупости. Но я сегодня не расположена смеяться. Вместо того, чтобы проводить вечера в кабаках, ты мог бы прийти за мной в магазин и вернуться со мной вместе домой. Оставь меня в покое!

И так как молодая девушка хотела снова лечь в постель, то Панафье опять удержал ее со словами:

— Видела ли ты золото, Лизетта? Посмотри!

И Панафье вынул свои двадцать пять луидоров.

Несколько минут Луиза в восхищении стояла перед маленькой кучкой золота.

— И все это твое? Твое?

— Да, мое, Луиза, то есть — наше!

— Что же мы будем с ним делать?

— Сначала поужинаем, а за ужином поговорим.

— Отлично! — весело вскрикнула молодая девушка.

Забыв, что Панафье возвратился слишком поздно и не зашел за ней в магазин, она бросилась ему на шею и поцеловала в губы, говоря:

— О, как я люблю тебя, Панафье!

Панафье был богат и имел право делать что угодно. Он спустился с лестницы, разбудил привратника и сказал:

— Вставайте, Левассер!

— В такой час! Что случилось?

— Я голоден, — сказал Панафье самым естественным тоном.

— Вы голодны? — повторил цербер, приподнимая свой колпак и глядя на жильца, чтобы убедиться, не сошел ли он с ума. — Какого черта вы хотите от меня?

Панафье показал привратнику два луидора, говоря:

— Я хочу ужинать, Левассер. Вот что я хочу. Я знаю, что вас уважают в квартале. Поэтому вы пойдете и принесете нам ужин. Мадам Левассер, без сомнения, нам поможет, и мы по-братски поделимся с вами.

Мадам Левассер сразу же приподняла с постели свое личико.

Внешне Левассер был некрасив, а его супруга — очень хорошенькая. Левассеру было пятьдесят семь лет, а его жене — тридцать пять, но она клялась, что ей двадцать девять и что ее муж был для нее отцом. Впрочем, она и называла его папашей.

Услышав, что Панафье говорит: «Мадам Левассер, конечно, нам поможет, и мы поделимся», Нисетта — так звали мадам Левассер — отвечала, улыбаясь:

— Я готова помочь вам, господин Поль!

Сказав это, она встала, а Левассер, взяв луидор, отправился за покупками.

— Вашей жене было страшно, — сказал Панафье, когда привратник вернулся, — и поэтому я

оставался с ней. А сейчас поторопитесь! Я же пойду вперед и в ожидании вас накрою на стол.

Сказав это, он поднялся наверх, в то время как Левассер, зажигая огонь, говорил своей жене:

— Какое несчастье, что этот господин Поль такой бедный. Какой он славный малый, и как он нас любит...

— Ну, — отвечала мадам Левассер, — ты всегда такой! Стоит кому-нибудь тебя пригласить — и этот человек становится совершенством. Что касается меня, то я не люблю этого Поля.

— Потому что о нем ходили разные слухи?

— Да, поэтому. Он так легко может скомпрометировать женщину.

— Но ты, кажется, хорошо знаешь, что я презираю сплетни.

— Не все похожи на тебя.

Говоря это, Нисетта отправилась наверх к Панафье, предоставив мужу заняться стиркой.

Мы не имеем ни малейшего желания заставлять читателя присутствовать на этом ужине и позднее расскажем о таинственных отношениях Луизы и Нисетты. Сами же отправимся ожидать Панафье у братьев Лебрен.

Глава III

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ВИНО И КРАСАВИЦЫ!

Утром, около девяти часов, братья Лебрен беседовали в ожидании Панафье, в то время как в столовой служанка накрывала стол на три персоны. Шарль, младший из братьев, спрашивал у Винсента:

— Итак, ты думаешь, что этот человек проведет нас во все тупобы и игорные дома Парижа?

— Да, это моя цель.

— Но я не понимаю, для чего это нужно.

— А между тем это очень просто.

— В таком случае объясни. Вот уже год, как мы ищем, и ты нашел единственный след — два банковских билета.

— Да.

— Номера которых были в перечне вещей мадам Мазель. Но, следуя по пути, пройденному этими билетами, мы столкнулись с игорными домами.

— Именно.

— В таком случае, нам, может быть, придется искать в игорных домах Германии?

— Эта работа будет напрасной. Игорные дома Германии сейчас закрываются. Следовательно, тот, кого мы ищем, должен вернуться в Париж, а ты знаешь пословицу, что горбатого могила исправит. Нет сомнения, что, возвратившись во Францию, он снова начнет играть. Во Франции нет легальных игорных домов, но их с успехом заменяют нелегальные.

— Но ведь ты ездил по всем германским игорным домам?

— Да, и там мог убедиться, что игрок неизлечим. Он играл, играет и будет играть, каковы бы ни были результаты его игры.

— И ты думаешь, что он игрок?

— Я убежден в этом; все, что я мог узнать в результате следствия, утверждает меня в мысли, что человек, совершивший преступление, не был простым убийцей. Эта найденная на лестнице карта, которая послужила таким ужасным доказательством против нашего увлекавшегося игрой отца, уже является очень сильным доводом.

— Да, это правда.

— И кроме того, дорогой Шарль, если бы ты, как я, мог судить об игроках вблизи, ты понял бы это. Ты понял бы, как необходимо цивилизованному обществу иметь возможность наблюдать за этой страстью, за этим пороком. Ничто не может мешать игроку играть. Но постоянным надзором его можно несколько обуздать. Надо уметь удовлетворить его порок и в то же время ограничить его. Игрок с нетерпением ожидает начала партии. Прав-

да, я видел сдержанных игроков, но таких очень мало.

— Однако, мне кажется, что образование должно было бы смягчить этот порок.

— Нисколько. Для бесчестного игрока недостаточно открытых игорных домов, и эта причина заставила меня вернуться в Париж. Для шулеров нужны игорные дома. Ах, чего я только не насмотрелся там! — продолжал Винсент, мешая угли в камине. — Я видел людей, которых страсть к игре, так сказать, душит за горло, которых ничто не останавливает. Как бы ни были они бедны, все равно нашли бы средства уехать в другой конец Европы и отвезти туда свои деньги, если бы им запретили играть у себя дома. Эти бедняги осуждают себя на всевозможные лишения в течение зимы, чтобы с открытием игорного сезона попытаться счастья и обогатиться. Они скапливают двадцать пять луидоров, скапливают их тяжелым трудом, не досыпая ночей, дрожа от холода, и эти деньги проигрывают в течение нескольких дней. И, тем не менее, никогда не перестают играть. Если они не в состоянии играть там, где игра ведется честно, они отправляются в игорные дома, где их будут обкрадывать. Не раз баденский игорный дом доставлял несчастных игроков за свой счет на родину. Его хозяин, господин Дюпрессуар, утешил не одного бедного игрока, уезжающего от него в отчаянии. Но игорные дома безжалостны. Они разоряют, и игрок, проигравшись в них, имеет только два выхода: смерть или преступление.

— Был ли ты в игорных домах?

— Да, в Лионе, возвращаясь из Германии, и здесь.

— Видел ли ты что-нибудь любопытное?

— О, да, в одном игорном доме на улице Тур однажды я видел вошедшего в зал молодого человека с бледным лицом, обрамленным длинными каштановыми волосами, одетого в черный бархат. Улыбаясь, он бросил на стол десять первых луидоров. Проиграл раз, другой, третий, четвертый, пятый,

каждый раз удваивая ставку, и продолжая смотреть на женщин, этих молодых женщин с белыми плечами и белыми руками, ногти которых — когти, и которые улыбались ему. Он же невозмутимо опускал руку в карман платья и вынимал оттуда луидоры пригоршнями. Этот игрок по-прежнему проигрывал, и наконец наступила минута, когда со сжатыми зубами и нервной улыбкой он вынул из кармана последнюю пригоршню. Одна из девушек сказала ему на ухо: «Вы постоянно ставите на один и тот же цвет — измените его». И в ту минуту, когда крупье говорил, что все ставки сделаны, он переставил свои деньги на другой цвет — и снова проиграл. Тогда он сразу же вышел из зала и спустился по лестнице, казалось, совершенно спокойный. А вечером привратник сказал, что в подвале нашли повесившегося. Это был бедный молодой человек, которого мы видели несколько часов тому назад. Я думал, что его поступок послужит примером посетителям игорных домов.

— И что же?

— Как только тело вынули из петли, все, что сошли вниз посмотреть на него, бросились к нему и начали поспешно делить веревку между собой, чтобы еще поспешнее вернуться и снова занять свое место у зеленого стола.

— О, это ужасно!

— В одном игорном доме в Лионе на Ронской набережной я видел, как вошел мужчина лет тридцати. В течение целого часа он постоянно проигрывал. Наконец, вынув из кошелька последние деньги, он бросил их на стол и, облокотившись головой на руки, опустив правую руку в карман платья, ждал. Когда лопатка крупье загребла его деньги, он вынул руку из кармана, наклонил голову, как бы желая посмотреть на деньги, которые собирается поставить, и когда крупье закричал: «Господа, делайте ваши ставки!», в зале раздался выстрел, и несчастный упал на ковер с разбитым черепом.

— И на этих людей мы будем смотреть, — с отвращением произнес Шарль Лебрэн.

В эту минуту вошла служанка со словами:

— Вас спрашивает господин Панафье!

— Очень хорошо, введите его, — распорядился

Винсент.

И через несколько мгновений служанка ввела Поля Панафье.

С вечера Панафье сильно изменился. Часть полученных денег он употребил на приобретение приличного костюма и имел очень недурной вид в своем новом платье.

— Здравствуйте, — сказал Винсент, протягивая ему руку. — Мы ждали вас, чтобы сесть за стол.

— Разве я опоздал?

— Нет, нисколько. Жанетта, подавайте завтрак!

Молодые люди сели за стол и начали завтракать. Когда поставили кофе, Винсент проговорил:

— Теперь, господин Панафье, если вы согласны, поговорим о деле.

— Я к вашим услугам.

Винсент помолчал несколько мгновений, потом начал так:

— Мы имеем о вас самые подробные сведения, которые дал человек, указавший нам на вас.

— Кто этот человек?

— Один из полицейских чиновников.

— А-а, в таком случае, вам должны были сказать, что если я и служил в полиции, то только потому, что имел на это особые причины. Но я не сделал свою службу профессией.

— Он нам говорил это. Мы знаем, кто вы такой, и вот почему мы обратились к вам. Мы желаем приобрести и друга, и руководителя в одно и то же время.

— Вы слишком добры, господа.

— Нам сказали, что мы можем, что бы ни случилось, рассчитывать на вашу скромность.

— О, в этом можете не сомневаться, — улыбаясь, заметил Панафье.

— Я говорю вам это потому, что вы можете не согласиться на наше предложение. В этом случае вы не должны никому говорить о нашем разговоре.

— Даю вам честное слово и признаюсь, что ваши предосторожности возбуждают мое любопытство.

— Вы помните наши имена?

— Да, конечно, — с удивлением отвечал Панафье. — Ваши имена — Винсент и Шарль Лебрен.

— Помните ли вы о преступлении, которое наделало много шума в прошлом году?

— В прошлом году? — Панафье посмотрел на братьев с некоторым беспокойством. — Что вы хотите сказать?

— Мы говорим об убийстве мадам Мазель.

— Мадам Мазель... Я припоминаю. Дело Корнеля Лебрена. Лебрен...

— Лебрен, — повторили братья.

— И вы...

— Сыновья Корнеля Лебрена.

— А-а!

Несколько мгновений длилось молчание, и Панафье, не решаясь спрашивать, ждал, пока заговорят братья.

— Господин Панафье, — сказал тогда старший, — мы убеждены, что наш отец был осужден безвинно.

— Мы это знаем, — сказал Шарль.

— Вы это знаете...

— Да, и желаем найти виновного.

— Я вас понимаю, — откликнулся Панафье.

— Эшафот отнял у нас нашего отца, и мы хотим восстановить его честь. И потому мы нуждаемся в таком человеке, как вы, в таком человеке, который стал бы нам помогать в наших поисках.

— Эта роль мне очень нравится.

— Вы согласны? Вы поможете нам найти виновного?

— Да, даю вам слово.

— Благодарим вас!

И братья с жаром пожали руку Панафье.

— Я не знаю обстоятельств дела и хотел бы изучить все бумаги, которые его касаются.

— У нас все это есть.

— Чтобы найти настоящий след, нужно будет восстановить все обстоятельства преступления. Это было здесь?

— Нет-нет! Мы купили всю мебель и оставили все, как было во время преступления.

— В таком случае, это будет очень интересное следствие.

— Наш отец, мсье, поручил нам сделать это.

— Найти виновного?

— Да.

— Хорошо, господа, я согласен. И клянусь вам, что сделаю все возможное. Я стал сыщиком почти по такой же причине: одна дорогая мне женщина была убита, и я решил найти ее убийцу. Я напал на его след, но он оставил Францию. Мне пришлось прекратить свои поиски. Я занимался этим делом три года. Мной руководил человек, имеющий большой опыт в этих делах, и могу дать слово, что в настоящее время я почти сравнялся с ним, если не превзошел его. Ваше дело вполне благородно, господа, и я помогу вам.

— Отлично! Когда мы начнем? — спросил Шарль.

— Мы начнем сегодня же. Вы расскажете мне все подробности следствия и судебного процесса. Я изучу их сегодня ночью, а завтра или послезавтра мы отправимся смотреть место преступления и через несколько дней нападём на след. Нас трое, и я хочу пригласить еще одного помощника, который будет работать вместе с нами, не зная, что он делает, но который будет нам полезен благодаря среде, в которой он живет и для которой в настоящее время подозрителен.

— Объясните, пожалуйста.

Тогда Панафье рассказал о предложении, сделанном ему накануне Пьером Деталем, и было решено сделать из него помощника, не посвящая его в суть дела.

— Согласны ли вы, — спросил Панафье, — описать мне вашего отца и его отношения с жертвой преступления?

— Охотно.

— Может быть, было бы лучше рассказать господину Панафье все обстоятельства преступления? — предложил Шарль брату.

— Да, конечно. Что вы на это скажете, господин Панафье?

— Если вы станете мне рассказывать о преступлении, то вы невольно будете избегать обстоятельств, которые вольно или невольно послужили главным обвинением против вашего отца. Простите мне, но вы можете быть пристрастны; вы представите все дело в выгодном для вашего отца свете. А для того, чтобы бороться против обвинения, чтобы найти факты, оправдывающие вашего отца, я должен узнать все от лица, совершенно непричастного к этому делу.

— У меня есть рапорт следователя, но он ужасен для нашего отца. Да, я чуть было не забыл, — вдруг сказал Шарль, — у нас есть также донесение первого агента, который рассказал только то, что он видел.

— Да, действительно.

— Рапорт агента?

— Да, и очень даже любопытный.

— Прочитайте мне его.

— Он очень прост, наивен и глуп, но в нем видно желание добиться истины.

— Главное желание было, чтобы его прочли. Это донесение составлено наподобие романа.

— Это мне и нужно.

Тогда Винсент встал, принес бумаги и положил их на стол.

В то время как он искал копию донесения, Шарль предложил Панафье сигары, и последний спокойно уселся в кресло, приготовившись слушать. Братья, отложив свои сигары, сосредоточились, и Шарль Лебрен, опершись на спинку стула, приготовился слушать брата.

Вот что прочел Винсент:

«Преступление на улице Фридлань.

Госпожа Мазель живет на улице Фридлань на Елисейских полях в Париже. Ее дом открыт и днем, и ночью и служит местом свидания для изроков всякого рода.

Однажды ночью она ужинала, как обычно, с господином Пуляром.

Затем легла спать. Этот аббат имеет с госпожой Мазель самые близкие отношения. Он приказывает ее слугам и почти такой же хозяин, как она. Более трех лет он ест и пьет в этом доме, ночует то в комнате, которая отведена ему в доме госпожи Мазель, то в квартире, которую он нанял на той же улице. Комната, которую он занимает у этой дамы, находится над ее уборной и сообщается со спальней маленькой лестницей, которая оканчивается дверью, расположенной настолько близко от кровати, что она может ее открыть, лежа на постели.

На следующий день, второго октября, ее нашли убитой пятьюдесятью ударами ножа.

Я нахожу на постели госпожи Мазель обрывок черного шелкового галстука, который весь пропитан кровью, и окровавленный платок с цифрой «в» на нем. Я предположил, что госпожа Мазель, защищаясь, сорвала с убийцы этот галстук и платок, которым завязана была его голова. В правой ее руке я нашел несколько волосков. Шнурок от звонка завязан на несколько узлов так, что до него нельзя достать. Я нахожу в камине нож, ручка которого наполовину обгорела. На его клинке нет ни малейших следов крови, но я думаю, что эти следы исчезли от огня. Я не нахожу ни малейшего следа взлома ни на дверях передней, ни в спальне. Двери, выходящие из спальни на маленькую лестницу и в гардеробную, запираются изнутри на задвижку. В спальне есть шкаф, открыв который, я нашел кошелек с двумястами семьюдесятью восемью франками. Я нашел также в шкапушке четыре мешка из-под денег, разрезанных ножом и окровавленных, так как на двух мешках

остались следы крови. Затем нахожу маленький пустой мешочек с надписью «Аббат Пуляр». В этом мешочке оказалась четырехугольная коробка, в которой госпожа Мазель прятала свои драгоценности. Эта коробка была пуста. Обыскав платье убитой, я нахожу семьдесят луидоров. Я расспросил двух горничных, и они указали мне на некоего Лебрена, второго любовника госпожи Мазель. Я позвал этого человека, и он объяснил мне, что приходил накануне и был только другом Мазель. Я прошу его рассказать мне о причине его посещения. Он отвечал, что приходил в гости к мадам Мазель и, выходя из ее комнаты, разговаривал на лестнице с ее служанками. Расставшись с ними, он сошел вниз в маленькую гостиную, положил свою шляпу на стол и, усевшись поудобнее перед камином, задремал. Проснувшись ночью и найдя все двери закрытыми, за исключением той, что выходила на улицу, он вышел и запер ее за собой. При помощи комиссара я обыскал Лебрена и в кармане у него нашел ключ, который подходит к замку двери в ее спальню. Этот ключ являлся веским доказательством против него, и я посоветовал господину комиссару арестовать его. После этого я примерил Лебрена платок, свернутый в виде ночного колпака, и он пришелся как раз ему впору. Тогда я расспросил кучера и повара, но они не сообщили мне ничего нового. Продолжая свои поиски, я нашел возле маленькой лестницы длинную новую веревку с узлами, очевидно, служившую лестницей. Тогда я приказал осмотреть Лебрена и не нашел ни на его платье, ни на теле ни малейшего признака крови, ни малейшей царапины. Продолжая поиски, я нашел в погребе дома, под кучей соломы, рубашку, весь перед и рукава которой были окровавлены, а на одном из боков были ясно видны отпечатки окровавленных пальцев. Опечатав всю квартиру и оставив полицию в доме, я ушел, чтобы вместе с арестованным сделать обыск у него на улице Руль. Я нашел там корзинку с вещами, в которой были ключ, пилочка и салфетка с меткой

«С.Л.» — и ничего больше, что могло бы служить в пользу его обвинения. Я взял белье, чтобы сравнить его с рубашкой, но белошвейки говорят, что оно не имеет ни малейшего сходства с окровавленной рубашкой. Господин комиссар передал экспертам ключ, найденный у Лебрена. Этот ключ открывает не только дверь на улицу, но также и дверь в переднюю и две другие двери в спальню госпожи Мазель. Так как на дверях не было никаких следов взлома, то ключ, найденный у Лебрена, я считаю уликой. Я просил комиссара арестовать Лебрена и предоставить его в распоряжение следствия. Составил 3 октября 1869 года.

Вилардье».

— Это все. Что вы об этом думаете?

Панафье внимательно выслушал чтение документа.

— Это очень любопытно.

— И что вы скажете?

— В этом деле есть тайна, которая возбуждает мое любопытство, но прежде, чем искать преступника, нужно восстановить картину преступления, нужно осмотреть место, где оно было совершено, найти и изучить людей, которые названы в этом донесении.

— Мы можем найти всех людей, бывших в это время в доме, кроме аббата.

— Как! Разве он не появился на процессе?

— Нет, его не нашли.

— Что вы говорите?! Аббат исчез на следующий день после преступления, и ваш отец был приговорен? — вскрикнул Панафье, изумленный этой бессмыслицей. — Но ведь этот аббат жил в доме, был в интимных отношениях с госпожой Мазель — и вдруг исчезает на следующий день после совершения преступления... Нет сомнения, что настоящий виновник его — аббат.

— Но вы не знаете, в чем состоит обвинение, — сказал младший из братьев. — Наш отец был осужден за убийство госпожи Мазель и ее любовника, аббата Пуляра, окровавленное белье которого было

найден в подвале. Наш отец был обвинен в том, что он убил его и запертал труп.

— А, черт возьми! Это усложняет дело. Одежда аббата была найдена?

— Да, она была разорвана и окровавлена. Белье, найденное в подвале, принадлежало ему.

— А тело?

— Исчезло. Так что не было никакой возможности узнать, что с ним случилось.

— А что было в карманах платья?

— Ничего, только бумаги. И ни копейки денег.

— Его обворовали?

— Вполне вероятно.

Панафье задумался. В противовес братьям Лебрен он верил в виновность Корнеля Лебрена.

Он поднял голову и спросил:

— Ваш отец был богат?

— Да, он пользовался доходами с имений нашей матери. Это около пятнадцати тысяч франков в год. Кроме того, отец имел шесть тысяч франков собственного дохода.

— Я прошу вас извинить меня за эти вопросы. Они имеют только одну цель — облегчить мне изучение хода следствия и судебного процесса, и не свидетельствуют о моих сомнениях в невиновности вашего отца.

— О, говорите, и не бойтесь ничего. Мы привыкли выслушивать обвинения против нашего отца и знаем, что они, увы, основываются на ужасных фактах.

— Ваш отец имел с мадам Мазель только дружеские отношения?

— Наш отец был любовником мадам Мазель.

— Замечательно! Это объясняет наличие ключа, который был у него, и многое другое. Был ли в то время ваш отец в стесненном положении вследствие своих дел или спекуляций?

— Нет.

— Был ли он ревнив?

— Наш отец любил пожить. Овдовев очень рано, он вел веселую жизнь и смотрел очень снисходительно на поведение своих любовниц.

— Сколько лет было Мазель?

— Она была молода и очень хороша собой. Мадам славилась своей красотой.

— Была ли она богата?

— Богата? Нет. Но выигрывала очень много денег.

— Как, выигрывала много денег?..

— Да, она принимала гостей два раза в неделю, и у нее велась крупная игра, большая часть доходов с которой, я убежден, переходила в ее карман.

— Одним словом, это был игорный дом.

— Да, игорный дом.

— Зачем же, черт возьми, ваш отец ходил в это место?

— О, все очень просто — наш бедный отец был игрок.

— Да, это меняет многое.

И Панафье, качая головой, говорил себе: «Очевидно, что даже если он не виновен, поведение его таково, что заставляет верить в его виновность. Богатый человек, посещающий игорный дом, отец семейства, имеющий любовницей какую-то странную женщину, позволяющий ей иметь связь с аббатом... Что касается меня, то я на стороне присяжных. Но чувство, руководящее этими двумя молодыми людьми, слишком похвально для того, чтобы я стал приводить их в отчаяние, говоря им это. И кроме того, не все ли мне равно, каким делом заниматься».

Подумав так, Панафье поднял голову и сказал братьям:

— Послушайте, господа, сегодня я вам ничего не могу сказать. Если вы позволите, я унесу с собой все бумаги, касающиеся следствия и процесса. Я рассмотрю их завтра и сообщу вам мое мнение.

— Хорошо.

— Если я увижу возможность добиться чего-нибудь, если я найду какой-нибудь светлый уголок в этом темном деле, то я присоединюсь к вам.

— В таком случае — берите, — сказал Шарль Лебрен, подавая ему сверток с бумагами.

— Что это такое?

— Это копии всего. Так гораздо легче читать, и кроме того, вы понимаете, что мы желаем сохранить подлинные документы.

— Можете ли вы, господин Панафье, прийти к нам сюда через два дня в это же время?

— Я приду к вам завтра, мсье. Если понадобится, то я проведу за изучением дела всю ночь.

— Благодарим вас! — воскликнули братья, протягивая ему руки.

После этого Панафье вышел, унося с собой бумаги и думая про себя: «Этот Корнель Лебрэн последний из негодяев, который расстроил состояние своих детей и убил эту женщину и аббата, чтобы украсть деньги, которые, как он знал, находятся в шкафу. Но, во всяком случае, за пятьсот франков я могу прочесть все это. Мне часто приходилось выслушивать гораздо больше только за обед».

В то же время Шарль говорил брату:

— Я думаю, что он точно так же, как и мы, убежден в невинности нашего отца.

— Что-то говорит мне, что он найдет виновного! — отвечал Винсент.

Глава IV

ПАНАФЬЕ НАЧИНАЕТ НАДЕЯТЬСЯ

Панафье пришел к себе в ту самую минуту, когда Нисетта Левассер с полной корзинкой провизии поднималась по лестнице. Убедившись, что никто их не видит, он спросил Нисетту:

— Куда ты идешь?

— К вам.

— Ко мне? Для чего?

— Но ведь мы будем ужинать вместе сегодня вечером.

После этого они вместе поднялись, и пока обе молодые женщины занимались приготовлениями к

ужину, Панафье стал просматривать дело. Он вскоре совершенно погрузился в чтение, бормоча:

— Они сумасшедшие!

Когда ужин был готов, обе дамы, очень довольные, сели за стол.

Но Панафье был задумчив.

— Что с тобой? — спросила Луиза, видя его нахмуренное лицо.

— Я изучаю одно дело, которое меня сильно смущает, так как я рассчитывал на него.

— Какое дело?

— Ты ничего в этом не понимаешь.

— Ах, как ты меня сердишь, когда говоришь такие слова. Послушав тебя, можно подумать, что я настоящая дура.

— Я не говорю, что ты дура, но это для тебя нисколько не интересно и не смешно.

— Откуда ты знаешь?

— Да скажите ей, в чем дело, если ей хочется знать, — вмешалась Нисетта.

— Дело идет о женщине, которая получила пятьдесят ударов ножом.

— Пятьдесят ударов ножом? — вскрикнули, вскочив, обе женщины.

— И ты еще говоришь, что это не интересно! — прибавила Луиза.

— Где это? Когда? — сказала, подвигаясь вперед, Нисетта.

— О, давно. Уже прошел год, — проговорил Панафье, пожимая плечами. — Это дело Мазель и аббата Пуляр.

— Да, это было уже давно, — сказала Нисетта, — но я знаю этого аббата Пуляра.

— Ты!.. Вы знаете аббата Пуляра? — поспешно поправился Панафье.

Нисетта покраснела, и Поль приписал это сделанной им ошибке в обращении.

— Откуда вы его знаете? — продолжал он.

— О, это очень странный аббат. Он три четверти своего времени проводит без расы.

— Вы видели его в светском платье?

— Да.

— Но говорят, что будто бы его убили.

— Это неправда.

— Как неправда?!

— Конечно, неправда, потому что я его видела.

— Вы его видели?

— Да, как вижу сейчас вас.

— Аббата Пуляра?

— Да, аббата Пуляра, только в светском платье.

Панафье задумался.

— Ах, как все это скучно! — протянула Луиза. — Поговорим о другом.

Панафье покорно покачал головой, как бы желая прогнать беспокоившие его мысли, и в свою очередь сказал:

— Вы правы, поговорим о другом. Впрочем, Луиза, позволь тебе заметить, что ты сама потребовала, чтобы я начал разговор об этом.

— Да, и теперь прошу у тебя за это прощения.

— Объясни-ка лучше, где и когда вы так подружились с любезной Нисеттой Левассер?

— Ожидая вас по вечерам, мсье, — отозвалась Нисетта, — мадемуазель Луиза часто приходила к нам, и в это время между нами завязалась дружба.

— Она мой лучший друг! — подтвердила Луиза, пожимая руку Нисетте.

— Я ее утешаю, когда вы ее огорчаете, — зло заметила подруга Луизы.

— Это очень любезно с вашей стороны, — пробормотал Панафье.

Но его больше всего занимала мысль, как узнать от Нисетты все, что касалось таинственного аббата.

По окончании ужина он сразу же вышел, чтобы отправиться на свидание, назначенное им Пьеру Деталю. Но выходя, он тихонько шепнул Нисетте:

— Дождись меня в любом случае. Я вернусь после полуночи, и мне надо поговорить с тобой наедине.

— Хорошо, — ответила Нисетта.

Как только они остались одни, обе дамы сели рядом, и Луиза, наклонившись к своей подруге, упрекнула:

— Зачем ты ему сказала о Пуляре?

— Сама не знаю. Я сразу же в этом раскаялась, впрочем, тебе нечего бояться. Он его не знает.

— Он будет стараться познакомиться с ним.

— Неужели ты думаешь, что он подозревает что-нибудь?

— Но я все равно его боюсь.

— Ты сумасшедшая! — сказала Нисетта.

— Скажите мне, господин Поль, что моя жена все время делает у вас? — говорил в то же самое время господин Левассер своему жильцу. — Она почти не выходит из вашей квартиры.

— Э-э... ваша супруга так любезна, что мадемуазель Луиза очень дорожит ее обществом.

И он ушел, говоря себе: «Что это значит? Я видел, какой взгляд бросила Луиза, когда Нисетта говорила о Пуляре. Какая таинственная цепь связывает все это? Будем немые, но смотреть будем хорошенько».

Глава V

ПАНАФЬЕ ПОЛУЧАЕТ ПОЛЕЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Когда Панафье пришел в «Бешеную кошку», прелестное общество, знакомое нашему читателю, было уже все в сборе.

При виде Панафье Пьер Деталь встал и бросился навстречу ему, чтобы пожать руку.

Обычные посетители, сидевшие в глубине зала, потеснились, чтобы дать ему место между ними.

— Сегодня вечером мы говорили о тебе, — сказал ему Пьер Деталь.

— Что же вы говорили?

— Все сожалеют о вчерашнем происшествии. Это так глупо, что люди, подобные нам, могли опибиться.

Панафье не имел никакого желания объяснять свое поведение, и так как ему казалось полезным быть принятым за негодяя, то он не возражал.

— Все кончено, — сказал он, — не будем больше об этом говорить.

— Значит, вы на нас не сердитесь, господин Панафье? — спросил Ладеш.

— Конечно, нет.

— Хорошо. В таком случае, вы согласитесь сегодня выпить с нами стакан водки?

— Благодарю вас.

— Я вам всегда говорил, — сказал Ладеш протяжным тоном парижанина, обращаясь к окружающим, — я всегда говорил, что господин Панафье настоящий мужчина. Это сразу видно. Эй, Гриб, подай две бутылки.

Пьер Деталь сел рядом с Панафье и спросил вполне серьезно:

— Ну что, согласен ли ты взять меня?

— Да, я тебя беру, но на определенных условиях.

— Условия — какие тебе угодно. Я на все согласен.

— Мы поговорим об этом в другом месте, — тем же тоном сказал Панафье, — а сейчас молчи!

— Я нем, как рыба.

Ладеш разлил две бутылки и, подав один стакан Панафье, чокнулся с ним, говоря:

— За ваше здоровье! — За ваше!

Выпив стакан, Панафье сказал:

— Господа, кто помнит о деле Лебрена?

— О деле Лебрена?! — повторил Ладеш. — О том, которого укоротили в прошлом году? Да, я припоминаю... Почему ты об этом спросил?

— Я недавно разговаривал об этом и забыл, какого числа это было.

— О, я отлично это помню, — сказал Ладеш, — я знаю эту историю.

— Да? Ты ее знаешь? — равнодушным тоном спросил Панафье.

— Черт возьми, он не хотел болтать, но он был не один. Вы понимаете, не может же один нанести пятьдесят ударов ножом. Когда предстоит так много работы, берут помощника.

— Ну! Что касается меня, то я совсем не знаю дела.

— Да, в этом деле был еще аббат.

— Какой аббат? — спросил Панафье с безразличным видом.

— Ну, аббат, про которого говорили, что он убит. Пуляр. Убит... Черт возьми! Это был аббат, который не был аббатом.

— Вы его знаете?

— Да, его знали и в то же время не знали.

— То есть, как это? Он ходил сюда?

— О, нет! Он светский человек.

— Я вас совершенно не понимаю.

— Дело в том, господин Панафье, что этот человек для своих дел имел надобность в добрых молодцах, ну, и находил помощников.

— И он умер?

— Умер? Вовсе нет! — отвечал Ладеш, пожимая плечами. — Я убежден, что он принимал участие в этом деле, только он был с тем молодцем, который, надо отдать ему справедливость, не болтлив.

— Почему ты думаешь, что человек мог позволить приговорить себя к смерти, когда ему стоило сказать одно слово, чтобы выдать своего сообщника?

— Потому что он был хитрец и отец семейства.

— Что ты говоришь?

— Да, черт возьми, все очень просто. Выдай он Пуляра, это ему не помогло бы, их укоротили бы обоих, вот и все. Тогда как не сознаваясь, он мог надеяться быть оправданным; и кроме того, так как он ничего не сказал, то для его семьи, во всяком случае, остается еще сомнение. Что касается меня, то я вполне с ним согласен. Никогда не следует ни в чем признаваться.

Панафье был озадачен этими соображениями.

— И этого Пуляра никогда никто не видел с тех пор? — спросил он.

— Напротив, — возразил Ладеш, подмигнув, — я видел его один раз, но только в светском платье.

— А-а!

Боясь прямыми вопросами возбудить подозрения, Панафье замолчал, отложив расспросы до другого раза. Он сделал знак Грибу снова подать бутылку, но Ладеш, хоть его и не спрашивали, не хотел упустить случая поговорить и продолжал:

— Да, кажется, это дело наделало им много хлопот, так как все удары ножа были только пустыми царапинами, но смертельный удар был нанесен специалистом, и в нем узнали руку человека, уже не раз совершавшего преступления. Но они не были в состоянии узнать его имя.

Панафье глядел на своего собеседника с большим удивлением. Все то, что рассказывал Ладеш, было очень странно.

— Дело закончено, и теперь можно говорить и думать все, что угодно, тем более, что в последний раз, когда я его видел, он был одет щеголем.

— Разве вы вместе с ним работали?

— О, нет, это не моя среда. Он работает в большом свете, я же занимаюсь купечеством. У каждого свои клиенты, не правда ли? — прибавил он со смехом, обращаясь к своим товарищам, очень довольный своей шуткой. — Однако вы, господин Панафье, были вчера тоже с двумя франтами.

— Да, но это для другого дела.

— Я так и думал.

— Да, это семейное дело.

— То, что мы называем интимным делом?

— Да, именно.

— Вот для этого им нужен был бы такой человек, как Пуляр.

Панафье с удовольствием ухватился за случай удовлетворить свое любопытство.

— Э-э, — сказал он, — как вы хитры: сразу угадали, для чего я расспрашиваю!

— Да, от меня ничего не скрыть, — с довольной улыбкой произнес Ладеш.

— Ну, друзья мои, — продолжал Панафье, — теперь я вынужден уйти, но было бы хорошо, если бы кто-нибудь узнал о Пуляре и познакомил меня с ним.

Все чокнулись. Панафье сказал Пьеру Деталю, что увидится с ним завтра, и хотел уйти, но тут к нему подошел Ладеш и проговорил вполголоса:

— Господин Панафье, если бы я имел какой-нибудь интерес в этом деле, то, может быть, я мог бы найти аббата.

— Если ты найдешь аббата через несколько дней, то я приму тебя в наше дело.

— Отлично, господин Панафье.

После этого Панафье сразу же вышел на улицу и, идя быстрыми шагами домой, думал: «Да, было бы очень странно, если бы это был не он. Он!»

Когда он пришел домой, Луиза уже спала и он постарался как можно меньше шуметь, чтобы не разбудить ее.

«Теперь, — думал он, — мне нужно многое понять. Нет сомнения, что я напал на след. Я должен узнать, откуда и каким образом Нисетта и Луиза знают Пуляра. Я должен узнать, какая связь между этим аббатом, или щеголем, так как он является в обоих этих образах, и этим ужасным негодяем Ладешем. Но, прежде всего, нужно изучить дело».

Панафье быстренько растопил печь и, усевшись за стол, стал внимательно читать бумаги, переданные ему братьями Лебрен.

Проведя более часа за чтением, он, наконец, поднял голову и, думая вслух, сказал:

— Если бы я не знал, что этот аббат Пуляр существует, то его убийство было бы для меня вполне доказанным, и, будь я присяжным, я приговорил бы Лебрена к смерти. Ведь из всего этого следует, что Лебрен был игрок, что он имел с мадам Мазель отношения, которые он как отец семейства, готовый отдать замуж свою дочь, держал в тайне. Будучи игроком, он мог расстроить

свое состояние, и так как замужество дочери вынуждало его дать отчет, он хотел преступлением поправить свое состояние. В ночь преступления он был у жертвы и вышел из дома, не увиденный никем. Случилось так, что в эту ночь он не остался у мадам Мазель до утра. Что это за таинственный аббат, убитый в ту ночь, труп которого не был найден?.. Нет, — сказал он вдруг, — нет, Лебрэн не виновен.

— Боже мой, что с ним такое! — проговорила вдруг Луиза, просыпаясь.

— Ничего, моя милочка, — ответил Поль, целуя ее.

— Ты вечно приходишь поздно!

— Ах, дорогая Луиза, ты же знаешь, что меня задерживают дела.

Луиза успокоилась и сразу же заснула.

Панафье, утомленный этим днем, уложил бумаги и тоже лег спать.

На другой день около десяти часов он уже входил к братьям Лебрэн.

— Ну что? — спросили они, увидев его.

— Я прочел все. Да, все.

— И что вы думаете?

— Я думаю, что вы правы — Корнель Лебрэн невиновен.

— О, благодарим вас, господин Панафье! — вскрикнули братья, протягивая ему руки.

— И даже больше. Я думаю...

— Что вы думаете? — с беспокойством спросили они.

— Я думаю, что знаю настоящего виновника.

— Что вы говорите!

— Господа, успокойтесь. Я не сказал: «Я нашел его».

— Не все ли равно. Мы не хотим мстить, мы хотим только доказать невиновность отца.

— Кто он такой? — спросил Шарль.

— Аббат Пуляр, — отвечал Панафье.

— Но, — с отчаяньем сказал старший из братьев, — вы же знаете, что этот аббат умер или, по крайней мере, его нельзя найти.

— Я именно и хотел сказать, что аббат жив.

— Что вы говорите?

— Да, он жив.

— И вы в этом уверены?

— Да, его видели.

Братья переглянулись, побледнев от волнения, в то время как Панафье улыбался, счастливый достигнутым успехом.

— Вы видите, господа, — проговорил он, — я не терял времени даром.

— Садитесь, господин Панафье, прошу вас, и поговорим.

— Я к вашим услугам, спрашивайте меня.

— Для нас главное заключается в том, — сказал Винсент, — чтобы иметь помощника, разделяющего наши убеждения. Убеждены ли вы в невинности нашего отца?

— Полностью убежден.

Братья с восторгом переглянулись.

Итак, на свете существует один человек, который вместо того, чтобы говорить «сыновья убийцы», говорит «сыновья несчастного казненного».

— Что же нам теперь делать? — спросил Винсент.

— Прежде всего я должен осмотреть дом на улице Фридлань.

— Хорошо, мы сделаем это сегодня, если вы согласны.

— Нет, завтра будет лучше.

— Вы читали донесение?

— Да, я готов поклясться чем угодно, что преступник — аббат.

— И вы убеждены, что он жив?

— Вполне убежден.

— Ах, — вскрикнул Шарль, — нам повезло, что мы нашли вас. Вы восстановите честь нашего отца.

— У вас должны быть дополнительные сведения, которые могут помочь мне.

Братья переглянулись, и Винсент сказал:

— Да, мсье, будем с вами откровенны. Мы имеем доказательства, которые должны дать нам возможность узнать виновного, но еще не наступило время открыть их. Может быть, они ничего не дадут для поиска, но могут быть полезны, главным образом, как подтверждение вины.

— Это очень важно!

— Но кроме сведений, которых мы не можем вам передать, мы еще имеем другие, найденные нами самими.

— В чем они заключаются?

— В том, что убийца должен быть игроком.

— Это очень важный факт. Откуда вы его узнали?

— Сами догадались. Мы повсюду узнавали о номерах банковских билетов, записанных в записную книжку мадам Мазель, и таким образом смогли разыскать два билета. Проследив их путь, мы узнали, что оба они вышли из немецкого игорного дома.

— Это очень неопределенно.

— Почему?

— Присутствие человека в городе, где играют в карты, еще не значит, что он игрок.

— Извините, либо человек очень богат, и тогда он ведет очень большую игру на билеты в тысячу франков, либо такой суммой может рисковать игрок или...

— Или вор? Не правда ли?

— Да.

— Германские игорные дома закрыты на зиму. Поэтому он должен вернуться в Париж, а так как в Париже открытая игра запрещена, то он по необходимости будет посещать тайные игорные дома.

— Да, вы угадали.

— В таком случае, я понимаю вас, — заметил Панафье.

— И как вы думаете, что нам нужно делать?

Панафье, опершись локтями о колени и закрыв лицо руками, несколько минут размышлял, потом вдруг сказал:

— Знаете что, самые полезные сведения, приобретенные мной, я нашел не в тех бумагах, которые вы мне дали. Я вынужден быть почти так же осторожен, как вы, поэтому будьте снисходительны к тому, что я вам сейчас скажу.

Братья согласились, приготовившись внимательно слушать.

— Мадам Мазель умерла не от тех ударов ножом, которые она получила, — продолжал он.

— Что вы такое говорите?

— Я говорю истину. Она была убита известным ударом неизвестного убийцы. Многочисленные удары, которые она получила, были нанесены только с целью скрыть смертельный удар, который, как печать, указывает, что преступление было совершено тем или иным преступником.

— То, что вы нам говорите, очень любопытно и полезно.

— Да, я это знаю. Если я найду подтверждение моим догадкам, то, клянусь вам моей жизнью, мы найдем настоящего виновника.

— Но что это за таинственный удар?

— Сейчас я не могу вам этого сказать, но скажу завтра. Однако мы должны поторопиться.

— Да, вы правы. Если вы согласны сегодня осмотреть дом...

— Хорошо!

— В таком случае, мы к вашим услугам, — отозвался Винсент.

— Хорошо. Тогда сегодняшней ночью, в то же время, когда было совершено преступление, мы отправимся вместе на улицу Фридлань. Я восстановлю картину преступления. Видел ли кто-нибудь из вас, господа, — проговорил он, — ту комнату, в которой было совершено преступление, сразу же после того, как оно было обнаружено?

— Да, мсье, — сказал Винсент, — я был утром и увидел комнату в большом беспорядке из-за происшедшего в ней.

— Вы видели тело?

— Да.

— В таком случае, нам никто не нужен. Вы восстановите мне факты.

— Да, я могу это сделать.

— А теперь, господа, позвольте мне уйти. Я приду за вами в полночь.

— Но, — спросил Шарль, — почему вы не хотите провести с нами этот день?

— За день я должен узнать еще много вещей, которые будут мне полезны сегодня вечером.

— В таком случае, идите. До свиданья.

— До свиданья, господа, до вечера, — сказал Панафье, уходя.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил старший брат, когда они остались вдвоем.

— Я думаю, что завтра утром мы получим окончательные сведения.

— Не кажется тебе странным этот человек?

— Нисколько. Разве мы сами не ведем себя с ним таинственно?

Винсент тихо покачал головой.

— Во всяком случае, сегодня вечером мы это увидим, — сказал он.

Панафье вернулся к себе домой. Луизы дома не было. Он вынул из чемодана, спрятанного под кроватью, маленький сверток и осторожно положил его в карман.

— Увидим... О, это было бы очень странно!

Затем из свертка бумаг он вынул листок, исписанный мелким почерком.

— Надо хорошенько припомнить все это, — сказал он, прочитав листок с начала до конца.

Глава VI

ДОМ НА УЛИЦЕ ФРИДЛАНЬ

На другой день, около часа ночи, перед одним из домов на улице Фридлань остановился фиакр. Этот дом казался необитаемым: окна были плотно закрыты, а между камнями около подъезда начала расти трава.

Вход на первый и второй этажи, занимаемые раньше госпожой Мазель, был справа, а в воротах находилась маленькая дверь, которая вела на третий и четвертый этажи. Ставни окон этих этажей были открыты, и сквозь стекла были видны занавеси и обои. Эти два этажа были обитаемы, в то время как первый и второй были закрыты со времени преступления, совершенного полтора года тому назад.

Но в эту ночь сквозь ставни в окнах мелькал слабый свет. Это обстоятельство было даже замечено несколькими запоздавшими соседями, но так как был поздний час, то прохожие и не думали останавливаться.

Когда фиакр остановился перед домом, дверь сразу же отворилась.

Панафье и братья Лебрен вышли из экипажа и, отпустив кучера, вошли в дом.

Свет во втором этаже бывшей квартиры мадам Мазель был зажжен служанкой двух братьев, которую они послали заранее и которая открыла дверь, услышав звук останавливающегося экипажа.

— Будет ли нам нужна эта женщина? — спросил Панафье сразу же, как за ними закрылась дверь.

— Нет.

— В таком случае отпустите ее.

Старая служанка с удовольствием выслушала приказание возвратиться домой и не замедлила привести его в исполнение.

Как только трое мужчин остались одни, Панафье огляделся вокруг.

Они были в большой передней, раскрашенной под дуб, пол которой был покрыт большим ковром и в которую выходили три двери.

— Посмотрим, — сказал Панафье, — дайте мне сориентироваться. Эта дверь налево позволяет пройти в жилые комнаты, не проходя через маленькую приемную гостиную. Эта, направо, ведет на маленькую лестницу, выходящую на второй этаж, в столовую. Чтобы попасть в маленькую гостиную, надо пройти через среднюю дверь.

Сказав это, он открыл среднюю дверь и вошел в сопровождении двух братьев в небольшую комнату.

Это была гостиная, обитая алжирской тканью.

— Да, вот маленькая гостиная, курительная комната, окна которой выходят в сад. Здесь принимали людей незнакомых, в то время как обычные посетители прямо направлялись в столовую по маленькой лестнице и через эту столовую проходили в большую гостиную. Только Корнель Лебрен и аббат Пуляр проходили через дверь налево и маленькую переднюю, выходящую в эту комнату. Вот она. А вот и коридор, который из нее ведет... Все это так! Впрочем, эти двери скрыты под обоями, и они могли пройти, не будучи замеченными, через большую лестницу в переднюю первого этажа. Если вы согласны, мы тоже пройдем по этой дороге!

— Господин Панафье, — сказал один из братьев, — вы отлично изучили план и лучше нас знаете расположение комнат в доме.

— Конечно. Я даже сомневался, были ли вы в нем хоть один раз.

— Один раз были.

— Да, я знаю. Идемте.

И, держа в руках подсвечник, Панафье открыл дверь налево. Они очутились в широком коридоре, называемом галереей на основании того, что на сырых стенах висело нескольких плохих картин.

Пройдя этот коридор, они открыли стеклянную дверь и очутились на первых ступенях широкой лестницы, на которой был разостлан узкий алжирский ковер.

— Все это так. Вот лестница. Поднимайтесь по ней!

Придя на второй этаж, они остановились.

— Надо сориентироваться! — снова сказал Панафье. — Дверь налево в углу — это потайная дверь в спальню. Вот дверь в коридор, ведущий в людскую, через который прислуга ходила в столовую. Пройдем через него. Нам нечего делать ни в людской, ни в кухне, идемте в столовую.

Говоря это, Панафье в сопровождении братьев прошел в коридор и вошел в столовую.

Эта комната была отделана с претензией на роскошь. Стены были покрыты лепкой из папье-маше.

— Теперь пройдем через дверь на маленькую лестницу, — продолжал Панафье.

Эта дверь вела в большую гостиную и была освещена.

При виде этой комнаты Панафье невольно вскрикнул от удивления.

— Черт возьми, какой шик! — проговорил он.

Это была большая гостиная, каких много в настоящее время. Белая с золотом, во вкусе Людовика XV, с плохой бронзой, с мебелью, обитой красным шелком, и большим белым ковром, посередине которого был изображен громадный букет красных цветов. Потолок представлял небо, подобного которому никто никогда не видел, — на нем росли цветы. Два громадных стола занимали середину гостиной. На этих столах еще стояли маленькие коробки, в которые кладут мелки и карты.

Осмотрев все это, Панафье сказал:

— Да, это так. Вот комната, в которой играли. Вы знаете, что, по собранным сведениям, этот дом был настоящим игорным домом. Вот в углу направо маленькая дверь, которая ведет в коридор. Вот она, войдем в нее! Так. А тут рядом дверь в уборную. Вот и она! Здесь восхитительно! — вскрикнул Панафье, войдя в уборную. — До сих пор еще пахнет духами!

Что касается братьев, то по мере того, как они приближались к месту совершения преступления, они становились молчаливее и мрачнее.

Уборная вся была обита тканью с очень красивым рисунком. В ней стояли два низких кресла, кушетка и широкий диван, обтянутые той же тканью. Зеркало занимало всю стену, а напротив стоял туалетный столик со множеством флаконов.

— Здесь, согласно тому, что говорит следствие, хозяйка часто принимала аббата Пуляра, — сказал Панафье. — Войдем в спальню!

Братья невольно придвинулись друг к другу, в то время как Панафье равнодушно открывал дверь в спальню.

Спальня была самой лучшей комнатой в доме. Постель, обитая голубым атласом, занимала всю глубину комнаты. Это была громадная постель, ширина которой равнялась длине. Чтобы лечь на нее, нужно было подняться на две ступеньки, покрытые шкурой белого медведя.

Напротив кровати были расположены два окна, выходившие на улицу Фридлань, и между этими окнами стоял маленький столик, покрытый голубой атласной салфеткой, на которой были вышиты две громадные буквы — А. и М. На этом столике находился целый арсенал туалетных принадлежностей из слоновой кости. Щетки, щеточки, гребни — все это было помечено буквами А. и М.

Вся комната была обита голубым атласом. Над столом висело громадное венецианское зеркало, а между двумя дверями — в переднюю и уборную, которые обе были скрыты под обивкой, — стоял шкаф из черного дерева. Ковер имел отвратительный вид. Он весь был покрыт пятнами крови.

В каждом углу комнаты стояло по маленькому креслу, обтянутому голубым атласом. Перед каждым окном стояли этрусские вазы на античных бронзовых подставках. Они служили жардиньерками, и цветы, росшие в них в день преступления, находились там еще и теперь, но увядшие и засохшие.

Мы рассказали, что представляла из себя эта комната, и должны сказать, почему Панафье несколько минут стоял в дверях, не решаясь войти.

Чтобы изгнать запах, который мог остаться от окровавленного белья, постель была окроплена духами. Вся комната также была окурена духами, и в ней стоял сильный застоявшийся запах, дурманящий голову.

Винсент вошел вслед за Панафье и, указывая на постель, сказал:

— Видите, мы сохранили все в полном порядке.

— Да, вам пришла в голову счастливая мысль, которая в настоящее время очень нам поможет.

И держа подсвечник в руке, Панафье подошел к постели.

— Это очень странно, — говорил он вполголоса, глядя на каплю черной запекшейся крови на подушке. — То же самое!

— Что вы говорите? — спросил Винсент.

— Ничего — это просто замечание.

Он осмотрел простынь, одеяло и снова сказал:

— Ничего. Ничего...

— Что вы хотите сказать? — снова спросили оба брата.

— И вы говорите, что эта женщина получила пятьдесят ударов ножом?

— Да, доктор констатировал это.

— В таком случае, белье переменили?

— Нет.

— Но это необъяснимо.

— Если хотите, я покажу вам рапорт доктора.

— Он у вас есть?

— Да, вы хотите его прочесть?

— Конечно. Это должно быть очень интересно.

— В рапорте говорится, — сказал Винсент, — что первый удар был смертелен, что произошло внутреннее кровоизлияние и вследствие этого из остальных ран кровь не могла идти.

Панафье пожал плечами.

— А что вы думаете об этом? — спросил Шарль, заметивший это движение.

— Я, господа, еще ничего не могу вам сказать. Дайте мне подумать. Я выскажу вам свою мысль позднее. Вы сказали мне, что укажете положение тела.

— Да.

— Где оно лежало?

— Тут, на этой шкуре.

— А-а! Она упала с постели?

— Или, лучше сказать, ее стащили с постели.

— Как это?

— Тело мадам Мазель лежало на ступени. Вот здесь. Голова была наклонена на правую руку, на которой ее длинные волосы лежали, как на подушке. Она была совершенно голая. Левая рука закос-тенела, сжимая атласное одеяло. Вы видите, кусочек его вынуждены были даже обрезать.

Ее ноги остались на постели: одна из них запуталась в простыне, что помешало телу свалиться на пол. Так как мадам Мазель спала обычно на другой стороне постели, то ее должны были вытащить оттуда, чтобы бросить на пол.

— Да, вероятно, это было так. И вы говорите, что ее ноги были запутаны в простынь?

— Да, одна нога была почти завернута.

— Да, она, по всей вероятности, не специально завернулась, чтобы дать себя убить. Это странно! — проговорил Панафье, задумчиво покручивая усы.

Шарль что-то тихо сказал Винсенту.

— Ты прав! — вслух ответил тот.

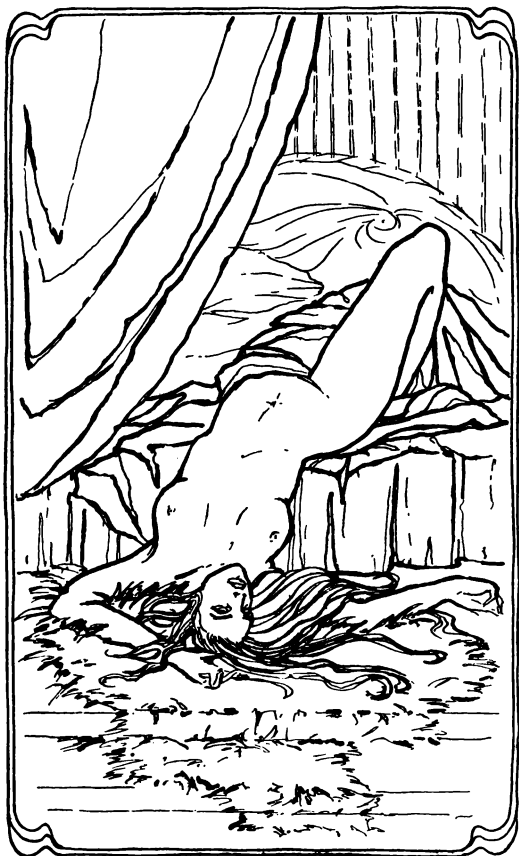
— О чем вы говорите? — спросил Панафье.

— Дело в том, — ответил Винсент, — что я совсем забыл, но у меня есть фотография жертвы в том положении, в каком она была найдена.

Говоря это, он вынул из бумажника маленькую фотографию.

Это была отлично сделанная фотография, как и все, что делает фотограф Карже.

Мадам Мазель была очень хороша собой и великолепно сложена, а странное положение, в котором

она находилась, еще больше подчеркивало ее красоту. Глядя на нее, можно было подумать, что это, скорее, фривольная фотография, а не картина ужасного преступления. Кроме того, выражение ее лица было скорее выражением лица спящей женщины, чем окровавленной жертвы, которая вскакивает с постели для борьбы с убийцей.

— А она недурна собой! — невольно проговорил Панафье.

— Прошу вас, господин Панафье, — с волнением перебил Винсент. — Поторопитесь, нам хотелось бы скорее уйти отсюда.

— Извините, но нам придется пробыть еще долго. Садитесь и выслушайте меня.

Говоря это, он указал на кресла и, поставив подсвечник на стол, с фотографией в руке прошелся несколько раз по комнате.

— Выслушайте меня, — сказал он опять, — я постараюсь восстановить картину преступления по тому, что я прочел, что я видел и что узнал. Прежде всего, очевидно, что многочисленные удары ножом не вызвали смерть, а следовали за нею. Здесь нет ни следов борьбы, ни следов крови.

Винсент указал на ковер.

— Ковер... Но это не кровь из ран. Труп пролежал здесь день и ночь, и пятна являются результатом этого пребывания, а иначе были бы запачканы кровью простынь и одеяло.

В эту ночь в гостиной играли, — продолжал он. — Около двух часов утра мадам Мазель, видя, что игра затягивается, ушла к себе, ссылаясь на сильную мигрень. Ваш отец был среди игроков, и некоторые из них даже слышали, как он сказал вполголоса мадам Мазель: «По окончании игры я уйду домой и увижусь с тобой только завтра». Затем мадам Мазель ушла к себе в спальню: она ждала мнимого аббата Пуляра.

— А может быть, он уже был там, — сказал Винсент.

— Нет. Я в этом уверен. Я убежден, что когда Пуляр вошел в дом, мадам Мазель спала.

— Почему вы так думаете?

— Очень просто! Посмотрите сюда на постель. По всей вероятности, он вставал на нее, чтобы завязать шнурок звонка на несколько узлов. Если бы мадам Мазель не спала, она, без сомнения, удивилась бы подобным действиям. Следовательно, она спала, когда тот, которого она ждала, вошел к ней. Он лег в постель, и если смерть является результатом того удара, который я предполагаю, то он должен был разбудить ее. Обманывая своими ласками и поцелуями, аббат схватил ее за голову и убил.

— За голову? О каком ударе вы говорите?

— Вот в двух словах, что я думаю: я думаю, что убийца мадам Мазель — человек, известный полиции. Он уже убил одну женщину этим же способом.

— Этим же способом? — спросил Шарль.

— Да, воткнув ей иголку в то место, где соединяется шея с затылком, и смерть была почти мгновенной.

— Но удары ножом?..

— По всей вероятности, убийца хотел придать смерти совсем другой вид, чтобы обмануть правосудие. Что ему и удалось.

— Но доктора?..

— Что касается докторов, то я предпочитаю сохранить про себя то, что я о них думаю. Удивительно то, что простыня не запачкана кровью и на подушке только это маленькое пятно.

— Это правда! — согласились братья.

— Какое ужасное преступление, приготовлением к которому служат ласки! — проговорил Винсент.

— Я сужу об этом по выражению лица жертвы.

И, говоря это, Панафье показал фотографию.

— Вы видите, смерть была мгновенной, как я вам и сказал. Лицо еще сохранило улыбку, глаза полуоткрыты. Видно, что последним вздохом было слово любви.

Несколько минут прошли в молчании, затем Панафье продолжал:

— Вот как было дело: аббат — молодой человек. Мадам Мазель любила его. Корнель Лебрен был уже пожилым человеком, и благодаря ему в доме царил тот недостаток, который мы видим. В тот вечер убийца очень ловко воспользовался ситуацией. В эту ночь играли, поэтому деньги лежали в шкафу, и он потребовал, чтобы мадам Мазель приняла его обязательно в эту ночь. Она приняла его, и боясь, чтобы не пришел Корнель Лебрен, заперла все двери. Убийца знает все это и во время сна несчастной он все подготавливает, затем будит ее, уверяет в своей любви и убивает, держа в объятиях. Несчастлиная делает только одно конвульсивное движение, во время которого поворачивается, отчего ее ноги заворачиваются в простынь. Она оказывается на краю постели, и голова перетягивает ее вниз — она падает. Она умирает, улыбаясь, и ее рука в предсмертной судороге сжимает одеяло, кусок которого пришлось отрезать. Посмотрев на нее, убийца побоялся, что она не умерла и нанес ножом удар, который доктора объявили смертельным, а так как на лице осталась странная улыбка, то он нанес несчастной еще несколько ударов. Затем он сказал себе, что его видели входящим, что о его присутствии знали. И стал придумывать средство, чтобы отвести от себя всякое подозрение. Прежде всего он снял с себя рясу и надел платье, принесенное с собой. Затем он разрезал свою рубашку и рясу ударами ножа и, так как у несчастной, упавшей головой вниз, пошла изо рта кровь, вытер эту кровь своей рубашкой и рясой. Лебрен не мог войти в комнату прислуги, так как он никогда не проходил через людскую и кухню, тогда как это была обычная дорога, по которой аббат приходил ночью к Адели Мазель. Очевидно, что аббат спрятал свою окровавленную одежду в подвале, оставив дверь открытой, чтобы привлечь людей, которые будут проводить следствие. Все, что он предвидел и на что надеялся, исполнилось по его желанию. Лебрен, окончив играть, совершенно проигрался и спросил у горничной, не приказывала ли госпожа что-ни-

будь передать ему? Ему ответили отрицательно. И так как была еще ночь, то он сошел на нижний этаж в маленькую гостиную, чтобы подождать там рассвета, когда легко будет найти экипаж. Что касается игроков, то они ушли из столовой через лестницу. Ваш отец остался один, раздосадованный тем, что проиграл, и отправился домой, как только рассвело. Аббат же взял в шкафу все деньги, драгоценности, которые там были, и вышел в ворота, пройдя через людскую. Этого аббата необходимо найти.

— Но, — спросил Винсент, — этот преступник, удар которого вы узнали, что он сделал еще?

— Вы хотите узнать? Впрочем, я глупо поступал, не говоря вам, почему я с таким жаром принялся за ваше дело. Человек, которого я искал когда-то и из-за которого я стал добровольным полицейским, — это тот, который убил мадам Мазель, как я теперь в этом убежден, и он...

— Кто он?

— Он убийца моей матери.

— Ах, Боже мой! — вскричали в один голос оба брата.

В то время как Панафье проводил рукой по лбу, как бы желая прогнать тяжелые мысли, Винсент сказал:

— Теперь мы здесь закончили — идемте отсюда.

— Господа, — ответил Панафье, — я понимаю, что для вас это следствие очень тяжело, но мне необходимо изучить все как можно основательнее, поэтому оставьте меня здесь одного. Согласны ли вы?

Братья с удивлением переглянулись.

— Я увижусь с вами завтра утром.

— Как ни странно ваше желание, мы повинемся — мы верим вам.

— И вы совершенно правы. Идите. Да, — прибавил он, — вы мне сказали, что у вас есть рапорт докторов.

— Да.

— Дайте мне его. Я хочу его прочесть.

Винсент вынул бумажник и передал молодому человеку то, что он просил. Затем братья пожали ему руку, говоря:

— До завтра!

Когда Шарль и Винсент уехали, Панафье сел в кресло и, закрыв лицо руками, задумался о расследовании подобного преступления, которое он уже проводил однажды. Затем он взял рапорт, оставленный ему Винсентом. Мы сейчас прочтем его читателю.

«МЕДИЦИНСКИЙ РАПОРТ

Я, нижеподписавшийся Буатер-Огюст Андош, доктор-акушер, кавалер ордена Белого Медведя, командор ордена Сен-Мартино, член медицинской Академии Монпелье, член-корреспондент университетов Турина и Одессы и т.д. и т.д., в сопровождении господина Герзень, полицейского комиссара, отправился на квартиру госпожи Мазель на улицу Фридлань, в дом номер 38, для того, чтобы произвести обследование ран, полученных ею и являющихся причиной ее смерти. Я нашел в комнате, обитой голубым атласом, нагую женщину, лежащую ногами на постели, а головой на полу, и констатировал, что как тело, так и руки и ноги ее покрыты многочисленными, науглубокими ранами. Лицо, шея и спина были не тронуты. Из этих ран вытекло очень небольшое количество крови. На левом боку, в двух с половиной сантиметрах от левой груди, оказалась рана продолговатой формы, размером в четыре миллиметра, нанесенная почти вертикально: по всей вероятности, этот удар и был причиной смерти. Верхняя часть легкого пробита насквозь, но вообще на всем теле нет ни малейших следов насилия. Из всего этого мы делаем вывод, что смерть была почти мгновенной и произошла в результате ранения в левом боку. Орудием, нанесшим эту рану, был карманный нож убийцы. Остальные раны кажутся нам нанесенными после смерти, когда убийца, по всей вероятности, хотел удовлетворить низменные желания, предаваясь циничной жестокости. Вследствие всего этого мы...» и т.д.

Прочитав рапорт, Панафье пожал плечами и вместо подписи произнес:

— Дурак!

Затем он вынул фотографию, оставленную ему Винсентом, и громко засмеялся, говоря:

— Какой идиот! А между тем жизнь скольких людей находится постоянно в руках подобных докторов. И он еще изучал медицину! И таким людям поручают важное дело поиска причины смерти! Может быть, он в первый раз в жизни очутился перед трупом, причиной смерти которого он не был сам. Однако посмотрим это, — продолжал он, поворачивая листок. — А! Убитая перенесена в Божон. Кажется, у меня был знакомый в Божоне. Жюбер. Но его там нет. Он перешел в Венсен. Вот число — «5 октября 1878 года». Нет сомнения, что в то время Жюбер был еще студентом в Божоне. На всякий случай я схожу к нему завтра утром.

Сказав это, Панафье встал и поднял занавеси с окна, выходявшего на улицу Фридлань.

— Уже светает! — сказал он.

И действительно, уже наступал день. Тогда Панафье еще раз обошел комнаты, следуя по тому пути, которым, по его предположению, должен был идти убийца.

Он вышел через маленькую комнату, находившуюся по правую сторону постели, вторая дверь которой выходила на площадку лестницы. Затем он прошел через коридор, который вел в людскую и кухню, и вышел через черную лестницу. «Это так, — думал он. — Он спустился вниз и отнес в подвал свою рясу и рубашку, оставив эту дверь открытой, чтобы направить следствие по ложному пути, и эти идиоты попались в ловушку».

Затем Панафье снова вернулся в квартиру, погасил лампу и вышел на улицу через подъезд, к великому удивлению соседей.

День уже наступил. Он подозвал фиакр, сел в него и сказал кучеру:

— В Венсенский госпиталь!

Глава VII

УЖАСНОЕ И ЛЮБОПЫТНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

Кучер скорчил недовольную гримасу, но когда Панафье прибавил: «Я оплачу проезд вдвойне», он сделался любезным, и менее чем через час экипаж остановился у военного госпиталя. Панафье, выйдя из экипажа, спросил привратника:

— Где доктор Жобер?

— Он в морге.

— Что он там делает?

— Он дежурный, а сегодня там два вскрытия.

— А можно его увидеть?

— Я не знаю. Если вы его приятель... — нерешительно сказал привратник.

— Я его друг, — смело отвечал Панафье, — и, кроме того, я его собрат по профессии.

— А! Вы доктор? Это другое дело. Потрудитесь следовать за мной, мсье.

Мы сказали читателю, что хотим показать ему трупобы Парижа, подразумевая под этим все места, заслуживающие интереса. Теперь мы имеем перед собой именно такое место и просим у читателя разрешения показать ему морг госпиталя.

Это был большой зал, в который свет проникал через окно, сделанное наверху. Во всю длину стены, противоположной той, в которой находилась входная дверь, стояли шесть каменных столов, и на трех из них лежало по трупу. Эти закоченевшие тела казались бледно-зеленоватыми от падающего сверху света.

На первом столе лежал труп молодого человека лет двадцати пяти. Лицо его уже подверглось ужасной обработке: по обе стороны челюстей были сделаны надрезы, как будто две ямочки, которые заставляли труп смеяться. Ввалившиеся глаза были без век.

Над этим ужасным зрелищем склонились двое молодых людей. Они ловко разрезали труп скаль-

пелями, курия в то же время папиросы. Один из них насвистывал мотив модной оперетки.

За вторым столом стоял еще один мужчина — высокий молодой человек лет двадцати четырех с папиросой в зубах и с ножом в руке.

На третьем столе лежало третье тело, вскрытие которого уже было окончено.

Эти трупы еще не испытали последнего оскорбления, так как перед похоронами сторожа вырывают у трупов хорошие зубы и обрезают волосы. Как ужасно думать, что эти волосы будут развеиваться вокруг розовых щечек, а эти зубы — помещаться в улыбающемся ротике, дарящем поцелуи.

Бр-р! Какая ужасная картина!

Ничто не в состоянии передать этой отвратительной картины! Мрачные столы, вытянувшиеся трупы с гримасами на лицах, сжатые или раскрытые рты, ввалившиеся глаза, иногда выпнутые из орбит, — все это ужасно!

Но Панафье прошел мимо всего этого с величайшим спокойствием. Он подошел к стоящему в одиночестве за вторым столом молодому человеку и сказал:

— Можете ли вы уделить мне минуту, Жобер?

Молодой человек обернулся.

— Панафье! — воскликнул он, и вытерев руку о передник, протянул ее Панафье. — Чему я обязан вашим посещением? Вы пришли позавтракать со мной?

Панафье пожал ему руку и сказал:

— Да, если вы свободны.

— Вы пришли очень кстати — я только что закончил.

И доктор сел на стул, сворачивая новую папиросу.

— Черт возьми! — против воли проговорил Панафье, прикрывая нос платком. — Здесь не особенно весело.

— Ну, — смеясь, возразил доктор, — это дело привычки. Если бы вы знали, как интересно наблюдать после смерти за болезнью, которую вы не смогли победить.

— Какое счастье, что семья покойного не может присутствовать при этом открытии сделанных ошибок.

— Да, вы правы! Сколько знаменитостей лишилось бы своего престижа...

— Знаете что, — сказал Панафье, — хотя я человек не нервный, но тем не менее я предпочел бы разговаривать в другом месте.

— Закурите папиросу.

— Нет, я ни за что не возьмусь за то, к чему вы только что дотрагивались.

— Ну, в таком случае я буду к вашим услугам через минуту, — смеясь, сказал доктор. — А между тем, входя сюда, вы имели такой спокойный вид.

— Да, но это быстро прошло. Теперь мне здесь очень не нравится. Вам все равно, куда идти?

— Все равно. Очень даже часто, когда у нас бывают продолжительные вскрытия, мы завтракаем здесь.

— Здесь?!

— Да. Вот на этом уголке стола.

— Ах, Боже мой! Нет, знаете ли, я не в состоянии здесь оставаться. Буду вас ждать у дверей зала.

И с этими словами Панафье поспешно бросился к дверям, сопровождаемый смехом докторов. Но так как Панафье был не дурак, то он вернулся обратно и сказал:

— Господа, вы так веселы, что доставите мне удовольствие, если согласитесь сопровождать господина Жобера. Мы позавтракаем вместе. А теперь я отправлюсь вперед, чтобы заказать завтрак.

Несколько минут спустя все четверо молодых людей сидели вокруг стола в отдельной комнате ресторана, но так как двое из них были дежурными после полудня, то Панафье после завтрака остался вдвоем с доктором Жобером.

После длинного разговора о вскрытиях Панафье сказал доктору:

— Дорогой Жобер, я пришел к вам узнать некоторые сведения, необходимые для изучения одного дела.

— Относительно чего?

— Помните ли вы преступление, совершенное полтора года тому назад на улице Фридлань?

— О да, конечно, — убийство красавицы Адели Мазель?

— Да, именно.

— Я делал ее вскрытие.

— Как?! Но ведь вы тогда были студентом.

— Да, я помогал доктору. А что же вы хотите узнать?

— Сейчас скажу вам. Я прочитал рапорт доктора и рапорт агента, но отличия в них до такой степени поразили меня, что я захотел обратиться к вам, чтобы быть вполне уверенным. Надеюсь, что вы нисколько не скомпрометируете себя, рассказав мне это, — добавил Панафье.

— О, нисколько! Доктор ошибся, но когда я обратил его внимание на это, то он мне ответил: «Не все ли равно, какова причина смерти. Истина в том, что убийца был Лебрен. Не будем же увеличивать ужаса от совершенного преступления открытием, которое могло бы найти себе подражателей».

Несмотря на печальный сюжет разговора, Панафье улыбнулся, довольный тем, что не напрасно приехал.

— Не скрою от вас, — сказал он, — что это интересует меня в высшей степени.

— В таком случае, милый мой, я с удовольствием готов сообщить вам какие угодно сведения.

Панафье оперся о стол, наполнил стаканы шампанским и продолжил:

— Вы читали рапорт доктора?

— Конечно, так как сам писал под его диктовку.

— Да, это правда, я забыл, что вы принимали участие во вскрытии.

— Да, я своими собственными руками вскрывал труп, конечно, под руководством доктора-эксперта.

— Доктора, у которого так много наград?

— Да, — отвечал со смехом Жобер.

Панафье был очень счастлив, так как уже узнал драгоценные сведения. Но он спешил узнать и другие факты, которые так и хотели слететь с языка Жобера.

— Вы видели мертвую мадам Мазель? Вы дотрагивались до ее ран? Вы производили вскрытие?

— Да, повторяю вам: я производил вскрытие, следуя приказанию доктора, и писал под его диктовку рапорт.

— Весь вопрос в том, дотрагивались ли вы до ран руками?

— Да, конечно.

— И вы констатировали их важность?

— Важность раны в левом боку, которая задела легкое.

— И которая была смертельной, не правда ли?

Жобер засмеялся, пожал плечами и сказал:

— Да, по крайней мере, так утверждает рапорт. Это действительно ловкий удар, и живой человек, получивший его, конечно, не пережил бы его.

Панафье понял, что доктор готов все объяснить, а главное — доказать, что счастливицы, которых публика превозносит, очень часто должны были бы учиться у молодых докторов, и поэтому он с удовольствием ухватился за этот случай, продолжая поспешно:

— Вы говорите — «живой человек». Разве вы предполагаете, что Адель Мазель была уже мертва, когда убийца вонзил ей нож в левый бок?

— Да, мой милый, я иду даже дальше. Я утверждаю, что удар поразил только труп.

— Вы убеждены в этом? — спросил Панафье, напрасно стараясь скрыть волнение, с которым вслушивал ответы Жобера.

— Конечно убежден, — ответил последний.

— И можете доказать это?

— Конечно, — небрежно подтвердил доктор, наливая в стакан шампанское. — У меня даже есть вещественное доказательство.

— Доказательство?

— Да, но не все ли равно, мой милый, как эта несчастная была убита. Главное, что она была убита. Убийца был найден, предан суду, осужден и казнен, следовательно, дело закончено.

Панафье не знал, что ответить на замечание приятеля, очевидно, утомленного этим разговором и хотевшего прекратить его. Тогда он решился говорить яснее:

— Выслушайте меня, мой милый Жобер. По особым причинам мне нужно узнать точные сведения относительно этого предмета. Прошу вас, не удивляйтесь моей настойчивости. Я изучаю это дело, и мне нужно знать правду. Помогите мне восстановить факты.

— Но, мой милый Поль, я в вашем распоряжении и могу сказать вам все, что знаю.

— О, благодарю вас!

Доктор взял сигару, откусил кончик зубами, закурил ее и тогда уже заговорил:

— Я уже вам сказал, что делал вскрытие под руководством доктора-эксперта — человека с наградами, как вы его называете, и что вследствие этого я в состоянии судить о причине смерти.

— Да, — проговорил Панафье, — ну и что же?

— Прежде всего, положение трупа, спокойствие его лица, небольшое количество вытекшей крови — все это заставило меня сомневаться в том, что смерть была результатом ран, нанесенных острым оружием, так как эти раны дают много крови и их количество заставило бы предположить о сильном сопротивлении жертвы, о сопротивлении, которое оставило бы следы тех усилий, которые должен был употребить убийца, чтобы победить его.

— Совершенно верно, это именно то, что я думал! — вскрикнул Панафье.

Жобер задумался на несколько минут, припоминая то, что произошло полтора года тому назад, и продолжал:

— Внимательный осмотр каждой раны в отдельности и даже раны в левом боку подтверждал мое предположение. Я спрашивал себя: «Не были ли

эти раны нанесены после смерти?» Но отсутствие других причин смерти заставило доктора прийти к выводу, что те раны, которые он видел, были смертельными.

— Но каким образом этот знаменитый доктор может давать такое категорическое заключение, если он сам сомневается? — спросил Панафье, ударив по столу. — Ведь этот господин подписался, что смерть наступила в результате ранения в левый бок, из-за чего произошло внутреннее кровоизлияние.

— Все люди ошибаются, — отозвался Жобер, — и доктора тоже.

— Но, мой милый, от медицинской экспертизы очень часто зависит жизнь человека.

— Конечно, но этот бедный старый доктор, видимо, находился под влиянием убедительных доказательств, добытых следствием против обвиняемого. По всей вероятности, уверенность в виновности того заставила его дать свое заключение немного поспешно. Я не знаю — почему, но по окончании вскрытия я не в состоянии был отойти от этого тела. Мне хотелось найти причину, которая ускользнула от эксперта. Я приказал перенести труп в мой павильон в практической школе и там, оставшись один, начал снова внимательно осматривать тело. Перевернув труп на грудь, я поднял длинные волосы, распущенные по плечам и, свернув, закрепил их на затылке. Когда низ затылка открылся, и я с восторгом глядел на грациозную линию шеи, мой взгляд вдруг словно споткнулся: мелкие вьющиеся волосы внизу затылка были слипшимися и засохшими. В эту минуту — не помню, как и почему — но я вспомнил о том, что несколько капель крови были найдены на подушке жертвы, и сразу же, вследствие естественного течения хода мыслей, я увидел связь между пятнами на подушке и слипшимися волосами. Я тут же взял лупу, осторожно приподнял слипшуюся прядь волос и под ними заметил небольшую черную точку, настолько маленькую, что она, без сомнения, ускользнула бы от невооруженного взгляда; дотронувшись до этой точ-

ки, я почувствовал под пальцем какое-то твердое тело. Не в состоянии объяснить себе, что это, я сделал в этом месте легкий надрез, и в ране появилась верхушка золотой иголки четырех-пяти миллиметров в диаметре.

— Я так и знал! — вскрикнул Панафье.

— Что вы говорите?

— Ничего, милый мой, продолжайте. Я говорю сам с собой.

— Я попробовал слегка покачать иголку, но она не шевелилась. Тогда, вооружившись скальпелем, я продолжил свое исследование и через мускулы затылка дошел до двух главных артерий.

Панафье внимательно слушал, проводя по низу своего затылка, чтобы лучше представить себе, в какое место был нанесен смертельный удар.

Между тем Жобер продолжал:

— Иголка была воткнута между этими двумя артериями. Тогда я с усилием, но осторожно, вынул иголку и увидел, что ее конец на два сантиметра входил в мозжечок.

— И...

— Это и было причиной смерти.

— И вы совершенно убеждены, что именно это, а не другое, вызвало смерть?

— Абсолютно убежден.

— Но приходилось ли вам видеть подобные случаи?

— На людях — нет. Физиологи делали опыты в этом направлении, но только на животных. Доказано, что легкий укол в мозжечок вызывает мгновенную смерть.

— И вы никогда не слышали, чтобы кто-то умер по такой же причине?

— Нет.

— Не слышали ли вы четыре года тому назад об одной женщине, жившей в Батиньоле?

— Нет, не помню.

— Это была бедная женщина, которую однажды нашли утром, и доктора...

— Констатировали эту же самую причину?

— Нет, дорогой доктор. Как и теперь, они ошиблись, указав причиной смерти отравление.

— Но я никогда не слышал о подобном процессе.

— Это вполне понятно, так как убийца не был найден.

— Ба! Но в таком случае его нашли после, так как несмотря на отрицание своей вины, этот Корнель Лебрэн был, без сомнения, виновником происшедшего. Удары ножом должны были сбить с толку следователя, и он преуспел в этом.

— И вы думаете, что он сделал это один?

— Несомненно.

Панафье подумал несколько минут. Затем, не желая сказать слишком много, продолжал:

— Вы, может быть, правы. Не хотите ли еще выпить стакан шампанского?

— С большим удовольствием.

Панафье налил.

— Какая это иголка? Она все еще у вас?

— Она была у меня, но недавно ее взяли.

— Очень жаль! Мне хотелось бы посмотреть на нее.

— Я отдал ее одной замужней женщине, своей знакомой.

— Однако, вы делаете хорошие подарки вашим любовницам, доктор.

— О, она была очень забавна, эта маленькая Нисетта.

— Это имя редко встречается в Париже.

— А между тем она парижанка. Конечно, она не герцогиня, — продолжал, смеясь, доктор, — но для меня это все равно. Чепчик или шляпа для меня одинаковы. Я смотрю только на личико, которое из-под него выглядывает.

— Это было бы забавно, — сказал Панафье, думая вслух. — Не занимается ли ваша Нисетта в свободное время отпиранием дверей?

— Вы ее знаете?

— Ну, это уже чересчур.

— Как! Вы знаете Нисетту Левассер? И вы тоже? Нам давно пора было сменить тему.

— Очень рад, что мы закончили разговором о Нисетте, доктор. Я пью за ее здоровье! — И Панафье, совершенно изменив манеры, как только добился результатов в своих поисках, высоко поднял стакан.

Глава VIII

ДВА ПИСЬМА

Когда в этот день Панафье возвращался домой, его остановил привратник.

— Господин Панафье, — сказал он, — у меня есть для вас письмо.

— Вы его получили сегодня или вчера?

— Да, действительно, вы ведь сегодня не ночевали дома, — засмеялся Левассер. — О, молодость! Это письмо принес сегодня утром один человек. Странный человек!

Панафье взглянул на письмо и, так как в комнате привратника было днем темно, положил письмо в карман, думая прочесть его, придя к себе.

— Благодарю вас, господин Левассер, — сказал он, — а вашей супруги нет дома?

— Нет, бедняжка еще молода, а здесь не очень-то весело живет. И, так как сегодня бал в одном доме, где бывает ее тетка, Нисетта попросила у меня позволения отправиться туда. Вы понимаете, что я не мог отказать ей, тем более, что это люди очень приличные.

— Но для бала еще рановато.

— Дело в том, что перед балом будет обед, он назначен на пять часов, а сейчас шесть.

— Уже? — удивился Панафье. — Вы, значит, не ревнивы, — прибавил он, чтобы что-нибудь сказать.

— Ведь я сказал уже, что они люди приличные, вдобавок, жена отправилась туда с теткой — женщиной из высшего круга общества, которая не бывает у нас из-за занимаемого ею положения, но обожает мою жену. Кроме того, я разрешаю своей жене ходить туда потому, что она позволяет мне посещать наши субботние собрания.

— Какие собрания?

— Разве вы не знаете, что я член общества Детей лиры Орфея?

— Детей лиры Орфея?

— Да, это общество пения. У нас бывают обеды каждую первую субботу месяца, по два франка семьдесят пять сантимов с вином и кофе. Если вы хотите, я когда-нибудь свожу вас туда.

— Не откажусь, — ответил Панафье, — надо же хоть немного развлекаться.

Сказав это, он поспешно поднялся по лестнице, спеша прочесть то, что принес «странный человек».

Придя к себе, он зажег свечу и был немало удивлен, увидев брошенный на стуле ежедневный костюм Луизы. Нарядного платья, купленного на полученные Панафье деньги, не было. Очевидно, Луиза надела его. Затем Панафье увидел на столе лист бумаги, на котором каракулями нацарапано было несколько строчек:

«Дорогой Поль, я думаю, что если один развлекается, то и другой должен делать то же. Ты не вернулся ночевать в прошлую ночь, и я сегодня поступлю так же. Только я честная женщина и могу сказать, куда иду. Я сопровождаю мадам Левассер на один семейный бал. Итак, до завтра, если только ты вернешься в эту ночь. Луиза».

— Черт возьми, — сказал со смехом Панафье, — дело плохо. На какой это бал отправилась Нисетта? Все это выглядит очень странно; мне кажется, что я знаю только наполовину мою нежную подругу, и почти убежден, что совсем не знаю Нисетту. Здесь есть тайна, которую я должен раскрыть. Но прежде всего нужно подумать о деле.

Затем он развернул письмо, полученное от при-
вратника. Оно было написано крупным, дрожащим
почерком и имело следующее содержание:

*«Я занялся делом, которое вы мне поручили. Я
узнал, куда иногда заходит Пуляр, и готов вас
проводить туда, если вы не изменили своих наме-
рений относительно меня. Если вы свободны сегод-
ня вечером, то я поведу вас в то место, куда он
ходит. Это место, в котором бывает немало жен-
щин и где играют по-крупному; я ничего больше не
скажу, не получив ответ на свое письмо. Имею
честь быть, господин Панафье, вашим преданным
слугой.*

Исидор.

PS. Я буду весь вечер в «Бешеной кошке».

— Отлично! — весело воскликнул Панафье.

Затем, держа оба письма в руке, он весело при-
бавил:

— Странно, но мне кажется, что эти два письма
каким-то таинственным образом связаны между со-
бой. Что делать? Пойти за братьями Лебрэн? Нет, я
должен сначала все выяснить. Во-первых, я заинте-
ресован в этом деле лично, а во-вторых, братья мо-
гут слишком поторопиться и этим все испортить. Я
пойду к Ладешу один. Он укажет мне дом и челове-
ка, за которым я должен следить, чтобы узнать,
где он живет. Но надо быть осторожным, иначе
можно ошибиться. Сегодня вечером я узнаю, прав-
да ли то, что он мне пишет, а братьям я успею
сказать об этом и через два-три дня, когда соберу
все нужные сведения. Для них достаточно пока и
того, что я узнал сегодня.

Он помолчал, затем вдруг вскрикнул:

— Но ведь Нисетта — любовница Жюбера! Это
уж чересчур! Пойми тут что-нибудь! Я думал, что
первый заставил ее изменить своему супружескому
долгу. Верь после этого ее невинному виду... Завт-
ра я наведу справки о ее любовниках.

Затем он вытряс свои карманы, и оказалось, что
у него есть еще пять луидоров.

— Хорошо, — произнес он, — за двадцать франков Ладеш сделает что угодно. Если мы пойдем в этот игорный дом, то у меня еще останется три луидора на игру. Этого вполне достаточно, тем более, что завтра я надеюсь получить деньги. А теперь пора отправляться на свидание.

Он уже собирался выйти, когда его взгляд снова упал на письмо Луизы.

— Бедняжка, — проговорил он, — она должна как-нибудь развлекаться. Тем более, что нет ничего предосудительного, если она постоянно будет посещать семейные дома. А завтра я ее порадую маленьким подарком!

Он погасил свечу и сошел вниз. Полчаса спустя он входил в «Бешеную кошку», где, как всегда, было много народа.

Он сделал знак Ладешу и Пьеру Деталю, те подошли к нему, и они втроем сели за стол. Приказав подать бутылку вина, Панафье обратился к Ладешу.

— Ну что? Ты нашел его? — спросил он.

— Да, я знаю место, куда он пойдет сегодня вечером.

— И куда?

Ладеш покачал головой.

— Что с тобой? — спросил Панафье.

— Что со мной!.. У каждого свои делишки, и я хочу знать — берете вы меня или нет?

— Но ведь это уже решено — ты же нам служишь.

— Значит, вы меня берете?

— На вот задаток, — отвечал Панафье, давая ему луидор.

— В таком случае, я исполню любое ваше поручение. Вы позволите мне немного выпить? — спросил он, кидая луидор в карман. — И я расскажу в двух словах суть дела. Он посещает два игорных дома: один на улице Омер, другой — в предместье Сен-Дени. В этот последний он ходит по четвергам.

— И ты говоришь, что он должен отправиться туда сегодня вечером?

— Да.

— Каким образом ты это узнал?

— О, очень просто!

— Прежде всего, скажи мне, что из себя представляет аббат Пуляр? Действительно ли он аббат?

— Совсем нет! Разве вы этого не знаете?

— Не знаю. Мне сказали, что если бы аббат Пуляр был жив, то он помог бы нам повернуть наше дело. Ты мне сказал, что аббат жив, следовательно, он может мне помочь. Вот каким образом я узнал, что существует аббат Пуляр, и вот почему желаю его видеть. Но больше я не знаю о нем ничего. Он действительно аббат?

— Вовсе нет. Просто он воспитывался в семинарии Сен-Сюльпис. Три раза он убегал оттуда, и три раза его возвращали. Он — веселый мальчик, — смеясь, продолжал Ладеш.

Его смеху вторил громкий хохот Пьера Деталья.

— Итак, — продолжал Ладеш, — он был возвращен в семинарию, и когда бежал в четвертый раз, то его семья махнула на него рукой. Он же, в свою очередь, написал своим родным: «Я чувствую, что не рожден быть священником. Позвольте мне заниматься коммерцией». Родные ответили отказом. Так как он продолжал упрямиться, ему перестали высылать деньги. Родные говорили себе: «Он уступит, когда останется без гроша». Тогда Пуляр решил устроить скандал: он надевал сутану и прогуливался в людных местах под руку с красавицами и с трубкой в зубах. Когда ему говорили: «Вы носите монашеский костюм, а здесь запрещено в нем появляться», он отвечал: «Дайте мне другой. Я только этого и хочу, так как мне нечего надеть. Я надеюсь, вы не заставите меня ходить голым». Но это продолжалось всего несколько дней, после чего ему запретили посещать рестораны в этой одежде. Знаете, что он тогда сделал? Он купил старые гвардейские пуговицы и пришил их к своей сутане. В то время его любовницей была Лида — модистка. Она пришила ему к сутане воротник из зеленого атласа. Тогда его стали везде пускать, говоря: «Это оригинал», и дали прозвище «аббат».

— Но сколько же ему лет?
— В то время было двадцать пять.
— Что он за человек?
— О, он очень красив, а главное — силен и ловок.

— Он игрок?

— О, да! Один раз он проиграл свой галстук, костюм и сапоги.

— Это человек, с которым очень приятно познакомиться, — проговорил Панафье.

— Ну да, но в тот раз он снова все отыграл.

— Каким же образом?

— С помощью золотой булавки, которую он поставил и которая ему все возвратила. Это его мания. Он постоянно носит в галстукке большую булавку без головки, но золотую.

Панафье против воли вскрикнул.

Ладеш взглянул на него и, увидев, что он бледнеет, спросил:

— Что с вами?

— Ничего, ничего, — отвечал Панафье, сразу же приходя в себя, — все в порядке. Я только озадачен тем, что слышу. Не правда ли, какой странный человек... О да! Очень странный.

При этих словах Поль вытирал пот, выступивший у него на лбу, и старался скрыть свое учащенное дыхание. Он чувствовал, что холод пробегает у него по спине, тогда как голова горит огнем. Он пытался победить охватившее его волнение и бессмысленно глядел на Ладеша, продолжавшего свой рассказ.

Волнение Панафье было вполне понятным, так как теперь он ни в чем не сомневался. Таинственный аббат был игроком, он был любовником и другом Адели Мазель. И булавка, странная золотая булавка, всегда была при нем.

Между тем Ладеш, не замечая, что происходит с его собеседником, продолжал:

— Я припомнил одну прачку, с которой он был знаком одно время. Я побывал у нее, и она мне сказала, что сейчас он не поступает так глупо, как

раньше, но продолжает играть. «Я видела его у одной заказчицы, которая обедает в заведении, куда он иногда заходит», — добавила она. Тогда, — продолжал Ладеш, — я узнал адрес этой дамы, проживающей на улице Лаваль, отправился туда и сказал, что пришел от имени одного господина, который желает знать, где можно ее увидеть. Она ответила мне, что человек, желающий ее видеть, сам назначит место. Тут я и ввернул, что он хочет встретиться хотя бы там, где она обедает. В ответ она сказала: «Я обедаю в предместье Сен-Дени у Баландье». «Дело в том, — продолжал я, — что этот человек видел вас с аббатом и не хотел бы с ним встретиться». «О, это очень просто, — сказала она тогда. — Аббат бывает у Баландье только по четвергам». Вы понимаете, что это было не особенно хитро, но я узнал, где и когда можно увидеть аббата. Как раз сегодня четверг!

Панафье уловил только конец рассказа Ладеша и спросил:

— Итак, ты говоришь, что он бывает каждый четверг у Баландье? Знаю это место — я там бывал. А не знают ли там, как сейчас его дела?

— Мне говорили, что будто бы он теперь при деньгах. Многие еще думают, что он провинциальный аббат и временами появляется в Париже. Некоторые говорят, что он расстрижен. В сущности же никто ничего о нем не знает: он исчез из Латинского квартала и появился там только десять лет спустя, но уже в светском платье.

— Ты его знаешь?

— Да, я его знаю, но мы не знакомы, если это тот, о ком я думаю. Вы же знаете, господин Панафье, иногда человек может ошибиться.

— Вот что мы будем делать сегодня вечером, — сказал Панафье, подумав несколько минут. — Вы отправитесь вместе со мной в предместье Сен-Дени.

— К Баландье? — с неудовольствием спросил Пьер Деталь.

— Нет, вы останетесь оба у двери и будете ждать его выхода, а затем будете за ним следить — так,

чтобы он этого не заметил, — и узнаете, где он живет.

— Ну, это очень легко!

— Что касается меня, то я войду к Баландье и буду наблюдать за ним. Я хочу посмотреть — тот ли это человек, который мне нужен, так как я не хочу погубить дело, рассказав о нем первому встречному.

— Да, конечно, надо быть очень осторожным. Вы довольны мной, господин Панафье? — спросил Ладеш.

— Очень доволен, — отвечал Панафье, пожимая ему руку.

— В таком случае, — заключил, вставая, Пьер Деталь, — надо на дорогу распить бутылочку.

— Да, но только поскорее, так как мы можем опоздать.

Когда бутылочка была распита, Панафье заплатил и в сопровождении своих двух помощников отправился в предместье Сен-Дени.

Глава IX

У БАЛАНДЬЕ

Место, в которое мы введем нашего читателя, заслуживает особого внимания. Это типичное кафе, где дают обеды и где столуются женщины. Большая часть посетителей — именно они, и мужчины появляются здесь только изредка.

Мы уже сказали, что заведение Баландье помещалось в предместье Сен-Дени, недалеко от улицы Энглен, в трехэтажном доме.

Ворота этого дома были узки и мрачны, и изпод них постоянно текли ручьи помоев. Кухни всех трех этажей выходили на узкую, крутую лестницу, и на ней всегда был слышен запах плохой стряпни. Надо было иметь крепкий желудок, чтобы не потерять аппетита, поднявшись на третий этаж.

Войдя в коридор, служивший передней, посетители вынуждены были дышать воздухом, настоящим на смеси запахов керосина и неопытно содержащихся копек. Здесь толстая девушка, плохо говорившая по-французски, брала у посетителя шляпу и пальто и относила их в другую комнату. Эта любезность была своеобразной мерой предосторожности, которая не позволяла никому выйти незаметно. Затем та же самая девушка открывала дверь в столовую.

Столовой служила комната, оклеенная выцветшими обоями, и единственной мебелью в ней были буфет из красного дерева и большой белый стол посередине, да над камином висело зеркало в серой рамке, причем прямо на зеркале завсегдатаи кафе, пользуясь бриллиантами из колец, нацарапали массу глупостей.

По стенам было развешано несколько плохих литографий. На камине перед зеркалом стояли четыре фотографии: хозяйки дома; ее дочери — особы двадцатью годами моложе, очень красивой, в весьма легком костюме; жандарма — первого мужа Баландые и отца ее дочери; и красивого молодого человека, которого дочь Баландые называла другом мамаша.

Стол был застелен скатертью сомнительной чистоты, которую меняли раз в два дня; салфетки менялись два раза в неделю, и постоянные посетители вкладывали их в кольца с номерами.

Сама Баландые занималась хозяйством; ее дочь очень редко садилась за стол — самое большее шесть раз в год. И никто никогда не видел друга мадам Баландые — красавца Густава. Когда в час обеда ему нужно было переговорить с Баландые, он вызывал ее на кухню.

Рядом с большой столовой была комната поменьше, меблированная немного лучше, и стоящий посередине нее стол был покрыт зеленой салфеткой.

В этой комнате после обеда постоянные посетительницы говорили какому-нибудь новичку, явившемуся в первый раз:

— Сейчас будут играть по-маленькой, а я забыла мое портмоне. Дайте мне в долг луидор.

Иногда это имело успех, но, нужно заметить, довольно редко.

В это-то место в восемь часов вечера и вошел Панафье.

Обед уже начался: человек двенадцать женщин сидели за столом, в то время как от сильного пола было всего четыре представителя.

Панафье заметил, что все дамы были не в духе — ни одна из них не разговаривала, что казалось удивительным. Что касается мужчин, то, наклонившись над своими тарелками, они яростно трудились, пытаясь разрезать жилистое мясо.

Панафье хотел завязать разговор со своей соседкой. Оказалось, что это сделать очень легко, так как она начала первая.

— Вот так обед! — сказала она. — К счастью, у нас свои зубы, а то невозможно было бы перегрызть это мясо.

— Да, действительно, — поддержал Панафье, — надо быть глубоко убежденным в том, что это мясо, чтобы согласиться его есть. Здесь всегда так кормят?

— Как? Всегда такой обед? Не-е-ет. Если бы это было так, я не ходила бы сюда. Но как только приходят некоторые посетительницы, так сразу же им подают лучшие куски, а нам —ничего.

— Но, — с горечью перебила ее соседка, — мы, по всей вероятности, хуже этих дам.

— Каких дам?

— Мы-то очень хорошо знаем, кто они такие, — сообщила одна из женщин, — а между тем они делают вид, что лучше нас.

— А кто они такие? — спросил высокий мужчина, обращаясь к своей соседке. — Я не видел, как они входили.

— Разве ты не знаешь, что это те мадам, про которых говорят, что они честные женщины?

— Да уж!

И все за столом громко засмеялись.

У Панафье вся эта болтовня вызывала большое удивление.

— О ком это вы говорите? — спросил он в свою очередь.

— О двух девчонках, которые сидят вон там! — отвечала соседка, указывая на маленькую комнату, дверь которой была закрыта. — Здесь всегда так. Мы приходим каждый день — и на нас не обращают внимания. Эти являются изредка — и вокруг них все пляшут. Все лучшее подается им.

— Где же эти дамы? — спросил Панафье.

— Тут, рядом, — отвечала его соседка, указывая на дверь, из-за которой слышался смех.

Панафье, следивший за всем, что происходило вокруг него, не находил среди людей, сидевших за столом, того, кого искал, и подумал, что, может, он находится в числе гостей маленькой гостиной. Поэтому, обращаясь к своей соседке, он спросил:

— Кто же эти особы?

— Я уже вам сказала, что две дрянные девчонки, которые выдают себя не за тех, кто они есть. Да еще мужчины, с которыми они обедают.

— А вы знаете этих мужчин?

— И да, и нет. Я видела их несколько раз. Это люди женатые, которые являются сюда только потому, что здесь им не грозит встреча с людьми, которые их знают.

— Я спросил вас об этом потому, что голос одного мужчины показался мне знакомым. Его некогда звали в Латинском квартале аббатом.

— Аббатом? Нет, я никогда не слыхала такого имени.

— Я, вероятно, ошибся, — сейчас же сказал Панафье, не желая, чтобы его вопросу было придано хоть малейшее значение.

Нам нет нужды далее повторять читателю беседу постоянных посетителей Баландые. Достаточно один раз побывать в этом обществе, чтобы убедиться, до какой степени доходят его невежество, глупость и цинизм, но есть люди, которые считают это очень забавным. В доказательство сказанному мы

только обратим внимание читателя на четырех мужчин, сидевших за большим столом и обменивавшихся с дамами самыми грубыми сальностями. Они смеялись до сумасшествия, смеялись до такой степени, что одна толстая посетительница, которую звали рыжей Нини, с убеждением сказала:

— Я не знаю — может быть, в маленькой комнате кормят лучше, но зато здесь не скучают. Когда этим мужчинам хочется посмеяться, они бросают «честных женщин».

В эту минуту дверь в маленькую комнату открылась, и послышался женский голос, говоривший:

— Если вы хотите повеселиться, то прикажите подать шампанского.

Услышав этот голос, Панафье вздрогнул и вытянул шею, чтобы прислушаться, но дверь закрылась.

Он страшно побледнел и, наклонившись к своей соседке, спросил:

— Вы знаете имена этих женщин?

— Одну из них зовут Луизой, а другую я не знаю.

— А-а! — протянул Панафье, еще больше побледнев, но стараясь казаться спокойным.

В это время начали убирать со стола, и одна из посетительниц обратилась к Баландые:

— Если сегодня не будут играть по случаю прихода этих дряней...

— Наоборот; моя милая, — возразила Баландые, — на этот стол постелят зеленое сукно, и вы будете играть. Вам здесь будет гораздо приятнее, чем с этими дрянями.

Это лицемерное презрение примирило с ней посетительниц большого зала.

А в это время Панафье вынимал свою записную книжку и писал на вырванном оттуда листе:

*«Луиза, я хочу тебя сейчас же видеть. Сделай так, чтобы меня пригласили. Я хочу войти к вам.
Поль».*

Он свернул бумажку вчетверо, и давая ее служанке, сказал шепотом:

— Передайте эту бумажку младшей из дам в маленькой гостиной.

— Но, мсье, если меня увидят... — начала служанка.

— Увидят вас или нет, вот вам пять франков.

После этого служанка не сделала ни одного замечания и отправилась в маленькую гостиную.

Он услышал в ней громкий шум, продолжавшийся несколько минут. Затем все стихло. Готовый на все, он встал и увидел выходящую из гостиной служанку, которая подошла к нему и, открыв дверь в маленькую гостиную, сказала:

— Эта дама просит вас войти к ним.

В это время все в зале были заняты игрой, и никто не обратил внимания на его уход.

Перед его приходом вокруг стола, очевидно, сидели четверо, но он увидел только Луизу и Нисетту. Он сразу подбежал к занавесям, закрывавшим альков, но там никого не было. Панафье заметил маленькую дверь и, открыв ее, увидел, что она выходит в коридор. Он все понял и, вернувшись к женщинам, сказал:

— Неужели ты думаешь заставить меня поверить, что вы были одни?

— Нет, — ответила Луиза, — с нами были двое мужчин, но они ушли сразу, как только я получила твою записку.

Панафье был озадачен спокойствием, с которым его приняла любовница. Он был немного стеснен присутствием Нисетты, перед которой не мог разыграть роль верного любовника, но он не понимал смелого и вызывающего взгляда Луизы.

Его больше бы устроило, если бы в гостиной были мужчины, с которыми он мог бы поговорить, или если бы Луиза была одна.

— Итак, — сказал он, — этот дом ты называешь местом свидания приличных людей, и здесь будет семейный бал, на который мадам Левассер приглашена со своей теткой...

Нисетта хотела ответить, но Луиза остановила ее жестом.

— Здесь место, которое я выбрала, чтобы ждать тебя, когда ты не возвращаешься, и ты видишь, что я не напрасно это сделала, придя сегодня в первый раз, так как имею счастье встретить здесь тебя.

— Это уж слишком! вскрикнул озадаченный Панафье. Она же еще и жалуется!

— Но что ты здесь делал?

Говоря это, Луиза выпрямилась, а Панафье, кусая губы и хмуря брови, схватил ее за руку.

— Без сцен и без крика! — прорычал он. — Зачем ты здесь?

— Я могу располагать...

— Луиза, отвечай мне! Не шути, отвечай, а не то...

— Больно!.. Сюда! Ко мне! На помощь!

Панафье припер ногой дверь маленькой гостиной и с угрожающим видом зажал Луизе рот.

— Отвечай или я задушу тебя, — закричал он.

Физиономия Панафье говорила, что он способен тут же исполнить свою угрозу, но в это время Нисетта бросилась к нему со словами:

— Оставьте ее! Она имеет право делать все, что хочет.

Панафье локтем оттолкнул подругу Луизы и, устремив на нее пристальный взгляд, проговорил:

— Я запрещаю произносить тебе хоть одно слово. Я знаю, что ты из себя представляешь.

Испуганная Нисетта замолчала.

— Отвечай мне, Луиза, — повторил Панафье.

— Мне больно, выпусти меня!

Быстрым движением молодой человек заставил Луизу сесть.

— Теперь отвечай!

— Не хочу.

— Несчастная! — вне себя закричал Панафье. — Не противься мне. Я способен на все! Отвечай!

У Луизы не было никакого оправдания, и она отлично знала, что если ее любовник соглашается выслушать ее объяснения, то, значит, он не хочет с ней ссориться.

Луиза заплакала. Слезы — последний довод тех, которые не имеют других.

— Без слез! Зачем ты здесь?

— Чтобы наказать, заставить ревновать.

— Ты лжецы!

— Наоборот. Я знала, что ты придешь сюда.

— Да? — произнес Панафье, озадаченный этими словами.

Нисетта, наблюдавшая за всем происходящим, тут же встала.

— Это я сказала ей так.

— Но, — вне себя вскрикнул Панафье, — вы принимаете меня за дурака!

Затем, немного успокоившись, он продолжал:

— Мадам Левассер, я поговорю с вами в другое время, а сейчас хочу говорить с Луизой и прошу вас не вмешиваться.

— Мсье, — репительно отвечала Нисетта тем же тоном, — если Луиза здесь, то потому, что я заставила ее прийти сюда.

— Так это ты!.. Вы репаетесь мне это сказать! — угрожающим тоном проговорил Поль.

— Оставьте меня, господин Поль, вы не имеете права меня трогать. Если вы хотите знать истину, то я скажу вам все.

Озадаченный смелостью Нисетты, Панафье замолчал.

Луиза, чтобы ничего не говорить, плакала горькими слезами, в то время как Нисетта продолжала:

— Да, мы пришли сюда из-за вас, господин Поль! Это вас удивляет, но это так. Я не хочу этим сказать, что мы сделали это из-за того, что вы не вернулись вчера ночью. Нет, мы пришли сюда, чтобы доставить вам удовольствие.

— Что вы говорите! — вскрикнул Панафье, пристально глядя на Нисетту, чтобы убедиться, не смеется ли она над ним.

Последняя взглянула на него со злой улыбкой.

— Я говорю вам, что мы пришли сюда не для того, чтобы доставить вам неприятности, а для того, чтобы вам помочь.

— Ну, это уж слишком! — произнес Панафье, пожимая плечами и не желая отвечать Нисетте.

Чувствуя, что борьба с ней затруднительна, он насмешливо сказал Луизе:

— Итак, ты пришла сюда для того, чтобы быть мне полезной? И для этого обедала в отдельной комнате с мужчинами?

— Да, конечно, господин Поль, мы пришли для этого, — ответила Нисетта вместо Луизы.

Поль дернулся нетерпеливо, но Нисетта как будто не заметила этого движения.

— Во-первых, объясним, как все было, — начала Нисетта.

— Послушайте, — вскрикнул Панафье, — я говорю не с вами.

Но Нисетта прямо отвечала ему:

— А я говорю с тобой, и ты выслушаешь меня.

Нисетта была храбра, и Панафье струсил, заметив, что Луиза резко подняла голову, услышав, как Нисетта говорит Полку «ты».

Он взглянул на мадам Левассер и замолчал.

Последняя, почувствовав, что одержала верх, сразу же поправилась.

— Извините, но гнев заставил говорить меня слишком фамильярно.

Луиза поглядела на свою подругу, но улыбка Нисетты прогнала все сомнения, пробудившиеся у нее.

Дав понять, на что она способна, Нисетта продолжала:

— Вот в двух словах суть дела, мсье Поль. Один раз вы заговорили с нами об аббате Пуляре.

— Что такое? — с удивлением вскрикнул Панафье. — При чем здесь это?

— Вы сказали, что он умер и, казалось, хотели разузнать о нем. Мы сказали вам, что он жив.

— Ну и что же?

— Так как я его знаю, то мне захотелось убедиться — не ошибаюсь ли я. Я ему написала и назначила здесь свидание. Только попросила Луизу сопровождать меня.

Панафье пожал плечами.

— Послушайте, Нисетта, — заметил он, — за кого вы меня принимаете? Вы, наверное, с ума сошли, если надеетесь заставить меня поверить подобным басням.

— Клянусь вам, я говорю правду.

Панафье не верил ни единому слову из того, что рассказывала мадам Левассер, но тем не менее он не желал с ней спорить, решив переговорить с Луизой наедине.

— Итак, вы мне говорите, что взяли с собой Луизу, — сказал он, — а Луиза, вероятно, взяла еще кого-то в свою очередь, потому что я вижу четыре прибора.

— Нет. Аббат всегда приказывает накрыть на четыре прибора, говоря, что ждет приятеля, но этот приятель никогда не является.

— Понятно! Но я сейчас спрашивал о мужчине, который был здесь, и мне никто не сказал, что это был аббат.

— Неужели же вы думаете, что он постоянно носит сутану. Наоборот, очень редко. Впрочем, здесь его мало знают, вернее, его знает одна Баландые.

— И когда я пришел сюда, он ушел...

Так как Панафье оставил внизу двух сторожей, то он был спокоен: Ладеш должен был отправиться за аббатом и завтра сообщить его адрес.

— Луиза, — сказал он, — доставь мне удовольствие — надень шляпу и идем. Мы объяснимся дома.

— Послушайте, господин Поль, — вмешалась опять Нисетта, — если вы будете опять ругать Луизу, то это не очень хорошо с вашей стороны. Я сказала вам правду.

— Дорогая мадам Левассер, вы можете делать все, что вам угодно. Вы имеете на это полное пра-

во, и это касается только вашего мужа. Луиза — другое дело! Я живу с ней, потому что люблю ее, и вы уж позвольте мне поступать так, как мне угодно.

— Если вы ее любите — конечно! И вы ее ревнуете?

— Да, я имею эту слабость.

— О, если бы я захотела, то доказала бы ей, что она имеет право делать все, что хочет.

Панафье пожал плечами, говоря:

— Во всяком случае, знал бы бедный Левассер, что я вас здесь встретил! Вы понимаете, что может сделать одно слово?

Нисетта прикусила губу.

Луиза была уже готова. Панафье позвал служанку, заплатил по счету и, проходя вместе с Луизой мимо удивленной Баландьё, сказал ей:

— Если вы когда-нибудь примете у себя эту даму, то клянусь вам, мадам, что пришлю к вам полицейского комиссара и подробно расскажу ему о том, что происходит в вашем заведении.

И вышел под руку с Луизой.

На улице Панафье посмотрел, стоят ли его сторожа и, не увидев их, спокойно ушел.

Когда они входили в двери своего дома, Нисетта тихо сказала Панафье:

— Я хочу с тобой поговорить!

— Завтра! — ответил он так же тихо.

Несколько минут спустя Луиза и Панафье были в своей комнате и последний сказал:

— Теперь, когда мы остались вдвоем, можно поговорить. Надеюсь, ты не думаешь, что я удовлетворен тем, что рассказала Левассер. Слушай, Луиза, будь откровенна, скажи мне всю правду или же эта ночь будет последней, которую мы проведем вместе.

Глава X

НИСЕТТА ЗАНИМАЕТСЯ СТРАННЫМ РЕМЕСЛОМ

Луиза поняла, что надо идти в наступление. Она вытерла слезы и сказала Панафье:

— Я не сделала ничего дурного. Это ты своим поведением заставляешь меня делать то, чего я не хочу делать.

— Что ты говоришь?! Моим поведением?

— Ты не ночуешь дома, мы не имеем средств к существованию, а ты не ищешь никакой работы.

— Кто тебе это сказал? Чего тебе не хватает?

— О, еще недавно мы были так бедны!

— Да, но за эти несколько дней я нашел работу.

— Тем более нет причин проводить время за развлечениями.

— Но ты с ума сошла!

— Нет, я не сошла с ума. Вот уже два раза в течение двух недель ты не ночуешь дома.

— Моя милая, ты начинаешь меня упрекать в том, в чем я хотел упрекнуть тебя. Это ловкая тактика, но ты меня не обманешь. Я не ночевал дома не потому, что веселился, а потому, что этого требовала та работа, которую я нашел.

— Что это за работа?

— Я не могу тебе сказать.

— О, конечно!

— Будь довольна тем, что она дает доход. А теперь скажи мне — как и почему ты попала к Баландье?

— Я не то, что ты! Я была там в первый раз.

— Ты хочешь повторить историю, придуманную мадам Левассер?

— Нет, я говорю тебе правду. Ты не ночевал дома и утром тоже не вернулся. Тогда Нисетта, видя мое огорчение, сказала мне: «Ты очень глупо делаешь, беспокоясь, в то время как он веселится». И она предложила мне отправиться вечером в один

дом, где, по ее словам, очень весело, где бывают интересные люди, актеры, актрисы, журналисты.

— К Баландые?

— Она не сказала мне ничего, но прибавила, что аббат, с которым она должна была познакомить меня, придет туда.

— Как! Познакомить тебя?! — с удивлением вскрикнул Панафье.

— Да, она рассказывала мне много забавного об этом человеке и сказала мне: «Если он когда-нибудь пригласит меня обедать, то я возьму тебя с собой, и ты сама увидишь, как он забавен».

— И поэтому она пригласила тебя сегодня вечером, и ты сразу же согласилась?

— Я ей ответила: «Нет, несмотря на все зло, которое Поль мне делает, я не хотела бы, чтобы он узнал об этом». Тогда она отвечала мне, что сказала мужу, будто ее пригласили на бал, и мы скажем, что я поехала с ней.

— И ты согласилась?

— Нет. Я сказала ей: «Если Поль не вернется до четырех часов, то я отправлюсь с тобой, но если он вернется, то не пойду». Ты не вернулся!

— И ты пошла к Баландые!

— Но я не сделала ничего плохого.

Панафье подвел ее к окну и, глядя в глаза, повторил ее последнюю фразу.

— И ты не сделала ничего плохого?

— Нет, — отвечала Луиза.

— Луиза, — продолжал Панафье, — ты понимаешь, что хотя мы и не обвенчаны, тем не менее, нас связывают святые узы. У нас на кладбище похоронен ребенок, которого мы любили.

— О, не говори мне о нем, Поль, — со слезами произнесла Луиза.

— Луиза, поклянись мне останками нашего ребенка, что ты не лжешь!

— Клянусь тебе, что я видела этого человека в первый раз. Во взгляде у него есть что-то такое, что мне не понравилось, но так как я поклялась, то скажу тебе правду. Я признаюсь — этот человек

ухаживал за мной. Он хотел, чтобы я назначила ему свидание. Нисетта сказала мне, что он любит ее. В то же время она не казалась ревнивой. Наоборот, она советовала мне...

Панафье вскрикнул от ярости:

— Проклятая! Она заплатит мне за это!

— Но клянусь тебе, Поль, я отвечала ему, как и должна была ответить.

Панафье нежно взглянул на Луизу, потом привлек ее к себе со словами:

— И ты не будешь делать этого?

— О, нет!

— В таком случае обними меня, и все будет в порядке.

— Но ты будешь ночевать дома?

— Всегда.

Они обменялись нежным поцелуем, и мир был восстановлен.

На другой день Панафье отправился к братьям Лебрен и рассказал им о том, что произошло за два последних дня, и сообщил, что он напал на след аббата.

Братья дали ему денег, которые были ему очень кстати, и попросили Панафье продолжать оказывать им помощь.

— Если вы узнаете, где он живет, или место, которое он часто посещает, возьмите нас с собой.

— Когда я буду убежден, что сведения верны, я обязательно сделаю это.

— Вы говорите, что он еще ходит в игорный дом?

— Мы хотели бы, чтобы вы взяли нас с собой туда.

— Хорошо. Но повторяю вам: сегодня вечером я узнаю — прав ли я.

— Впрочем, мы не можем с вами идти ни сегодня, ни завтра. Эти два вечера мы должны присутствовать на одном семейном празднике.

— Понятно! — сказал Панафье, пораженный словом «семья» в устах сына казненного.

— Мы будем завтра на крестинах нашего племянника, а я буду крестным отцом, — объяснил Винсент. — Обязательства, завещанные нам отцом, вынуждают нас оставаться холостяками, но наши сердца нуждаются в привязанности, и мы перенесли ее на нашу сестру и ее семью.

— Кроме того, — прибавил Шарль, — жизнь, которую мы ведем, вынуждает нас постоянно бывать в свете, который мы хотели бы забыть.

Вы очень счастливы, — задумчиво проговорил Панафье, у вас есть кого любить! Но, — сказал он вдруг, подавив печаль, — я завтра напишу вам. Сегодня вечером я назначу свидание — поведу вас со своими помощниками, расспрошу, что они узнали, и если вы позволите, я буду руководить делом.

— Вы знаете нашу цель, господин Панафье.

— Вы хотите найти виновного, из-за которого был казнен ваш отец.

— Да, но найдя его, мы не хотим передавать его в руки правосудия.

— Что же вы хотите сделать? — с удивлением спросил Панафье.

— Я объясню. Мы хотим передать его правосудию, но не хотим мстить ему, а желаем только восстановить честное имя отца. Вы понимаете нас?

Панафье подумал несколько минут.

— Господа, — сказал он, — я вам говорил, что тоже ищу преступника, и если правда то, что я думаю, то мы ищем одного человека. Я хочу отмстить за свою мать.

— Почему?

— Но, — поспешно перебил Панафье, — мы еще не дошли до этого. Вначале нужно поймать его, а уж потом решать, как с ним поступить.

— Вы правы, — сказал Винсент.

— Итак, — продолжал Панафье. — Если сведения, которые я получу от своих помощников, окажутся хорошими, то мы в течение нескольких дней будем следить за ним и, если он отправится в игровой дом, последуем за ним.

— В таком случае следует подумать о мерах, которые необходимо предпринять.

— Да, так как, повторяю вам — все, что мы делаем, пока основано только на предположении. У нас нет ни одного факта, ни одного доказательства.

— Это правда, — согласился Винсент, — но мы можем кое-что сделать.

— Что?

— Расспросить эту женщину. Вы сказали, что видели его с женщиной, которую знаете.

Вполне понятно, что, рассказывая сцену у Баландье, Панафье говорил только о Нисетте, не упоминая о Луизе.

— Да, — сказал он, — я так и думаю сделать. Я даже могу вас заверить, что если я попрошу у вас денег, то лишь для того, чтобы предложить ей порядочную сумму, которая развязала бы ей язык.

— Мы дадим вам эти деньги.

Шарль вынул бумажник, и взяв из него две купюры по тысяче франков, подал Панафье.

— О, это много, — сказал тот.

— Господин Панафье, мы просим вас принять эти деньги. Употребите одну из купюр на дело, а другую возьмите себе.

Панафье больше не сопротивлялся. Он взял деньги, подошел к окну, и посмотрев на них, наивно проговорил:

— Как странно! И правда — они синие!

— До послезавтра, господин Панафье, — сказал Винсент.

— Прощайте, господа.

Панафье вышел, держа руку с зажатыми в ней купюрами в кармане. Затем, в восторге от полученной суммы денег, он зашел в магазин новинок, купил четырнадцать метров модной ткани и сразу же побежал домой.

У входа его остановил Левассер.

— Господин Панафье! — закричал он.

— Что такое?

— Вам письмо.

— Хорошо.

Панафье взял письмо, узнал крупный почерк Ладепа и прочитал:

«Господин Панафье, все идет хорошо, но мы сбивались со следа два раза. Тем не менее, мы получили очень любопытные сведения. Я приду завтра утром в десять часов к вам. Преданный слуга Исидор».

— Отлично! — громко сказал Панафье. — Наконец-то я могу отдохнуть до завтра.

Обернувшись, чтобы подняться по лестнице, он увидел, что Левассер все еще стоит перед ним.

— Что вам еще от меня нужно? — спросил он.

— Я хотел пригласить вас сегодня вечером отправиться со мной.

— Куда это?

— Сегодня наш обед в обществе Детей лиры Орфея.

— Ах, да...

— Кроме того, я должен вас поблагодарить. Я такой человек, который всегда платит вежливостью за вежливость.

— Что вы хотите сказать?

— Моя жена сказала мне, что вчера, когда она возвращалась от тетки, потому что бал не состоялся, вы вместе с вашей дамой встретили ее и были так добры, что взяли с собой ужинать к вашей родственнице.

Озадаченный Панафье стоял перед привратником, не зная, что ответить.

Сквозь стеклянную дверь в комнату привратника он увидел свежее, смеющееся личико Нисетты. Он хотел что-то сказать, но ничего не мог придумать.

— Что же, — продолжал Левассер, — согласны ли вы пойти со мной? За десертом будет пение.

— Хорошо, я согласен.

— Вот и отлично, мы отправимся в четыре часа.

— Договорились.

В эту минуту появился посетитель, обратившийся к привратнику, и Панафье вошел в комнату, говоря Нисетте:

— Нечего сказать, хороша!

— Как поживаешь, Поль? — смеясь, спросила она.

— Я скажу тебе это завтра.

— Как это?

— Да, сделай так, чтобы мы пообедали завтра с тобой вдвоем.

— Отлично! Где?

— У Бребана. Ты видишь, что я делаю все, как следует, но молчи. Вот твой муж!

— Вы были так любезны, что рассказали все это, госпожа Левассер, — прибавил он.

— Ну что вы, господин Панафье, без вас я проскучала бы весь вчерашний вечер.

— Ах, — воскликнул Левассер, — вы не можете себе представить, как она вам благодарна за приглашение. Знаешь, Нини, я пригласил господина Панафье отправиться со мной в мое общество.

— Иди, мой милый, позабавься, так как завтра придется тебе снова остаться одному.

— Завтра? — переспросил Левассер.

— Ну да, я ведь говорила тебе вчера, что тетка отложила бал на воскресенье.

— Ты мне этого не говорила.

— Ах, я совсем забыла... Но если ты этого не хочешь, я не пойду.

— Ну что ты, моя милая, поезжай.

И Левассер поцеловал Нисетту в лоб, в то время как она нежно пожимала руку Панафье.

— До свидания, — сказал Панафье.

— До скорого свидания, — отвечал Левассер.

Поль поспешно взбежал по лестнице, и так как Луиза была в мастерской, то он написал ей несколько строк, объяснив, что проведет вечер в обществе Детей лиры Орфея. Затем, положив в конверт купюру в сто франков, он написал сверху: «На

платье» и положил конверт вместе с купленным материалом, говоря:

— Сегодня вечером я могу вернуться поздно и все-таки буду принят любезно.

В четыре часа он отправился с Левассером на обед Детей лиры Орфея.

Глава XI

У ДЕТЕЙ ЛИРЫ ОРФЕЯ

Одно время в Париже существовали маленькие клубы для ремесленников, которые собирались два раза в неделю у торговцев вином. На этих собраниях не было места политике. Здесь собирались, чтобы петь и ободрять певцов. Иногда даже бывали состязания на призы.

Общество Детей лиры Орфея было одним из таких. Все знали друг друга в этом обществе, и всем было весело. Непринужденные обеды были просты, но сытны, и стоили всего два франка семьдесят пять сантимов, включая бутылку вина и кофе.

Когда после окончания обеда был подан кофе, один пожилой человек, сидевший в середине стола, взял маленькую палочку, лежавшую рядом с его прибором, и постучал несколько раз по столу. Сразу же водворилось молчание.

— Господа, — сказал он, — можете курить!

Веселый гомон встретил эти слова.

Все вынули из карманов сигары и трубки, тогда как пожилой человек, бывший председателем Детей лиры Орфея, продолжал:

— Господа, сейчас начнется пение, но мы должны напомнить членам общества и посетителям, что все политические и безнравственные песни строго запрещены.

Эти слова были встречены аплодисментами, и сосед председателя — учитель пения — встал со словами:

— Первым буду петь я, затем наш коллега Левассер, затем — господин посетитель Жак.

После этого началось пение, и каждую песню встречали и провожали самыми горячими аплодисментами.

Все это было очень наивно, но честно и весело, гораздо лучше, чем времяпрепровождение в кафе-концертах. Песни, которые тут пелись, были до такой степени просты, что Панафье, ободренный примером других, согласился тоже спеть что-нибудь.

Окончив свою песню, Панафье вдруг заметил устремленный на него взгляд человека, сидевшего на другом конце стола.

— Знаете ли вы этого господина? — спросил он, обращаясь к своему соседу.

— Этого блондина, у которого такие блестящие глаза?

— Да-да.

— Нет, не знаю. Я вижу его здесь в первый раз.

— Значит, он не из членов клуба?

— О нет, а разве вы его знаете?

— Нет, но я его где-то видел и хотел узнать его имя.

— А-а! Это очень просто.

— Как это?

— Когда наступит его очередь петь, учитель назовет его имя.

— Действительно...

Пение продолжалось, и наконец настала очередь человека, заинтересовавшего Панафье. Учитель назвал его: «Посетитель Густав».

Панафье сделал досадливое движение, затем, подумав несколько минут, спросил Левассера:

— Сюда может приходить кто угодно?

— Нет, надо быть представленным.

— В таком случае, вы можете узнать, кто этот человек, у члена клуба, пригласившего его?

— Про этого высокого блондина, у которого женское лицо и бас?

— Да. Но только не говорите, что я вас просил об этом.

— Нет, я только загляну в книгу и спрошу члена клуба, который его привел: «Кто этот господин, которого ты привел и у которого такой хороший голос?» Он ответит: «Тот-то или тот-то». Тогда я скажу ему: «Он напрасно делает, что не занимается пением. Кто он такой?» Все очень просто!

— Замечательно!

Между двумя песнями Левассер отправился сделать то, о чем его просили, и вскоре вернулся к Панафье.

— Его имя Густав Лебо. Он переплетчик, но, кажется, редко бывает в мастерской.

— Отлично! У вас нет его адреса?

— Нет, но тот, кто его привел, знает кафе, которое он постоянно посещает. Это рядом с воротами Сен-Дени.

— А-а, знаю, — сказал Панафье.

Вечер окончился совершенно спокойно, но уходя, Панафье записал в свою записную книжку сведения, данные ему Левассером.

На другой день утром погода была довольно теплая, и бледное зимнее солнце весело заглядывало в комнату Панафье.

Рано утром Луиза вскочила с постели и, прямо в negligé и босиком, взяла лежащий на столе сверток и подошла к окну, чтобы посмотреть на подарок, найденный накануне на постели, так как вечером она не смогла хорошо рассмотреть его. Довольная, и вследствие этого веселая, она подбежала к кровати, где Панафье еще спал, как праведник, и разбудила его поцелуем.

Панафье немного рассердился на то, что его неожиданно разбудили, но увидев улыбавшееся ему хорошенькое личико и прочитав в больших глазах Луизы удовольствие, доставленное ей его подарком, он стал таким же веселым, как и она.

— Ну что, ты довольна? — спросил он.

— О да, мой дорогой Поль!

— И ты любишь своего Поля?

— О да!

— И снова повторить свою клятву никогда не ходить в места, подобные тем, в котором ты была вчера?

— Не будем говорить об этом больше. Я поклялась.

— И что же ты будешь делать сейчас?

— Мне надо торопиться, так как я опоздаю в магазин.

— В магазин? Сегодня?

— Ну и что же?

— Сегодня, моя милая, я тебе не позволю ходить.

— Это как?

— Так. Очень просто. У тебя есть на что купить ниток и иголок, не правда ли?

— О да, мой дорогой, — сказала Луиза, показывая свою купюру в сто франков и целуя своего любовника.

— Вы купите все, что нужно для вашего платья и пойдете в магазин только тогда, когда примерите его.

— О, как ты мил! Но надо уведомить магазин.

— Да, конечно. Но скорее одевайся и покупай все, что тебе нужно.

Луиза не заставила себя просить и через несколько минут была готова.

Приведя в порядок хозяйство, и отрезав маленький кусочек материала для образца, она поцеловала своего Поля, когда в дверь постучали.

— Пойди открой, — сказал Панафье.

Луиза открыла дверь, и увидев посетителя, слегка вскрикнула.

— Я здесь, — отозвался Панафье, узнав голос Ладеша.

При виде этой странной личности Луиза испугалась, но рассмотрев его внимательно, переглянулась с Полем, делая усилие, чтобы не засмеяться.

— Ну, Луиза, иди скорее по своим делам и оставь нас.

Луиза поспешила повиноваться. Ладеш, затворив за собой дверь, спросил:

— Это ваша дама?

— Да.

— Позвольте вас поздравить!

— Ты очень добр.

— Вы получили мою записку?

— Да. Что ты хочешь мне сказать?

— Тут вот какое дело: мы следили за ним, но не смогли поймать.

— Как это?

— Он не вернулся домой.

— Что же он делал?

— Он был в двух клубах. Затем в игорном доме, в котором играют всю ночь.

— Значит, ты потерял его из виду?

— Нет, но можно было подумать, что он что-то подозревает.

— Какого же результата ты добился?

— Он отправился на северную железную дорогу, но так как у него был абонементный билет, то он сел в поезд, не заходя в кассу, и уехал у нас из-под носа.

— Значит, все потеряно!

— Да нет!

— Ты узнал еще что-нибудь?

— Да.

— Говори же скорее.

— Я знаю его. Мы можем часто видеть его.

— Где это?

— В игорном доме на улице Омер.

— Когда?

— По субботам там играют по-крупному, и он никогда не пропускает.

— Это драгоценное сведение!

— Вы знаете это место?

— Да-да.

— Довольны ли вы?

— Да, и я дам вам и Пьеру Деталию сто франков, и вы разделите их.

— Сто франков?!

— Да.

— Но вы заставляете меня заниматься почти честным делом, а, между тем, платите так много.

— Если все пройдет успешно, еще не то будет! До завтра можете отдохнуть.

— Это не трудное занятие. Дальше!

— Завтра в восемь часов вечера будьте в саду Сен-Мартен.

— Обязательно.

— Позади почты.

— Если вы не застанете нас там, то это значит, что мы зашли поблизости выпить бутылочку вина.

— Хорошо, а теперь ты можешь идти. Во всяком случае — до завтра.

Ладеш сразу же ушел и, спускаясь по лестнице, говорил себе: «Не знаю почему, но мне кажется, что дело, которое мы делаем, нечисто. Но вот это может отмыть многое!»

При этом он глядел на стофранковый билет.

Оставшись один, Панафье стал думать о том, что ему надо сделать. Следствием его разговора с Жобером было открытие, что мадам Мазель была убита булавкой, воткнутой ей в затылок. Открытие мнимого исчезнувшего аббата доказывало, что он был истинным преступником, но кто был этот таинственный аббат? Это надо было еще узнать. Ему было известно, где можно найти этого мнимого аббата, но надо было быть благоразумным, и Панафье спрашивал себя, не следует ли ему в этом случае попросить помощи у полиции, но затем решил, что гораздо лучше все делать самому, так как братья желали особенного мщения. Он тоже хотел отомстить за свою мать и хотел сделать это по-своему, но все-таки главное — нужно было узнать, что из себя представляет аббат. Поэтому Панафье рассчитывал на обед с Нисеттой, которую он хотел хорошенько расспросить. Кто была эта странная женщина, у которой под честной наружностью скрывалось столько пороков? «Во всяком случае, — думал Панафье, — завтра мы покончим с этим. Я приго-

товлю моих людей и попробую сделать смелую вещь, похитив человека в середине Парижа, в квартале, настолько опекаемом полицией, что один из величайших игорных домов процветает там без всякой боязни».

В эту минуту дверь открылась, и появилась Луиза.

— Какая прекрасная погода! — сказала она. — Как-то чувствуешь себя веселее и довольнее.

Солнце осчастлиливает бедняков, проникая в их окошки, и два бедняка были счастливы — они любили друг друга.

Луиза накрыла на стол и поставила стул рядом — так, что стоило только немного повернуть голову, чтобы встретить губы любимого.

Завтрак прошел очень весело, и когда он окончился, Луиза развернула отделку платья, давая таким образом понять, что пора приняться за дело.

Для читателя нет ничего интересного в рассказе о подробностях этой работы и о разговоре, происшедшем между двумя любовниками, который состоял из фраз типа: «Поль, будь внимателен»... «Послушай, Поль, будь серьезен»... «Ты мне мешаешь работать».

Это продолжалось целый час, когда наконец Поль сказал, что работа заставляет его провести вечер вне дома и даже объявил, что вернется очень поздно, но Луиза не рассердилась.

— Тем лучше, тем лучше! — отозвалась она. — По крайней мере, некому будет мешать мне, и когда ты вернешься, платье будет почти готово.

О, новое платье! Какая радость для молодой девушки новое платье! Кажется, один мыслитель сказал: «Лучшая защита женской добродетели — это, очень часто, новое платье». По всей вероятности, Поль думал то же самое.

Глава XII

ПАНАФЬЕ НАЧИНАЕТ ДУМАТЬ, ЧТО ОН ДУРАК

Вечером того же дня, около пяти часов, Панафье спускался по лестнице и входил в комнату привратника. Мы забыли сказать, что Левассер в свободную минуту занимался ремонтом сапог. Его общество пения занимало его ум, обязанности привратника — время, а сапожное мастерство — руки.

— А, вот и вы, поэт, — сказал он, глядя на Поля. — Как ваше здоровье?

— Как видите, очень хорошо. Я хотел предупредить вас, что вернусь поздно.

— Могли бы и не предупреждать. Вы ведь знаете, что я смотрю на ваши опоздания сквозь пальцы.

— Вы очень добры.

— Впрочем, дорогой Поль, я не очень заслуживаю вашей похвалы, так как мне все равно придется ждать прихода жены, которая отправилась на вечер к тетке. Вы знаете об этом.

— Давно?

— Вполне возможно, что она вернется в одно время с вами.

Поль был очень смущен этими словами; он взглянул на привратника, стараясь понять, не было ли какого-либо намека в его словах, но тот совершенно спокойно убавлял огонь в лампе, которая начинала коптить.

— Ах, я и забыл, — вспомнил вдруг член общества Детей лиры Орфея, — жена поручила передать вам вот это. У меня есть для вас письмо, которое ей передала одна дама за несколько минут до ухода.

— Благодарю вас, — произнес Поль. — Итак, до вечера.

— То есть, лучше сказать — до ночи, — ответил привратник, снова берясь за работу.

Между тем Поль вышел из комнаты и сломал печать на письме. Прочитав первые строчки, он сказал себе: «Какая дерзость. Несомненно, эта Нисетта очень ловкая женщина».

Вот что он прочел:

«Дорогой Поль! Я убеждена, что мой муж достаточно глуп и не догадается прочесть письмо, которое я тебе пишу, и я нахожу это довольно забавным. Я жду тебя в половине шестого в кафе пассажа Жофруа. Если тебе все равно, то мы оттуда отправимся к Петерсу, потому что у Бреба-на бывает слишком много литераторов, которые меня знают. Тем не менее я сделаю так, как ты захочешь. Я буду ждать тебя в кафе с пяти часов. В ожидании счастья поцеловать тебя говорю тебе, что я тебя люблю».

Вместо подписи стояли какие-то закорючки.

— Отлично, — сказал Поль. — Чем больше я узнаю о ней, тем больше эта женщина меня интригует. Во-первых, почему она жена привратника, если пишет так хорошо и имеет связи во всех кругах общества? Это очень странно. Я во что бы то ни стало должен найти ключ к этой загадке.

Полчаса спустя Поль входил в кафе. Он сразу же увидел Нисетту, сидевшую за первым столом и просматривавшую иллюстрированные журналы. Это не должно было бы его удивить, но тем не менее несколько секунд он простоял в изумлении перед той, что назначила ему свидание. И все потому, что молодого человека удивило одно обстоятельство. Нисетта была женщиной, которую он привык обычно видеть в шерстяном платье и дешевенькой шляпке. На этот раз она была одета очень изящно, и шелковое платье необыкновенно шло ей. Ее великоватые руки были затянуты в тонкие перчатки, а ноги — обуты в прелестные ботинки. Конечно, это был костюм не светской женщины, но, во всяком случае, — хорошей кокетки. Удивленный, и в то же время польщенный, Поль подошел к ней, говоря:

— Я никогда не видел тебя такой хорошенькой.

— Неужели? — проговорила она. — А мне кажется, дорогой Поль, что мы неверно думали друг о друге. Ты — принимая меня за простую женщину, я — считая тебя дураком.

— Как ты сказала?

— Я сказала: «Считая тебя дураком».

— Откровенно.

— Но мы еще успеем поговорить об этом. Пожалуйста, не удивляйся. Я женщина, которая всегда умеет быть на высоте того положения, в которое ее ставит судьба.

— Я знаю это.

— Хорошо. Куда же мы отправимся обедать?

— Но ведь ты же сама сказала — к Петерсу.

— О, мне все равно. Но я хотела идти к Петерсу из-за тебя.

— Как, из-за меня? — с удивлением спросил Поль.

— Потому, что аббат... Знаменитый аббат...

— Пуляр?

— Да.

— Ну, и что же?

— Ты, может быть, увидишь его там.

— У Петерса?

— Да. Потому что каждую ночь, выходя из клуба, он отправляется туда ужинать.

— А-а, — протянул Панафье.

На этот раз наш герой начинал чувствовать страх. Он, который хотел воспользоваться этой женщиной для достижения своих планов, почувствовал, что ему пора стать осторожней. Ему предстояло сыграть трудную роль, и он начинал бояться, что провалит ее. Он заплатил за стакан вина, который приказал себе подать, и сказал:

— Ну что, идем?

— Да, конечно.

— Мы поедем в экипаже?

— О нет, — сказала она, беря его под руку, — мы пойдем пешком. Мне очень приятно прогуляться под руку с таким красивым молодым человеком.

На этот раз Поль был озадачен, но тем не менее он согласился. Опираясь на его руку, почти положив голову на его плечо, Нисетта прошептала:

— О, Поль, я очень счастлива! Что может быть лучше, чем быть с тобой вдвоем... Я люблю тебя больше, чем ты думаешь.

Поля это озадачило, но, готовый ко всему, он был осторожен.

Путь с бульвара Монмартр к Петерсу был не очень долг, и Поль, становясь наблюдателем, не мешал Нисетте болтать. Впрочем, это самое лучшее средство понять человека — заставить говорить глупости людей, которые желают показать себя умниками, в то время как действительно умные люди молчат, когда находятся в обществе болтунов. Смущенная молчанием своего возлюбленного, Нисетта несла всякую чепуху.

— Знаешь, ты меня заставил сильно страдать у Баландые, — говорила она. — Ты не нашел для меня ни одного слова и занимался только одной Луизой. Выбирай: или ты любишь Луизу — или меня, или ты смеешься над Луизой — или надо мной. Отвечай же!

— Если бы я смеялся над тобой, то сейчас меня не было бы здесь.

— Это еще не довод. Хочешь знать, почему я тогда удержала Луизу? Так как ты имеешь право принимать меня за самую недостойную женщину на свете, то я скажу тебе, что удержала Луизу потому, что твоя любовь к ней заставляет меня страдать. Или ты любишь меня, или не любишь. Если первое, то ты должен понимать, насколько для меня неприятно твое отношение к Луизе.

— Я люблю тебя.

— Почему ты смеешься? Пожалуйста, не смейся, так как ничто в мире не может так рассердить меня, как мысль, что надо мной смеются.

— Я смеюсь не над тобой.

Несколько минут продолжалось молчание, во время которого Нисетта вертела головой по сторонам и улыбалась всем, кто обращал на нее внимание. Она

надеялась, что Поль сделает какое-нибудь замечание, но он, казалось, не замечал этого.

— Послушай, — снова заговорила Нисетта, утомившись строить глазки, — меня оскорбляет, что ты удивился, когда увидел меня хорошо одетой.

— Что за глупости ты говоришь?

— Совсем не глупости. Я говорю правду. Разве я хуже какой-нибудь известной кокетки? Я не всегда была такой, как теперь, и, может быть, имею важные причины оставаться в моем теперешнем положении.

Как охотничья собака, которая настораживает уши при выстреле, Поль стал внимательнее. Он даже решил запомнить услышанную фразу, чтобы объяснить ее в тот же самый вечер, если ему удастся достигнуть той цели, к которой он стремился. Но тем не менее он сказал:

— Поздравляю, Нисетта, ты прямо сошла с ума. Я просто выразил свое удивление, заметив, что ты еще больше похорошела. Я просил тебя прийти на это свидание для того, чтобы забыть сцену у Баландье, но вдруг ты же вспоминаешь о ней и жалуешься. Но ведь жаловаться имею право один я. Ты, которую я знал веселой и смеющейся, стала злой и надутой.

Это замечание было совершенно верным, и Нисетте нечего было возразить. Она только нежно прижалась к Полю, и наклонившись к нему, тихо проговорила:

— Ах, дорогой Поль, я так счастлива, что с тобой наедине. Но я невольно вспоминаю о Луизе. Эта мысль заставляет меня страдать, потому что я очень тебя люблю и ревную.

— Ты сегодня расстроила удовольствие от пребывания наедине.

— Да, это правда. Прости меня, не будем больше говорить об этом. Ты меня любишь, не правда ли? — проговорила она, быстро повернувшись к нему лицом.

Последний ответил довольно естественным тоном:

— Я обожаю тебя.

Хотя Нисетта была не глупа, она, тем не менее, удовольствовалась этой фразой и отблагодарила своего спутника нежным пожатием руки, сопровождая его не менее нежным взглядом. К этому времени они дошли до Петерса.

Панафье там знали. Он сделал знак лакею, и тот проводил их в отдельную комнату второго этажа. В последнее время парижские рестораны настолько выросли качественно и количественно, что мы должны несколько слов сказать о нравах ночных и дневных ресторанов Парижа. Когда-то наши отцы восхищались такими кафе, как «Ротонда», «Пале-Рояль», «Кафе-Фуа», но в наше время даже самые плохие рестораны превосходят их. В настоящее время, не говоря уже о достоинствах кухни, сама роскошь обстановки подобных заведений приводит в восторг. Петерс сделал из своих гостинных чудеса роскоши и искусства. Американский комфорт соединяется в них с французским вкусом. Провинциал, попавший в Париж, имеет полное право сказать: «Ах, в этом Париже ни в чем себе не отказывают!» Поль рассчитывал на впечатление, которое эта роскошь должна была произвести на Нисетту, и специально приказал лакею отвести их в одну известную ему отдельную комнату, отделанную особенно роскошно.

Но когда лакей, зажигая газовую лампу, попросил Нисетту и Поля войти, последний был сильно озадачен, услышав как его спутница, снимая шляпу, говорит:

— А, это золоченый кабинет!

— Что ты сказала?

— Да я его отлично знаю. Я здесь не в первый раз. Боже мой! Сколько раз мне здесь случалось веселиться!

Поль недоумевал все больше и больше. Вот уже четыре года длилась его любовная связь с Нисеттой, и он считал своим долгом скрывать это, исходя из того, что знал об этой женщине. Он всегда считал ее женщиной, которая вследствие несчастья

была поставлена в положение гораздо более низкое, чем то, на которое она имела право по своему уму и образованию. Но он никогда и представить не мог, что жена Левассера, его привратника, может в один прекрасный день одеться по последней моде; знать в одно и то же время и Жюбера, и таинственного Пуляра... А главное, чтобы маленькая, полненькая женщина, которая по утрам сама отправлялась за молоком в вязаном платке на голове, чтобы эта жена почтенного Левассера была завсегдаем Бребана, Петерса и заведений, подобных Баландье!.. Тем не менее, не желая быть принятым за дурака, Панафье скрыл свое изумление, совершенно непринужденно взял шляпу и пальто из рук своей спутницы и отдал их лакею, в то время как Нисетта поправляла перед зеркалом свою прическу.

— Ну, — сказал он, — так как ты знаешь это заведение, то заказывай, пожалуйста, то, что тебе хочется.

— О, мне это не трудно, — отозвалась она. — Я всегда заказываю то, что люблю.

— Да что ты говоришь!

— Да, конечно. Глупенький, — прощепетала Нисетта, подбегая к нему и целуя. — Я хочу заказать устрицы.

— Пожалуйста, не стесняйся.

— В таком случае, прежде всего подайте устриц.

— Сколько прикажете? — спросил лакей.

— Как можно больше!

— Ну, конечно, — смеясь, подтвердил Поль. — Пожалуйста, не стесняйся — я сегодня богат.

— В последнее время это с тобой часто случается, — заметила она, бросая на Панафье взгляд, который привел его в смущение.

Он поспешно заказал остальное меню, и лакей вышел.

После этого Нисетта уселась на диване рядом с Полем, говоря:

— А теперь, не хочешь ли помириться?

— Что за глупости ты говоришь! Разве мы ссорились?

— Пожалуйста, не притворяйся. Ты целый час делаешь мне разные намеки не словами, а жестами, взглядами и всем твоим обращением со мной. Мы сейчас хорошо пообедаем, и обед будет стоить дорого, но ты не видишь и не понимаешь моей любви к тебе. Если бы ты отправился со мной просто в какую-нибудь деревню, то я любила бы тебя точно так же и была бы, может быть, счастливее, чем сейчас, хотя я здесь и наедине с тобой.

Удивленный и озадаченный Поль выпрямился, пристально глядя на Нисетту, которая смотрела на него с веселой улыбкой. «Что же это за женщина?» — думал он. В эту минуту вошел лакей, чтобы накрыть стол, и Нисетта закрыла ему рот рукой, проговорив вполголоса:

— Продолжим, когда останемся вдвоем.

После того как был накрыт стол, поданы и унесены две первые перемены блюд, Поль подвинулся к своей спутнице. Та, довольная этим движением, улыбнулась, говоря:

— Садись ко мне поближе, как прежде. Я готова все тебе простить.

— Простить мне? Что ты собираешься мне прощать?

— То зло, которое ты мне причиняешь.

— Я причиняю тебе зло?!

— Ты принимаешь такой удивленный вид, как будто я говорю с тобой по-китайски. Вы, мужчины, меня удивляете. Вам нравится легкая любовь. Вы привыкли забывать на завтра же ту женщину, с которой были знакомы сегодня. Я не говорю, что не люблю своего мужа. Я бы солгала, утверждая подобное. Но, чтобы делать так, как поступаю я, нужно чувствовать очень сильную любовь к вам.

Поль пристально глядел на Нисетту, стараясь угадать — правду ли она говорит. Но взгляд и голос казались одинаково чистосердечными.

Видимо, она говорила правду.

Затем он налил ей стакан вина и продолжал вслух:

— Послушай, моя милая Нисетта, ты и в самом деле дурочка. Я очень люблю тебя, и жаль, что ты этого не замечаешь. Ты не умеешь сдерживаться, и если бы я об этом не заботился постоянно, то мы давно нажили бы себе новые неприятности.

— Скажи мне, ты очень любишь Луизу?

— Да, я очень люблю Луизу. Когда я познакомился с тобой, я не обманывал тебя по этому поводу. Луиза — несчастная девушка, с которой я познакомился в более счастливые времена. Она была работницей без поддержки, без семьи, и я чувствовал к ней чисто братскую привязанность. Ты знала все это, когда я с тобой познакомился, и эта ревность кажется мне запоздалой.

— Дело в том, что тогда я верила, а теперь не верю. Я вижу истину — ты любишь, прямо обожаешь, Луизу и не любишь меня.

— В таком случае я не могу объяснить себе твоего присутствия здесь.

Несколько минут Нисетта сидела смущенная. Она молча налила себе стакан шампанского и залпом выпила его.

— Ах, Боже мой! — заговорила она наконец. — Ты сегодня очень любезен, а почему? Потому, что ты хочешь знать.

— Что я хочу знать? — спросил Поль, хмуря брови и полагая, что Нисетта угадала его планы.

— Ты хочешь знать, почему я увезла твою обожаемую Луизу к Баландые.

— Хватит, Нисетта, ты совсем с ума сходишь. Луиза сразу же рассказала мне, что происходило у Баландые. Пожалуйста, не делай такой вид. Я все знаю, повторяю тебе, и могу сказать, что ты занимаешься плохими делами. А между тем, Нисетта, ты достаточно хороша, чтобы не опускаться так низко.

— Что ты хочешь сказать? — с досадой проговорила Нисетта.

— Я хочу сказать, что ты хотела свести Луизу с этим человеком.

— А, так она сказала тебе это? Хорошо. Да, я пробовала это сделать, но я не занимаюсь этим постоянно. Я хотела сделать это из ревности. Я страдаю, видя, что ты бросаешь меня из-за этой девчонки. Я хотела погубить ее, чтобы убить твою любовь к ней.

— Нисетта, я не могу поверить в твою любовь.

— В таком случае, я повторяю тот же вопрос, который мне задал ты: для чего же я здесь?

— О! Это совсем другое дело. Ты скучаешь, захотела развлечься, прежняя любовь вернулась к тебе на мгновение.

Между тем Нисетта, разговаривая, бессознательно поглощала вино, которое наливал ей Поль. Ее глаза сделались живее, улыбка — веселее. Она пододвинулась к Полю и, глядя ему в лицо, сказала:

— Послушай, скажи мне откровенно: правда ли, что ты не веришь, что я тебя люблю?

— Нет, я верю. Ты меня любишь, но не очень сильно. Твоя любовь не делает тебя счастливой, когда ты удовлетворена, точно так же, как не делает тебя несчастной, когда ей встречается какое-нибудь препятствие.

— Ты так думаешь? Ну, ты действительно глуп, мой милый Поль. О-о! — вскрикнула она, вскакивая и страстно целуя его. — Я очень люблю тебя!

Панафье спокойно наблюдал за Нисеттой и увидел, что довел ее до того состояния, какого добивался. Он налил ей еще стакан шампанского и сказал:

— Ну, выпьем, Нини.

Та послушно взяла стакан, чокнулась и выпила залпом. Тогда Панафье привлек к себе молодую женщину, говоря:

— Слушай, Нисетта, я хочу с тобой объяснить, но только с условием, что ты будешь откровенна. Я страстно люблю тебя, Нисетта, и надеюсь, что ты это видишь.

— Да, раньше, но с некоторых пор ты сильно изменился.

— Это правда. Но это еще не значит, что моя любовь к тебе уменьшилась. Просто мой рассудок говорит, что нужно быть осторожнее, и я боюсь.

— Боишься! Чего?

— Боюсь тебя.

— Меня! Ха-ха-ха, — засмеялась Нисетта.

— Ты, кажется, смеешься надо мной? Не смейся, Нисетта. Я сказал тебе, что хочу объясниться с тобой. Я люблю тебя — и боюсь. Боюсь потому, что у тебя самый добродетельный вид, а между тем это неправда.

Нисетта перестала смеяться и устремила на Поля пристальный взгляд, стараясь понять, что он хочет сказать.

— Ты упрекаешь меня потому, что я тебя люблю, — сказала она сухо.

— Нет, это было бы слишком смешно. Но, готовый полюбить тебя, я хотел узнать — кто ты, так как мне казалось странным, чтобы женщина твоих лет, твоего вида была связана со смешным стариком, и главное, чтобы женщина с твоим умом занимала такое низкое положение.

— А-а! Так ты хотел знать, кем я была! — повторила озадаченная Нисетта.

— Да, я чувствовал себя готовым полюбить тебя, но я по нескольку дней проводил, не видя тебя, стараясь уничтожить эту любовь.

— А Луиза? — спросила Нисетта, пристально глядя на него.

— Так слушай же, — продолжал Поль. — Если бы я мог тебе верить, я мог бы быть способен бросить из-за тебя все.

Голова у Нисетты начинала немного кружиться, тем не менее, услышав эти слова, она заставила Поля выдержать свой взгляд, говоря:

— Правда ли то, что ты мне говоришь?

— Совершенная правда. Я хотел узнать и узнал.

— Узнал? — с беспокойством повторила она.

— Да. Я буду с тобой откровенен. Что меня главным образом пугает в тебе — это то спокойствие, с которым ты лжешь.

— Что ты хочешь сказать?

— Да, Нисетта. Ты говоришь про твою любовь ко мне, а я знаю, что ты любишь Пуляра. Знаю, что ты любила Жюбера.

Последние слова совсем озадачили Нисетту.

— Смеешь ли ты опровергать мои слова? Я знаю все! Все — понимаешь ли ты?

Говоря это, он привлек ее к себе и стал наблюдать за тем впечатлением, которое производят его слова.

— И тем не менее я люблю тебя, люблю ужасной любовью, с которой вынужден бороться.

— Ты любишь меня несмотря на все, что ты сказал? — продолжила она.

— Нет, не совсем так, потому что мои страдания и сомнения слишком велики. Слушай, Нисетта, я сказал тебе в начале нашего разговора, что я хотел бы, чтобы ты была со мной откровенна. Я несколько не ревную к прошлому, но я боюсь за будущее. Будь откровенна, и я буду любить тебя.

— Убежден ли ты, что будешь любить меня? Ты знаешь много и в то же время недостаточно. Будь, что будет — ты узнаешь все. О-о! Как мне хочется пить...

Говоря это, она залпом выпила вино и позвонила.

— Подайте еще шампанского, — приказала она. — Подойди сюда, Поль, и ты увидишь как я откровенна. Ты хотел — и твое желание будет исполнено.

Говоря это, она села на диван, указав Полю на место возле себя. Между тем лакей принес вино и выпел. Поль запер дверь на ключ, налил стакан и сид рядом с Нисеттой.

— Я расскажу тебе всю мою жизнь, — сказала она.

Поль взял ее руки и поцеловал их.

Глава XIII

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Нисетта выпила больше, чем обычно, но тем не менее она не была совершенно пьяна, а только навеселе. Она начала свою историю так:

— Я дочь бедных, но честных родителей.

Сказав это, она громко рассмеялась, взяла стакан и налила в него шампанское.

— Нисетта, попросил Поль, — не пей больше, если хочешь, чтобы я поверил тому, что ты будешь рассказывать. Говори серьезно.

— Но я чувствую жажду. В груди у меня все горит.

— Пожалуйста, Нисетта, послушайся меня. Не пей больше. Будь благоразумна.

— Хорошо. Выпей половину моего стакана.

— Хорошо.

Поль выпил три четверти стакана. Нисетта допила остальное и продолжала:

— Мои родители были бедные, но честные люди. Отец мой был ювелиром. Он женился на дочери своего хозяина, когда ей было всего шестнадцать лет, и год спустя у них родилась я. Моя мать была очень хороша собой, а главное, была очень честная женщина. Мой отец был честный рабочий; он не был пьяницей, но любил выпить. Ты понимаешь эту разницу? Он не возвращался домой пьяным, но как только встречал друзей — приходил домой поздно. Я маленькой девочкой была очень хорошенькая, так что моя мать обожала меня и гордилась мною. Мои родители работали и думали только обо мне. Посмотрев на мою одежду, никто бы не мог подумать, что я дочь простых рабочих. Как только я выросла настолько, что могла ходить в школу, мои родители шли на любые жертвы, чтобы дать мне приличное воспитание. Воспитанная среди молодых девушек, будущее которых было обеспечено, я жила без всяких забот, думая, что у меня то же

положение, что и у них. И вдруг истина неожиданно открылась мне. Меня взяли из пансиона — и я вскоре убедилась в этой печальной истине. Дома меня ждала если не нищета, то, во всяком случае, жизнь, которая поддерживалась только ежедневной работой. Моя мать, еще молодая, любила меня, но, казалось, завидовала мне, так как, надо сказать правду, я была очень хорошенькой. Ты можешь представить какие вследствие этого неприятности происходили в нашем доме. Мой отец любил выходить со мной, чтобы показывать всем свою хорошенькую дочь. Бедный, — печально продолжала она, — он так обожал меня! Наконец, эта зависть, с которой моя бедная мать напрасно боролась, начала вызывать такие сцены, что меня поспешили выдать замуж. В шестнадцать лет, не сознавая, что делаю, и в то же время понимая, что, уйдя, я возвращу родителям моим душевное спокойствие, боясь, что в один прекрасный день я разлюблю свою мать, если эти сцены будут продолжаться, я вышла по совету родителей за одного из учеников отца — честного, хорошего работника. Я не хочу сказать, что я его любила, хотя он не был некрасив. Но точно также и красивым назвать его было нельзя. Он был самый обыкновенный человек. Но самое ужасное — он был глуп и необразован. А ты знаешь, что муж должен быть выше жены; жена должна уважать мужа, и она погибла в тот день, когда скажет: «Не обращайтесь внимания на моего мужа. Он не зол, но он глуп». Так как те люди, которым она будет говорить это, почувствуют, что никакая привязанность не удерживает ее дома, то они будут стараться совратить ее с пути истинного. И это обязательно должно было случиться. Но тогда я испытала большое счастье в моей жизни — у меня родился ребенок. О, если бы ты знал, как хорошо иметь ребенка! У меня не было ничего более прекрасного в жизни. Мой муж перестал мне казаться таким глупым. Я не любила его, но теперь я смотрела на него по-другому. Он был необходим мне для того, чтобы воспитать мою малышку.

В эту минуту в манерах и тоне Нисетты произошла странная перемена: обильные слезы полились у нее из глаз.

— Бедняжка, — продолжала она, — если бы она была жива, я оставалась бы честной женщиной. Мой муж обожал своего ребенка; но моя мать не могла его видеть, так как страдала от мысли, что в тридцать три года стала бабушкой. Она ненавидела моего ребенка, или, по крайней мере, я так думала. Я поссорилась со своей матерью, а теперь чувствую, что она любила меня, а мой характер избалованного ребенка заставил меня принимать за зависть то, что было только страданием, которое испытывает хорошенькая женщина, чувствуя, что она старится.

Нисетта замолчала и вытерла слезы. Беспорядочность рассказа заставляла Поля бояться, что Нисетта не скажет ему того, что именно он ожидал узнать, и когда она попросила еще шампанского, он отвечал, что вина больше нет и чтобы она выпила воды. Молодая женщина послушно попила воды и, вытерев губы, продолжала:

— Однако мой ребенок умер, и я чуть не сошла с ума. После этого в доме начались неприятности. Я говорила мужу разные неприятные вещи: что, будучи такой хорошенькой, я вышла за него замуж не для того, чтобы работать, что не моя вина, что он так глуп, что не может заработать, и что я не в состоянии больше выносить его глупость. Ты понимаешь, что мой муж, не получая удовольствия дома, начал кутить. После этого сцены стали происходить все чаще и чаще, и все мои знакомые говорили мне: «Вы такая хорошенькая! Я на вашем месте давно бы бросила его». Ты понимаешь, что когда начинают говорить подобные вещи, то очень скоро решаешь привести их в исполнение. Однажды вечером, когда мой муж не вернулся вовремя, я встретила с Пуляром. И дело было сделано.

— Продолжай, пожалуйста. Твоя история очень интересна. Но кем в то время был Пуляр?

— О, если бы ты знал, как он был хорош, умен и весел! Он жил в Латинском квартале, так как бежал из семинарии, но постоянно одевался аббатом. Но каким забавным аббатом! На его сутане были пришиты пуговицы национальной гвардии. И он делал это из оригинальности, а не от бедности, так как вел адскую игру и выигрывал много денег. Как я с ним веселилась!

— А ты его очень любила?

— О да, он был очень добр и не заботился о деньгах. Он заказал памятник на могилу моей маленькой дочки.

— Значит, ты любишь его и сейчас?

— Нет, и в то же время — да.

— Объяснись, пожалуйста.

— В таком случае — дай мне выпить!

Поль приказал лакею подать еще вина и подал бокал Нисетте, которая, совершенно опьянев, продолжала:

— Слушай, если ты хочешь, я расскажу тебе все, хотя мне не следовало этого делать. Но, видишь ли, у меня очень ненасытный характер. Я любила этого человека за его пороки, и страшно сказать, что он из меня сделал. Придумай все самое ужасное, что может придумать фантазия мужчины. Я повиновалась ему беспрекословно. И что же! Этот человек, который обожал меня, бросил меня в один прекрасный день! Нет, даже не бросил, а просто выгнал, и я осталась одна — на улице, без пристанища, боясь встретиться со своими родителями. Веря в его любовь, я хотела возбудить его ревность новыми связями, но он не обращал на меня никакого внимания. И если бы ты знал, как низко я пала! Так низко, — продолжала она, опустив голову, — что в один прекрасный день, больная, без хлеба и убежища, я увидела в глубине пропасти, которую я себе вырыла, или смерть или... Я чувствовала, что полиция добирается до меня. В это-то время я и встретила беднягу Левассера. Он был таким, каким ты его знаешь сейчас. Он взял меня к себе и стал за мной ухаживать. Тогда, — продолжала Нисетта, падая на диван, — я стала его обманывать

так же, как и других, потому что у меня испорченная натура, потому что я люблю порок.

— Но аббат?.. — спросил Панафье, видя, что Нисетта совершенно пьянеет. — Ты сказала мне, что он приходит сюда иногда. Познакомь меня с ним.

— Он никогда не согласится на это. Он хочет смеяться, веселиться, но только с женщинами.

— Но в случае, если бы он пришел сюда, то как бы он был одет?

— Он меняет костюмы каждый день. Но я не в состоянии больше говорить. Спой мне что-нибудь.

Говоря это, Нисетта пробовала встать.

— О-о! Как все вокруг меня вертится. Я не в состоянии держаться на ногах!

И она действительно упала на диван, совершенно пьяная.

Глава XIV

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ЭКСПЕДИЦИИ

На другой день около 8 часов вечера, двое мужчин прогуливались в садике рынка Сен-Мартен.

Рынок Сен-Мартен расположен позади консерватории и стоит на месте бывшего аббатства.

Сен-Мартен, построенный в 1765 году, точно так же, как и прилегающая к нему улица, в 1813 году был признан маленьким, и его разрушили, а в 1817 году — снова построили. Автор проекта этого рынка — архитектор Пти-Радель. Рынок состоит из двух зданий, соединенных садом. В центре сада находится фонтан, созданный по рисункам Ге. Он представляет собой вазу, поддерживаемую фигурами трех детей, которые изображают рыбную ловлю, охоту и земледелие. Группа исполнена очень плохо, и вообще весь фонтан носит на себе печать дурного вкуса, оставленного нам империей.

Читатели легко узнают двух людей, прогуливающихся перед зданием рынка, по их разговору.

Один из них говорил:

— Мы ходим туда-сюда перед дверью. Это очень глупо. Того и гляди, нас спросят, что мы тут делаем.

Тот, что был пониже ростом, отвечал:

— Ну и что же? Я скажу, что назначил здесь свидание с одним знакомым.

— Гораздо лучше совсем не иметь дела с полицейскими.

— В таком случае, отправимся выпить чего-нибудь у продавца вина на углу.

— А если он придет и не найдет нас?

— Я его предупредил и, кроме того, ему следует быть поаккуратнее. Он человек ловкий и сумеет нас найти.

— Ну тогда идем, — согласился высокий, бывший никем иным, как Пьером Деталем.

— Кроме того, у меня сильнейшая жажда, — продолжал тот, что был похудее, то есть Ладеш.

— Что-то он запоздал, — говорил Пьер Деталь, входя к продавцу вина.

— Ведь ему нет необходимости быть в определенное время, — возразил Ладеш.

— Да, но речь не об этом. Прежде чем идти туда, я должен рассказать ему то, что знаю.

— Ты можешь рассказать ему это по дороге, — проговорил Ладеш. — И если ты уверен в этом, — продолжал он, — то надо ему рассказать все.

— Подожди меня здесь немного. Я выйду на рынок и посмотрю, не пришел ли он.

— Хорошо, подожду.

— Я сейчас вернусь, — сказал Пьер, выходя.

— Хорошо, — повторил Ладеш.

И, обратившись к продавцу вина, сказал:

— Вели подать бутылку водки.

Через несколько минут Пьер вернулся.

— Ну что? — спросил его спутник.

— Я обошел рынок вокруг и ничего не увидел.

В эту минуту кто-то постучал в окно. Торговец хотел выйти из-за прилавка и посмотреть, кто это стучит, но Ладеш остановил его.

— Не беспокойтесь, — сказал он, — это наш приятель зовет нас. Получите скорее ваши деньги.

Оба приятеля поспешно вышли, вытирая губы руками, и у дверей столкнулись с Панафье.

— Можете быть свободны, — сказал он им. — Вы понадобится нам только в одиннадцать часов. Ждите меня на углу улицы Омер напротив известного вам кафе и смотрите внимательно, не войдет ли он.

— Понимаем. И мы свободны до 11 часов?

— Да.

— Но Пьер хочет вам кое-что рассказать.

— Что такое? — спросил поспешно Панафье.

— Вот в чем дело, — отвечал великан. — Вы помните тот вечер, когда мы были у Баландые?

— Ну да.

— Тогда за мной наблюдал подозрительный человек.

— Неужели ты сделал что-то плохое в последнее время? — нахмурился Панафье.

— Нет. Я говорил вам, когда вы нанимали меня, что у меня не было никакой работы. Теперь же я работаю только на вас.

— Ты не боишься, что это полицейский?

— Да нет. Полицейских я отлично знаю. Это был просто какой-нибудь мошенник.

— И ты убежден, что он следил за тобой?

— Да, убежден. Три дня назад он ходил за мной, и мне кажется, что вчера я снова видел его. Сейчас я выходил посмотреть вокруг, но не заметил никого.

— Хорошо. Итак, до 11 часов. Будьте осторожны и постарайтесь сделать так, чтобы сбить своих преследователей с толку.

— За это я отвечаю, — сказал Ладеш.

— Так как мы имеем три часа свободного времени, то употребим его с пользой. Ты обедал?

— Нет.

— В таком случае, старина, я угощу тебя обедом.

— С большим удовольствием. Я знаю недалеко одно место, в котором такой абсент, что пальчики оближешь.

— В таком случае — идем.

Эти два человека, совершенно не схожие ни по характеру, ни по внешнему виду, представляли собой весьма странную пару. Пьер Деталь был Геркулесом: на коротких ногах сидело громоздкое туловище с широкими плечами и бычьей шеей. Голова была огромной, с низким лбом, окруженным рыжими волосами, и широко расставленными, немного приподнятыми в углах выпуклыми глазами черного цвета. Брови были густые, нос — короткий и широкий, уши — большие. Рот с толстыми губами был почти до ушей, а подбородок — покрыт густой рыжей бородой, такой же, как волосы. Он представлял собою тип грубой силы.

Ладеш, напротив, был мал и худ. На длинной шее сидела маленькая голова, волосы были очень жидкие, светлого цвета; нос — длинный и тонкий, щеки — впалые; небольшой рот с тонкими губами оттенялся белокуроыми, закрученными усиками, в то время как глаза, сидевшие глубоко в орбитах, были живы и умны. Весь его облик носил печать хитрости и порока. Костюмы обоих негодяев были куплены у торговцев старым платьем. Ладеш питал страсть к крепким ликерам и отлично знал, у какого торговца сорт лучший. И если он знал, что в таком-то месте лучший абсент, то ни за что не согласился бы пить его в другом месте. Вследствие этого он к вечеру всегда был навеселе. Днем он еще справлялся со своей слабостью, говоря, что работа прежде всего, хотя мы слышали, что и тут он предложил Пьеру Деталю свой знаменитый абсент.

Беседа этих людей выглядела очень странно: Ладеш говорил, а Пьер поддакивал и смеялся. Ладеш обожал Пьера и, веря в его силу, становился храбрым. Деталь любил Ладеша — он веселил его и умел вести дела. Полагаясь на его ловкость, он был смел. Ладеш говорил с Деталем, как говорят с детьми. Он слыл оратором среди своих братьев и любил своего внимательного и доверчивого слушателя. Он рассказывал Пьеру такие страшные истории, которые заставляли того говорить: «С Ладе-

пем всегда весело. А какой он ученый и знающий! Этого я не в состоянии выразить!»

Итак, мы уже сказали, что по приглашению своего друга Деталь последовал за ним. И они вместе вошли к продавцу ликеров.

— Два стакана абсента, — закричал Ладеш, подходя к прилавку.

— Я угощаю, — сказал Деталь, доставая деньги.

— Отлично, а я заплачу за обед.

Выпив, друзья отправились к маленькой улице Тампль, и там Ладеш остановил Пьера:

— погоди, я пойду куплю обед.

Он зашел в колбасную, купил ветчины, хлеба и сыра.

— Мы сегодня прекрасно пообедаем, — сказал он.

Затем они отправились в один двор, находящийся на улице Тампль между улицами Барбетт и Буржуа. В этом дворе налево находился кабачок самого неприглядного вида. По всей вероятности, это раньше была конюшня, в стенах которой впоследствии сделали окна. Стены не были ни оклеены обоями, ни выкрашены — вместо всяких украшений они были заставлены корзинами с вином. Прилавок находился налево от входа, а в зале стояло пять или шесть дубовых столов, почерневших от времени. Чтобы получить здесь что-нибудь в этот час, надо было иметь большую выдержку. Войдя, Деталь и Ладеш с удовольствием вдохнули в себя душливый воздух — надо сказать, что в это время воздух в кабачке был такой же, как в бане, когда ее топят. Но наши друзья мало обращали на это внимания. Они знали только то, что вино тут было хорошее, а им только это и надо было. Они сели за стол и приказали подать вина.

— И хорошего, — прибавил Ладеш.

— Да, хорошего, — повторил Деталь, разрезая окорок.

Когда первые стаканы вина были выпиты и первый голод утолен, Ладеш сказал своему спутнику:

— Послушай, Пьер, что ты думаешь о деле, которым мы занимаемся в последнее время?

— Я ровно ничего не думаю. Я зарабатываю свой хлеб — и не более.

— Ты помнишь тот случай в «Кошке»? Как ты думаешь, обманывались мы или нет?

Пьер подумал несколько минут и объявил:

— Может быть, и нет.

— В таком случае, тебе было бы все равно — выдать своих товарищей или нет?

— Я этого не говорю.

— Нет, ты это говоришь.

— Нет, я верю тебе и делаю то, что делаешь ты, так как я знаю, что ты не способен поступить плохо.

Ладеш принял важный вид и, выпрямившись, проговорил Пьеру:

— Да, мой милый друг, ты можешь на меня рассчитывать, как на самого себя. Я сказал тебе это для того, чтобы испытать тебя, так как ты знаешь, что я не способен на низость. Нет сомнения, что наши товарищи не знают этого, но я забочусь не об их мнении, а просто хочу поступать так, чтобы я мог считать свои поступки безукоризненными. Одно из двух: или я работаю у Панафье шпионом, или я служу своим товарищам. В первом случае я отказался бы. Теперь надо выяснить насчет второго.

— Ну, — с озадаченным видом заметил Деталь, — ты должен узнать это.

— А я спрашиваю тебя, — сказал Ладеш.

На лбу у великана выступил пот от страшного усилия, которое он делал, чтобы ответить.

— Ну, отвечай прямо.

— Вот что я скажу тебе. Была минута, когда я полагал, что я просто стал полицейским. Но так как он говорит, чтобы мы избегали полиции, то я решил, что мое первое предположение было ошибочно.

— Ты очень умно рассудил для себя.

Деталь вытер рукавом лоб и продолжал:

— Относительно другого, о чем ты меня спрашивал, я скажу, что вполне полагаюсь на тебя, так как сам не вполне понимаю дело.

— Ты не понимаешь, мой бедный Пьер? Ну, а я понял.

— Я так и знал.

— Да, слава Богу, я кое-что понимаю, — с достоинством проговорил Ладеш. — Я стал узнавать, так как не хотел подводить товарищей. Я искал — и нашел. Знаешь, что мы делаем?

— Нет, — с беспокойством ответил Деталь.

— Ну, я скажу тебе в двух словах.

Затем, бросив вокруг себя испытующий взгляд, Ладеш наклонился к уху Деталья и прошептал:

— Это политика. Мы работаем для правительства. Мы напали на след заговора.

— В самом деле? — с недоумением вскрикнул Деталь.

— Будь уверен, что я угадал. Только не говори ни слова, будто бы мы ничего не знаем. Но тем не менее я убежден, что это правда, и ты увидишь, он нам хорошо заплатит.

— Нам уже и так платят недурно.

— Слушай, старина, со всяким человеком может случиться несчастье. Мы не хотели бы служить обыкновенной полиции, но относиться к тайной — это шик. На этом пути человек приобретает себе протекцию и радуется тому, что станет честным человеком. Что касается меня, то мне это очень нравится. Вот почему я и объяснил тебе это. Ты не имеешь отвращения к политике?

— Я? Никакого. Я, конечно, лишен избирательного права, но, тем не менее, я на стороне правительства.

— Да, ты такой человек, который любит порядок.

— Да, я люблю порядок и, кроме того, я стою за смертную казнь.

— Что?! Ты стоишь за смертную казнь? — с изумлением спросил Ладеш.

— Конечно, мой милый. Без этого у нас была бы слишком большая конкуренция.

— А ведь это правда, — смеясь, сказал Ладеш. — Но в любом случае — я объяснил тебе, в чем дело, и теперь ты знаешь, что мы правительственные агенты. Мы как будто стали честными людьми. Сегодня мы, по всей вероятности, произведем арест. Но в

политике человек никогда не может знать ничего наверняка, поэтому я еще не убежден, стоим мы на стороне правительства или оппозиции. Вот вопрос, и я очень желал бы разрешить его, так как сегодня вечером мы можем заработать много. Но, очевидно, если бы мы перешли на другую сторону, то получили бы еще больше. Ты понимаешь?

Разинув рот и вытаращив глаза, Пьер Деталь напрасно пытался следить за ходом рассуждений своего друга.

— Я ничего не понимаю, — наивно ответил он.

Ладеш поглядел на него несколько секунд, затем сказал:

— Впрочем, оно так и лучше. Вот в двух словах, в чем дело. Ты с кем: на моей стороне или на стороне Панафье?

— Конечно, на твоей.

— Ты последуешь за мной и будешь делать все, что я скажу?

— Ну да, конечно.

— Одним словом, ты предоставляешь мне свои интересы, и я обещаю тебе, что мы проведем хорошо ночь.

— Я вполне полагаюсь на тебя.

— В таком случае, решай. Ты будешь действовать под моим руководством?

— Да, конечно.

— Значит, решено.

Они закончили бутылку и в половине одиннадцатого вышли из кабачка, чтобы отправиться на свидание, назначенное им Панафье.

Глава XV

ПАНАФЬЕ РОВНО НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЕТ

Когда в 11 часов Панафье в сопровождении братьев Лебрэн шел к улице Омер, перед ним, как изпод земли, выросли его два помощника, Деталь и

Ладеш. Узнав братьев, последний многозначительно покосился на Пьера и сказал старшему:

— Ах, мсье, я очень счастлив узнать, что работаю с такими людьми, как вы.

— Черт возьми, по внешнему виду вас можно принять за франта, а между тем — какая сила! Я, как сейчас, вижу себя катящимся по полу.

Ладеш, желая быть на высоте положения с людьми, с которыми его столкнула судьба, счел нужным извиниться за грубый язык своего друга.

— Господа, — произнес он, — пожалуйста, не удивляйтесь манерам Пьера. Вы понимаете, что значит, когда человек не получает воспитания. Он говорит то, что думает, но, по сути, он добрый мальчик.

Братья были довольно сильно смущены, так как им не доставляло особенного удовольствия разговаривать с двумя негодями, и они спешили отделаться от них.

Панафье понял это и сказал:

— Нечего терять время. Есть ли у вас что-нибудь новое?

— Ровно ничего, кроме того, что мы видели его входящим.

— Так он там? — спросил Винсент.

— Да, кажется.

— Может быть, лучше нам не входить? Мы можем возбудить в нем подозрение и заставить его быть осторожным.

— Да, вы правы.

— Однако, — спросил Шарль Лебрен, — нельзя ли нам войти хоть на минуту и затем выйти, делая вид, что мы не обращаем на него никакого внимания?

— Ну так идемте. Позвольте мне только расставить своих людей. Ты, Пьер, останься здесь, и если он выйдет — следи за ним. Ладеш пойдет вместе с нами, чтобы указать мне его, и очень возможно, что мы выйдем вслед за ним. Ты нанял экипаж?

— Вот он, — отвечал Ладеш, указывая на фиакр, стоящий в нескольких шагах. — Это Фолиньон, мы можем на него положиться.

— Хорошо, — сказал Панафье. — А теперь, — продолжал он, обращаясь к братьям Лебрен, — вы войдете раньше нас.

— Но мы не знаем здесь никого.

— Поэтому я сейчас и расскажу способ быть здесь принятым.

— Говорите!

— Вы пройдете через аллею, которую видите около кафе, и в конце ее увидите дверь, на которой написано слово «Здесь». Вы откроете эту дверь и очутитесь на небольшом дворе. Налево от вас будет другая дверь, на которой вы увидите надпись «Лаборатория», а ниже — «Посторонним вход воспрещен», но вы войдете и очутитесь в кухне кафе. Вы пройдете через нее, не говоря ни слова, и раскроете дверь в левом углу. Эта дверь выходит на лестницу. Вы спуститесь по ней на 15 ступеней. Затем перед вами будет вторая дверь, отворив которую, вы очутитесь в передней. Тут в передней вас встретят двое, которые, если вы незнакомы им, спросят: «Что вам угодно?» Тогда вы ответите: «Мы приглашены господином Сезаром». «А у вас есть с собой приглашение?» — продолжают они. Вы должны ответить: «Ж.С.В.»

— Как вы говорите? — переспросил Винсент.

— Ж.С.В. Это условный пароль. Тогда с вас снимут ваши пальто, лакей откроет дверь, и вы войдете. Вы поняли?

— Да.

— Теперь договоримся, что, придя туда, мы сделаем вид, будто не знаем друг друга.

— Хорошо. Мы только войдем, чтобы посмотреть на внутреннее убранство этого игорного дома.

— Да, это настоящий игорный дом.

— Но нет опасности, что нагрянет полиция? — спросил Шарль Лебрен.

— Секретарь комиссара — один из постоянных посетителей этого дома.

— О! В подобных случаях это очень хорошо, — смеясь, сказали братья.

— Затем, — продолжал Панафье, — выйдя, вы отправитесь к Бребану, спросите там у лакея каби-

нет на втором этаже и будете ждать меня. По окончании дела я присоединюсь к вам.

— Отлично, в ожидании вас мы закажем ужин.

— Итак, теперь, когда мы обо всем договорились, отправляйтесь вперед.

Братья пошли по улице Омер и вышли на аллею. Деталь, обменявшись взглядом с Ладешем, встал на свое место, а Панафье сказал последнему:

— Помни, что ты не должен говорить ни слова. Ты укажешь мне на него взглядом.

— Рассчитывайте на меня.

— Подождем еще минут десять, а потом пойдем.

Сказав это, он предложил Ладешу сигару и сам закурил. Когда же прошло 10 минут, они в свою очередь исчезли на аллее, куда и мы последуем за ними.

Наши читатели уже знают со слов Панафье, как попасть в игорный дом. Мы прибавим только, что когда лакей открывал дверь, то вошедшие входили в большой погреб, но не в такой, какие строятся в наше время, а в подземелье со сводом старинной церкви. Это был большой зал, поддерживаемый четырьмя колоннами, стены были оштукатурены и выкрашены белой краской, а колонны обиты зеленым бархатом в высоту человеческого роста. Между четырьмя колоннами стояли два стола, покрытые зеленым сукном с делениями для баккара. Вокруг столов толпилось более пятидесяти человек. Зал освещался четырьмя свисавшими с потолка лампами под абажурами и двумя бра, висевшими в конце зала. Люди, окружавшие столы, судя по одежде, принадлежали к среднему классу, а между тем столы были завалены золотом. Все молчали. Слышен был только голос банкомета.

Кроме рассказа о драме, которую мы здесь описываем, этот роман повествует о страсти к игре. Мы хотим показать читателям наиболее опасные игорные дома. В замечательной книге под названием «Игра во Франции», автор которой не посчитал нужным подписаться, мы находим описание различных способов плутовства в игре и просим у это-

го автора разрешения привести целую страницу его произведения, необходимую для объяснения последующих событий нашей истории:

«В Лондоне шулерами используется на железных дорогах очень простое средство: очень прилично одевшись, они садятся втроем в одно отделение и ожидают четвертого путешественника, которого предполагается обыграть. Совершенно естественно, что, видя, как остальные играют, он начинает интересоваться игрой и ставить вначале небольшие суммы в несколько шиллингов. Вначале он выигрывает и, увлеченный выигрышем, начинает ставить все больше и больше, и тогда — прощай его денежки. Шулера выходят на следующей станции, чтобы на другой день снова начать то же самое. Несколько лет тому назад двое людей, посещавших высшее общество, были преданы суду за то, что мошенничали в картах. Этот процесс наделял много шума, так как доказал, что в самые лучшие клубы могут пробраться шулера. Один из известных вор — М.Ж. — в начале своей карьеры выиграл в карты довольно большую сумму денег, которая, однако, показалась ему недостаточной. Тогда он придумал невообразимую вещь. Он купил громадное количество игральных карт, уехал в деревню и в течение нескольких лет занимался нечеловеческим трудом: при помощи знаков, ключ к которым имел он один, он отметил каждую карту. Когда он это окончил, то отправился в Сен-Назер и загрузил целый корабль своим странным грузом. Судно должно было отправиться 30 числа, а 20 числа того же месяца он сел на пароход и отправился в Мексику. Приехав туда, он при помощи нескольких помощников скупил карты во всем городе и сжег их. Это происшествие произвело в Мексике страшное волнение, так как игра там считается почти необходимой для существования. Об исчезновении карт говорили в гостиницах, на улицах. Это было общественное бедствие. «Жизнь за колоду карт!» — говорили мексиканцы. И в один прекрасный день распростра-

нился слух, что к городу подходит корабль, груженный картами. Едва это судно вошло в гавань, как почти приступом было взято людьми, купавшими карты по баснословным ценам и, естественно, игра возобновилась с большим азартом, чем когда-либо. Тогда М.Ж. привел в исполнение вторую часть своего дьявольского плана. Как мы уже сказали, все карты были мечены. Каждый раз, когда он садился за игорный стол в гостиной или клубе, он постоянно обыгрывал всех игроков и, странная вещь, это настойчивое выигрывание не возбуждало ничего подозрения, до такой степени все игроки убеждены в своей прозорливости. Когда М.Ж. выиграл довольно солидную сумму, он вернулся во Францию, где, менее счастливый или более неловкий, дал поймать себя».

Игорный дом на улице Омер не был из привилегированных, и большая часть людей, окружавших столы, принадлежала к описанной нами категории. Теперь читатели, очевидно, достаточно знают о людях, с которыми должны познакомиться.

Братья Лебрен сначала были смущены, очутившись в этом странном обществе, но видя, что на их приход никто из играющих не обращает внимания — головы и взгляды всех были устремлены на зеленый стол — они понемногу приободрились и обошли зал. Затем подошли к столу и стали смотреть на игроков. Оба думали одно и то же: «Он здесь!»

— Мне здесь как-то не по себе, — сказал Шарль.

— И мне тоже, — ответил Винсент. — Мне кажется, что в этом месте жизнь человеческая ничего не стоит. Посмотри на эту кучу золота. Но что для меня не понятно — насколько плохо одеты те, что рискуют подобными суммами. Признаюсь, я мало чувствую доверия к этим господам.

— Это может быть следствием того, что нам сказал Панафье.

— Может быть, но я испытываю сильное нетерпение. Мне хочется, чтобы эта ночь поскорее окончилась.

— Да, если только мы добьемся желаемого результата.

— Я не знаю, почему, но мне кажется, что мы достигнем цели.

— Дай Бог, чтобы это было так.

Молодые люди внимательно следили за игрой, когда на другом конце стола кто-то скавал:

— Я ставлю двадцать луидоров.

Братья подняли головы и переглянулись.

— Ты слышал этот голос?

— Это невозможно...

— Но тем не менее посмотрим.

И они подошли к другому концу стола. Тот, чей голос они слышали, выиграл и брал деньги.

— Но это он! — сказал Винсент.

— Это уже чересчур, — смеясь, сказал Шарль.

Молодой человек, присутствие которого сильно их озадачило, был человек лет около тридцати, изящно одетый, высокого роста, немного худой, но очень симпатичный. Светло-каштановые волосы вились над высоким лбом, глаза темно-синего цвета казались еще красивее под тенью густых ресниц. Красиво очерченные губы были бледно-розового цвета. Он не носил ни усов, ни бороды. Вообще, я повторяю, это был очень красивый мужчина. Винсент подошел к нему сзади и слегка ударил по плечу. Молодой человек обернулся и был слегка озадачен, узнав братьев, в то время как те громко смеялись. Этот смех успокоил молодого человека. Он вышел из кружка игроков и сказал, обращаясь к братьям:

— Каким образом вы попали сюда?

— В нашем присутствии нет ничего необыкновенного. Мы холостые люди, но ты, Андре, — ты женатый! — шутя, сказал Винсент.

— Да, действительно, это трудно объяснить, — сказал Андре самым естественным тоном.

Наши читатели уже видели того, кого мы сейчас описали. Это был Андре Берри, муж Маргариты Лебрен.

— Часто ты заходишь сюда? — спросил Винсент.

— Никогда. Я здесь в первый раз. Вы только что пришли?

— Да.

— Вы видели, как я играл?

— Да, видели одну ставку.

— Я только один раз и поставил. Мне хотелось испытать счастье. Я выиграл и хотел уйти. Но каким образом вы попали сюда?

— Мы уже давно слышали о многочисленных парижских игорных домах, — отвечал Винсент, — и хотели посмотреть хоть один раз. Нам указали на этот, и мы пришли сюда.

— Как странно. Ни один из нас не имеет обыкновения бывать здесь — и вдруг все сошлись в один и тот же день.

— Я сейчас уйду, — сказал Андре. — Пойдемте со мной. Здесь такое дурное общество, что мне хочется уйти поскорее.

— Мы чувствуем то же самое.

— В таком случае — идемте.

Братья собрались выйти. Андре шел следом за ними. В это время открылась дверь и вошел Панафье в сопровождении Ладеша. При встрече с братьями он, как было условлено, сделал вид, что не знает их, и, не обращая внимания на того, кто шел сзади них, взглянул на Ладеша, который поспешно направился к столам, взглядом здороваясь с некоторыми игроками. Братья в сопровождении Андре вышли. Они сами взяли свои пальто, тогда как лакей поспешно бросился к Андре помочь ему надеть пальто, но ни Винсент, ни Шарль не заметили этого.

Несколько минут спустя они вышли на аллею, как вдруг Андре отступил назад, говоря:

— Что это такое?

Но Винсент, узнавший Пьера Деталья, подошел к фонарю таким образом, чтобы закрыть собою своих двух спутников и, в то же время, чтобы быть узнаваемым. Пьер поклонился и вернулся на свое место.

— Что это за человек? — спросил Андре. — Вы его знаете?

— Нет, — ответил Винсент. — Когда мы вошли, я видел, что он поступал точно так же со всеми, кто выходил отсюда, и я предполагаю, что это какой-нибудь мошенник, который ожидает своего спутника, отправившегося поиграть на общие деньги.

— Вполне возможно, — беззаботно заметил Андре, беря под руку братьев. — Но я до сих пор не могу прийти в себя от того, что встретил вас здесь, — прибавил он.

— И мы точно так же, — отвечал Шарль.

— Что, если бы мы сказали это Маргарите?

— Пожалуйста, не говорите глупостей, — смеясь, отвечал Андре.

— Дело в том, что я не мог поверить своим глазам, Андре. Отец семейства и вдруг — игрок. Да еще где?! Боже мой!

— Да, я понимаю, что это должно было вас удивить, а между тем все очень просто. Я сегодня был приглашен на семейный обед к дяде. Маргарита захотела остаться с ребенком. Ты можешь себе представить, как я весело провел время? Поэтому сразу же после кофе я поспешил уйти. Не зная, что делать, так как я сказал, что вернусь не раньше двух часов, я придумывал, как бы убить время. Как вдруг вспомнил об этом игорном доме, о котором мне рассказывали, как об очень интересном. И вот, как видите, явился сюда.

— Я очень рад, что встретил тебя, — смеясь, сказал Винсент, — и очень рад, что у тебя есть свободное время, так как мы сами отправляемся к Бребану ждать там одного человека.

— Одного человека? — со смехом повторил Андре.

— Пойдем с нами. Ты плохо обедал. Так поужинаем вместе! — предложил Винсент, не отвечая на вопрос Андре.

— Я наскоро с вами поужинаю и уйду.

— Мы слишком любим сестру, чтобы заставлять тебя кутить.

Все трое братьев, разговаривая, отправились к Бребану и заказали ужин.

Около двух часов Андре расстался с ними.

— Странно, — сказал Винсент, оставшись вдвоем с братом, — но мне показалось, что Андре здесь хорошо знают.

— Мне тоже.

— Мы сейчас узнаем это.

Сказав это, Винсент позвонил.

— Скажите, пожалуйста, — спросил он вошедшего лакея, — правда ли, что наш друг, который сейчас вышел отсюда, приходил сюда сегодня вечером спрашивать обо мне?

Шарль глядел на брата удивленно.

— Ваш друг, господин Андре? Он не приходил сегодня.

— Вы его хорошо знаете?

— О, господин Андре здесь бывает почти каждую ночь.

— Понятно.

Когда лакей вышел, Винсент обратился к Шарлю:

— Вот новость, — сказал он.

— Я поражен, — отвечал Шарль.

— Боже мой! Неужели Андре кутит? Надо увидеться с Маргаритой.

В эту минуту лакей снова вошел, говоря:

— Вас спрашивает один господин. Вы ждете господина Поля?

— Да-да. Введите его.

Лакей сразу же ушел и минуту спустя ввел Панафье. Последний осмотрелся вокруг и был удивлен, увидев братьев одних.

— Кого вы ищете? — спросил Винсент.

— Но ведь вы не одни?

— Одни. Мы хотели задать вам тот же вопрос. Вы поймали его?

— Кого? — спросил Панафье.

— Как — кого? Аббата!

— Ну, — вскрикнул Панафье, — признаюсь, я ничего не понимаю! Мы не нашли аббата в игорном доме, хотя мы знали, что он был там. Когда же мы вышли, то Деталь сказал нам, что видел вас идущими вместе с аббатом.

— Нас?! — вскричали в один голос братья.

— Да. Но не заметил, чтобы вас кто-нибудь сопровождал.

— Это какая-то мистификация, — с досадой сказал Шарль. — Мы вышли с Андре, нашим зятем, который так же, как и мы, пришел посмотреть этот интересный игорный дом.

— А этот дурак Пьер, видя нас выходящими с посторонним, подошел посмотреть на нас чуть ли не вплотную.

— Он даже сказал мне, что вы ему подали знак, который обозначал, что вы его поймали — не занимайся, мол, этим больше.

— Он точно сошел с ума. Я сделал ему знак, что это мы и чтобы он остался на своем посту. Разве он не знает аббата?

— Он знает его, но мало, а Ладеш был со мной. А этот дурак по знаку, который вы ему сделали, понял, что как будто бы не нужно больше наблюдать и что аббат уже ушел.

— Согласитесь, что это смешно.

— Да, это правда, — озабоченно сказал Панафье.

Он был сильно раздосадован, что позволил обмануть себя таким образом и что все приготовления не привели ни к чему. Он даже не смел больше ващищаться, и братья, видя его смущение, сжалились над ним.

— Послушайте, господин Панафье. Ну, не успели сегодня, успеем в другой раз. Не стоит отчаиваться из-за таких пустяков.

— Простите меня! Вы слишком добры ко мне. Я был глуп сегодня и предпочитаю, чтобы вы мне это сказали.

— Хватит, — прервал его Винсент, — садитесь за стол и поужинаем. То, что не удалось сегодня, удастся завтра. Он постоянно там бывает?

— Да, постоянно. Я расспросил, и мне сказали, что он приходил сегодня вечером и даже много выиграл, но никто не заметил, как он ушел. Этот глупец принял за него вашего зятя. Впрочем, извините меня пожалуйста, господа, я поступил, как дурак.

— Но это совсем не ваша вина.

— Наоборот, именно моя. Нужно быть совершенно безумным, чтобы воображать, что вы могли выйти с этим человеком. Я должен был подумать, что этот дурак ошибся.

— Но если они оба говорят, что он пришел и что его не видели выходящим, то из этого нужно сделать вывод, что есть другой выход.

— Нет-нет, я отлично знаю дом. Все это просто немыслимо.

— Где ваши помощники?

— Внизу, в фиакре.

— Отпустите их и поужинаем.

— Хорошо.

Сказав это, Панафье вышел. Но Ладеша и Деталь не было в фиакре, так как напротив была открыта лавка, и они зашли туда, чтобы убить время.

— Вы можете идти, — с гневом сказал Панафье, входя в лавку, и, повернувшись к великану, прибавил:

— Ты, Пьер, невообразимый дурак. Благодаря тебе дело расстроилось.

— Как, разве его там нет? — спросил Ладеш.

— Нет, он и не думал там быть. А ты, дурак, принял за аббата одного друга этих молодых людей.

Деталь покраснел, потом побледнел, выслушивая упреки Панафье. Он даже не в состоянии был ответить на его слова.

— Я увижусь с вами завтра, и придется начать все сначала, — сказал Панафье, уходя.

— Ну, мой милый, — сказал Ладеш своему другу, когда Панафье ушел, — выпить необходимо — это тебя развлечет.

— Мне никогда не приходилось выслушивать столько, — проговорил Пьер.

— Не обращай на это внимания, старина, а лучше слушай меня. За экипаж заплачено, а мы отправимся домой пешком и по дороге поговорим.

Ладеш позвал кучера и отпустил его. Затем, заплатив за выпитое вино, взял под руку своего друга и потащил его за собой на бульвар.

— Ну, старина, помнишь, что я тебе говорил недавно? Поговорим об этом снова. Одно из двух: или ты был небрежен, или ты был глуп.

— Что же я могу тебе сказать? В полночь легко ошибиться. Ведь люди не омнибусы, они не прикрепляют у себя на лбу фонарей.

— Нет, сознайся, что ты был небрежен.

— Ну, да, пожалуй. Может быть.

— Кроме того, старина, вот что я думал. Если бы они поймали аббата, то мы были бы им больше не нужны, а так как произошла ошибка, ты сохранил нам на некоторое время работу.

— Да, это правда, — наивно порадовался Пьер.

— Итак, я возвращаюсь к тому, что уже сказал. Если в их интересах поймать аббата, то в интересах аббата — суметь спрятаться. Поэтому, будучи ловкими, мы можем работать на одного и предупредить другого, конечно, за подходящую плату.

— Что ты говоришь?!

— Это удивительно, как ты мало думаешь! Завтра в 2 часа я отправлюсь туда и узнаю, что делать. Согласен ли ты идти со мной?

— Да, конечно.

— В таком случае, зайдем выпьем немного.

В это же время Панафье возвратился к братьям Лебрен, говоря, что надеется в скором времени добиться удачи, решившись изменить тактику, чтобы найти того, на кого он смотрел, как на убийцу мадам Мазель.

По окончании ужина братья расстались с Панафье, назначив свидание на послезавтра, так как Винсент, старший из братьев, решил отправиться завтра к сестре узнать, насколько правдиво то, что они узнали от лакея в ресторане. Между тем Панафье с беспокойством говорил себе: «Каким образом мог он ускользнуть от нас? Но я отплачу ему».

Часть вторая

СЕМЕЙНЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ

Глава I

БОГ БЛАГОСЛОВЛЯЕТ БОЛЬШИЕ СЕМЬИ

Прежде чем начать вторую часть этой истории, мы должны извиниться перед читателем за те картины, которые показаны ему, но истинная история, которую мы рассказываем, заставляет нас описывать условия, в которых жили герои нашего рассказа. Чтобы уничтожить зло, необходимо показать на него. Чтобы залечить рану, надо знать ее глубину. Надо на все смотреть открытыми глазами — мы это и стараемся делать; в этом заключается неблагодарный труд нашей истории. В настоящее время он почти окончен, и самые ужасные сцены в этой книге будут происходить в обстановке более мягкой.

А теперь продолжим наш рассказ с того места, где мы остановились, но несколько месяцев спустя.

После неудачи на улице Омер Панафье пытался еще какое-то время отыскать следы аббата, но проведенная работа результатов не дала, и огорченные братья Лебрен договорились с Панафье прекратить на некоторое время поиски. Не было сомнений, что аббат затаился. Вследствие этого было решено по-

дождать некоторое время и тогда уже начать все сначала, но уже с большей уверенностью в успехе, так как игроки не в состоянии надолго отказываться от игры.

Итак, два месяца спустя Винсент Лебрэн шел по аллее Елисейских полей. Он прошел Триумфальную арку, прошел по аллее Великой армии, затем повернул налево и вошел во второй дом.

— Дома ли господин Берри? — спросил он привратника.

— Нет, господин Берри вышел, но супруга его дома.

— Благодарю.

После этого молодой человек направился к маленькому павильону, стоящему в глубине цветущего сада. Дом в окружении зелени казался хорошеньким гнездышком. Большой балкон был уставлен высокими деревьями в кадках, превращавшими его в беседку. Яркое солнце освещало маленький садик, и когда Винсент открыл калитку, служанка, идущая навстречу, бросилась в дом, крича:

— Госпожа! Госпожа! Это мсье Винсент!

Бесцеремонность, с которой принимали молодого человека, нисколько не удивила его. Стоило ему поставить ногу на нижнюю ступеньку лестницы, как навстречу ему вышла сама хозяйка дома.

— Винсент, — обрадовалась она, — какой счастливый случай привел тебя сюда? А где Шарль?

— Я пришел один, сестрица, и прошу у тебя разрешения позавтракать с тобой.

— Я очень рада, что тебе в голову пришла эта мысль. Но ты не увидишь Андре, и он будет очень раздосадован этим. Он сегодня приглашен на завтрак с друзьями.

— Дорогая сестра, — сказал Винсент, беря ее за руку и подводя к окну, — какой у тебя веселый вид...

— Это, кажется, тебя удивляет?

— Какие глупости... Наоборот, я очень счастлив, хотя, может быть, и немного удивлен.

— Как! Почему удивлен?

— Очень просто. Тебе приходится заниматься хозяйством, ребенком, а это не всегда весело.

— Ты говоришь, как все холостые люди. Наоборот, хлопоты по хозяйству и заботы о ребенке — вещи очень приятные.

Винсент был явно удивлен. В эту минуту в комнату вошла нянька, неся на руках годовалого ребенка.

— Посмотри на племянника, поиграй с ним, — сказала Маргарита. — А я пойду распорядиться, чтобы скорее подавали завтрак.

И молодая женщина выбежала из комнаты, тогда как Винсент говорил себе: «Нет, я точно ошибся. Здесь все спокойно и счастливо. Но я все равно поговорю с ней за завтраком».

Несколько минут спустя Маргарита вернулась со словами:

— Брат, дай мне руку и идем. Завтрак подан.

Винсент подал руку и повел сестру к столу.

Читатель, наверное, помнит, что во время поисков человека, из-за которого был казнен Корнель Лебрен, Винсент однажды ночью столкнулся лицом к лицу с мужем своей сестры, и слова лакея ресторана насчет того, кого он считал образцовым мужем, обеспокоили его. Он хотел на следующий день убедиться в справедливости услышанного, но подумал, что его присутствие может возбудить подозрения Андре, и тот примет меры, чтобы о его приключениях не узнали, и поэтому отложил свой визит.

После того как поиски, продолжаемые Панафье в течение многих месяцев, не дали никакого результата, огорченный неудачей Винсент, почти решившись бросить предпринятое дело, или, по крайней мере, предоставить все случаю, сказал себе: «Эти поиски слишком утомительны, нам нужно от-

дохнуть. Как бы слова лакея не оказались справедливыми. Во всяком случае, известная доля правды в них есть, поэтому займемся делами нашей сестры. Может быть, Андре вступил на дурной путь, но еще не поздно остановить его, не ставя в известность Маргариту, которую это обеспокоило бы. Не возбуждая подозрений Андре, мы должны узнать, не страдает ли он несчастной страстью к игре, и не ставит ли это под угрозу состояние его жены и ребенка».

Если бы оказалось, что он попался в сети какой-нибудь кокотки, Винсент решил в таком случае, не говоря ни слова ни Маргарите, ни ему самому, увезти Андре в какое-нибудь путешествие. Но чтобы принять какое-нибудь решение, он хотел вначале все расследовать, то есть расспросить сестру, не вызывая у нее подозрений, и из ее ответов сделать вывод, определяющий его дальнейшее поведение. Сев за стол, Винсент сразу же приступил к выполнению своего плана.

— Как я счастлив, дорогая Маргарита, что вновь с тобой, — сказал он. — Я невольно вспоминаю наше детство, когда были живы наши отец и мать.

— Мы можем снова устроить почти такой же семейный обед, — отозвалась Маргарита с печальной улыбкой.

— Как это?

— Просто нас будет снова пятеро: ты, Шарль, Андре, я и наш маленький Корнель, твой крестник.

Винсент задумался на некоторое время, а Маргарита продолжала:

— Что с тобой, Винсент? Ты сегодня что-то необыкновенно печален.

— Нисколько, Маргарита. Я просто вспомнил о тех, кого уже нет... Не будем больше об этом.

И желая перевести разговор на более банальную тему, он прибавил:

— Поговорим лучше о тебе, дорогая Маргарита. Счастлива ли ты?

— О, да! Очень счастлива, — сразу же ответила она.

— Счастлива... И твой муж по-прежнему очень любит тебя?

— Да. По-прежнему.

— И вы никогда не ссорились?

— Никогда. Ты меня удивляешь!

— Чем же?

— Конечно, удивляешь, — смеясь, повторила Маргарита.

— Я не хочу сказать, что брак убивает любовь или что у тебя дурной характер. Я о другом. Ведь твой муж живет за счет доходов со своего капитала, и бездействие может его увлечь...

— Какое бездействие?! Да разве ты ничего не знаешь? — перебила Маргарита.

— О чем ты говоришь? — с любопытством спросил Винсент.

— Ты не знаешь, что Андре работает? Да, он пишет громадную книгу. Я сейчас покажу тебе его кабинет.

— Ты говоришь о его спальне? Разве у вас не общая спальня?

— Нет.

— Как! Уже?

— Этого не его желание, а мое. Послушай меня. Я обожаю своего ребенка и хочу, чтобы он спал в моей спальне, а поэтому и кормилица спит с нами. Ты понимаешь, что в результате нам пришлось сделать две спальни.

— Да-да, понимаю, — с беспокойством произнес Винсент.

— С того времени Андре стал работать. После обеда он отправляется на маленькую прогулку, и возвращается, когда все уже спят.

— Затем работает всю ночь?

— Да, всю ночь. Я могу это видеть. В его кабинете постоянно горит свет; он ложится иногда в четыре, в пять часов. И, — прибавила она с улыбкой, — я прихожу будить его около одиннадцати часов.

— Так он занимается всю ночь? — повторил Винсент, — И ты никогда не ходишь к нему, чтобы посмотреть, работает ли он?

— Нет, он строго запрещает это. Дверь у него всегда закрыта, и он не отвечает.

Винсент говорил с самым равнодушным видом, но под этой маской спокойствия он скрывал пожирившее его любопытство. Он не желал показать сестре ни тени сомнения, охватившего его, а между тем он хотел узнать: не скрывала ли его сестра под внешним спокойствием тайного страдания, зная, что ничто не в состоянии ей помочь.

— Каким образом такие молодые супруги могут дойти до этого? — равнодушным тоном продолжал Винсент.

— Что ты хочешь сказать?

— Но, сестра, я удивляюсь, что ты соглашаешься иметь отдельную с мужем комнату.

— Ты человек холостой и не можешь понять, от каких неприятностей я его избавляю. Подумай о том, что невозможно находиться в комнате, где спит ребенок, который будит вас каждую ночь. Только мать может переносить это. Мужчина, как бы серьезен он ни был, все равно будет сердиться.

— Вы живете так только со времени рождения Корнеля?

— Да, почти. Мой бедный Андре не смел просить меня об этом, и я сама предложила ему. Зато теперь я могу больше времени посвящать ребенку. Присутствие Андре только стесняло бы меня. Я всегда боялась бы разбудить его на рассвете. А главное — я боялась бы, что эти постоянные маленькие неудобства могут уничтожить его любовь к нашему ребенку.

— Да, это правда, — поддакнул Винсент, чтобы сказать хоть что-нибудь.

— Видишь, в чем дело, — продолжала Маргарита. — Мой бедный Андре приносит себя в жертву и не жалуется. Он не привык к такой жизни и вследствие этого вечером не может заснуть. Поэтому он и придумал себе занятие. Ему приходится чтением и письмом доводить себя до утомления, чтобы заснуть. Ты, может быть, думаешь, что я преувеличиваю? Нет, Винсент, уверяю тебя, что бывали случаи, когда я видела Андре бодрствующим в шесть часов утра.

— И это не беспокоит тебя?

— Нет, я предпочитаю, чтобы все так и было. Впрочем, я должна тебе сознаться, что он спит очень мало. Один раз я имела возможность в этом убедиться. Однажды он проработал всю ночь. Я тогда боялась, что наш ребенок заболеет, и мне все хотелось позвать Андре, но, видя его тень, склоненную над столом, я не решалась. Наконец, совершенно успокоившись насчет Корнеля, я решила отдохнуть и, прежде чем лечь, подошла к окну. И вдруг увидела Андре, выходящего из-за угла улицы. Я удивилась — ведь он всю ночь просидел, склонившись над столом. Он вошел сильно взволнованный. Увидев, что я стою возле окна в такой час, он сказал мне, что по странному совпадению не мог заснуть всю ночь, хотя и не подозревал, что ребенок болен. Утром, утомившись работать, пошел прогуляться в Булонском лесу. Не правда ли, удивительно, что у человека могут быть такие предчувствия — ведь ничто не могло заставить его даже предположить, что его ребенок болен.

— Да, это странно, — с волнением отвечал Винсент. — Итак, ты счастлива?

— Да, благодаря Богу я самая счастливая из женщин.

— И никогда между вами не было ни малейшей размолвки?

— Никогда!

— У вас никогда не было семейных неприятностей?

Маргарита с удивлением взглянула на него.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом? — проговорила она.

Винсент улыбнулся.

— Потому, что я люблю тебя, дорогая Маргарита, — ответил он. — Потому, что вчера мы говорили с Шарлем о тебе, о вас с мужем, о той стремительности, с которой была устроена твоя судьба; полагаясь на слова одного и предположения других, главным образом — повинаясь воле отца, мы рисковали свергнуть тебя в нищету.

— Но ведь я была богата.

— Это правда, но у Андре могли быть долги, а мы этого не знали.

— Благодарю тебя за твое беспокойство, Винсент, — сказала Маргарита, — но все нормально, так что успокой Шарля. Андре был богаче меня. Его состояние находится не во Франции, но он богат настолько, что все мои желания, и даже капризы, исполняются.

— Ты знаешь, каково состояние твоего мужа?

— Нет, но мой дорогой Андре много раз предлагал мне провести несколько месяцев в Италии. Я сначала говорила ему, что это стоит слишком дорого. На это он отвечал, что об этом нечего беспокоиться, так как мы не проживаем и половины своих доходов.

— Почему ты отказалась от этого путешествия? — поинтересовался Винсент.

— Потому что я люблю Париж, — ответила Маргарита с некоторым смущением, опуская голову.

— Но, моя дорогая сестра, тебе еще не приходилось путешествовать. Ты не можешь себе представить все прелести подобной жизни.

— Да, конечно, но не в одиночестве.

— Как в одиночестве?! Разве Андре не поехал бы с тобой?

— Само собой разумеется, нет. У него есть дела на бирже, и его присутствие здесь необходимо.

Винсент понял, что сестра слово в слово повторяет фразы мужа, желающего избежать путешествия.

— Да, он прав, — сказал Винсент. — Мужчины вынуждены заниматься делами, но в твоём положении, имея ребёнка, тебе следовало бы послушаться его.

— Нет, никогда, — решительно ответила Маргарита.

— Разве ты не любишь путешествовать? — спросил Винсент.

— Наоборот, я обожаю путешествия.

— Ну так в чём же дело?

— Я никогда не поеду одна без него.

Эта фраза была сказана тоном, не терпящим возражений. Винсент посмотрел на сестру и заметил, что она смущена. Несколько минут прошло в молчании, затем молодой человек жестом отослал лакея из комнаты. Тот повиновался. Тогда Винсент придвинулся к сестре, нежно взяв её за руку.

— Маргарита, ты что-то скрываешь от меня.

Молодая женщина подняла голову и совершенно спокойно ответила:

— Нет, Винсент, я ничего от тебя не скрываю.

— Тогда почему ты отказываешься от путешествия, которое доставило бы тебе удовольствие?

— Я уже сказала тебе, что не хочу ехать без Андре.

— Сейчас ты должна любить своего ребёнка больше, чем мужа.

— Извини меня, дорогой Винсент, но я по-прежнему влюблена в своего мужа.

Винсент с удивлением взглянул на неё.

— Выслушай меня, — продолжала она, — я скажу тебе всю правду, но пусть это останется между

нами. Мой муж никогда не должен узнать то, что я тебе скажу.

— Клянусь тебе, Маргарита, что твои слова останутся между нами.

— Вот что заставляет меня жить на разных половинах с Андре: мой муж страдает ужасной болезнью.

— Болезнью? — повторил Винсент.

— Да, по ночам он без всякой причины вскакивает с постели, с безумным видом бежит по комнате, борясь с невидимым врагом. После ужасной борьбы он падает без чувств и иногда целыми часами остается без сознания.

— Это очень странно.

— Представь, какое впечатление это произвело на меня, когда я в первый раз увидела его в таком состоянии. Придя в себя, он спросил, что он делал, и когда я посоветовала ему обратиться к врачу, он ответил, что уже советовался с известными врачами и что его болезнь неизлечима. Он сказал мне, что эти кризисы совершенно безопасны, но в то же время их ничем нельзя предотвратить. Но так как они могли испугать меня, особенно в том положении, в каком я тогда была, он уговорил меня сделать отдельную спальню.

— Какая страшная болезнь! Я боюсь за тебя!

— Боишься?

— Да, боюсь.

— Но ведь я уже сказала тебе, что мне ничто не угрожает. Что же касается его, то это другое дело. Что бы он ни говорил, я боюсь и никогда не оставляю его. Я заставила его не закрывать тяжелую портьеру на стеклянной двери, потому что когда сквозь кисею вижу его склонившимся над столом, я спокойна.

— А часто с ним бывают такие припадки?

— В последнее время они стали реже, но все равно я не могу оставить его.

— Бедняжка!

— Я несколько не заслуживаю сожаления. Дорогой Андре делает все возможное, чтобы избавить меня от этого тяжелого зрелища.

Винсент молчал, думая о том, что услышал. Сперва он хотел услышать подтверждение того, о чем узнал, путешествуя по улице Омер. Но настойчивый труд Андре по приумножению его состояния, спокойствие в доме, ужасные галлюцинации, сопровождаемые обмороком, — все это противоречило его первым предположениям.

— Но мне кажется, что ты не совсем благоразумно поступаешь, оставляя мужа одного. Это может быть опасно, так как какой-нибудь кризис, более сильный, чем предыдущий, может потребовать помощи, а оказать ее вовремя не будет возможности.

— Я предвидела это. В комнате возле его спальни находится одна женщина, которой приказано предупредить меня, если она услышит шум.

— Но какая же будет польза, если он запретя у себя?

— Дело в том, что я без его ведома приказала сделать второй ключ.

— Это хорошо. Кстати, я совсем не знаю вашего дома.

— Ты еще ни разу не был у нас здесь?

— Нет, я был только один раз на большом обеде, и ты не показывала мне своей половины.

— О-о, у меня очень хорошо! Ты увидишь это. Мне здесь очень нравится: комнаты веселые, до Елисейских полей недалеко, воздух чистый, и я хотела бы прожить здесь до конца своей жизни. Давай выпьем кофе, а потом я покажу тебе мой маленький дворец.

Несколько минут спустя молодая женщина показывала брату хорошенький особняк, который они занимали. Это был один из тех особняков, фасад которых выходил на Елисейские поля, а вход был с параллельной улицы. Попасть в него можно было,

пройдя через двор, мимо дома привратника. В глубине двора находился маленький сад, так что особняк стоял посреди двух садов. Поднявшись по лестнице в несколько ступенек, вы входили в переднюю, представляющую зимний сад; направо была столовая, отделанная старинным дубом с развешанными по стенам расписными блюдами и тарелками. Средняя дверь вела в гостиную, отделанную в современном стиле. Комнаты второго этажа были так же роскошны, как и комнаты первого. Лестница оканчивалась маленькой площадкой, на которую выходила только одна дверь — вход в приемную гостиную. Вторая маленькая дверь, скрытая под обоями, вела в комнаты хозяина и хозяйки.

Маргарита показала брату маленький рабочий кабинет своего мужа, в котором находились копии лучших произведений живописи и скульптуры. Туалетная комната, находящаяся рядом с кабинетом, была вся отделана мрамором. Налево стояло громадное зеркало, а направо — ванна из черного мрамора. Сам кабинет был самой простой и в то же время — самой богатой из комнат. Он был обит тисненой кожей, а в простенке помещалось большое венецианское зеркало в рамке из черного дуба. Перед окном стоял громадный дубовый стол, заваленный книгами и бумагами.

— Вот тут он работает каждый вечер, — сказала Маргарита брату, указывая на стол.

— Но что же он делает?

— Он занимается большим историческим сочинением, для которого ему необходимы спокойствие и тишина.

Винсент с удивлением оглядывался вокруг.

— Что с тобой? — спросила его сестра.

— Я должен сказать тебе правду, — ответил Винсент. — Я задаюсь вопросом: как вы можете позволить себе такую роскошь?

— Но ведь я объяснила тебе это.

— Объяснила. Это правда. Но я помню маленькую квартирку на улице Барбетт.

— Понимаешь, я не все тебе сказала. У Андре есть тетка, которая до тех пор, пока он был холостой, ничего ему не давала, но как только он женился, сделала ему большой подарок.

— Да, подарок наверняка очень большой.

— Она подарила двести тысяч франков.

— Ты видела это?

— Что — «это»?

— Я хочу сказать — ты знаешь тетку?

— Нет, она живет в Савое и очень стара.

— Тебе это рассказал Андре?

— Конечно, но что с тобой?

— Признаюсь, дорогая Маргарита, ваш дом, вся эта роскошь пугают меня.

— Почему?

— Я говорю тебе, дорогая Маргарита, все, что думаю, и надеюсь, ты не передашь моих слов Андре, но я боюсь, что какой-нибудь поворот судьбы изменит все.

— Никогда!

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю, что Андре часто говорил и теперь говорит, что все находящееся здесь — наше состояние, что все принадлежит нам, то есть — мне и моему ребенку, что никогда он не тронет этого даже из-за самого выгодного дела.

Винсент очень боялся показать свои опасения и поэтому сделал вид, что удовлетворен ответом сестры.

— Тем лучше, — проговорил он, — это меня совершенно успокаивает, и я очень доволен, Маргарита, видя тебя такой счастливой.

— Не правда ли, Винсент, у нас маленький дворец?

— Да, это все великолепно.

— И ты видишь, как все удобно сделано!

— Да, но здесь есть один маленький недостаток.

— Какой?

— Чтобы войти в спальню, нужно пройти через гостиную и туалетную комнату.

— Да нет же — есть другой вход. Посмотри.

Говоря это, Маргарита открыла дверь в стене напротив кровати, выходящую в длинную галерею.

— Что это такое? — спросил он.

— Это галерея, которая служит террасой и на которую выходят двери обеих половин нашей квартиры.

— Это великолепно!

— Так как прислуга вынуждена ходить по большой лестнице, то Андре приказал сделать здесь двери.

Говоря это, молодая женщина показала своему брату маленькую дверь в углублении.

— А! Так это он приказал сделать маленькую дверь?

— Да, она выходит на черную лестницу, которая ведет на верхний этаж, где помещается прислуга. Впрочем, сейчас все изменено, и прислуга помещается внизу, в левой половине дома, — под моими комнатами. Андре это больше устраивает, так как он спит по утрам, и постоянное хождение прислуги будит его. Кроме того, с тех пор, как у меня ребенок, я не люблю ездить в театр, и когда Андре ездит туда, то возвращается по этой лестнице.

— Эта лестница выходит на улицу? — спросил Винсент.

— Да, на другую улицу.

— Действительно, это очень удобно.

Посмотрев на часы, Винсент сказал сестре, что ему пора идти, тогда Маргарита стала просить его прийти на днях вместе с братом.

— Через несколько дней мы придем к тебе обедать и предупредим накануне, чтобы муж твой был дома.

Маргарита проводила его до дверей.

— Я очень доволен, дорогая Маргарита, — сказал он, — что ты счастлива. Ведь ты должна быть очень счастливой — не правда ли?

— О да, Винсент, я очень счастлива: я люблю Андре, и он меня любит. Мы богаты, и у меня есть маленький ребенок, которого я люблю больше, чем все это богатство.

С этими словами она поцеловала своего ребенка, которого няня принесла проститься с дядей. Поцеловав сестру, Винсент наконец ушел. «Это неожиданное богатство очень странно, — говорил он себе, идя по Елисейским полям, — хотя Маргарита не так уж глупа. Если бы Андре был игроком, она знала бы это. Такой недостаток можно скрывать месяц, два, но три года — невозможно. Все это очень странно, но она счастлива, и нам нечего больше желать».

На этом он отбросил свои сомнения и спокойно пошел домой. По пути Винсент купил газету и, сев в фиакр, стал читать. Вдруг его взгляд остановился на статье, носившей название «Еще игорный дом». «Что это такое?» — подумал он и начал читать:

«Между бульваром Вольтера и улицей Фоли-Меркур, в середине улицы Рампон, находится маленький особняк скромного вида, скрывающийся в глубине сада. Этот дом казался необитаемым. Двери его никогда не открывались, окна были плотно закрыты ставнями. Никогда никто не выходил из этого дома. Тем не менее, иногда ночью сквозь ставни виднелся свет, который был замечен соседями. С этого времени о доме стали ходить самые таинственные слухи. Одни говорили, что там происходят кровавые оргии; другие — что там делают фальшивые деньги. Эти слухи дошли до ушей полиции, и, любопытная по природе, она постаралась проникнуть в эту тайну. В результате расследования полиция убедилась в существовании игорного дома, в котором велась игра по-крупному. В этот

вначале надо было решить трудную задачу — узнать, каким путем входили и выходили посетители этого дома, и для этого были употреблены все средства. Соседние дома были обысканы сверху донизу, и наконец было открыто подземелье длиной в 350 метров, выходявшее на задний двор другой улицы, по которому можно было проходить, только согнувшись. По ночам видели, как прохожие неожиданно исчезали в этом месте, точно проваливались сквозь землю. Тогда было решено воспользоваться этим открытием и послать побольше полицейских, чтобы они незаметно проникли в подземелье. Но в конце его они уперлись в железную дверь, которую не удалось выломать. Пришлось отказаться пройти этим путем и постараться придумать другое средство. В одном из соседних домов на чердаке были обнаружены отдушины, выходявшие в сад игорного дома, настолько большие, что в них мог пролезть человек средней полноты. Правда, это отверстие находилось слишком высоко, но решение было найдено, и все полицейские спустились в сад по веревке с узлами. Один из агентов, слишком рано выпустивший веревку, упал на кучу разбитых бутылок и довольно сильно ушибся. К несчастью, спустившись вниз, полиция убедилась, что не слишком сильно продвинулась вперед, так как входная дверь и ставни окон дома были закрыты железными цепями так, что не было возможности войти. Тогда комиссар вспомнил, что один из агентов был кузнецом. Его сразу же отправили за кузнечным молотом, с которым он и возвратился через несколько минут. Сняв верхнюю одежду, бывший кузнец схватил громадный молот и ударил в дверь. От этого удара дверь треснула сверху донизу. Еще несколькими ударами кузнец совсем выломал ее, и полиция поспешно бросилась в дом. Волнение игроков было так велико, что многие упали в обморок. Другие, менее чувствительные, пытались защищать вход, в результате чего три агента были ранены. Но сопротивление было непродолжительным. Представители закона

вскоре взяли верх и победоносно вошли в игорный зал. Роскошь обстановки поражала: стены были увешаны картинами знаменитых художников. Все отличалось комфортом, необычным для простых игорных домов. Что касается посетителей, то они имели самый приличный вид, но большинство состояло из шулеров, и все новички, попадавшие в этот игорный дом, могли быть уверены, что у них не останется ни гроша. Многие из игроков пытались бежать через подземелье, но знаменитый выход стерегли, и им пришлось вернуться назад и назвать свои имена и адреса. Несмотря на старания игроков спрятать ценности, полиции удалось захватить довольно большую сумму денег и золота. Мебель была опечатана, а железные полосы и цепи были взяты в качестве доказательств».

Когда Винсент прочел последнюю строчку об этом странном открытии, он задумался, и ему показалось, что это новое доказательство для их дела. Придя к себе, он сразу же позвал брата.

— В двух шагах от нас был игорный дом, а мы не сходили туда.

— Я только что получил записку от Панафье, — ответил Шарль.

— Дай мне ее.

Братья поменялись бумагами. В письме было следующее:

«Господа, я получил важные сведения. Мне необходимо с вами увидеться сегодня. Будьте так добры, ждите меня в пять часов. Я полагаю, что аббат попался в руки полиции. До скорого свидания.

Панафье».

— Странно, — сказал Винсент, свернув письмо, — но мне кажется, что открытие игорного дома и арест аббата каким-то образом связаны между собой.

**СРЕДСТВО ПАНАФЬЕ ПОДДЕРЖАТЬ У
ЛУИЗЫ ВЕРУ В КЛЯТВУ**

Накануне этого дня Панафье с нетерпением ждал Луизу. Вечер давно наступил, а его подруги все не было. Как часто бывает в таких случаях, воображение Поля разыгралось. «Нет сомнения, — думал он, — что у нее есть связь где-то на стороне. Впрочем, надо быть таким глупцом, как я, чтобы не видеть, что она каждый день возвращается домой все позднее. Кроме того, она почти не работает, а лень — мать порока. Я запрещал ей видаться с Нисеттой, но она, скорее всего, не послушалась меня».

Мы должны сказать, что в доме произошла перемена. В один прекрасный день Левассер сошел с ума, и Нисетта сразу же оставила место привратницы. Отведя мужа в дом для умалишенных, она на обратном пути встретила одного достойного человека, который нанял ей небольшую квартирку, куда она очень часто приглашала Панафье. Последний, видя, что Нисетта возобновляет свою прежнюю жизнь, запретил Луизе видаться с ней.

Когда Луиза вернулась, Панафье хотел отругать ее, но она заговорила самым естественным тоном:

— Послушай, Поль, я почти окончательно разругалась со своим хозяином. Я предупреждала, что ты будешь ждать и сердиться.

— Ты же знаешь, что я не люблю, когда ты ходишь ночью по улицам.

— Почему ты не пришел за мной?

— Потому что ты могла бы подумать, что я ревную, а мне не нравится эта смешная роль.

Затем он взял ее за руку и, глядя в лицо, продолжал:

— Послушай, Луиза, ты помнишь клятву, которую ты мне дала?

— Да.

— Помни, что клятва — вещь ужасная.

Поль решил воспользоваться слабой стороной характера своей подруги.

Луиза была суеверна, и Поль поддерживал ее суеверия самыми фантастическими рассказами.

— Я рассказывал тебе историю женщины с двумя мужьями?

— Какой женщины? — спросила Луиза, краснея от любопытства.

— Той, которая поклялась умирающему мужу никогда не выходить замуж за другого.

Луиза была простая девушка. Она обожала всякие поучительные истории, которые не забывала в течение целых двух дней.

— Да, я расскажу тебе, и ты увидишь, что клятва что-нибудь да значит.

— С каким странным видом ты говоришь.

— Я хочу, чтобы эти мысли надолго остались у тебя в голове.

Мы должны сказать, что внимательный наблюдатель заметил бы во взглядах и ответах Луизы некоторое смущение. Она поспешно легла в постель и, опершись локтями на подушку, приготовилась внимательно слушать рассказ Панафье.

— Я начинаю, — возвестил он. — Прежде всего я должен тебе сказать, что молодые девушки любят рано выходить замуж. Выходя замуж, они дают клятвы. Они очень любят их давать. Выйти замуж для них так просто! Молодая девушка встречает красивого молодого мужчину, они влюбляются друг в друга — и дело кончено.

Он взглянул на Луизу, она лежала, закрыв глаза.

— Черт возьми, она спит. Это очень важно. Надо присматривать за ней. Завтра, после встречи с братьями Лебрэн, я схожу в ее магазин.

Он лег в свою постель, но напрасно пытался заснуть. Мысли о делах постоянно занимали его: «Завтра я увижусь с братьями. Мы узнаем, что это

за таинственный аббат. Я убежден, что братья Лебрен и я ищем одного и того же человека. Нет сомнения, что он убил мою мать, чтобы ограбить ее. Мы напрасно думали, каким образом ночью домой мог прийти чужой человек. Это была ночь перед Рождеством и он мог войти к ней, переодевшись аббатом. Я должен прочитать донесение, которое у меня есть».

После этого Поль встал, вытащил из шкафа большое дело и со вниманием прочел следующее: «В квартале Батиньоль произошло страшное преступление: одна молодая вдова, имевшая некоторый достаток, была убита человеком, которого она привела с собой в ночь перед Рождеством. Поводом к преступлению был грабеж. Мы осмотрели комнату, в которой лежал окровавленный труп, и были поражены тем, что представилось нашим глазам.

Мы постарались восстановить картину преступления. Было два часа ночи. По пустынному Клиньякурскому шоссе шли, разговаривая, два человека — мужчина и женщина, которые повернули на улицу Дам. Женщина была весела, а мужчина — озабочен. Женщина взяла мужчину за руку, чтобы провести его по узкой, темной лестнице. Мужчина зажег спичку, чтобы осветить путь. Так они поднялись на третий этаж.

Женщина вошла в свою квартиру, зажгла свечу и возвратилась за своим спутником, который ждал на площадке.

При свете было видно, что женщине от 30 до 35 лет. Она была среднего роста, полная, почти толстая, довольно хорошо одетая, с приятным, даже красивым лицом: черные глаза, довольно полные губы, за которыми сверкали ровные зубы, маленький, вздернутый нос, полные, свежие щеки и очень красивые каштановые волосы. Она смеялась, принимая у себя гостя. Соседи слышали ее смех.

Ее звали Мария-Полина Панафье. Она была вдовой и считалась женщиной с безукоризненным по-

ведением. Тем не менее говорили, что в последнее время она завела связь с человеком, который приходил к ней только по ночам. Причиной такой сдержанности был сын, которого она любила и который был уже взрослым. Предполагают, что несчастная была в ту ночь именно с этим человеком, которого мы назовем незнакомцем. Незнакомец последовал за своей спутницей, прошел через переднюю и столовую, вошел в спальню. Когда он вошел в эту комнату, Полина постучалась в комнату соседки, своей подруги. Когда ей открыли, она сказала, что только что вернулась от ранней обедни, и поэтому ее нужно разбудить в десять часов, так как в одиннадцать ей нужно быть у нотариуса, чтобы передать ему деньги. «У вас приятель?» — спросила ее подруга. «Да», — отвечала она, покраснев. «Вы его когда-нибудь нам покажете?» «Нет, его положение не позволяет этого», — ответила Полина».

Панафье прервал чтение.

— Вот оно — объяснение. Она считает его аббатом.

Затем он продолжал чтение: «Подруга пообещала, что разбудит ее в нужное время. Тогда Полина вернулась к себе. Незнакомец лежал на диване, и она легла в постель. Дальше идут предположения. Незнакомец читал газету. Полина заснула, положив голову на правую руку. Было около пяти часов. Незнакомец встал, подошел к постели, наклонился и несколько мгновений прислушивался к ровному дыханию несчастной. Затем он опустил руку в карман, оглянулся вокруг, левой рукой уперся в грудь дремлющей жертвы, вынул нож, в одно мгновение воткнул его несчастной в шею и отскочил. Слабый утренний свет уже проникал сквозь занавеси. Полина вскочила, хотела закричать, но крик замер у нее в горле. Крови из ужасной раны вышло совсем мало. Незнакомец отступил в другой конец комнаты и с беспокойством ждал, держа в руке окровавленный нож. Кровь душила Полину, ее испуганные

глаза были не в состоянии что-либо различить. Она шла, как слепая, протягивая руки. Ее шатало, она чувствовала, что вот-вот упадет, и, хватаясь руками за диван, пыталась удержаться, но наконец упала, откинув назад голову. Незнакомец, стоя в углу, следил за всеми ее движениями. На лестнице слышался шум — это жильцы возвращались с бала. Подойдя к двери и прислушавшись, он убедился, что никто ничего не слышал, — все было тихо. Убийца подошел к окну и окровавленной рукой приподнял занавес — тоже тихо. Тогда он возвратился в спальню, открыл шкафы и вынул деньги, которые жертва должна была отнести днем нотариусу. Говорили, что было около сорока тысяч франков.

В это время Полина хрипела в предсмертной агонии, но он уже не обращал на нее внимания. Он налил в чашку воды и вымыл руки. Потом осторожно приоткрыл дверь на лестницу и, убедившись, что там никого нет, вышел.

Было только одно обстоятельство, которое не смогли объяснить, — почему из такой раны почти не было крови. Врачи утверждали, что смерть наступила до того, как был нанесен удар, — от страха.

Теперь мы опишем то, что увидели, придя спустя шесть часов после совершения преступления.

Прежде всего мы вошли в переднюю — небольшое квадратное помещение, в котором у правой стены стоял стол, покрытый салфеткой. За столом начинался коридор, ведущий в кухню. С левой стороны находились окна, которые выходили во двор. На окнах висели занавеси, одна из которых была запачкана кровью. Напротив входной двери находилась дверь в столовую, обставленную ореховой мебелью, а дальше была спальня. В комнате все было в беспорядке. Налево стоял диван, обитый красной тканью. Около дивана — туалетный столик, заставленный флаконами и щеточками, а посередине него — чашка, до краев наполненная ок-

ровавленной водой. Направо — альков с постелью в полном беспорядке, так как простыня и одеяла лежали на полу. Юбка и чулки также лежали на полу, а на стуле — шелковое платье. У изголовья кровати стоял ночной столик с открытыми ящичком и дверцей. Напротив дивана стоял открытый зеркальный шкаф, в котором тоже все было в беспорядке и запачкано кровью с рук убийцы, когда он искал деньги. Наконец, на диване лежал труп убитой, совершенно раздетой, но крови вокруг не было. Все поиски не привели ни к какому результату».

— Я убежден, что это он — аббат. Она была убита булавкой так же, как и мадам Мазель.

Затем Панафье привел в порядок дело, снова лег в постель и крепко заснул.

Глава III

У ЦЕЛИ

На следующий день около 8 часов утра Панафье сажился в фиакр, приказывая везти себя в полицейскую префектуру. Въехав во второй двор, он вышел и направился к узкой лестнице. Поднявшись на второй этаж, он вошел в маленькую мрачную комнату, назвал свое имя, и через несколько минут из дверей раздался голос, говоривший:

— Войдите, Панафье.

Панафье оказался в кабинете старшего агента полиции.

— Что вам нужно?

— Я пришел поговорить с вами о деле на улице Рампон.

— А, о том человеке, называемом аббатом?

— Да, мсье.

— Он здесь, — сказал начальник.

— Этот человек может быть очень полезен мне, и я попросил бы у вас разрешения видеть его.

— Ничего нет проще. Это самый обыкновенный негодяй и мошенник, бродяга, против которого мы в настоящее время ничего не можем предпринять.

— Вы ошибаетесь, мсье, и через несколько дней вы убедитесь в этом. Это очень опасный человек.

— Что вы хотите сказать?

— Я прошу вас, господин Лоре, не спрашивать у меня сегодня ничего. Я напал на след и считаю необходимым, чтобы вы задержали человека, на которого я вам указал и который был схвачен во время обыска в игорном доме. Я не могу сказать вам ничего до тех пор, пока не увижу этого человека.

— Вы говорите странные вещи, — проговорил агент, нюхая табак. — Должен вам признаться, что мы не имеем ничего против этого человека и скоро его отпустим.

— Ради Бога, не делайте этого. Как оказалось, он опасный преступник.

— Что вы рассказываете!

— Я могу делать только предположения, но эти предположения основаны на важных фактах.

— Но я сам допрашивал этого человека.

С этими словами агент взял со стола какую-то бумагу и, пробежав ее глазами, продолжал:

— Дорогой Панафье, боюсь, что вы ошибаетесь.

— Господин Лоре, вы знаете, что я начал свою учебу под руководством человека очень опытного, под начальством М.С. Каждый раз, когда совершалось какое-нибудь преступление, М.С. раскрывал его, какой бы тайной оно ни было окружено. Только один из преступников спасся от него — это убийца на улице Дам в Батиньоле. М.С. двадцать раз думал, что поймает его, и каждый раз негодяй ускользал. Это настоящий специалист, который убивает ударом булавки. Я долго искал его и думаю, что этот человек находится у вас в руках.

— Что вы говорите!

— Я думаю — истину.

— И вы его узнаете?

— Нет, я никогда не видел его, но люди, которые работают под моим руководством, утверждают это.

— У нас находится в руках блондин высокого роста с женственным лицом, не носящий ни усов, ни бороды.

— Это точно он. Ведь он иногда одевается аббатом.

— Черт возьми! Вы меня пугаете.

Агент задумался на несколько минут.

— Хотите, чтобы я приказал привести его сюда?

— Да. Но я хотел бы наблюдать за ним, не будучи видимым.

— Это очень легко. Пройдите в ту комнату и оставьте дверь полуоткрытой.

Панафье сразу же исчез за дверью, располагаясь так, чтобы быть невидимым, но самому все видеть и слышать.

Агент сразу же позвонил и сказал вошедшему человеку:

— Прикажете привести Лебо. Это тот, что был арестован три дня тому назад в игорном доме на улице Рампон.

Несколько минут спустя в комнату входил человек, которого наши читатели видели уже два раза.

— А, вот и вы, — сказал начальник полиции. — Надеюсь, что вы решили, наконец, назвать ваше настоящее имя.

— Но, мсье, я вам уже сказал его.

— Мы знаем правду, и ваше заpiresательство не обманет нас.

— Я не понимаю, мсье, почему меня до сих пор здесь держат, в то время как остальных уже давно отпустили.

— Показания тех, что были вместе с вами в игорном доме, указывают на вас, как на человека очень опасного.

— Я просто защищал свои права и не разрешал обкрадывать себя. Вот и все.

— В ту ночь, когда вас арестовали, вы присвоили себе ставку одного из игроков. Следовательно, вы украли.

— Во-первых, я не украл, а просто ошибся ставкой. О, я теперь понимаю, что на меня наговорили. Но я просто ошибся. Этот господин уверял вас, что я играл на его деньги, — это очень возможно. Все люди могут ошибаться. Кто не ошибается в этом мире! Я играл на его деньги, но я выиграл, и выигрыш, конечно, уже не принадлежит ему.

Агент покачал головой.

— Во всяком случае, мсье, — продолжал арестованный, — это дело касается только лично меня и его. И, кроме того, при воровстве наказывается само желание воровать, а я не имел такого желания. Кроме того, карточный долг стоит и выше, и ниже закона. А это карточный долг — и ничего больше. Повторяю вам — это наше личное дело.

— Каковы ваши средства к существованию?

— Я уже сказал вам, мсье, что я переплетчик.

— Согласитесь, это удивительно, что рабочий может быть постоянным посетителем Баландые.

— Но, мсье, мадам Баландые — моя приятельница. Я и не думал посещать ее обедов, я не обедаю у нее.

— Однако вы ужинали у нее каждый день и уходили только под утро.

— Я приходил по вечерам поговорить с ней, — с некоторым смущением отвечал арестованный. — И я оставался поздно потому, что эта женщина любит остроумные рассказы, и ей нравится мое общество.

— Вы говорите, что приходили к ней вечером, но полиция наводила справки в указанной вами мастерской, и там сказали, что вы не работаете и двух дней в неделю.

— Это только в последнее время — с тех пор, как я стал посещать эти проклятые дома.

— Но, мсье, в этих домах вы не выигрывали, а воровали.

— Боже мой, мсье, какие вы употребляете жестокие слова. Если на это смотреть с такими пред-
рассудками, то я, конечно, вор.

— Эти слова очень резки, конечно, но верно передают суть дела.

— Но дело в том, что общество опирается на ложные идеи и не хочет верить правилу, что нужно брать свое добро там, где оно попадается. Я взял в долг у этого господина деньги, которые он выиграл у других. Я знаю, что в Евангелии говорится: «Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе». Этот господин поступил очень плохо — он опорожнил карманы других, а я — его. И беру Бога и всех святых в свидетели: я позволяю любому в свою очередь опорожнить мой карман.

Агент полиции пристально взглянул на него.

— Вы смелый мошенник, мсье, — сказал он, — и все скоро узнают об этом. Панафье! — позвал он.

Панафье вышел из соседней комнаты и сказал:

— Это не тот человек, которого мы ищем, но он поможет нам найти того.

— А этого вы знаете?

— Да, его зовут Густав Лебо. Он любовник Баландье.

Глава IV

ГОСПОДИН, КОТОРОГО ПРИЯТНО БЫЛО БЫ ИМЕТЬ ДРУГОМ

Красавец Густав (так как это был он), известный читателю по портрету, висевшему в столовой Баландье, несколько смутившись сначала от того, что его знают так хорошо, очень скоро оправился, услышав, как Панафье говорит агенту:

— Вы позволите мне сказать несколько слов арестованному?

— Да-да, пожалуйста.

— Господин Лебо, вы живете за счет Баландье?

— Милостивый государь, я...

— Послушайте, не перебивайте меня. Вас здесь отлично знают. Кроме того, вы обвиняетесь в воровстве.

— Но я...

— Пожалуйста, молчите и слушайте. Вы сейчас сами довольно цинично признались в этом. Одним словом, если мы захотим, вы отсюда не выйдете — вам придется отправиться в Пуасси. Можете не сомневаться. Однако, так как на вас не поступило ни одной личной жалобы, то мы можем и не отдать вас под суд, если вы согласитесь помочь нам.

— Помочь вам?.. — повторил тот.

— Да. В игорных домах бывает один человек, который нас особенно интересует. Вы знаете этого человека и можете сообщить нам кое-какие сведения о нем.

— Мсье, это невозможно. У меня нет ни одного друга в этих домах.

— Но вы точно знаете этого человека.

— Конечно, я могу знать этого человека. Я знаю там почти всех. И я вам скажу вот что. Если бы один из вас предложил мне работу, то я с восторгом стал бы служить правосудию. Я за порядок, за полицию, которую признаю необходимой. Я не был нищим, я стою за плебисцит, и если полиция нуждается в человеке, преданном ей, я к ее услугам.

Панафье невольно передернулся от отвращения. Даже сам агент не мог выслушивать равнодушно это предложение, хотя ему часто случалось слышать подобное. Что касается Густава, то он не осознавал производимого впечатления.

— Выслушайте меня, — продолжал он. — Вы меня знаете, не правда ли? У меня среди друзей есть женщины-друзья. Через них я могу узнать,

что происходит в разных местах. И если бы я был убежден в покровительстве... Одним словом, вы на следующий же день знали бы все, что делается и говорится.

— Именно это нам от вас и нужно, — сухо сказал агент.

— Прежде всего, — продолжал Панафье, — вы знаете одного человека, посещающего игорные дома. Он иногда даже бывает у Баландые.

— Кто же это, мсье? — спросил Лебо.

— Аббат.

— Аббат! Я, кажется, его знаю. Он действительно бывает у Баландые, и даже так получилось, что я сам привел его туда. Он тратит там немало денег. Вы знаете, у него много знакомых хорошеньких женщин. Мсье, это отлично, так как он мне доверяет. Тем более, что однажды, заметив двух высоких малых, следивших за ним недалеко от улицы Омер, я предупредил его.

— А-а, так как это вы предупредили его?

— Да, мсье. С тех пор он не был там ни разу.

— Знаете вы, что это за человек?

— Нет, я знаю лишь то, что он богат, что он был аббатом, вот и все. Я знаю его только по картам. Да еще он как-то мне сказал: «Когда вы познакомитесь с какой-нибудь хорошенькой женщиной...»

— Хорошо, — с отвращением перебил агент. — Что же вам нужно от этого человека? — продолжал он, обращаясь к Панафье.

— Я хочу, чтобы, когда аббат наведается в какой-нибудь игорный дом, он уведомил нас об этом в тот же день. Тогда можно будет сделать обыск и захватить его, а затем произвести следствие и убедиться, что я не ошибался.

— Вы слышали? — сказал агент красавцу Густаву.

— Да, мсье.

— Идите и делайте то, что вам говорит этот господин. Каждый день в 10 часов вы будете приходить сюда с донесением.

— Каждый день в 10 часов?

— Да. Не забывайте, что за вами наблюдают и что малейший обман погубит вас.

— Да, я это отлично понимаю.

— Теперь вы свободны.

Но Густав не уходил.

— Что вам нужно? — спросил агент.

— Извините, мсье. Но каждый человек должен думать о средствах к существованию. Я хотел спросить, где я буду получать вознаграждение?

Панафье и агент обменялись взглядами, полными презрения.

— Я сам буду вам платить, — сказал агент.

— Благодарю вас, мсье, — ответил красавец Густав, выходя из комнаты, весьма довольный собой. «Отлично, теперь я могу быть спокоен, — думал он. — У меня есть положение».

— И не подумаете, что есть подобные субъекты, — говорил между тем агент Панафье. — Вы считаете, что он будет вам полезен?

— Если он захочет, то не пройдет и недели, как мы найдем аббата.

— Но что это за аббат?

— Я объясню вам, когда он будет арестован. Сейчас я могу сказать только, что это опасный преступник.

— Я вас понимаю, — сказал агент. — Вы все еще продолжаете ваши поиски?

— Да, мсье.

— Да поможет вам Бог. Приходите утром, и я передам вам те сведения, которые сообщит мне этот негодяй.

— Благодарю вас.

— До свидания, Панафье.

Молодой человек выпел и направился к квартире братьев Лебрен. Он был недоволен своим посеще-

нием агента Лоре, которое принесло ему немалое разочарование. По донесениям, полученным им об игорном доме на улице Рампон, он был убежден, что аббат арестован, но эта таинственная личность снова ускользнула от него.

Только выйдя от агента, он стал сожалеть, что не спросил красавца Густава, был ли аббат на улице Рампон во время полицейского обыска, а также о том, что не попросил у Лоре посмотреть список арестованных и отпущенных после предъявления документов. Тем не менее, в этой неудаче для него было и маленькое утешение, состоявшее в приобретении помощника в лице Густава Лебо. Не было сомнения, что он наведет их на след аббата, а в случае необходимости и захватит его. У Панафье всегда были под рукой Пьер Деталь и Ладеш, от Лоре он получал сведения, но полицейскими агентами пользоваться не мог, потому что поиски по делу, которым он занимался, были давно прекращены. Несмотря на уверенность в скором достижении цели, у Панафье было тяжелое предчувствие, от которого он напрасно старался избавиться. «У меня сегодня черные мысли, — думал он, — и это очень глупо для такого благоразумного человека, как я. Убежден, что причина всего этого — происшедшая перемена в Луизе. Я не думал, что люблю ее так сильно. И кроме того, я думал о ней Бог знает что. Она знает, что у меня сейчас больше денег, чем раньше, и пользуется этим. Но сколько я ни думаю, что все это пустяки, меня преследуют тяжелые мысли».

Он глубоко вздохнул. «Теперь я пойду к Лебрену, — продолжал он, — а оттуда схожу в ее мастерскую и сразу же успокоюсь. Я никогда не думал, что могу ревновать до такой степени».

Придя к братьям Лебрен, он рассказал им все, что узнал нового, и прибавил, что, по всей вероятности, дня через два аббат будет пойман.

— Да, я готов дать голову на отсечение, что это именно так.

— Дай Бог.

— Господин Панафье, я надеюсь, вы доставите нам удовольствие, позавтракав с нами?

Сначала Панафье отказывался, но затем, надеясь разогнать свои черные мысли, согласился. Однако это оказалось самым плохим средством из всего, что он мог придумать, так как беседа с братьями была не особенно веселой и все время крутилась вокруг дела, которому они посвятили себя.

Оставив улицу Шарло еще более печальным и мрачным, чем он был, когда пришел туда, Панафье напрямик отправился на улицу Кер, где находился магазин, в котором работала Луиза.

Поднявшись в мастерскую, он увидел маленькую работницу лет десяти, которая знала его.

— Милая Розалия, — сказал он, — мне надо попросить тебя об одолжении. Выйди ко мне на минутку.

Девочка вышла на площадку и ждала вопроса.

— Послушай, моя милая, вот тебе два франка, но ты не должна никому говорить того, о чем я тебя спрошу, в особенности ей.

— Хорошо, мсье, — согласилась она, с удивлением глядя на него.

— Скажи мне, Луиза сейчас работает по ночам?

— Я не знаю, мсье, — наивно ответила девочка.

— Как, ты не знаешь, работают ли у вас по вечерам допоздна? Но ведь ты не можешь уйти раньше мастерлиц?

— Нет, мсье, у нас не заняты вечерами. Но я не знаю, может быть, мадемуазель Луиза и работает.

— Что ты хочешь сказать?

— Луиза оставила наш магазин около месяца назад.

— Как, Луиза оставила магазин? — с беспокойством произнес Панафье. — Но где же она работает?

— Как, Луиза оставила магазин? — с беспокойством произнес Панафье. — Но где же она работает?

— Мастерницы говорили, что она не работает больше, что она нашла богатого молодого господина.

Панафье почувствовал, что холодный пот выступает у него на лбу, ноги отказываются ему служить, и он вынужден был ухватиться за перила, чтобы не упасть. Несчастный старался скрыть горе, которое на него навалилось.

— Но разве вы этого не знали, мсье Поль? — спросила у него девочка.

— Что?! — вскрикнул он, решив, что Луиза уверяла своих подруг, будто бы он соглашается терпеть такое. — Она сказала, что я это знаю?

— Нет, она сказала, что вы расстались месяц назад, и она думает, что вам все известно.

— Да-да, это правда, — прошептал несчастный. — Мы расстались, но я не знал, что она перестала здесь работать, и хотел поговорить с ней. Прощай, Розалия.

— До свиданья, мсье Поль.

Девочка вернулась в мастерскую, говоря себе: «Как можно бросить такого доброго и красивого молодого человека?»

А Поль в это время спускался по лестнице, шатаясь, как пьяный, и встряхивал головой, стараясь развеять туман, который застилал ему глаза. Полученный им удар был ужасен, он отказывался верить во все это. Луиза, его единственная привязанность, обманула его. Эта женщина, делившая с ним и радости, и горе, его Луиза, приходила к нему каждый вечер из объятий другого, а его губы стирали с ее губ следы поцелуев другого — «богатого молодого человека», как сказала Розалия.

Выйдя на улицу, он бросился бежать и весь остаток дня бегал по улицам и полям, сам не сознавая, куда несут его ноги. Когда наступила ночь, он сел, наконец, на скамью на бульваре и зарыдал.

Панафье пришел к себе страшно расстроенный и лег на кровать с мыслью: «Когда она вернется сегодня вечером, я поговорю с ней».

Вдруг он услышал стук в дверь и резко приподнялся, говоря себе: «Вот и она!»

Но это был новый привратник, принесший ему письмо. Закрыв за ним дверь, Поль подошел к огню и вздрогнул, узнав почерк на конверте. Это было письмо от Луизы. Поль поспешно разорвал конверт, чувствуя, что слезы наворачиваются ему на глаза. Тем не менее он поборол свое волнение и прочел:

«Дорогой Поль! Это письмо сделает тебя очень несчастным. Я это знаю, но так нужно. Я знаю, ты делаешь все, что можешь, чтобы доставить мне приятное. Однако только за счет труда и всевозможных лишений вряд ли возможно добиться желаемого. Ты знаешь, я люблю тебя, но одной любовью жить нельзя. Кроме того, надо подумать о будущем. У тебя нет положения в обществе, тебе нужно его достичь, а я тебя стесняю. Не сердись, что я прощаюсь с тобой. Это необходимо в твоих же интересах. Мне это очень тяжело, но так надо было. Я сильнее и жертвую собой. Ты, может быть, рассердишься, получив это письмо, но успокоившись, поймешь, что я права. Клянусь тебе, мой дорогой, ты всегда будешь любим мной. Так, как я любила тебя, я не смогу полюбить никого другого. Но, мой милый, ты должен понимать, что в нашем положении верность — глупая добродетель. Неужели ты думаешь, что можно быть нежным, испытывая недостаток во всем? Я тебя обожаю, верь мне, но оставь меня на некоторое время, чтобы я смогла заработать себе состояние. Горе тому, кто попадет в мои сети. Я тружусь для того, чтобы в будущем у меня была возможность любить тебя. Ты скоро получишь обо мне известие от одной подруги, которая расскажет тебе, как много я плакала от необходимости оставить тебя. Не старайся меня увидеть. Меня

нет в Париже. Я тебя люблю по-прежнему, мой дорогой Поль, и целую от всего сердца.

Твоя Луиза».

Поль, окончив чтение, застыл, как громом пораженный. Он чувствовал, что это письмо написано, или, по крайней мере, сочинено, не Луизой. Затем ему стало казаться, что он где-то уже читал вторую часть этого письма.

— Нет, — сказал он вдруг, — не Луиза написала это письмо. Первая его часть не принадлежит ей. Луиза — девушка с сердцем, а в этих словах чувства нет. Что же касается конца, то он написан таким стилем, которого не может быть ни у нее, ни у ее советчицы. Итак, вот чем окончились мои огорчения и заботы... О, женщины!

И он еще раз перечел письмо. Его глаза были сухи, в висках стучала кровь, так как ярость душила его.

— Кто бы мог подумать, что так будет, — выговорил он, печально качая головой.

Затем вдруг бросился к шкафу, в котором у него лежало несколько старых книг, составлявших его библиотеку, взял том с «Манон Леско», перевернул несколько страниц и, увидев то, что искал, сказал:

— Да, это так. Письмо Манон к де Грие. Ха-ха-ха! Теперь я знаю, что первую часть написала Нисетта, а вторая — копия письма Манон. Это любимая книга Нисетты. О, Нисетта, Нисетта, — продолжал он. — Ты дорого заплатишь мне за это.

Он вдруг остановился и нахмурил лоб.

— Нет, это невозможно. Тем не менее Нисетта способна на все. Но если она сделала это, то я отомщу и ей, и ему!

Вне себя от гнева Поль вышел из комнаты и быстро спустился по лестнице.

Выйдя на улицу, он остановил первый попавшийся фиакр, бросив кучеру:

— На улицу Лаваль, номер 47. Скорее.

Глава V

ЛАДЕШ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В СИДЕЛКУ

Полчаса спустя Поль выходил из фиакра перед дверью дома номер 47 на улице Лаваль.

— Мадам Левассер живет здесь? — спросил он привратницу.

— Здесь, мсье, на третьем этаже, но ее сейчас нет дома.

— Вы знаете, в котором часу она вернется?

— Нет, мсье. В это время ее никогда не бывает дома. Едва ли она вернется раньше полуночи. Она ушла вместе со своей подругой.

— Подругой? — поспешно спросил Поль.

— Оставьте мне вашу карточку, мсье, я передам.

— Это бесполезно. Я хотел получить от вас сведения относительно...

— Я уже дала вам все сведения, которые могу дать, — сухо перебила его привратница.

Поль понял и, войдя в привратническую, запер за собой дверь, вынул из кармана десятифранковую монету и передал ее привратнице со словами:

— Сведения, которые я хочу от вас получить, не так уж и важны.

— Говорите, мсье, — сразу же ответила ему собеседница весьма любезным тоном.

— Вам известно имя той, кого вы называете подругой мадам Левассер?

— Ах, мсье, не помню. Это молодая дама лет восемнадцати-двадцати, очень хорошенькая блондинка с черными глазами, маленьким ртом и прелестными зубками. Одним словом, хорошенькая, и отлично одета. Ах, я вспомнила ее имя! Выходя, мадам Левассер называла ее Луизой.

— Луизой! Я так и знал!

Ударив кулаком по столу, он стремительно убежал из комнаты.

— И что это значит? — проговорила привратница. — Наверное, сумаспедный. Или ревнивец.

В эту минуту Поль снова появился в дверях. Привратница испуганно отступила, но он спокойно сказал:

— Мадам, разрешите попросить вас об одном одолжении. То, что я узнал, очень огорчило меня. Я не могу сказать вам, по какой причине, но прошу вас не говорить мадам Левассер о моем посещении ни слова.

Говоря это, Поль сунул в руку привратницы еще одну монету, которая еще более усилила ее любезность.

— Слава Богу, я умею, когда нужно, держать язык за зубами. Вы можете без опасений приходить и спрашивать меня о чем угодно. Я к вашим услугам.

Поль снова вышел, стараясь скрыть волнение, в которое привело его откровение привратницы.

Он сел в фиакр и вжался в угол. И тут из его глаз против воли полились слезы, рыдания душили его, и кучер вынужден был несколько раз спросить его, куда ехать: Поль не понимал, что тому нужно. Наконец он кое-как пришел в себя и сказал, куда его везти.

Добравшись домой, он смог бы наконец дать волю своему горю. Ему необходимо было успокоиться и отдохнуть, чтобы решить, что делать.

Он приехал домой в сильном волнении и, поспешно вбежав по лестнице, хотел открыть дверь, как вдруг перед ним появилась чья-то тень. Он отпрянул, спрашивая себя, кто мог прийти в такой час, — ведь уже была полночь. Но звуки знакомого голоса успокоили его.

— Не пугайтесь, мсье, это я. Я принес вам новости, — сказал Ладеш.

Когда они вошли, Поль зажег огонь, и Ладеш невольно вскрикнул:

— Что с вами, мсье?

— А что?

— Но у вас такое взволнованное лицо... И глаза красные, как будто вы плакали. Неужели вы потеряли кого-то?

— Да, — мрачно ответил Поль, — да, я потерял близкого человека.

— Сочувствую, господин Панафье, и извините, что я пришел так поздно, но дело очень серьезно.

Поль его не слушал. Увидев это, Ладеш замолчал и пригляделся к нему повнимательнее.

— Господин Панафье, вы больны?

Говоря это, он взял того за руку.

— Да, у вас сильный жар. Не будем сегодня говорить о делах. Что у вас болит? Ответьте.

Поль не в состоянии был больше сдерживаться и, бросившись на диван, зарыдал.

— Да, мне больно. Я очень несчастен! Меня терзают ревность, гнев, стыд — все сразу. У меня очень болит душа!

— А-а, теперь я понимаю, — заявил Ладеш, подмигивая. — Ваша дамочка улетела. Я знаю эти любовные похождения — у кого их не было. В первые дни это очень тяжело. Слава Богу, у меня все это в прошлом, и теперь ни одной женщине не удастся привести меня в такое состояние.

Поль плакал горькими слезами.

Ладеш продолжал:

— Главное — не надо поддаваться своим чувствам. А теперь вам лучше лечь в постель. У вас ужасная лихорадка. Я буду вашей сиделкой всю ночь, а то вы, пожалуй, выкинете какую-нибудь глупость. Когда же вам станет лучше, тогда мы и поговорим о деле.

Силы оставили Панафье. Его лоб и руки горели, в то время как самого его трясло. Ладеш заметил это.

— Ну, не делайте глупостей, будьте благоразумны. Этак не долго и совсем расхвораться. Я вас

уложу в постель. Не беспокойтесь ни о чем — я вас раздеву.

Пока Ладеш его раздевал, несчастный повторял:

— Я убежден, ее любовник — убийца моей матери! Негодная! Она забыла нашего ребенка! Это ужасно! Он убивает бабушку и любит внучку!

Поль разрешал делать с собой все, что угодно, и Ладеш, думая: «Ну и ну, он, кажется, сходит с ума!», уложил его в постель и укрыл потеплее.

— Не бойтесь, я вас вылечу без докторов. Они прописали бы вам бездну микстур. Что же касается меня, я дам вам лекарство, которое вы примете с удовольствием.

Бормоча эти слова, Ладеш растопил камин, подогрел бутылку вина с сахаром и добавил:

— А в доказательство того, что мое лекарство не вредно, я выпью вместе с вами. Выпейте это, господин Панафье. За ваше здоровье!

И Ладеш выпил содержимое своего стакана. Поль также выпил все, что ему предлагала его странная сиделка. Это повторялось три раза, так как Ладеш говорил себе: «Я выпил половину его порции, поэтому лекарство не принесет ему пользы. Надо повторить прием».

Когда он принес больному его часть из третьей бутылки, Панафье уже крепко спал. Тогда Ладеш, видя, что на лбу у того выступила испарина, наставительным тоном проговорил:

— Он потеет, а раз потеет — значит, спасен.

Затем он отошел на цыпочках и вылил в свой стакан остатки подогретого вина со словами:

— Так, может быть, и лучше. Излишняя порция могла принести ему вред. Он спит, и теперь главное — не разбудить его. Однако здесь не очень весело. Что я буду делать целую ночь? Спать? Это невозможно, так как лекарство, которое я вынужден был выпить вместо него, взбудило меня. Кроме того, у меня страшная жажда. Ничто так не возбуждает жажды, как вино с сахаром.

Вдруг он ударил себя по лбу, взглянув на часы.

— Два часа! Что же там делает Пьер?

Затем он поглядел на своего больного и, видя, что последний спит спокойно, даже улыбается во сне, бросился на лестницу, открыл входную дверь и побежал на другой угол улицы. Там в тени подъезда стоял какой-то человек, к которому Ладеш и подошел.

— Ну, старина, — проговорил он, — тебе пришлось здесь порядочно поскучать.

— Да я не скучал, — спокойно отвечал Деталь, отделяясь от стены.

— Представь себе, Панафье болен, — продолжал Ладеш. — И так как я знаю толк во всем, то сразу же понял, что ему нужно. И должен сказать, что же ошибся. Теперь он спит, как сурок. Ты знаешь, что стоишь здесь четыре часа?

— Да, — самым равнодушным тоном ответил Пьер.

— Должно быть, не очень весело?

— Напротив. Я думал.

Ладеш несколько не удивился этому ответу.

— Панафье болен, — продолжал он, — поэтому я отложил дела на завтра. А сейчас я ухаживаю за ним. Вот и все. Пойдем вместе со мной. Мы будем вдвоем стеречь его и лечить.

— Но чтобы лечить, — заметил Пьер Деталь, — нужны лекарства.

— Ну, все медикаменты у него есть! Я видел в шкафу бутылок двенадцать. Там коньяк, сахар.

— А ром у него есть? — спросил Деталь.

— Посмотрим. Может быть, у него найдется и ром. Тем более, что если он не захочет, мы выпьем вместо него. Вот и все.

Когда они снова вошли в комнату Панафье, Ладеш подвел Пьера к постели Поля и, указав на него, сказал:

— Ты видишь, ему лучше. Слушай.

Они стали прислушиваться.

Панафье говорил:

— Да, матушка! Это моя Луиза! Это наш ребенок! Теперь у тебя двое детей!

После этого двое приятелей уселись за стол, где уже стояло несколько бутылок, приготовленных Ладешем, но вспомнив то, что ему сказал Деталь, Ладеш проговорил:

— Ему стало лучше от первоначального лечения. Это ты видишь. Но ты также должен знать, что человек привыкает ко всему. У меня есть еще прежнее лекарство, но я думаю, что надо его заменить.

— Я думаю, это хорошая идея.

После этого Ладеш подошел к шкафу и нашел все необходимое для приведения в исполнение идей Пьера и сразу же начал приготовление пунша. Когда пунш загорелся, Ладеш с состраданием повернулся к спящему Панафье, говоря:

— Спи, мой бедный друг. Ты можешь быть спокоен. У тебя есть все, и если ты проснешься, у тебя будет что выпить.

Затем он вынул из кармана засаленную колоду карт, положил ее на стол и повернулся к Деталю.

— Ну, старина, налей-ка нам по стаканчику. Если бы Панафье увидел, что мы не пьем, он наверняка отказался бы пить. А чтобы убить время и доставить ему веселое пробуждение, мы сыграем с тобой в пикет.

— Отлично, — сказал Деталь, снимая верхушку колоды карт.

— Тебе сдавать.

Игра началась.

В семь часов утра Панафье проснулся совершенно здоровым и засмеялся, увидев за столом Ладеша и Деталья — полупьяных и увлеченных игрой. Ладеш был необычайно весел, Деталь, наоборот, — печален. Первый стучал по столу, говоря:

— Четырнадцать валетов, кварт от туза! Проигрался, старина! Последний стакан мой! За твое здоровье!

— За ваше, — сказал, громко расхохотавшись, Панафье.

Любой другой удивился бы, услышав голос больного, но Ладеш был не похож на других.

— А-а, вам лучше, — спокойно сказал он, поворачиваясь. — Вы проснулись и хотите выпить? Это вам право.

Затем, повернувшись к Деталю, он прибавил:

— Помнишь, что я тебе говорил? Он проснется и будет чувствовать жажду. К счастью, мы приняли меры предосторожности.

И Ладеш заглянул в кастрюлю, в которой был пунш. Его оставалось там не более полстакана; тем не менее он нисколько не смутился, вылил остатки в стакан и долил его водой, разглагольствуя:

— Надо быть осторожным. Если вы выпьете чистый пунш, это вам повредит, и я себе этого никогда не прощу.

Он подал стакан Панафье и, чокнувшись с ним, сказал:

— Ваше здоровье!

— Каким образом вы оба очутились здесь, — спросил Панафье, — в семь часов утра, да еще за партией пикета?

— Как, господин Панафье, разве вы ничего не помните? — изумился Ладеш.

— Вы не помните? — повторил Деталь.

— Ровно ничего.

— Вчера мне надо было поговорить с вами.

— Нам надо было с вами поговорить, — прибавил Деталь.

— Да, и мы пришли вместе. Пьер остался внизу ждать меня. Мы думали, что вы можете оказаться дома не один, не захотите там говорить, и тогда выйдете к нам. Привратник вышел к нам и сказал,

что вы ушли по делу, но, по всей вероятности, скоро вернетесь. Тогда я решил, что нужно ждать.

— Да, ждать, — повторил Деталь. — И мы решили ждать: он наверху, я — внизу.

Поль, нахмутив лоб, внимательно слушал, пытаясь вспомнить.

— Я ждал вас на лестнице. Когда вы вернулись, я увидел, что вы больны, по-моему, у вас была лихорадка. Я решил, что вам надо лечь в постель и согреться. Тогда я вам помог это сделать.

— И я, — с беспокойством спросил Панафье, — что-то говорил в беспамятстве?

— Вы даже не поздоровались со мной. Вы прямо вошли к себе и начали стонать.

— Я ничего не говорил?

— Ничего. Но я видел, что у вас голова не в порядке и решил, что ее надо вылечить. И так как, благодаря Богу, немного знаю медицину, то я сделал вам лекарство, и, как видите, оно помогло.

Между тем Панафье с беспокойством старался припомнить, что происходило накануне. Мало-помалу он вспомнил все. Горькая улыбка мелькнула у него на губах. Он печально качал головой, поняв, что Луиза уже давно обманывает его, так как привратница на улице Лаваль сказала: подруга госпожи Левассер, та, которая так часто у нее бывает и очень хорошо одевается. Итак, Луиза проводила у него ночи, а утром, делая вид, что идет на работу, уходила неизвестно куда. Не было никакого сомнения относительно поведения той, которую он любил, и Панафье только удивлялся, что не понял этого раньше. Некоторые мелочи, которые раньше проходили незамеченными, теперь всплывали в его памяти и прояснялись. Он вспомнил про духи, которыми она была надушена и которые он напрасно старался купить раньше, так как видел эти духи только в дорогих магазинах, и их цена его поразила: один флакон стоил пять луидоров. Он сказал это Луизе, а она отвечала ему, что один из покупа-

телей надушил платки всех мастериц. Он вспомнил, что очень часто Луиза, возвратившись домой, отказывалась с ним обедать под предлогом мигрени. Он вспомнил, как однажды водил ее в театр, и пьеса оказалась ей знакомой. «Как я был глуп!» — подумал он.

Панафье встал и приказал Деталю пойти купить продуктов на завтрак.

— На завтрак? — поразился Ладеш. — Вы приглашаете нас на завтрак? Ах, господин Панафье, вы очень благородный больной. Иди скорее, Пьер! Я голоден, и у нас много дел.

— Я быстро вернусь, — ответил Деталь и поспешно вышел.

Панафье обратился к Ладешу:

— Теперь я припоминаю. Ты приходил вчера по какому-то важному делу?

— Да, мсье. Но теперь об этом нечего думать. Сегодня вечером это дело надо начинать сначала, потому что вчера мы знали, где был аббат, и могли бы поймать его там.

— Теперь, — сказал Панафье, — вы должны изменить тактику. Вы должны только проследить его до дома.

— Мы предлагали вам это в самом начале.

— Да, но вначале я хотел на него посмотреть и тогда только решить, что с ним делать. Теперь мне нужен его арест.

— Во всяком случае, это гораздо приятнее и немного нас развлечет. Впрочем, если вы хотите, есть и другое средство, с помощью которого мы закончили бы дело быстрее.

— И что это за средство?

— В большинстве случаев мы встречаемся с ним в таких местах и в такое время, когда совсем нет прохожих. Мы можем сделать следующее: я вежливо попрошу его следовать за нами, и если он станет возражать, Деталь схватит его сзади за плечи, а я завяжу ему платком рот. Затем мы его свя-

жем и, чтобы не утомлять, посадим в фиакр, а на следующий день за завтраком представим его вам.

Панафье задумался.

— Но вы можете ошибиться. Вы можете поймать не того человека, которого я ищу, и тогда...

— Бог мой! — Ладеш, наливая себе вина, пожал плечами. — Если это человек приличный, то мы скажем ему, что это была шутка, и отпустим его. А так как мы не назовем ему наших имен, адресов и постараемся заgrimироваться для этого случая, то ему нужно быть необыкновенно умным, чтобы суметь доставить нам неприятности. Если же это такой человек, который не захочет понять шутку и увидит слишком много, то на другой день вы прочтете в газетах, что такой-то господин умер на улице от удара, и тело его было найдено утром.

Эта последняя фраза была сказана с таким спокойствием, что у Панафье холод пробежал по спине. Он никогда не думал, что жизнь людская так мало стоит для некоторых.

— Мы еще поговорим об этом, — сказал он.

Тут в дверях показался Деталь с покупками.

— Скорее за стол, — обрадовался Панафье. — Мы поговорим о деле за завтраком.

— Какие у вас в доме дурно воспитанные люди! — заметил великан.

— Что случилось?

— Когда я сейчас входил в дом, ваш привратник прямо уставился на меня.

— Что же тут удивительного? Вполне естественно, что этот человек был удивлен, ведь сегодня ночью ты вошел сюда в качестве доктора, — объяснил Ладеш.

— Как — доктора?!

— Ну да, когда мы проходили, я сказал привратнику, что ты доктор. Конечно, его удивило, когда доктор отправился за продуктами.

Деталь расхохотался. Даже Панафье улыбнулся.

ДАМА С ФИАЛКАМИ

Оставим Ладеша и Панафье, обсуждающих добытые сведения и строящих новые планы поимки таинственного аббата, и приведем читателя к одной парижанке, имя которой стало ко времени описываемых событий довольно известным в парижском полусвете. Ее красота и таинственное прошлое интересовали всех. Журналисты уже начали приписывать ей разные остроты, что доказывало ее неспособность говорить их. Одна газета даже не побоялась посвятить ей три столбца в фельетоне. Эту женщину звали «Дама с фиалками». Мы дадим ей это же имя, введя читателя в маленький прелестный особняк под номером 83 на улице Шальо, где, как говорили, Дама с фиалками жила уже месяц.

В течение целого месяца на каждой скачке, на каждом празднике определенного круга появлялась высокая девушка в щегольском наряде, непременно с громадным букетом фиалок в руках. На всех премьерах она занимала первую ложу у сцены. Женщину эту совершенно никто не знал. Появлялась она всегда в сопровождении другой, выглядевшей немного старше и не так изящно одетой. Иногда в глубине ложи появлялась фигура мужчины, которого, однако, никто не видел. Его присутствие скорее угадывалось по тому, как молодая женщина оборачивалась назад, чтобы поговорить с ним. Так как никто не мог узнать ее имя, то ее называли «Дама с фиалками». Но мы не станем мучить читателя и скажем, что таинственная Дама с фиалками была никто иная, как наша приятельница Луиза.

Эта хорошенькая девушка, с таким изяществом носившая дорогие туалеты, умевшая кокетливо усесться в восьмирессорной коляске, умевшая носить, не выглядя смешной, самые экстравагантные шляпы, — эта женщина была Луиза. Нет ничего

удивительного в той легкости, с которой совершается превращение маленькой гризетки в эксцентричную кокоотку.

Теперь мы попросим читателя следовать за нами на улицу Шальо, в занимаемый ею особняк.

Было около полудня. Прислуга болтала в людской в ожидании пробуждения госпожи, когда перед особняком остановился наемный экипаж. Без сомнения, приехавшая в нем женщина была другом дома, так как прислуга, открыв дверь, без слов впустила ее в дом. Поднявшись по лестнице и пройдя гостиную и будуар, молодая женщина вошла в спальню.

Комната была погружена в темноту, окна — плотно зашторены, полог кровати — опущен. Посетительница пересекла спальню, открыла потайную дверь и вошла в прелестную туалетную комнату. В глубине комнаты в алькове горничная готовила ванну.

— Я вас искала, Жюли, — сказала посетительница, обращаясь к горничной.

— Я не слышала, как вы вошли.

— Пойдите и приоткройте шторы в спальне.

— Но госпожа не приказывала будить ее рано.

— Как вы думаете, который сейчас час?

— Не больше двенадцати.

— А разве это рано?

— Я не знаю... Но госпожа приказала, и я не могу ослушаться. Впрочем, я сделаю то, что вы приказываете, если вы скажете, что я не виновата.

— Поднимите шторы, я разбужу ее. Она вернулась вчера в то же время, что и я.

— Около четырех утра.

— Значит, она должна уже выспаться.

Горничная пошла в спальню, подняла шторы и открыла внутренние ставни, а гостя подняла полог кровати. Прелестные глаза Луизы открылись. Она огляделась вокруг себя и, увидев свою подругу, с неудовольствием сказала:

— Это ты, Нисетта? Уже! Который же теперь час?

— Уже больше двенадцати.

— А я приказала, чтобы меня не будили рано.

— Ты что, хочешь проспать целые сутки?

— Я говорила мадам Левассер, — вмешалась горничная, — что вы не приказывали вас будить.

— Что за спешка? — спросила Луиза Нисетту, протирая глаза.

— Разве ты забыла, что у нас назначено свидание?

— Где?

— В Багатель.

— Ой, я и забыла...

— Мы должны быть там в час.

— Значит, я не успею одеться. Разве можно назначать свидания на это время?

— Но ведь ты сама хотела этого.

— Да, припоминаю... У меня сегодня вечером есть дело.

— Ванна готова, — доложила Жюли, входя в комнату.

Луиза поспешно вскочила с постели и побежала в ванную, в которой просидела не больше двух минут. Когда она вышла, Жюли вытерла ее и накинула голубой шелковый пеньюар, отделанный белым атласом. Луиза села на диван и вытянула свои маленькие ножки. Горничная надела на них розовые шелковые чулки и туфли. Затем вытерла волосы. Когда это было сделано, Луиза села перед туалетным столиком.

— Жюли, — велела она, — скорее приведите мое лицо в порядок.

— Как! Ты ведь знаешь, что он этого не любит. В твои годы смешно разрисовываться. Уверяю тебя, тебе это не идет. Это тебя старит.

— Но все другие это делают.

И, несмотря на замечание Нисетты, Луиза приказала подкрасить себе лицо. Она хотела быть та-

кой же как другие, что портят свою красоту подкрашенными глазами и бровями, искусственным румянцем и мушками, являющимися необходимым дополнением смешного туалета наших модных красавиц.

Горничную все это нисколько не удивило, и она, подойдя к туалетному столику, занялась макияжем своей госпожи.

На одевание нашей Дамы с фиалками ушло больше часа. Нисетта выходила из себя.

— Это смешно. Мы заставляем себя ждать.

— Мне все равно, — отвечала Луиза. — Это тебе ужасно хочется есть. Скорее, Жюли, надень на меня платье, а то она расплачется.

В эту минуту в дверь постучали.

— Это Жюстен, — доложила горничная.

— Пусть войдет, — совершенно спокойно сказала Луиза.

Жюстен был кучером и доверенным слугой.

— Что тебе нужно? — спросила Луиза, когда он вошел.

— Вам письмо и маленький сверток.

— Давай сюда.

Луиза взяла письмо и разорвала конверт.

«Моя красавица! Я вынужден сегодня остаться дома. Когда я уже собирался ехать, ко мне пришли родственники, и не было возможности прогнать этих господ. Чтобы заслужить прощение, я посылаю тебе маленький подарок. Сегодня вечером пришлю тебе билеты в ложу, и мы увидимся с тобой в театре.

Любящий тебя Рауль».

— Бедная Нисетта, твой завтрак пропал.

— Как это?

— Подай мне сверток, Жюли.

Дама с фиалками была не горда и говорила своей прислуге «ты». Жюли передала ей маленький сверток, и она развернула его со словами:

— Понимаешь, милая Нисетта, Рауль пишет, что не может прийти, так как к ним неожиданно пришли родственники и помешали ему. Сегодня мы свободны до вечера.

И Луиза открыла коробочку, бывшую в свертке.

— Ах! Какой прелестный бриллиант! Посмотри, пожалуйста!

Нисетта подошла, и ее глаза заблестели при виде роскошного кольца, лежавшего в коробочке. Это был великолепный громадный бриллиант величиною с орех, вставленный в золотое кольцо с греческой резьбой. В восхищенном взгляде Нисетты можно было заметить некоторую долю зависти и досады, но она постаралась скрыть это и сказала:

— Действительно великолепная вещица!

Луиза все повторяла:

— О-о! Как он хорош! Посмотри, пожалуйста! — и с детской радостью поворачивала кольцо в разные стороны.

Нисетта взяла его в руки и с видом знатока сказала:

— Он совсем белый и стоит больше двадцати тысяч франков.

— Двадцать тысяч франков! — вскричала Луиза. — Ты с ума сошла! Держу пари, что в ломбарде за него дадут вдвое больше.

Трудно себе представить, насколько быстро женщины узнают цену драгоценностей и приобретают способность оценивать камни и жемчуг не хуже настоящих ювелиров. Уже месяц спустя после того, как им подарили первый бриллиант, они знают его истинную цену. Нисетта точно так же знала толк в драгоценностях.

— Да, — возразила она, — если бы на нем не было пятен, то он стоил бы даже больше.

— Как?! Разве на нем есть пятна? Ах, да, правда, — с досадой сказала Луиза. — Я вижу два пятна.

— Да, два пятна, но это ничего не значит. Несмотря на это, кольцо все-таки прелестно.

— Я его надену, — сказала Луиза, надев кольцо на палец.

— Но что мы теперь будем делать? — спросила Нисетта. — Мне хочется пить. Прикажи подать завтрак.

— Завтрак — здесь!? Ни за что! Я одета, экипаж подан. Можем позавтракать где-нибудь за городом. Как по-твоему?

— Прелестная идея! — восхитилась Нисетта. — Знаешь что? Мне хочется позавтракать в маленьком трактире у заставы.

— Ах! Я там бывала, когда была совсем еще маленькой. Едем!.. Жюли, дайте мне другое платье и простенькую шляпу.

— Ты оставишь кольцо на пальце?

— Да, конечно. Это будет очень забавно. Жюстен, не надевай ливрею. Ты будешь нас сопровождать. Да, возьми с собой Лорана. Если нас кто-нибудь затронет, он сможет нас защитить.

Жюстен отправился за своим братом, а молодые женщины спустились с лестницы и поспешно сели в экипаж. На площади Бастилии кучер спросил, куда ехать.

— В «Бешеную кошку», — сказала Нисетта.

— Где это?

— Около Шарона.

— Тогда мы поедем по улице Ла-Рокетт.

— Да, — ответила Нисетта, поднимая стекло.

Луиза с любопытством смотрела, где они едут.

— По какой дороге поехал этот дурак? — недоумевала она. — Ему следовало проехать по улице Мениль-Монтан и выехать на дорогу Ротре. Мы ходили по этой дороге, когда я еще была маленькой. Где мы сейчас?

— Мы едем по улице Ла-Рокетт.

— В таком случае мы поедем мимо кладбища.

— Да, мимо кладбища Пер-Лашез.

Тень неудовольствия мелькнула на лице Луизы, и она вжалась в угол кареты.

— Что с тобой? — спросила наблюдавшая за ней Нисетта. — Ты нездорова?

— Нет.

— У тебя изменилось лицо.

— Нет, повторяю тебе, мне просто не нравится, что они поехали по этой дороге.

— Но еще не поздно, можно повернуть на улицу Мюр.

— Нет-нет, — поспешно сказала Луиза. — Если уж они поехали по этой дороге, то я заеду... Это, может быть, принесет мне пользу.

— Что ты хочешь сказать?

— Скажи, Нисетта, чтобы он остановился перед кладбищем.

— Перед Пер-Лапез?

— Да, я хочу навестить своего ребенка.

— Ты с ума сошла. Послушай, ты поедешь в другой...

— Я так хочу! — перебила Луиза тоном, не терпящим возражений.

Нисетта скривилась и замолчала. Она поехала с Луизой, чтобы повеселиться и посмеяться, а теперь все расстроилось. У нее не было ни малейшего желания проливать слезы вместе с Луизой. К тому же, она совсем не любила плакать над чужим горем: ей хватало и своего. Но ее положение заставляло ее подчиняться капризам своей подруги, и она повиновалась.

Экипаж остановился, и Луиза, вдруг сразу опечалившаяся, вышла из него. Крупные слезы катились по ее щекам. Она купила два белых венка, и они вошли на кладбище. Обе шли молча, не обменявшись ни словом. Когда они дошли, наконец, до середины кладбища, Луиза остановилась в начале одной из аллей и сказала:

— Здесь.

— Здесь твой ребенок? — спросила Нисетта.

— Да. Мне приятно помолиться о нем. Я забываю его в последнее время.

Она вошла на аллею, но, сделав несколько шагов, вдруг остановилась и с удивлением повернулась к своей спутнице.

— Там кто-то есть, — сказала она.

— Что ты говоришь?

Луиза протянула руку и указала на могилу, находившуюся немного дальше, возле которой стоял на коленях мужчина, закрыв лицо руками.

— На могиле кто-то молится, — повторила она.

Нисетта взглянула и схватила Луизу за руку.

— Пойдем, пойдем скорее! Мы приедем сюда в другой раз! — говорила она.

Но Луиза едва держалась на ногах и не в состоянии была сделать ни шагу: она узнала того, кто молился на могиле. Это была очень простая могила, окруженная маленьким садиком. На простом камне была вырезана надпись: «Здесь покоится Мария-Анна-Полина Панафье, умершая в 30 лет», а немного ниже — «Здесь покоится Луи Поль Панафье, умерший в 2 года. Молитесь за них». Молившийся же мужчина был никто иной, как Панафье. Услышав шаги, он поднялся с колен и взглянул на посетительниц. Узнав их, он вскрикнул, но быстро овладев собой, подошел к Луизе.

— Зачем вы сюда пришли? — произнес он.

Взволнованная Луиза не могла ниче о отвечать, за нее ответила Нисетта:

— Господин Панафье, мне кажется, вы выбрали для скандала неподходящее место.

— Скандал происходит из-за вашего, мадам, присутствия здесь — с презрением отозвался Панафье. — Здесь покоятся моя мать и мой ребенок, и я запрещаю таким женщинам, как вы, оскорблять своим присутствием их могилу.

— Мсье, вы не имеете права говорить со мной в таком тоне. Я вправе идти туда, куда хочу. Я со-

проводяю Луизу на могилу ее ребенка, и вы не имеете права запретить ей приходить сюда!

— Вы говорите, что я не имею права отказаться от ее лицемерных молитв?

— Это ребенок Луизы, и она имеет право называть его своим ребенком.

— Негодная! — прорычал Панафье и хотел броситься на Нисетту, забыв, что она женщина.

Но та, видя гнев, мелькнувший в глазах Панафье, поспешно отступила, а Луиза, услышав оскорбление, победила свое волнение и бросилась к Панафье, чтобы остановить его.

— Она лжет, Поль! — говорила она. — Она лжет, клянусь тебе.

Говоря это, она опустилась на колени перед Панафье. Нисетта же благоразумно спряталась за могилу.

Как часто бывает после сильного припадка гнева, Поль, увидев, что Нисетта уходит, а Луиза стоит перед ним на коленях, почувствовал, что слезы подступают к его глазам.

— Так вот где я должен был увидеться с тобой! И не стыдно тебе, Луиза, приезжать сюда с этой женщиной, которая губит тебя. Ты знала, какое горе ты мне причинила? Ты же знаешь, как это жестоко!

— Сжался надо мной, — проговорила Луиза.

— Луиза! — сказал Панафье спокойным тоном. — Я не хочу объясняться с тобой здесь. Встань.

— Я не встану, пока ты меня не простишь.

— Я не хочу говорить с тобой здесь. Неужели ты этого не понимаешь? Встань.

Поль нахмурил лоб. Он вспомнил про аббата. Тем не менее он сдержался.

— Луиза, — сказал он, — можешь ли ты уделить мне один час?

— О да, сейчас же! — с готовностью отозвалась Луиза.

— Только не сегодня.

— Когда ты хочешь?

— Завтра утром.

— Может быть, ты придешь ко мне? Или где мне найти тебя?

— Приезжай ко мне, но ты должна согласиться еще на одно условие.

— Какое?

— Ты поклянешься на могиле нашего ребенка, что до завтрашнего дня не увидишься ни с кем, даже с Нисеттой.

— Клянусь тебе!

Говоря это, молодая женщина протянула руку по направлению к могиле своего сына.

— Хорошо, до завтра. Иди в эту сторону, а я хочу остаться и поговорить с Нисеттой.

— Поцелуй меня.

— Нет, — сухо ответил Панафье.

Луиза не смела настаивать, но крупные слезы потекли по ее щекам, и она хотела опуститься на колени, но Панафье поднял ее.

— Иди, — сказал он. — Завтра мы придем сюда вместе, и ты успеешь тогда помолиться.

Луиза опустила голову и послушно ушла со слезами на глазах.

Когда Панафье увидел, что она исчезла на главной аллее, он направился к тому месту, где спряталась Нисетта. Но он напрасно искал ее. Нисетта давно уже ушла. Опасаясь, как бы она не встретилась с Луизой, он поспешил к выходу из кладбища, но вскоре увидел Луизу, выходящую одну. Она плакала и он заметил на ее руке громадный бриллиант, сверкавший в лучах солнца. Спрятавшись за маленькой будкой сторожа, он увидел, как Луиза села в карету. Она была одна, и он слышал, как она приказала кучеру ехать домой.

— Я убежден, что Луиза не изменит данной клятве, а завтра будет видно.

Затем, охваченный гневом и ревностью, он направился к Парижу. Придя домой, он все еще ду-

мал о сцене, которую пережил, и сам удивлялся своему мужеству, так как давно привык исполнять все желания Луизы. И при мысли о проявленной им жестокости слезы выступили у него на глазах. Он любил Луизу и чувствовал, что даже ее проступок не уменьшил его любви к ней. Одна мысль об аббате приводила его в ужас, и несмотря на презрение, наполнявшее его душу, и отвращение, которое он чувствовал к неверной, несчастный был вынужден сознаться самому себе, что обожает свою Луизу. Он уже сожалел, что не увез ее с собой.

— Но, — сказал он, — слезы сожаления ни к чему не приводят. Я не могу и не хочу забыть Луизу, виновна она или нет. Я хочу ее спасти от той грязи, в пучину которой она бросилась. Сначала нужно спасти ее, а затем будет видно — люблю я ее или нет.

Когда Поль проходил мимо привратницкой, ему сказали, что о нем спрашивали.

— Кто приходил?

— Молодой человек лет двадцати восьми или тридцати.

— Он обещал прийти еще?

— Он сказал, что придет через час.

— Хорошо. А вы видели раньше этого господина?

— Нет, мсье. Это молодой человек не особо приятного вида, но в то же время он и не рабочий.

«Кто бы это мог быть?» — подумал Панафье.

— Впрочем, он о вас мало знает, так как расспрашивал о вашем положении.

— Он не представился?

— Нет, мсье.

— И вы не спрашивали его?

— Нет, спрашивал, но он не захотел мне отвечать. Сказал только, что должен вас видеть, но что вы его не знаете.

— Я его не знаю...

— Да, по имени, но вы с ним где-то встречались.

— Хорошо, когда он придет, скажите, что я его жду.

После этого Панафье поспешно поднялся к себе и, приведя все в порядок, стал ждать.

Не прошло и четверти часа, как в дверь постучали. Он открыл дверь, и в комнату вошел довольно бедно одетый молодой человек, с таинственным видом спрашивая:

— Господин Панафье?

— Это я, — ответил Поль.

Незнакомец зашел, запер за собой дверь и огляделся, чтобы убедиться, что они одни.

— Вам письмо, — сказал он.

Панафье был очень удивлен его поведением, но незнакомец прибавил:

— Письмо от дамы.

Он вынул из кармана письмо и передал его Панафье со словами:

— Прочтите скорее. Дело очень срочное.

Панафье поспешно распечатал письмо и прочел:

«Поль! С той минуты, как я увидела тебя на кладбище, я плачу и страдаю. Поль! Я хочу тебя видеть. Если я поступила плохо, я хочу оправдаться. Вся моя вина в том, что я любила тебя настолько, что стала ревновать к другой. Я хотела уничтожить твою привязанность, и за это наказана твоим презрением! Поль! Умоляю тебя, согласишься увидеться со мной. Я буду ждать тебя сегодня вечером у Баландые. Твой отказ приведет в отчаянье ту, что тебя любит и не заслуживает презрения, которое ты ей выказываешь.

Нисетта».

Панафье пожал плечами и смял письмо. Но тут же ударил себя по лбу и вскричал:

— А может быть, мне удастся многое узнать...

В эту минуту в дверь снова постучали. Поль открыл и был немало удивлен, увидев Густава Лебо.

— Это вы, мсье, спрашивали меня час тому назад? — спросил Панафье.

— Да, меня прислал к вам господин Лоре.

Панафье предложил посетителю стул, хотя посещение Густава не доставляло ему удовольствия.

— Чему я обязан вашему посещению? — спросил он.

— Господин Панафье, — начал Густав, — мне кажется, что вы плохо меня знаете, и я хотел сказать вам, что я совсем не тот человек, за которого вы меня принимаете. Слава Богу, я могу сказать, что был несчастен, но не бесчестен.

Панафье с большим удовольствием зажал бы рот Густаву, но позволил ему говорить. Густав, заблуждаясь по поводу молчания Панафье, продолжал говорить:

— Видите ли, мсье, я дорожу уважением честных людей. В полиции вас обманули, сказав, что меня обвинили в воровстве. Это ложь, мсье. Я, слава Богу, не вор. Один раз я был у ювелира и каким-то образом запонкой зацепился за ту часовую цепочку. Он сразу же начал кричать, что я вор. Вы понимаете, я покраснел, попытался зажать ему рот, не желая, чтобы он говорил слова, которые, являясь справедливыми или нет, одинаково должны были повредить моей репутации. Меня арестовали. И знаете, что сказал ювелир? Что я держал цепочку обеими руками и что не только пытался зажать ему рот, но так сильно ударил его по лицу, что вышиб ему два зуба. Все это была ложь, но печальнее всего то, что следовательно поверил ему, и меня осудили. Видя, как люди злы, и желая навсегда оградить себя от подобных случаев, я привязался к женщине, которая была для меня, как мать, навещала меня в тюрьме и, зная когда-то людей высшего круга, добилась помилования. Тогда мои привязанность и благодарность к ней опять истолковали превратно и меня представили тем, кем я никогда не был. Вот, мсье, и вся истина.

— Бог мой, — сказал Панафье, — наши отношения будут чисто деловыми и очень непродолжи-

тельными, так что более близкого знакомства не требуется.

— Извините, мсье, я хочу, чтобы меня знали таким, каков я в действительности.

— Вы хотите? — насмешливо повторил Панафье.

— Да, конечно, мсье, конечно, — повторил красавец Густав протяжным тоном, свойственным определенным слоям парижского населения.

— Если вы хотите, то я скажу, что знаю вас лучше, чем вы меня. Я наводил о вас справки после нашей встречи у «Детей лиры Орфея».

Красавец Густав был немного смущен.

— Одна женщина, даже не заслуживающая называться женщиной, которую ее постыдное ремесло один раз уже довело до скамьи подсудимых и которая была бы осуждена, если бы не пользовалась покровительством высокопоставленных особ, разврату коих она потворствовала, женщина, теперь дающая обеды, когда-то любила вас. Вы в то время были еще юношей, и было вам 16 лет. Она взяла вас тогда, когда вы бежали из мастерской, обокрав своего хозяина, чтобы начать жить с целой пайкой негодяев, промышляющих воровством. Вас должны были арестовать, но она заплатила вашему хозяину.

— Ах, Боже мой! Это детские проказы!

— Вы жили с ней, когда вам было 17, а ей 40 лет. Так как вы изменили ей с какой-то молоденькой девчонкой, то она поссорилась с вами. Когда вас вместе с вашей любовницей арестовали за воровство, подвергли суду и осудили, вы снова прибегли к помощи вашей первой возлюбленной и благодаря ее протекции были помилованы. С тех пор вы живете у нее и на ее средства. Теперь вы видите, что я вас знаю.

Красавец Густав выглядел смущенным. Несколько минут продолжалось молчание. Наконец Густав сказал:

— Господин Лоре прислал меня сообщить вам сведения.

— Говорите.

— Человек, которого зовут аббатом, и который в клубах представляется Раулем, должен отправиться сегодня вечером в клуб на улице Омер.

— Вы хотите сказать — в игорный дом.

— Да.

— И вы знаете, в котором часу?

— Около полуночи.

— Как вы узнали это?

— Сегодня большой вечер. Будет настоящая игра, а в такие дни этот дом закрыт для всех.

— То есть?..

— Да, вы можете пройти через двор, но ничего не увидите, так как все огни будут погашены.

— Как же туда попасть?

— Надо иметь особое приглашение от хозяина дома, которое он дает только тем, кого знает.

— Что это за приглашение?

— Вот вам одно — господин Лоре приказал взять для вас.

С этими словами красавец Густав передал Панафье карточку в конверте. Панафье вынул ее и прочитал:

«Господин С.Асор имеет честь просить господина Панафье провести у него вечер в субботу, пятнадцатого. Начало в полночь. Просит предупредить его, если господин Панафье не сможет быть, и в таком случае возвратит карточку».

— Хорошо, благодарю вас, мсье, — прочитав, сказал Панафье.

— Господин Лоре приказал мне быть в вашем распоряжении сегодня вечером.

— Да, вы, может быть, понадобитесь мне, но только не там.

— А где же?

— У Баландые.

— О, мсье, — с беспокойством проговорил Густав. — Прошу вас, не говорите никому, что я делаю. Если бы она это знала!..

— Вам нечего этого бояться, — ответил Панафье, — просто я буду там обедать с одной особой, о которой мне нужно кое-что узнать. Будьте там, посмотрите на нее, а завтра я с вами встречусь.

— Понятно. Как скажете. Я приду к вам, мсье.

— Хорошо.

— В это же время?

— Да.

После этого красавец Густав ушел с самым веселым видом.

Оставшись один, Панафье написал записку Ладешу и Пьеру Деталю, в которой назначил им свидание в 11 часов. Затем, отослав записку, сел в фиакр и отправился к братьям Лебрэн. Братьев не было дома, а час обеда приближался, и он приказал кучеру ехать в предместье Сен-Дени.

В это же самое время Нисетта выходила из фиакра в предместье Сен-Дени, недалеко от улицы Энгьен, перед маленьким домом, который мы уже описали читателю. Пройдя главные ворота, она поднялась на третий этаж, и войдя в переднюю, спросила у толстой служанки:

— Меня кто-нибудь спрашивал?

Служанка поглядела на нее с глупым видом, не зная, что отвечать, потом позвала свою госпожу.

Баландье тут же явилась со своей неизменной улыбкой.

— А, это вы! Как вы редко стали у меня бывать... Кого вы спрашиваете?

— Молодого человека, который, помните, приходил в тот день, когда мы обедали в отдельной комнате с аббатом.

— Тот, что устроил сцену, — господин Панафье?

— Да, именно он.

— Я его отлично знаю. Нет, не приходил еще.

Баландье и Нисетта разговаривали в коридоре, служившем передней, в который выходила дверь кухни, освещенная коптившей керосиновой лампой. Вдруг раздался голос, казалось, выходявший из кухни.

— Вы говорите про господина Поля Панафье?

— Да, мы говорили о господине Поле Панафье, — повторила Баландье.

— Тогда вы можете быть спокойны. Он придет сегодня вечером.

— Он приказал это передать? — поспешно спросила Нисетта.

Густав не желал давать объяснений и сказал:

— Я встретил его. Он велел оставить место за столом.

Нисетта была немного удивлена, что Панафье приказал оставить место за общим столом, так как надеялась пообедать с ним наедине, в отдельной комнате. Тем не менее она поняла, что надо быть сдержанной, и подумав о том, что ей предстоит провести с ним целый вечер, может быть, и более, она даже была довольна, потому что, обедая в обществе, он не решится ее упрекать.

— Благодарю, — проговорила она, — я займу два места в конце стола.

— Да, моя милая, — согласилась Баландье. — Выбирайте.

Нисетта вошла в большой зал тогда, когда сажались за стол. Все обычные посетители были тут, но ни одного мужчины. Приход Нисетты никого не удивил, так как она была известна в доме.

Четверть часа спустя вошел Панафье. Он подошел к Нисетте, которая встала, когда он вошел, и боязливо протянула ему руку, указав на место рядом с собой.

Панафье пришел улыбающийся и веселый, казалось, совершенно забыв сцену на кладбище.

— Ты ждала меня? — сказал он, с самым непринужденным видом садясь рядом с Нисеттой.

Последняя была немного удивлена.

— Да, Поль, я здесь уже четверть часа.

— Я писал тебе, что буду в восемь часов. Сейчас ровно восемь.

Его любезность очень обрадовала Нисетту.

— Дело в том, что мое сердце идет быстрее часов.

Панафье ничего не отвечал, занятый своим супом.

— Жаль, что мы обедаем в общей комнате, — продолжала Нисетта. — Мне нужно многое сказать.

— Да, милая Нисетта, я тоже хотел бы поговорить с тобой, если бы ты была откровенна.

— Разве я не откровенна?

— Ты — нет.

— Что же ты хочешь узнать? Откуда я могу знать, что она делает?

Глаза Панафье засверкали, он вдрогнул, но сдержался и сказал:

— Кто тебе говорит о ней? Я ею больше не интересуюсь. С этим покончено. Она счастлива, богата, пусть живет, как хочет. Я теперь свободен и хочу таким и остаться. Я пришел сюда не потому, что ты ее подруга. Ты понимаешь это. Я пришел сюда потому, что в твоём письме была фраза: «Моя единственная вина в том, что я тебя слишком любила». Только это и заставило меня прийти сюда.

Нисетта повернулась к Панафье, пристально глядя ему в глаза.

— Это правда? — спросила она.

— Конечно, правда, но ты все же что-то от меня скрываешь.

— Помнишь, как однажды, а лучше сказать — однажды ночью, ты уже спрашивал меня. Я тебе ответила откровенно.

— Но мне все кажется, что ты говоришь не все.

— Почему же?

— Потому, что ты могла бы занять более высокую ступень в обществе, но какая-то тайна заставляет тебя оставаться внизу.

Нисетта пристально взглянула на него, явно смущенная, стараясь понять, что он хочет сказать.

— Я хочу сказать, что для меня непонятно, как такая женщина, как ты, может оставаться в таком положении.

— В каком положении?

— Я знал тебя при Левассере. Ты была...

— Говори, пожалуйста, прямо — я была привратницей.

— Я не нахожу, что это было интересным.

— Ты не всегда думал так, так как заметил меня именно там.

— Это правда, — со смехом согласился Панафье. — Тем не менее это не мешало тебе иметь странный вкус.

— Но ведь я же говорила тебе, что это было сделано мною из благодарности к человеку, который помог мне в трудную минуту.

— Когда случилось несчастье с Левассером, я увидел тебя в странных обстоятельствах.

— В каких это?

— А кем ты была для Луизы?

— Но ведь я уже объясняла тебе. Мне неудобно говорить здесь за столом, где все могут слышать.

— Да никто не обращает на нас внимания.

— Я любила тебя и не скрываю этого. Я даже думала, что, избавившись от Левассера, я получу твою привязанность. Но увидела, что вместо этого мне ты даешь одни обещания, а Луизе делаешь прелестные подарки. Ревность охватила меня, и я сказала себе, мол, если докажу ему, что она обманывает, он не простит ей этого. Тогда я решила открыть тебе глаза, рассчитывая, что ты прогонишь ее, и я смогу надеяться на твою любовь.

— Но ты не довольствовалась тем, что открыла мне глаза. Ты сама приготовила то, что хотела мне показать.

— Как это?

— Послушай, Нисетта, говори правду.

— Я только правду и говорю тебе. Ведь я сообщила тебе мою цель.

— Этой целью было добиться моей любви?

— Да, это настоящая причина всех моих — хороших и плохих — поступков.

— В таком случае ты очень лицемерна: дружишь с Луизой, а сама думаешь лишь о том, как погубить ее.

— Ты убежден в том, что это я ее погубила?

Панафье нахмурил брови, но постарался скрыть свою реакцию и весело продолжал:

— Ну, хорошо, ты лучшая из подруг. Не думаешь ли ты, что в наших дальнейших отношениях меня будут стеснять воспоминания о прошлом?

— О каком прошлом? — сказала Нисетта, краснея и кусая губы.

Панафье с самым равнодушным видом начал считать по пальцам:

— Во-первых, твой муж, затем аббат, затем Левассер...

— Господи Боже мой! Какая у тебя хорошая память. Если бы я начала считать в свою очередь, то, может быть, насчитала бы и больше.

— Да и я мог бы насчитать больше.

— Что?

— Ну, конечно, моя милая, — я пропустил Жюбера. Ты не станешь отрицать, что этих господ может набраться целый полк.

— Что?! — с гневом вскричала Нисетта.

— Ну, целая компания, если хочешь.

— Ты очень злой и не заслуживаешь моей любви.

— Моя милая, я говорю все это тебе не для того, чтобы поссориться с тобой. Но лучше, когда люди

сразу узнают друг друга. Но крайней мере, впоследствии не в чем упрекнуть себя.

— Да, это правда.

— Теперь, так как ты женщина умная, то должна понять, что нужно сделать еще одну вещь.

— Какую?

— Заставить меня ни о чем не жалеть.

— Я тебя не понимаю.

— Странно, ты сегодня какая-то непонятливая.

— Объясни, пожалуйста.

— Ты только что мне говорила, что я очень любил Луизу, и прибавила, что я не прощу ей того, что простил бы другой.

— Ну и что же?

— А то, что я еще не верю в виновность Луизы. Я убежден, что она не изменилась с тех пор, как оставила меня.

Нисетта расхохоталась громким, злым, но натянутым смехом, который тем не менее тяжело отозвался в ушах Панафье.

— Что-то уж очень ты весела, — насмешливо сказал он.

Смех Нисетты разрушил все его мечты. Этот смех ясно говорил: «Бедный дурак, ты веришь, но тебя обманывают уже давно. Только ты один считаешь Луизу верной. Все же остальные знают, что она из себя представляет». Боясь, чтобы рассказ Нисетты не был услышан окружающими, Панафье сам положил ему конец, проговорив:

— Милая моя, здесь слишком много народа. Прекратим этот разговор.

Нисетта замолчала, наблюдая за несчастным, раздосадованным ее смехом собеседником, чувствуя, что оскорбила его, но в то же время не решаясь сказать ни слова, чтобы перевести разговор на свою приятельницу.

Панафье молчал, поэтому Нисетта поспешила окончить обед.

— Выйдем отсюда, — предложила она. — Здесь очень скучно.

— Я не могу оставаться больше, — отозвался Панафье. — Я должен с тобой расстаться. У меня назначено свидание сегодня вечером, которое я не могу пропустить.

— Как! Ты оставляешь меня здесь? — с удивлением произнесла Нисетта.

Панафье был рассержен.

— Ну, моя милая, — сказал он, — пожалуйста не думай, что я уйду под впечатлением нашего разговора. Повторяю тебе — у меня назначено свидание.

— Нет, ты сердился на меня и думаешь, что я посмеялась над тобой.

— Нет, моя милая, мы увидимся с тобой завтра.

— И это все?

Панафье пристально взглянул на нее.

— Нет, это не все, но только в том случае, если будешь откровенна.

— Я была откровенна.

— Посмотри мне в глаза, — потребовал Панафье, беря ее за руку.

Нисетта подняла глаза.

— Луиза рассталась со мной, чтобы отправиться на улицу Шальо в прелестный особняк — я это знаю. А теперь говори все.

— Я готова отвечать тебе.

— Клянись мне Богом, клянись мне прахом твоей матери!

— Ты мне надоедаешь. Я не хочу, чтобы ты говорил о моей матери.

— Клянись твоей покойной матерью, Нисетта, что Луиза — любовница этого человека.

Несколько минут Нисетта сидела смущенная, затем нерешительно проговорила:

— Я не хочу тебе отвечать. Я не хочу говорить о своей подруге. Луиза свободна и делает, что хочет.

Кроме того, она моя подруга, и я не хочу говорить о ней дурно.

Нисетта была не глупа и выпуталась из того положения, в котором очутилась, не сказав ни слова, но давая возможность предполагать все.

Разгневанный Панафье встал и хотел уже идти, но как только он отошел от стола, к нему подошла Баландье и подала письмо.

— Это то, о чем вы спрашивали у Густава.

— А, хорошо, — удивленно произнес он.

Нисетта смотрела на него, стараясь понять, что бы это значило.

Между тем Баландье подошла к одной женщине и, тихо переговорив с ней о чем-то, передала ей старую газету. Женщина тут же закричала:

— Ах! Послушайте, какая забавная история. Я вам сейчас же прочту.

Затем Баландье повернулась к Панафье, чтобы получить плату за обед и, отдавая сдачу, тихо сказала ему:

— Оставайтесь немного и послушайте.

— Зачем это мне? — тем же тоном спросил он.

— Это вас касается. Так сказал Густав.

— А-а! — протянул Панафье с любопытством и снова сел.

Нисетта осматривалась, точно предчувствуя, что против нее что-то затевается. В это время женщина, которой Баландье подала газету, прочла вслух: «История в вагоне».

Наступило всеобщее молчание.

«Это было на станции в Шантильи. Скорый поезд должен был отправляться. Я опоздал и бросился в первый попавшийся вагон в ту минуту, когда поезд уже трогался с места. Но только я открыл дверь, из глубины купе послышался громкий крик. В купе сидела дама. Это она вскрикнула, когда я вошел. Заинтересованный, я положил перед собой свой маленький багаж. Моя спутница в сильном волнении подошла ко мне, умоляя меня выйти из

купе. Я ни слова не знаю по-английски, но моя спутница к словам присоединила жесты, и эти жесты говорили, чтобы я открыл дверь и выскочил из вагона, движущегося со скоростью 60 километров в час. Нет ничего проще, как выскочить из омнибуса, но нельзя сделать то же, находясь в скором поезде, идущем со скоростью 15 миль в час. Что касается причины необходимости моего ухода, то она говорила о неприличии моего присутствия в этом вагоне. Смущенный тем, что нарушил правила приличий, я пробормотал несколько извинений, но моя англичанка не поняла ни слова. Тогда, отодвинувшись в дальний угол, я стал уверять ее в чистоте моих намерений. Напрасный труд. Она выпускала такие вздохи, что могла растрогать даже судей. Тем не менее в моей внешности ничто не указывало на искателя приключений — у меня скромный вид. Поезд продолжал мчаться. Миледи не успокаивалась, напротив, ее возбуждение все усиливалось, и можно было ожидать нервного припадка. Между тем, рассматривая свою незнакомку, я увидел, что в спокойные минуты она должна быть хорошенькой. Она была одета в большую шубу. Закрыв лицо руками, она с яростью кусала платок и поминутно вынимала часы, чтобы узнать — сколько еще времени ей придется переносить мое присутствие. Желая успокоить ее, я подошел к ней, но она страшно закричала, бросилась к окну, чтобы потянуть за шнурок, служащий сигналом остановки поезда. Я бросился к ней, чтобы удержать ее. Это последнее усилие совершенно истощило ее силы, и она опустилась на сидение с холодной испариной на лбу. Я, в свою очередь, был сильно напуган ее поведением, и так как поезд подходил к Парижу, я опасался, что по приезду может произойти большой скандал. Тогда я схватил свои вещи, решив сразу же убежать, как только поезд подойдет к станции. Когда поезд замедлил ход, я открыл дверцу. Миледи испустила последний крик, перекрывший шум на станции, но я уже не оборачивался и бросился бежать, так как страх придавал мне силы.

Но не успел я сделать и нескольких шагов, как какой-то человек бросился ко мне и схватил меня за горло. «Негодяй! — закричал он. — Пусть доктор пройдет в то купе. О-о, несчастный!»

Между тем пассажиры, выходя из поезда, начинали расспрашивать, что случилось. Вокруг меня собралась толпа. Начальник станции схватил меня и не выпускал из рук. Я слышал в толпе слова «суд, на каторгу», что же касается женщин, то они смотрели на меня больше с любопытством, чем с негодованием. Вдруг в дверях вагона появилось доктор и сказал: «Мать и ребенок совершенно здоровы». Послышался всеобщий смех».

Рассказ был встречен взрывом громкого хохота. Панафье взглянул на Нисетту, которая встала со словами:

— Это отлично придумано, мой милый. Было очень забавно, но позволь мне уйти.

Изумленный Панафье молча смотрел, как она вышла, силясь понять, что она хотела этим сказать. Он ровно ничего не понимал. Может быть, только что выслушанная история имеет к ней какое-то отношение? Когда Нисетта ушла, он вспомнил о своем свидании, поспешно встал и вышел, не заботясь о громком смехе, сопровождавшем его уход.

Мы доходим до главного момента в нашей истории, но прежде, чем продолжить рассказ дальше, мы дадим возможность читателю присутствовать при таинственных событиях, происшедших утром того же дня.

Глава VII

ПОЯВЛЕНИЕ ОСОБЫ В СТРАННОМ КОСТЮМЕ

Утром того же дня, когда Панафье находился с Нисеттой у Баландые, один прохожий остановился над третьей аркой моста Шарантона и стал смотреть в воду. Это не был человек, решившийся ли-

пить себя жизни, — это был просто чиновник, уверявший, что он может предсказать погоду, посмотрев утром на воду. Он постоянно проходил по этому мосту, и все знали о его мании, так что как только он наклонился над парашетом, к нему подошли трое рабочих.

— Ну что? Какая сегодня будет погода?

— Такая же, как вчера. Будет страшная жара.

— Но откуда вы это знаете?

— По туману, расстилающемуся над водой. Через полчаса, когда он опустится, вы увидите, что все лодки покрыты росой.

— Но ведь каждый день бывает так.

— Нет — только в те дни, когда бывает жарко. Посмотрите, туман рассеивается, и видна вода.

Они все вместе наклонились над парашетом.

— Да, это правда.

— А это что такое? — вдруг спросил один, указывая на противоположный берег.

— Это какой-нибудь купальщик.

— Нет, — отвечал тот, что отгадывал погоду. — Это купальщица.

— Это уж слишком.

— Тем не менее это правда. Пойдемте посмотрим скорее.

И четверо любопытных, забыв, что им пора идти на работу, поспешно сбежали с моста.

Прибрежные лодочники, видя бегущих людей, стали выходить из кабаков.

— Что такое? — поинтересовался один из них. — Может быть, кто-то тонет? Скорее, дети мои.

И, оставив наполовину опорожненные бутылки, лодочники побежали за ними. На берегу, заросшем высокими ивами, в том месте, куда они все устремились, среди высокой травы под одним из деревьев сидела какая-то женщина двадцати восьми — тридцати лет. Она была очень хороша собой и восхитительно сложена. Густые распущенные волосы почти полностью покрывали ее. Лоб незнакомки

был нахмурен, а глаза глядели с испугом. В то же время она смеялась безумным смехом. Когда к ней подошли, она тронулась с места, глядя не на окружающих, а словно сквозь них, как будто взгляд ее был прикован к какому-то предмету, невидимому для всех.

Один из мужчин подошел к ней, но она не замечала его.

— Что с вами, мадам? — спросил он.

Незнакомка не отвечала.

— Вы больны? Вам плохо?

Она бросила на говорившего сердитый взгляд, но снова ничего не сказала.

В эту минуту к толпе подошла какая-то женщина и бросила несчастной простыню, в которую та поспешно завернулась.

— Что вы здесь делаете? — спросила ее женщина.

Незнакомка посмотрела на окружающих, не узнавая никого, закрыла лицо руками и зарыдала.

— Ну, что с вами? — повторила свой вопрос подошедшая женщина.

Несчастная пристально посмотрела на нее и сказала: «Он умер, он умер!»

— Что такое? — вскрикнули присутствующие в один голос.

— Да,— повторила она, — он умер, он умер!

Сказав это, она встала и, закутавшись в простыню, как в саван, побежала к воде, крича: «Да-да! Он умер! Умер!»

Все присутствующие бросились вслед за ней, и им удалось схватить ее в ту минуту, когда она хотела броситься в воду. Никто не знал, что с ней делать, но к берегу прибежало несколько сторожей из сумасшедшего дома, и они узнали в несчастной больную, которую искали с утра. Они рассказали, что она находилась в сумасшедшем доме около года, и единственной фразой, которую она говорила, была: «Он умер! Он умер!» Одним из проявлений ее безумия было желание постоянно оставаться голой;

как только на нее надевали платье, она его разрывала.

Затем сторожа, накинув на нее платье, отнесли несчастную в экипаж, ожидавший их неподалеку. Когда сумасшедшую привезли в госпиталь, ее одели и заперли, а вечером по приказанию доктора она получила холодный душ. Бедняжка страшно кричала и наконец упала на пол в нервном припадке. Тогда ее положили в постель, и она сразу же уснула.

На второй день при посещении больной доктор был очень удивлен, увидев, что несчастная совершенно спокойна и отвечает на вопросы, чего с ней ни разу не было за все время пребывания в госпитале.

— Как вы поживаете сегодня? — спросил доктор, беря ее за руки.

— Очень хорошо. Но я была серьезно больна, да? — проговорила она, как бы стараясь восстановить все в памяти.

— О да, очень серьезно.

— Но где же я сейчас?

— В больнице за городом.

— За городом... — проговорила больная.

— Вы ничего не чувствовали сегодня утром?

— У меня голова немного тяжелая, и кроме того, я не могу повернуть шею.

— Именно здесь причина вашей болезни. Может быть, вы вспомните?

— Но что же у меня было?

— В этом месте, где вы теперь чувствуете боль, у вас была воткнута золотая булава, входившая в тело на два сантиметра.

— Золотая булава?.. — проговорила молодая женщина, стараясь припомнить.

Доктор был удивлен переменой, происшедшей в состоянии больной и, взяв стул, сел у изголовья.

— И вы не помните ничего? — спросил он.

Молодая женщина закрыла лицо руками и сидела так долго.

— Нет, ничего, — сказала она наконец.

— Имеете ли вы понятие, сколько времени пробыли здесь?

— Нет, не знаю.

— Вы здесь уже год.

— Год? Но кто же приезжает меня навещать?

— Никто.

— Никто?

— Вот в чем дело, дитя мое, — сказал доктор. — Припадок, вследствие которого вы попали сюда, произошел с вами ночью. Однажды утром вы были найдены на улице в очень странном состоянии. Когда вас привезли сюда, от вас ничего не могли добиться, даже вашего имени.

— Вы не знаете моего имени?

В эту минуту вошел в сопровождении секретаря директор больницы, за которым послал доктор. Доктор держал больную за руку и не спускал с нее глаз, внимательно изучая впечатление, которое производили на больную его вопросы.

— Господин директор, — сказал он, не поворачивая головы, — вы видите перед собой радикальное излечение, полученное самым странным образом.

— Неужели?

— Да, только память еще не возвратилась, но насколько я могу судить, она вернется мало-помалу.

Директор посмотрел на больную, которой, казалось, было неприятно присутствие вокруг нее посторонних.

— Дитя мое, — проговорил он, — если доктор ручается за ваше здоровье, то я прикажу перевести вас в более удобное место.

— Да, я ручаюсь за нее, — отозвался доктор.

— Я очень рад, но каким способом вы добились этого чуда?

Доктор громко рассмеялся.

— Способ очень простой, — сказал он, — и был найден самой больной, но я не мог бы прописать его другим нашим больным.

Молодая женщина подняла голову и вопросительно посмотрела на доктора.

— Да, ваша прогулка в костюме Евы — причина вашего выздоровления.

При этих словах доктора молодая женщина покраснела. Стараясь припомнить, она сжимала лоб руками, но все было напрасно.

— Я ничего не помню, но тот, кто привез меня сюда, должен знать.

— Нет, вас никто не привозил. Вы просто были найдены в парке Монсо, где прогуливались совершенно голая. Вы, казалось, не сознавали, что происходит вокруг вас, и не видели окружающих, а только боролись с каким-то невидимым врагом, постоянно повторяя одни и те же слова: «Он хочет меня убить, он умер, он умер».

Молодая женщина задумалась.

Директор, тихо переговорив с доктором, сказал:

— Вы, может быть, устали?

— Нисколько. Наоборот, я хотела бы припомнить.

— Вы знаете ваше имя?

— Вы не знаете моего имени? Меня зовут Эжени Герваль.

— Чем вы занимались?

Молодая женщина несколько смутилась, но потом ответила:

— Я ничего не делала. Я не нуждалась в работе.

— Где вы живете?

— На набережной Дальбре.

— На набережной Дальбре? Я не знаю, где это.

— Как, вы не знаете набережной Дальбре? Это на Роне, напротив набережной Сен-Клер.

— Почему вы говорите о Роне? Разве вы не в Париже живете?

— В Париже? Нет, я живу в Лионе. Но где же я тогда?

— Вы в Париже, вернее, близко от него — в Сен-Морисе.

— А парк, в котором меня нашли, тоже в Париже?

— Да, в Париже. Все это очень странно, — продолжал директор, глядя на доктора. Затем, обращаясь к молодой женщине, он продолжал:

— Скажите, пожалуйста, вас ничто не заставляет сохранять свою тайну?

— Наоборот, я готова все сделать, чтобы объяснить происшедшее.

Директор что-то тихо сказал доктору, и тот кивнул головой в знак согласия.

Несколько студентов окружали постель больной, и она несколько раз с видимой досадой глядела на них. Это было замечено директором.

— Господа, — сказал он, — продолжайте свой обход. Больной нужно, чтобы возле нее было как можно меньше народа.

Разочарованные студенты сразу же ушли.

— Благодарю вас, — сказала молодая женщина, — теперь мне будет легче рассказать вам.

— Мадам, вы не чувствуете боли в голове? — спросил доктор.

— Нет, ничего. Я совершенно спокойна.

— Итак, — продолжил директор, — каково было ваше положение?

— О! Это я хорошо помню. Я была актрисой и в театре познакомилась с очень богатым молодым господином, который взял меня из театра. Тогда я заняла весь первый этаж одного дома на набережной Дальбре.

— Я понимаю. Вам нечего стесняться. Вас содержали богато?

— Да, мсье, — с некоторым смущением ответила больная.

— И насколько вы помните, вы все время были в Лионе?

— Да.

— Вы не помните, как вы приехали в Париж?

— Совсем не помню.

— Здесь таится какое-то преступление, и будет лучше, если мы обратимся в полицию.

— О, мсье, прошу вас не вмешивать в это дело полицию. Я сама узнаю, что со мной случилось, а суд и полиция пугают меня.

— Не волнуйтесь, мы будем расследовать это дело сами, и все останется между нами.

— Да, так будет лучше.

— Вы помните вашего лионского покровителя?

— Конечно. Это был городской негоциант, но я с ним рассталась. Да, я припоминаю, что давно с ним поссорилась.

Доктор, видя, что больная хмурит лоб, чтобы припомнить, сказал:

— Ограничимся этим на сегодня. Больная утомилась, и я боюсь, как бы это ей не повредило. Мы увидимся с ней сегодня вечером.

— Да, доктор, — сказала, улыбаясь, Эжени, — у меня немного начинает болеть голова.

Тогда директор записал имя и адрес больной, в то время как доктор готовил лекарство, которое и дал выпить, говоря:

— Выпейте это и спите спокойно. Постарайтесь не думать до вечера ни о чем. Так будет гораздо лучше.

Молодая женщина повиновалась, и директор с доктором вышли вместе, чтобы дать больной отдохнуть. Как только они остались вдвоем, директор сказал своему помощнику:

— Какое странное приключение. Что вы думаете об этом, доктор?

— Я считаю необходимым слушать больную, так как волнение во время следствия могло бы снова вызвать болезнь.

— Но какой странный феномен представляет это выздоровление.

— Нисколько. Это довольно часто случается.

— Неужели?

— Да. Причиной болезни было сильное волнение или сильная боль. Вчера по необъяснимой случайности она могла выйти в своем любимом «наряде». Это вызвало волнение. Мозг ее был почти парализован неожиданным холодом. Это для него было громадным трудом. Идея смерти — так как она хотела утопиться — была вторым потрясением. Затем этот ужасный душ вызвал кризис, следствием которого и было выздоровление.

— Вы считаете ее спасенной?

— Да, почти, но для этого нужно одедить за ее выздоровлением. Возвращение памяти может быть роковым. Нужно, чтобы оно происходило постепенно.

— Я хочу собрать о ней сведения в Лионе.

— Но это нужно сделать, как можно скорее. Сегодняшний отдых должен ей принести громадную пользу.

— Черт возьми, чтобы послать запрос и получить ответ, нужно по крайней мере три дня.

— Почему вы не хотите использовать телеграф?

— Вы подали мне идею.

— Так вы можете быстрее получить нужные сведения.

— Да, до скорого свидания.

Доктор ушел, а директор сразу же отправил телеграмму и два часа спустя получил следующий ответ: «Эжени Герваль по прозвищу «графиня» жила в Лионе три года на содержании основателя «Общества французского ремесленного кредита Барлидура», который бежал из Лиона. Брошенная им, но имея некоторое состояние, она уже год как оставила Лион, переведя в деньги все свое имущество, что составило около полутора-два тысяч франков. Утверждают, что она уехала с одним молодым челове-

ком, с которым познакомилась в Лионе, уехала, чтобы поселиться в Париже».

— Поистине драгоценные сведения, — заметил доктор.

Глава VIII

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ

Около четырех часов дня доктор и директор входили в комнату больной, которой было уже гораздо лучше.

— Как вы себя чувствуете? — спросил доктор.

— Мне уже гораздо лучше.

— Я не утомлю вас, спрашивая дальше?

— Нисколько. Но разрешите мне задать вам один вопрос.

— Пожалуйста.

— Где я?

— Я уже вам сказал, что в больнице.

— В больнице для сумасшедших? — спросила она с печальной улыбкой.

— Вам настолько хорошо, что вы можете уже все узнать. Да, вы находитесь в больнице под названием «Шарантон».

Молодая женщина вздрогнула и взглянула на доктора.

— Но мне уже лучше, и я смогу скоро отсюда выйти?

— Да, гораздо лучше. Насколько лучше, что если вы хотите, если вам здесь скучно, то я готов отвезти вас куда угодно.

— Благодарю вас. Теперь я спокойна и готова отвечать.

— Мы знаем, что вас действительно зовут Эжени Герваль, что вы жили в Лионе, и у вас было прозвище.

— Да, это правда. Меня звали «графиней».

— Отлично. Вы оставили Лион год тому назад, поссорившись с вашим покровителем по имени Барлидур.

— Да, я помню. Он играл на бирже и в один прекрасный день был вынужден уехать в Женеву, оставив громадный дефицит.

— Вы помните и вашу квартиру на набережной Дальбре?

— Да, отлично помню, и по мере того, как вы рассказываете, мои воспоминания все больше проясняются.

— И вы не страдаете больше?

— Очень мало. У меня слегка болит голова, но вы можете расспрашивать меня без всякого опасения.

— Сегодня мы поговорим совсем немного — только о вашем положении и отъезде.

— О моем отъезде я совершенно ничего не помню.

— Постарайтесь припомнить. Оставшись одна в Лионе с состоянием, заключавшимся в драгоценностях, обстановке и экипажах, вы, может быть, захотели перевести их в деньги?

— Погодите, — воскликнула женщина. — Я припоминаю — я продала все с аукциона, не желая подвергаться оскорблениям несчастных, которых разорил Барлидур и которые начали бы возмущаться, зная, откуда у меня все взялось. Поэтому меня уговорили превратить все в деньги и уехать в Париж.

— Вы хорошо помните все это?

— О да, я как сейчас помню мою квартиру и аукцион, о котором даже говорили.

— А ваше состояние?

— Какое состояние?

— Те деньги, которые у вас были?

— Деньги? Разве у меня ничего не нашли?

Директор и доктор рассмеялись.

— Ах, да. Конечно, — сказала она, краснея. — Я забыла о моем костюме Евы. Какая странная

возникла у меня идея... Теперь я припоминаю, что аукцион дал мне восемьдесят две тысячи франков, но я их на руки не получила. Они лежат у нотариуса.

— Отлично, вот человек, который даст нам какие-то сведения.

— Нет, я припоминаю — у меня было с собой пятьдесят тысяч франков, а остальные лежат в «Лионском кредите».

— Все это очень важно, — сказал директор, записывая, чтобы не забыть..

— Но ведь вы сами присутствовали на распродаже? — спросил доктор.

— Да.

— По окончании ее вы уложили чемоданы и поехали в Париж?

— Погодите, — проговорила молодая женщина, задумавшись. — Нет-нет. Я осталась в Лионе на несколько дней, чтобы окончить все дела. На это время я поселилась в отеле Коле. Это странно, но я не помню, каким образом уехала.

— Постарайтесь вспомнить.

— Я пытаюсь вспомнить и признаюсь, что очень удивлена. Вот все, что я помню: я все продала, чтобы уехать из Лиона и переселиться в Париж, но только к зиме, а до тех пор я хотела попутешествовать — посмотреть Швейцарию, Италию и вернуться через Марсель. Проезжая через Лион, я должна была остановиться там, чтобы закончить оставшиеся дела, и только тогда уже навсегда уехать в Париж.

— Ваш план был очень хорош, но на чем он прервался?

— Прежде всего, надо узнать, где я сошла с ума — в Лионе или в Париже. Или, может быть, в первом припадке безумия я взяла билет до Парижа, сама не сознавая, что делаю? Я стараюсь припомнить, но все напрасно.

— Все это маловероятно, но возможно. Может быть, с вами был кто-нибудь — служанка, например?

— Нет, я отпустила всю прислугу. Но, доктор, когда меня взяли, меня должны были тщательно осмотреть, должны были постараться узнать причину моего безумия.

— Да, все было сделано, но мало прояснило причину вашего безумия.

— Но как вы объясняете мое безумие?

— Предполагалось, что ваше безумие вызвано ночным происшествием во время вашего сна, и вследствие этого вы бежали всю ночь и, наконец, измученная усталостью, упали у ворот парка Монсо.

— Но что вызвало этот припадок безумия?

— Это был очень легкий укол в мозг, но что это за укол, где и каким образом вы его получили — это мы и постараемся узнать вместе. Впрочем, я уже послал запрос в Лион.

— Да? И что же вам ответили?

— Человек, которого я послал, извещает меня, что был у нотариуса, у которого ещё до сих пор хранятся ваши пятнадцать тысяч франков, оставленные вами у него перед отъездом.

— Это очень приятно — хватит хотя бы на самое необходимое. А дальше?

— Вы пробыли в отеле Коле десять дней, но вы были там не одна.

— Не одна? — повторила молодая женщина, с удивлением глядя на директора.

— И вы уехали из отеля 11 мая после ужина с одним господином, который жил в гостинице вместе с вами. Его звали Рауль де Ла-Гавертьер.

— Рауль де Ла-Гавертьер? И я уехала вместе с ним?

— Да, так говорится в телеграмме. Впрочем, человек, который дал телеграмму, приедет сегодня ночью.

Молодая женщина была явно поражена.

Доктор и директор следили за больной, которая делала большие усилия, чтобы вспомнить. Вдруг она побледнела и вздрогнула.

— Да-да, я припоминаю, но это ужасно... Мне казалось, что это дурной сон. Неужели это правда?!

— Говорите и будьте спокойны. В настоящее время вы находитесь в нормальном состоянии и можете говорить без опасений. Но будьте спокойны — не пугайтесь.

— Я все припоминаю, но это так странно, что я не могу поверить.

— Мы вас слушаем, мадам, припомните хорошенько.

— Я припоминаю, но как-то смутно, как во сне, одного очень приличного человека, который каждый день садился со мной рядом за обеденным столом. Несколько раз я ездила с ним в театр. Вскоре я должна была уехать, и он попросил меня поужинать с ним. Как мне кажется, он должен был сопровождать меня в Швейцарию. Его звали Рауль.

— Сопровождать в Швейцарию? — переспросил доктор. — Значит, вы были с ним в близких отношениях?

Молодая женщина была смущена. Потом она улыбнулась:

— Да, я думаю, — сказала она. — Это был очень красивый молодой человек — блондин. Может быть, во время ужина я выпила лишнее, не знаю. Я помню, что он взял для нас отдельное купе, но не помню самого путешествия.

— Совсем не помните?

— Да, совсем.

— Вы не помните, что вы были на станции? Если бы вы были настолько пьяны, что потеряли сознание, то на вас бы обратили внимание.

— Я отлично помню станцию. Я громко кричала. Он хотел записать свой багаж вместе с моим, но я опасалась разрыва во время пути. Я люблю независимость. Теперь я вспомнила, что он в вагоне просил меня выпить бокал шампанского. Мы болтали около часа, а затем я заснула.

— Вы не помните, что он вам говорил перед отъездом?

— Очень смутно. Он спрашивал, все ли я взяла.

— Знал ли он, что у вас с собой были деньги?

— Да, он знал, что я продала свою обстановку, так как это наделало много шума в Лионе.

— Он не спрашивал вас о деньгах, вырученных от продажи?

— Да, он говорил, чтобы я была осторожна: ведь со мной такие большие деньги; что нужно было их поместить куда-нибудь. Тогда я сказала, что помещу эти деньги в Женеве и что нет никакой опасности, так как эти деньги лежат в маленькой шкатулочке в моем чемодане. Он стал упрекать меня за такую неосторожность, говоря, что очень часто багаж теряется в дороге.

— По приезде в Париж вы ничего не заметили?

— Ничего — я спала. Я ничего не помню...

— Но это же был день.

— Я не знаю.

— Когда же вы пришли в себя?

— Ночью — в час или два. Это я отлично помню и повторяю вам, что считала все кошмарным сном.

— Скорее всего, он подмешал в шампанское какое-нибудь снотворное. Это очень возможно. Продолжайте.

— Я проснулась в довольно богатой комнате, стараясь припомнить, где я. Вначале удивилась, что одна, но потом подумала, что он отправился по делам, чтобы дать мне выспаться.

— В час ночи?

— В Лионе Рауль ночные часы проводил в клубе, так как много играл.

— А, отлично!

— Словом, я не была удивлена и уже готова была уснуть, когда услышала стук открываемой двери. Я стала прислушиваться, и несколько минут спустя в комнату вошел Рауль. «Ты не спишь?» —

с удивлением сказал он. — «Я только что проснулась и испугалась. Где мы?» — «В гостинице Берг».

Я никогда не была в Женеве и поверила ему. Я сказала, что немного голодна, но он ответил, что уже поздно будить прислугу, и предложил съесть бисквиты и запить шампанским, которое у него было с собой. Я отказалась и посоветовала ему лечь спать, говоря, что на следующий день хочу встать рано. «Зачем?» — спросил он. — «Я хочу путешествовать спокойно, а пока деньги не будут в безопасности, я буду чувствовать себя неуверенно. Завтра, как только встану, я сразу же отдам их на хранение и тогда смогу отдаться удовольствию от путешествия».

Он ничего не ответил и через несколько минут был около меня. Было около двух часов утра. Я должна сказать, что любила этого человека. Может быть, это был каприз, я не знаю, но в ту минуту я была поглощена страстью к нему. Вдруг я почувствовала, что он прижимает мою голову к подушке. Я хотела освободиться, думая, что он шутит. Тогда одной рукой он стал прижимать сильнее, другой же приподнял волосы на затылке. Я задыхалась и думала, что он хочет задушить меня. Я сделала усилие, чтобы вырваться, но не могла, так как все больше запутывалась в простыню. И тут я почувствовала боль, которая заставила меня привскочить, вследствие чего я, наверное, и смогла выпутаться. Но он, убежденный в успехе, выпустил меня. Я как сейчас вижу его, стоящего в углу комнаты с нахмуренными бровями и ужасным взглядом. Я вскочила с постели, увлекая за собой простыню, в которую так неловко завернулась, и попыталась найти выход, чтобы спастись. Видя, что я еще жива, он бросился за мной, стараясь схватить за простыню, в которой я запуталась. Когда ему это удалось, он ударил меня кулаком по голове, а потом схватил свободной рукой за горло. Я освободилась от простыни и успела выбежать. Бросившись за мной,

он запутался в этой простыне и упал, так что мне удалось выбежать на улицу. Дальше я ничего не помню.

Доктор и директор были поражены услышанным.

— Теперь все объяснилось. Маленькая рана на затылке была бы смертельна, если бы булавка проникла немного глубже, а так она только вызвала паралич мозга. Теперь понятно ваше желание постоянно сбрасывать с себя платье, так как вы принимали его за простыню, мешавшую вам бежать.

— Узнаете ли вы этого человека?

— Я не хочу его видеть! — с ужасом вскричала Эжени.

— Не бойтесь ничего, — сказал доктор, — вы окружены друзьями, которые заботятся о вас, но необходимо во что бы то ни стало наказать преступника. Кроме того, вы же потеряли весь багаж.

— Он, по всей вероятности, был в той гостинице.

— Целью преступника была кража, но ведь в гостинице эта ужасная сцена должна была кого-нибудь разбудить.

— Нет, все спали. Это я отлично помню. Это было последним ударом. Спасаясь от него, я надеялась, что кто-то придет мне на помощь, но напрасно. Роскошная лестница была пуста, входная дверь открыта, и когда я выбежала, начинало светать.

— Узнаете ли вы этот дом, комнаты, внутреннее убранство?

— Внутри — да, снаружи — нет.

— Но вы помните того негодяя?

— О да, отлично!

— Сознаетесь, — обратился директор к доктору, — все это очень странно.

— Да, — согласился тот. — Возможно ли, чтобы в наше время человек смог привезти женщину из Лиона, завлечь в западню, и никто не удивляется исчезновению этой женщины. Мужчина берет ее вещи и деньги, и несчастная проводит целый год в

сумасшедшем доме. И все это делается в Париже среди белого дня.

— Что же нам делать?

— Что касается меня лично — я прошу прислушаться к моему желанию. Я хочу, чтобы полиция не принимала в этом участия хотя бы некоторое время. Я считаю, что преступник, если станет известно его дело, постарается скрыться в безопасное место. Поэтому я прошу вас действовать осторожно. Я же попробую получить у нотариуса мои деньги и припомнить новые подробности. Тогда мы начнем поиски.

— Вы рассуждаете верно, но нам нужен человек, который взялся бы за эти поиски, а только полиция может нам дать такого человека. Согласны ли вы, мадам, чтобы я лично встретился с префектом полиции и рассказал ему это дело?

— Нет, прошу вас, это можно сделать позднее. Вы, кажется, сказали, что послали кого-то в Лион?

— Да.

— Когда же должен возвратиться этот человек?

— Сегодня ночью.

— В таком случае, сегодня мы не будем ничего предпринимать. Завтра этот человек поможет моим воспоминаниям. Забытые мною подробности помогут нам и, может быть, дадут верное направление поискам.

— Вы правы и, кроме того, вам нужно отдохнуть. Вы устали, и у вас жар.

— Мне нужно отдохнуть, доктор, так как когда я говорю, у меня начинает болеть голова.

— Да, нужно поосторожней. Кое-что прояснилось, вам гораздо лучше, и пока следует подумать об отдыхе.

После этого они ушли, и директор сказал доктору:

— Какая ужасная история! Неужели это возможно в Париже?

— Что меня пугает, так это тайна, которой окружено преступление и которая позволила убийце начать снова, так как убийство — его профессия.

Этот дом должен находиться в каком-нибудь отдаленном квартале. Мне хочется как можно быстрее увидеть нашего посланника.

Затем они расстались, договорившись увидеться с больной через день.

Глава IX

В ОДНУ ПРЕКРАСНУЮ НОЧЬ В НОВОМ ПАРИЖЕ

Панафье, выйдя от Баландые, направился к кабачку на улице Тампль. Проходя по улице, на которой он жил, он подумал, не зайти ли ему домой взять оружие, так как надеялся в эту ночь во что бы то ни стало найти того, кого так давно искал. Он остановился в раздумьи, как вдруг кто-то ударил его по плечу. Панафье резко повернулся и очутился лицом к лицу с Жобером, которого не видел со времени посещения Венсенского госпиталя.

— А, это вы, — сказал он, — я сегодня вечером как раз говорил о вас.

— Что касается меня, то я только думал о вас.

— Извините дорогой, что я хожу к вам только тогда, когда есть дело, но уверяю, что хотел зайти к вам на днях.

— Хорошо, что не зашли, так как меня перевели из Венсена в Шарантон.

— По какой же причине вы здесь?

— Это не случайность. Я только что вышел от вас, оставив свою карточку у привратника.

— Я вам нужен?

— Я пришел сообщить вам кое-что относительно того дела, по которому вы приезжали ко мне в Венсен.

— Что именно? — заинтересовался Панафье, превращаясь весь во внимание.

— Зайдемте в кафе.

— Пожалуй, но только не надолго.

— Сейчас 11 часов. Вы будете свободны не позже половины двенадцатого.

Они вошли в кафе, приказали подать себе кофе, и Панафье, обращаясь к доктору, сказал:

— Я вас слушаю.

— Вот в чем дело. Вы помните, что в тот раз у меня в Венсене мы говорили об одном странном преступлении, и я сообщил вам свои выводы об убийстве?

— Да, и что же?

— Вы говорили мне еще об одном преступлении, совершенном в Батиньоле, где жертву тоже убили, воткнув золотую булавку в нижнюю часть затылка.

— Да, совершенно верно.

— Мой начальник рассказал мне, что подобное покушение было совершено на одну женщину, находящуюся в настоящее время в «Шарантоне».

— Она жива?

— Да, она осталась жива, но с тех пор была невменяемой, и только два дня тому назад рассудок возвратился к ней.

— В самом деле? И что же она рассказала?

— Она рассказала странные вещи. Она говорила о человеке, который был ее любовником и однажды ночью пытался убить ее.

— Она знает убийцу?

— Не могу вам сказать.

— Я могу увидеться с этой женщиной и поговорить с ней?

— Да, конечно. Когда я услышал об этой истории от моего приятеля доктора, то не мог удержаться от восклицания. Он был удивлен этим и спросил меня о причине такого поведения. Тогда я рассказал вам историю и мои личные наблюдения.

— Ну, и что же?

— Он решил, что это странно, и захотел увидеться с вами. Я думаю, вы тоже будете не прочь.

— Конечно, я вам очень благодарен, — весело воскликнул Панафье.

— Я так и думал.

— Вы узнали это только сегодня?

— Вчера вечером он рассказал мне эту историю за десертом.

— Что же вы с ним решили делать?

— Я решил отправиться к вам, чтобы получить ваше согласие на встречу с доктором на днях в Шарантоне.

— Я согласен, но только не сегодня. Завтра, если это возможно.

— Как вам угодно. Вас всегда примут.

— В таком случае — завтра в десять часов. Удобно ли вам это?

— Да, я увижусь с доктором в 8 часов и скажу, что вы будете между 10 и 11.

— Отлично, а теперь до свидания.

Когда доктор ушел, Панафье отправился к кабачку на улице Тампль, весело потирая руки: «Теперь, мне кажется, мы продвигаемся. Если сегодня ночью мы не добьемся успеха, то завтра я узнаю интересные подробности».

Несколько минут спустя он входил в кабачок, где его ждали Ладеш и Деталь. Оба приятеля играли в карты. Ладеш кричал, стуча по столу: «Пятнадцать от дамы и четырнадцать валетов», и вдруг остановился, увидев входившего Панафье.

— А вот и патрон, — сказал он. — Входите. Позвольте вас угостить. Ну что, господин Панафье, дело назначено на сегодняшней вечер?

— Да, — сказал Панафье. — Слушайте внимательно.

Оба друга вытянули шеи.

— Вы достанете экипаж?

— У нас он есть.

— Хорошо, вы будете стоять на улице Омер.

— Там же, где и раньше?

— Нет, домов на десять дальше. Наш молодец будет там сегодня вечером. Как только он выйдет, вы его схватите и посадите в экипаж. Я буду в нем и скажу, куда ехать, но это нужно сделать как можно тише. Если все удастся, вы знаете — вам хорошо заплатят.

— Наконец-то, — сказал Деталь и щелкнул языком.

— Будьте там через час.

— За ваше здоровье, господин Панафье, и будьте спокойны. Через час мы будем там.

— Я сейчас ужоу, тороплюсь.

Он чокнулся с ними, опорожнил свой стакан и сразу же ушел.

Ладеш и Пьер Деталь последовали за ним.

— Вот что, старина, — говорил Ладеш, — ты знаешь, что нам нужно сделать прежде всего?

— Что?

— Мы должны составить план. У меня железные нервы и большая ловкость, но зато ты гораздо сильнее меня. Ведь мы не знаем, насколько силен наш молодец.

— Да, это правда.

— Что касается тебя — ты справишься с любым.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что ты тот человек, который здесь нужен. Ты схватишь, а я свяжу. Я приготовлю платок и прежде всего завяжу ему рот.

— Да, а я буду его держать.

— Если же он станет кричать, у меня есть средство заставить его замолчать.

— И что ты сделаешь?

— Я ударю его в живот головой, и тогда мы посмотрим, как он будет кричать.

— Хорошо, а когда он будет связан, я отнесу его в фиакр.

— А чтобы он не скучал, я буду с ним разговаривать.

— Понимаю. А куда мы теперь отправимся?

— К Колиньону.

— Да, только бы застать его дома.

— Сейчас мы его точно застанем. Он не любит работать вечером и наверняка сидит в «Верном кучере».

— Идем скорее. Уже четверть первого.

Менее чем через полчаса друзья входили в «Верный кучер» — в маленький кабачок на улице Ла-Шапель.

— Вот и он, — указал Ладеш, и они сели к столу, где уже сидел какой-то кучер.

— Кого я вижу! — проговорил он. — Как вы попали сюда?

— По делу. Ты свободен сегодня ночью?

— Свободен. А у вас есть дело?

— Да, и еще какое! Надо украсть потихоньку одного человека.

— А плата хорошая?

— Отличная! Ты должен запрячь лошадей и ехать с нами. Лучше приехать пораньше, чем опоздать. Выпьем по стакану и отправимся.

Наскоро выпив, приятели вышли из кабачка и направились к конюшне, которая находилась рядом. Тот, кого звали Колиньоном, был одним из тех странных кучеров, которых мы видим на козлах еще более странных экипажей. Экипаж, который он вытащил из сарая с помощью Деталья, представлял из себя старый фиакр, готовый рассыпаться. Но если экипаж был в отчаянном состоянии, то о лошади этого нельзя было сказать. Это было молодое и горячее животное.

Лошадь быстро запрягли, и кучер влез на козлы. Ладеш сел рядом с ним, а Деталь встал на колени на переднюю скамейку и просунул голову между Ладешем и Колиньоном. Несколько минут спустя экипаж остановился на улице Омер.

Колиньон сошел с козел и, после того как два приятеля отправились на свой пост, замазал номе-

ра на своем фиакре. Закончив это маленькое дельце, он закурил сигару и снова сел на козлы, спокойно ожидая, когда настанет его черед действовать.

Около часа спустя появился Панафье. Ладеш, узнав его, пошел навстречу.

— Мы здесь, господин Панафье, — сказал он.

— Это ваш фиакр стоит там?

— Да. Я стою здесь для того, чтобы наш молодец не пошел в другую сторону, а Деталь спрятался под воротами около фиакра.

— Ты уверен в кучере?

— Как в самом себе. Обо всем договорено. Когда мы возьмем молодца, вы сядете на козлы и будете показывать дорогу.

— Отлично. Ступай на свой пост. Сейчас два часа. Я буду прогуливаться туда-сюда по улице, чтобы предупредить вас в случае опасности.

— Что за человек, — проговорил Ладеш, — он думает обо всем.

Панафье хотел пройтись на другой конец улицы, как вдруг дверь открылась, и он узнал красавца Густава. Последний сказал, проходя мимо Панафье:

— Он надевает пальто и выходит следом за мной.

И Густав как ни в чем не бывало пошел дальше.

Панафье бросился под ворота противоположной стороны улицы и тихо свистнул. В эту минуту дверь кафе снова отворилась, и из нее вышел другой человек.

— Он ли это? — спросил Панафье Ладеша.

— Погодите, я не вижу...

В это время незнакомец что-то вынул из кармана и продолжал путь мимо фиакра. Вдруг он остановился, чтобы зажечь сигару.

— Он, — сказал Ладеш.

В ту же минуту Деталь спшиб незнакомца с ног. Между тем Ладеш уже был возле них и завязывал пойманному платком рот.

В одно мгновение аббат был связан и брошен в фиакр.

Два приятеля сели напротив него, и дверца захлопнулась.

Видя, что все кончено без малейшего шума и крика, Панафье осмотрелся, чтобы убедиться, что не было свидетелей всего происшедшего, но улица была пуста. Тогда он сел на козлы рядом с кучером и проговорил:

— Дай мне бич и вожжи.

Кучер повиновался, и фиакр тронулся.

Глава X

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ ЛЮБОВНЫЕ ПЕЧАЛИ

В тот день, когда происходили все эти события, братья Лебрен получили от своей сестры приглашение на обед.

Когда они пришли туда, их весело встретил зять Андре.

— Извините, но это судьба. Каждый раз, когда вы приходите, вы не застаёте меня дома, а между тем я ухожу очень редко.

Винсент улыбнулся, и Андре подумал, что он намекает на их недавнюю встречу в игорном доме на улице Омер.

— Клянусь тебе, мой милый, что в тот вечер, когда ты меня там увидел, я был в этом месте в первый раз.

— А у Бребана? — рассмеялся Винсент.

— Ну, там я почти никогда не бываю.

— Ты шутишь. Тебя там отлично знают, и даже лакей зовет тебя по имени.

— Все очень просто, — самым естественным тоном ответил Андре. — Я обедаю всегда дома, но завтракаю очень редко, так как занят на бирже —

как ты понимаешь, я должен быть там к открытию. Поэтому и захожу к Бребану закусить.

В это время появилась Маргарита с ребенком, и они замолчали. Винсент заметил брату, что Маргарита как будто не здорова, а потом сказал об этом Андре, но тот засмеялся и ответил шепотом:

— Она не в духе. Вот уже два дня, как она дуется на меня.

Винсент знал свою сестру, знал, что у нее ровный, спокойный характер, и подумал, что если она в таком состоянии, то должна скрывать от него что-то серьезное. Поэтому он ничего не сказал Андре, но решил расспросить сестру. Вскоре они сели за стол, и Андре, указывая своим шуринам на ребенка, сказал:

— Послушайте, когда же вы оба решитесь жениться? Пора уже дать кузена, или лучше сказать — кузину, вашему племяннику.

Братья обменялись печальными взглядами. Андре заметил это.

— Или вы дали обет целомудрия?

— Почти, дорогой Андре, — отозвался Винсент. — Мы, может быть, никогда не женимся.

— Как?! Вы не желаете приобрести семью?

— Вот наша семья, — отвечал Винсент, беря ребенка и сажая его на колени. — Этот ребенок и вы составляете всю нашу семью. К тому же я люблю племянника, как родного сына, и если бы у нас сейчас появились дети, то мы их любили бы меньше, привыкнув считать Корнеля своим наследником. Слава Богу, в Париже можно жить холостым и пользоваться всеми удобствами женитьбы без ее неприятностей. Все наше существование, дорогой Андре, посвящено твоему ребенку. Мне кажется, что когда этот крошка ласкает меня своими розовыми ручками, то он отгоняет печальные воспоминания. Он наш сын настолько же, как и ваш.

В это время Шарль взял ребенка и стал разговаривать с Андре. Тогда Винсент поспешно наклонился к сестре и прошептал:

— Что с тобой, Маргарита? Ты очень печальна. Мне кажется, что пустые ссоры не стоят того, чтобы о них думать. Забудь все, моя милая. Нет ничего хуже, чем капризная жена.

Маргарита наклонилась к нему и в свою очередь шепнула:

— Я очень огорчена, Винсент.

— Что-то серьезное?

— О, да! Очень серьезное! Настолько серьезное, что я не знаю, что мне делать.

— Что ты говоришь?!

— Винсент, приходи ко мне завтра. Мне нужен твой совет.

Винсент с беспокойством взглянул на сестру, но ничего не ответил ей, так как заметил, что Андре наблюдает за ними. То, что он узнал, сильно его обеспокоило. Уже с последнего посещения сестры ему казалось, что Маргарита скрывает под вынужденным весельем печаль. Он знал свою сестру, знал, что она женщина мужественная, и был уверен, что подобное признание могла вызвать только важная причина. С другой стороны, тон, которым зять разговаривал с ним о случайном посещении игорного дома, заставлял сомневаться в его виновности. Винсент верил в Андре, знал, что он не способен на ложь.

Всю остальную часть обеда Винсент был сильно задумчив. Легко понять, какое участие принимали братья в семейной жизни своей сестры. Вынужденные искать того, из-за кого был убит их отец, они отказались иметь свою семью и смотрели на Маргариту скорее как на дочь, чем на сестру, а их племянник был для них сыном.

Измученные напрасными поисками, они приходили в этот дом отдохнуть, насладиться семейными радостями, поиграть с Корнелем, побеседовать с Маргаритой.

Маргарита была не в духе, Винсент был взволнован, так что обед прошел невесело, и в 10 часов вечера братья собрались уже уходить.

— Я сильно беспокоюсь, — сказал Винсент Шарлю. — Ты знаешь силу характера Маргариты, ты знаешь, как она боится нас беспокоить, не желая прибавлять новых огорчений к нашим уже существующим.

— Ну и что же?

— А то, что сегодня вечером Маргарита делала страшные усилия, чтобы удержаться от слез. Она сказала мне, что хочет поговорить со мною завтра, так как нуждается в моих советах.

— Что ты говоришь?!

— Может быть, тут замешана ревность. Ты же знаешь, когда мы были с Андре у Бребана, лакей сказал нам, что он там постоянный посетитель.

— Да, я помню. Андре объяснил, что никогда не бывает у Бребана ночью, а только завтракает там.

— Нет, я отлично помню, что лакей на наш вопрос, знает ли он Андре, ответил: «Да, мсье, господин Андре — наш постоянный посетитель. Он здесь бывает каждую ночь».

— Ты уверен, что он сказал именно «ночь»?

— Совершенно уверен. И вот в чем дело. Андре, как и многие женатые люди, еще молод. После медового месяца наступило успокоение. Прошло уже четыре года со дня их свадьбы. У него есть ребенок, и он счастлив. Но, может быть, страсти говорят в нем очень сильно, вот он и забавлялся немного на стороне. Маргарита заметила это, и, конечно, первый удар был тяжел.

— Я тоже так думаю, но одно оскорбляет меня.

— Что?

— То, что Андре лжет мне. Черт возьми! Я мужчина, я его друг, бывший товарищ по приключениям — почему же он от меня что-то скрывает?

— Ты глуп — вот и все. Он смотрит на тебя как на отца Маргариты и боится твоих наставлений, которые ты мог бы ему сделать.

— Мне все равно неприятно. Я знаю Маргариту. После поразившего нас несчастья она стала очень одинокой, замужество было ее единственным убежищем, так как смерть нашего бедного отца удалила от нее всех друзей. Эти отношения не возобновились, и ее муж и ребенок составляют для нее все. Наивная и любящая, она никогда бы не поверила, что тот, кого она любит и обожает, для кого она готова всем пожертвовать, может ее обманывать. И если мы угадали причину ее огорчения — она будет сильно страдать. Нужно повидаться с Андре и поговорить по-товарищески.

— Это единственная вещь, которую мы не можем сделать.

— Я говорю не в том смысле, в каком ты понимаешь. Не следует делать выговора, говорить, что он не должен делать того и сего — он может нас просто прогнать. Но следует сказать, чтобы он был осторожнее с женой.

— Знаешь, мне кажется, что мы ошибаемся: мы же его встретили не только у Бребана, но и в игорном доме.

— Ну так и что?

— Вполне возможно, что он игрок и проигрался. Тогда это было бы гораздо серьезней. Думаю, что завтра я узнаю, в чем дело.

Когда они пришли домой, то им сказали, что два раза приходил Панафье и, не застав их дома, оставил письмо.

Они развернули его и прочли:

«Дорогой господин Винсент, я должен сообщить вам очень важную вещь: мне кажется, что я нашел того, кого мы ищем. Я делаю сегодня смелую попытку, и завтра после полудня вы мне будете необходимы. На этот раз я могу сказать с уверенностью, что мы его держим в руках. До завтра в три часа. Будьте обязательно. Мы вас ждем. Панафье».

— Это меня очень радует, — сказал Шарль.
— Однако, — заметил Винсент, — мы много раз были у цели.
— Должны же мы когда-нибудь ее достичь.
— Как ты думаешь, что он сегодня сделает?
— Наверное, он похитит его, как говорил в прошлый раз.

— Черт возьми, а если он ошибается?

— Это очень серьезно, но завтра все выяснится.

После этого братья разошлись по своим комнатам с желанием, чтобы завтра наступило поскорее и они могли узнать, в чем печаль Маргариты и что сделал Панафье.

Глава XI

ИСТОРИЯ ДЕТСТВА

На другой день утром доктор Жобер пришел за Панафье. Последний, уходя, сказал привратнику, что к нему должна прийти одна женщина, и дал ключ от своей комнаты, чтобы передать ей, сказав, что будет в 12 часов.

Когда они сели в экипаж, доктор спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы не из Лиона?

— Да, из Лиона, — ответил Панафье.

— В таком случае, вам будет легче разговаривать с той женщиной. Она также из Лиона. Но как вы попали в Париж?

— Это действительно удивительно, так как мне давно следовало бы покоиться на дне Роны.

— Что вы мне рассказываете?!

— Истину. Я хотел утопиться.

— Хотели утопиться?!

— Да.

— Расскажите мне эту историю — мы как раз уьем время переезда в Шарантон.

— Вы спрашиваете у меня мою историю... Хорошо. Слушайте. В самом раннем детстве у меня были родители, которые обожали меня. Отец мой был честным работником, мать была достойна его. Это была самая счастливая семья. Нищета никогда не заглядывала к нам. Мы жили в Париже. В 1849 году, когда мне было где-то лет семь, мать вернулась домой бледная и расстроенная. Отец бросился за доктором, но прежде чем он вернулся, мать умерла от холеры. Когда ее похоронили, он по совету друзей все продал и уехал в Лион, где мы поселились в меблированных комнатах. Меня отдали в школу, и мой отец, рабочий-бронзовщик, получил работу у фабриканта церковных вещей. Смерть жены и плохие знакомства из честного и скромного работника сделали пьяницу. Каждый день он приходил домой пьяный, и бывали дни, когда мы целый день ничего не ели. В Лионе начались волнения. На Круа-Руз была построена баррикада. Я помню это как сейчас. Нас отпустили из школы. Вы же знаете, как дети любят шум. Услышав гром ружейной пальбы, я горел нетерпением посмотреть вблизи, что это такое.

Я отправился на Круа-Руз. Было четыре часа дня. Это было в декабре, и уже темнело. Как сейчас вижу перед собой баррикаду, находящуюся напротив места, где сейчас расположена железная дорога. Я подошел ближе. Войска, которые уже взяли баррикаду, отошли, но вдали снова слышался шум ружейной пальбы. Вы знаете, как дети любопытны. Я уже много увидел, но нужно было посмотреть на покойников. Я взобрался на баррикаду и вошел во двор, ворота которого были выломаны. Там в сарае на соломе я увидел шесть трупов. Сначала испугался и хотел убежать, но потом решил остаться посмотреть на трупы. Первый покойник, которого я увидел с пулей во лбу, покрытым кровью лицом, рукой, разрубленной топором или саблей, был мой отец. На мои крики сбежалось несколько человек. Женщины окружили меня, желая утешить, как будто можно утешить ребенка, потерявшего

отца! Вдруг одна женщина сказала: «Уведите его скорее — снова начинается». Действительно, вдали слышался мерный шум шагов и крики: «Войска!» Мужчины схватили меня и, несмотря на мое сопротивление, увели в дом, дверь которого заперли. Потом я услышал совсем рядом страшный шум ружейной пальбы и крики. Эти ужасные крики я слышу и теперь! Меня продержали в доме целый час. Когда я вышел, в сарае было совершенно темно, но я разглядел окровавленную солому — трупы были уже убраны. Все было кончено. У меня не было отца, я остался один, и мне было всего девять лет. У солдат, запрудивших улицу, не было времени заниматься моими слезами — мне приказали идти домой. Я вернулся на свою квартиру, но когда хотел взять ключ от нашей комнаты, служанка сказала мне, что отца утром выгнали с квартиры. Я ничего не ответил, но выйдя из дома, пошел сам не зная куда. На другой день на рассвете я проснулся от холода: я лежал под телегой на большой дороге. Зубы стучали у меня от холода. Случалось ли вам когда-нибудь ночевать под открытым небом? Это ужасно. Мне казалось, что мои руки совершенно отмерзли. Кроме того, я был очень легко одет, и ветер и утренний туман пронизывали меня насквозь. Такие ночи старят людей. Я заснул девятилетним ребенком, а проснулся пятнадцатилетним. Я задумался, но мысли об ожидавшем меня одиночестве буквально сводили меня с ума. Мне казалось невозможным как-то выйти из того положения, в котором я оказался. У меня не было ни денег, ни хлеба, ни жилья, ни ремесла. Я пошел вперед и наконец пришел на набережную Дальбре. Помимо моей воли мне подумалось, что если я брошусь в воду, то никто не заметит, и я окажусь вместе с матерью. Я осмотрелся вокруг — я все еще колебался. Со вчерашнего утра я ничего не ел, и мне было страшно холодно. При мысли о том, что мне негде поесть, погреться, мне стало еще холодней, и я говорил себе, что так будет лучше. Густой туман скрывал от моих глаз Рону, но я слышал, что она течет у

меня под ногами. Я закрыл глаза, вспомнил отца и мать, с которыми смогу увидаться... И начал спускаться по отлогому берегу. Вдруг я споткнулся о какой-то камень и остановился. И тут инстинкт самосохранения вернулся ко мне — мне захотелось жить, и смерть, которой я желал несколько минут тому назад, уже пугала меня. Я руками и ногами цеплялся за мокрые камни набережной, раз десять соскальзывал вниз с мыслью, что упаду в реку. Наконец, после четвертьчасовой борьбы, я выбрался на берег. Пока все это происходило, я не только согрелся, но даже вспотел... Я бродил по Лиону до вечера, чувствуя сильный, мучительный голод. На углу улицы Буше я увидел стоявшую перед лавкой бочку селедки. Я ходил туда-сюда перед ней и не мог отойти. Наконец, набравшись смелости, я прошел рядом с бочкой, сунув в нее руку, вытащил селедку и спрятал ее под блузой. Я не в состоянии вам описать, что чувствовал. Это ужасно! Несколько минут мне даже казалось, что я не ощущаю чувства голода. Я украл... Я стал вором! Я повернул за угол улицы С.Марсель и зашел под арку ворот, чтобы поесть, как вдруг кто-то дотронулся до моего плеча. Я вздрогнул всем телом: я был убежден, что лавочник, видевший все, послал полицейских арестовать меня. В одно мгновение я представил тюрьму, в которой мне придется прожить 20 лет. Я хотел бежать, но ноги отказывались мне служить. Я вынужден был опереться о стену, чтобы не упасть. Голос, показавшийся мне ужасным, произнес: «Мальчик, ты украл!» — «Нет, это не я».

Тогда меня взяли за руку, в которой я держал украденную селедку. Я резко повернулся и увидел перед собой красивую крестьянку лет 18, одетую в темно-зеленое платье с маленьким галстучком на шее, украшенное длинной золотой цепью, показавшейся мне бесконечной. Ее свежее личико светилось добротой, и она напрасно старалась говорить сердитым голосом и делать страшные глаза. Но я, сознавая свой проступок, не смел поднять глаз. «Так ты вор, малютка», — сказала она. «О, нет, мадему-

азель, — отвечал я со слезами. — О, нет! Умоляю вас, не говорите так!» — «Но ведь я сама видела». Я молчал. «Почему вы украли?» — «Я был голоден». — «Но что делают твои родители?» — «У меня их нет». — «У тебя нет родителей?» — «Да, они умерли». И я горько зарыдал. «Бедняжка, где же ты живешь?» — «У меня нет никакого жилья». — «Как?! Но как же это могло случиться?» — «Отца вчера убили на баррикаде». — «О Боже мой!»

И так как я плакал горькими слезами, она привлекла меня к себе и, тоже плача, обнимала меня и вытирала слезы. «Ты голоден, бедняжка. Пойдем со мной». Она повела меня с собой, но так как мы пошли по улице Бупе, я стал умолять ее не отводить меня к лавочнику, у которого я украл эту несчастную селедку. «О, мадемуазель, — говорил я, — умоляю вас, не дайте мне попасть в тюрьму! Я никогда больше не буду этого делать!» — «Не бойся, малютка, я не хочу, чтобы тебя арестовали, я просто хочу, чтобы ты положил назад то, что украл». Я, весь дрожа, повиновался. Тогда она взяла меня за руку и повела в трактир, заказала там завтрак, и мы сели за стол. Эта женщина взяла меня к себе, и я ношу ее имя. И это та самая женщина, которая была убита негодяем при известных вам обстоятельствах.

В эту минуту фиакр остановился.

— Мы приехали, — сказал Жюбер.

Глава XII

ПАНАФЬЕ НАПАДАЕТ НА ДРУГОЙ СЛЕД

Дом для умалишенных Шарантона известен всему Парижу. Как многие гуманные заведения, этот дом был построен во времена французской республики. «Шарантон», предназначенный для сумасшедших, был построен на окраине Парижа в деревне

Шарантон. Там было поставлено 40 кроватей для женщин и столько же для мужчин, одержимых сумасшествием и не помещенных в больницы Парижа. В «Шарантон» помещают только тех, на выздоровление которых есть надежда. Когда же всякая надежда на излечение потеряна, сумасшедших отправляют в Бисерт и Сальпетриер.

Позднее мы еще поговорим о «Шарантоне», так как одна из главных сцен должна произойти здесь — в тот день, когда мы снова встретимся с Левассером.

Жобер провел Панафье прямо к директору, который сказал:

— Так это вы, мсье, уже видели подобный же факт?

— Да.

— В таком случае, идемте. Вы будете нам очень полезны.

Панафье и Жобер последовали за директором. Идя по длинным коридорам, Панафье рассказал директору то, что уже рассказывал Жоберу.

— Все один к одному, — заключил директор.

Вскоре они вошли к Эжени Герваль.

Мы не будем утомлять читателя подробностями уже рассказанной истории. Панафье попросил только описать внешность того, кого она называла Раулем де Ла-Гавертьером.

— Рауля? — переспросила она.

— Рауля!.. — вскричал Панафье, припоминая имя, названное ему Нисеттой.

— Что с вами? — спросили его в один голос директор и Жобер.

— Ничего, ничего. Я убежден, что смогу дать драгоценные сведения.

— Говорите скорее, — сказал директор.

— К несчастью, это невозможно, так как то, что я знаю, должно оставаться тайной, иначе я рискую не достичь цели, которую преследую более четырех лет.

— Как вам угодно, — равнодушно сказал директор. — Вы будете полезны моей больной — это все,

что мне нужно. Помогите ей найти то, что у нее украли.

— И я буду обязана вам здоровьем, а господину Панафье — состоянием, — сказала Эжени, — то есть счастьем на этом свете.

— Это именно то, что я думал, — смеясь, сказал директор. — Но, дорогой Жюбер, нам с вами пора отправляться на службу.

И директор собрался уходить, но Панафье остановил его со словами:

— Я должен попросить вас об одном...

— Говорите.

— Может быть, мадам Герваль нужно будет выехать отсюда. Возможно ли это?

— Да, теперь возможно. Но надеюсь, что вы с ней не расстанетесь, а еще лучше будет, если вы возьмете Жюбера.

— Хорошо, мы так и сделаем.

— Я сейчас же подпишу пропуск.

— Благодарю вас, господин директор.

Директор и его помощник ушли, а Панафье остался наедине с Эжени Герваль.

— Мадемуазель, — сказал он, — я уже четыре года преследую негодяя, жертвой которого вы стали. В настоящую минуту я надеюсь, что поймал его. Вы можете мне подтвердить это.

— Как это?

— Этот человек арестован.

— Но я не хочу, чтобы полицией было начато следствие. Клянусь вам, я бы умерла, если бы мне снова пришлось все рассказывать перед судом.

— Успокойтесь, мадам. Я совершенно с вами солидарен. Я тоже отказался от помощи полиции пять лет назад. Вы будете иметь дело только со мной.

— В таком случае я не понимаю, чего вы от меня хотите?

— Мадам, я думаю, что сегодня ночью нашел негодяя, не прибегая к помощи полиции. Предан-

ные мне люди арестовали его и заперли в приготовленном для этого доме.

— Так вы арестовали его?

— Думаю, сама судьба помогает мстителям. Иначе я не могу объяснить мою встречу с вами. До сих пор у меня были только догадки. Мне не хватало устного свидетельства жертвы. И вдруг Жобер привел меня к вам. Я прошу вас, мадам, поехать вместе со мной посмотреть на того, кого мы арестовали, и сказать мне, тот ли это человек, который хотел убить вас. Судя по вашему описанию — это он.

Сначала Эжени Герваль вздрогнула при одной мысли, что она увидит своего убийцу, но немного подумав, ответила:

— Хорошо, я поеду туда, куда вы хотите, но вы не должны оставлять меня.

— Клянусь вам в этом!

— Хорошо. Когда же мы поедем?

— Завтра в это же время.

— Отлично. Но вот что еще: я не хочу, чтобы он меня видел, и не хочу с ним говорить.

— Вы увидите его, сами оставаясь невидимы, и скажете мне, тот ли это человек, которого мы ищем.

— Итак, до завтра, мсье.

Панафье вышел, и они с Жобером отправились вместе завтракать и за столом договорились о времени встречи на завтра. Жобер должен был привезти Эжени Герваль в экипаже в Париж, а там уже Панафье проведет их куда надо.

Когда все было договорено, Панафье вскочил в фиакр и приказал везти себя домой. Когда он вошел, привратник сказал ему:

— Я дал ваш ключ мадам Луизе. Она ждет вас в вашей комнате.

Панафье поспешно поднялся на четвертый этаж и был немало удивлен, увидев Луизу в том же костюме, который она носила, когда жила с ним.

Она бросилась ему на шею, как в добрые старые времена, говоря:

— Здравствуй, мой Поль, я жду тебя уже целый час.

— Садись, Луиза, и поговорим серьезно.

Луиза опустила голову.

— Я надеялась, что ты никогда не будешь вспоминать прошлое.

Панафье был поражен, когда Луиза продолжала:

— Я думала, что мне будет достаточно сказать одно слово.

— Какое? — спросил заинтересованный молодой человек.

— Поль, клянусь тебе, что возвращаюсь настолько же достойной тебя, как и ушла.

Панафье не знал, сердиться ему или смеяться в ответ на эти слова. Он взял Луизу за руку, подвел ее к окну, и пристально посмотрев на нее, потребовал:

— Повтори, что ты сейчас сказала?

— Клянусь тебе, что возвращаюсь к тебе такой же достойной тебя, как и ушла. Клянусь тебе в этом могилой нашего ребенка!

— У меня слишком много дел сегодня, чтобы продолжать этот разговор. Ты говоришь, что возвращаешься ко мне?

— Да.

— Мы объяснимся позднее. Надеюсь, что ты все оставила у того.

— Я возвращаюсь в том же платье, в котором ушла месяц тому назад.

Чистосердечный тон Луизы взволновал Панафье. Он взял Луизу за руку и вдруг остановился.

— А это что такое? — сказал он, указывая на богатое кольцо на ее пальце. — Зачем же ты говоришь, что возвращаешься такой же, как и ушла?

Луиза опустила глаза. Она была женщиной, и эта роскошная игрушка нравилась ей. Ей казалось, будет неправильно отдать ее, и она наивно сказала Панафье:

— Мне это кольцо подарили как семейную реликвию, которая должна принести мне счастье. Я

его оставила, и оно действительно принесло мне счастье — ты снова мой.

— Для того, чтобы прийти ко мне, не нужно было кольцо, и если ты хочешь остаться здесь, то должна сегодня же вечером возвратить это кольцо.

Луиза опустила голову. Не говоря ни слова, она сняла кольцо, завернула его в бумажку и положила на стол.

Тогда Панафье привлек ее к себе и обнял. Крупные слезы покатились у него из глаз.

Глава XIII

ПАНАФЬЕ ЖАЛЕЕТ О СДЕЛАННОМ

Несколько часов спустя Панафье был у братьев Лебрен и докладывал обо всем, что он сделал и видел. Он рассказал им странную историю женщины из «Шарантона», и братья исполнились надежд.

— Вы говорили об одном таинственном доказательстве, которое вы хранили до последней минуты и которое должно нам быть очень полезным. Не считаете ли вы, что уже пора рассказать об этом, так как, арестовав виновного, я хочу знать и доказательства.

— У нас нет причин скрывать это от вас, — отозвался Винсент, так как вы заинтересованы в этом деле так же, как и мы. Я сейчас покажу вам это доказательство — это письмо нашего отца с рисунком.

Винсент вышел в другую комнату и через несколько минут вернулся с письмом.

— Вот оно, — сказал он, подавая письмо Панафье.

Панафье прочел известное нам письмо Корнеля Лебрена. Окончив чтение, он поспешно перевернул письмо, чтобы посмотреть рисунок, и рука его при этом дрожала, так как в уме у него мелькнуло одно

подозрение, а вернее — догадка. Взглянув на рисунок, представлявший кольцо в четырех различных видах, он весело вскричал:

— Все верно! Мы арестовали действительно его.

Братья переглянулись, услышав эти восклицания.

— Что с вами? — спросил Винсент.

— Слушайте, это невероятно, это немислимо. Это кольцо...

— Ну, что же?

— Я знаю, где оно.

— Что вы говорите?

— Я хочу сказать, что сегодня утром я держал это кольцо в руках.

— В таком случае, оно у вас? Вы его видели на человеке, арестованном сегодня ночью? — заинтересовался Винсент.

— Нет-нет, я не так выразился.

— Что вы хотите сказать?

— То кольцо, о котором я вам говорю, было в руках не аббата.

— Так где же вы его видели?

— Я видел его на руке у женщины.

— Знаете, вы уже много раз ошибались, так что вполне вероятно, что захватив несчастного, вы и теперь ошиблись. Тогда это будет скандал.

— Но у меня есть доказательства. Человек, которого вы увидите через два часа, подарил это кольцо с большим бриллиантом одной женщине.

— Дорогой господин Панафье, — пояснил Шарль, видя, что брат улыбается, — вы не понимаете, или лучше сказать, вы плохо понимаете то, что говорил вам брат. Он вам советует не доверять первому впечатлению. Ваше горячее желание добиться результата заставляет вас легко верить всяким доказательствам.

— Вы хотите разочаровать меня? — проговорил Панафье.

— Совсем нет, я только следую логике. Посмотрите сами, в какое неудобное положение вы поста-

вили себя тем, что сделали сегодняшней ночью. Подумайте, вдруг этот молодой человек подымет скандал?

— Этого я нисколько не боюсь. Он не сможет найти виновников его похищения.

— Вы слишком смелы и слишком самоуверенны.

— Но что же вы будете делать после того, что я вам сказал?

— Все очень просто.

— Говорите, я слушаю.

— Отправляйтесь сейчас к той особе, у которой кольцо, и попросите показать его нам. Если это то кольцо, то оно должно открываться.

— Это просто, вы совершенно правы.

— Мой брат рассуждает вполне благоразумно, — поддержал Шарль. — А до тех пор, пока не убедитесь, не выпускайте аббата.

— Ах, Боже мой! — вдруг воскликнул Панафье, ударяя себя по лбу.

— Что с вами? — удивились братья.

— Со мной!.. Со мной!.. Мне нельзя терять ни одной минуты! Через полчаса я буду здесь!

Не говоря больше ни слова, Панафье схватил шляпу и выбежал, оставив братьев в недоумении.

— Честное слово, он, кажется, сходит с ума, — сказал Винсент.

— Я боюсь, он уже не в себе, — прибавил Шарль.

Но они ошибались. Панафье просто вспомнил, что приказал Луизе отдать это кольцо тому, кто его подарил. Поэтому он что было сил побежал на улицу Пуату, боясь, что данное им приказание уже приведено в исполнение. Когда он пришел домой, привратник сказал ему:

— Ах, мсье, мадам Луиза только что вышла.

— Когда? — поспешно спросил Панафье.

— Да не больше десяти минут.

— В какую сторону она направилась? — нетерпеливо спросил Панафье.

— Не знаю, но думаю, что она пошла недалеко, так как, когда я ее спросил, будет ли она оставлять ключ, она сказала: «Нет, я сейчас вернусь».

Панафье догадался, что Луиза, не желая нести кольцо сама, пошла передать его скупщику, и если он не догонит ее, доказательство пропадет.

— Прошу вас, — с нетерпением сказал он, — скажите, в какую сторону она пошла?

Привратник молчал, но его жена ответила:

— Я видела, что мадам Луиза пошла по направлению к улице Кавалер.

Панафье, не говоря ни слова, побежал в указанном направлении.

— Мне кажется, он сходит с ума, — сказал привратник своей жене.

Панафье добежал до улицы Тампль, и повернув на улицу Кавалер, заметил на углу бульвара Луизу, разговаривающую со скупщиком.

Он побежал еще быстрее, и в ту минуту, когда Луиза передавала скупщику сверток, Панафье схватил его.

Молодая девушка вскрикнула от удивления, но Панафье, задышавшись, выпалил:

— Возвращайся домой. Эта вещь мне нужна. Я вернусь через полчаса.

Панафье был уже почти в конце улицы, а Луиза и скупщик все еще не могли прийти в себя от изумления. Первым опомнился скупщик и хотел догнать Панафье. Но Луиза сказала ему, что ее муж изменил свое первоначальное намерение.

Она заплатила скупщику и в беспокойстве вернулась домой, напрасно спрашивая себя, почему Панафье, вначале приказав отдать кольцо, так быстро передумал.

Панафье же поспешно шел к братьям Лебрен. Он вошел к ним весь в поту, задышавшись от усталости.

— Боже мой! Что с вами? Не случилось ли чего-нибудь еще? — бросились к нему обеспокоенные братья.

Панафье только и смог проговорить:

— Оно у меня! Я бежал... Я еле успел.

— Оно у вас?.. Что — «оно»? — спросил Винсент.

— Кольцо. Если бы я опоздал хотя бы на минуту, то не смог бы его взять.

— Кольцо! — вскричал Винсент. — Кольцо у вас?

— Да-да, — ответил Панафье, понемногу приходя в себя.

— Отдышитесь, мсье, — посоветовали взволнованные братья.

Наклонившись к Панафье и дрожа от нетерпения, братья следили за всеми его движениями. Когда его нготь придавил золотую пластинку, она поднялась.

— Вы видите?! — весело воскликнул Панафье.

Они хором прочли: «Корнель — Адели». Понятно, как были довольны братья. На этот раз они напали на след и приближался час, когда они смогут забрать из Проклятого Угла тело жертвы. Винсент взял кольцо и, поворачивая его во все стороны, заключил:

— Да, это оно. Нет никакого сомнения.

— Вы купили это кольцо у продавца? — спросил Шарль.

— Вы шутите! На какие деньги я мог купить такую вещь? Это кольцо стоит по крайней мере двадцать тысяч франков. Я не могу сказать вам, откуда оно у меня, но я найду того, кто его подарил.

— Мы вам нужны?

— Нет, не сейчас.

— Мне нужно сходить к сестре, — сказал Винсент. — Шарль, оставайся здесь, а я приду через час. Постарайтесь за это время узнать, кто владелец кольца.

— Я узнаю это через два часа. Нужно все предусмотреть. Я боюсь, что это доказательство у меня

может пропасть. Поэтому я его оставляю вам. У вас оно будет в безопасности.

— Благодарю вас, — отозвался Шарль, — но ради Бога, поспешите, господин Панафье. Мы так близки к цели, и вам легко понять наше нетерпение.

— Я понимаю вас, так как сам испытываю его.

— Встретимся через два часа, — повторил Винсент, пожимая руку Панафье.

— Через два часа. До свидания.

Винсент отправился к сестре, а Панафье пошел к Луизе.

— Что ты сделал с кольцом? — спросила она, как только он появился на пороге. — Почему ты убежал?

Панафье нежно обнял ее.

— Дорогая Луиза, я не могу ответить тебе на эти вопросы, но могу сказать, что это не имеет к тебе никакого отношения. Поэтому будь спокойна. Ты говорила, что возвращаешься ко мне такой же достойной меня, как и ушла?

— Да.

Панафье с недоверием посмотрел на нее и глубоко вздохнул.

— Послушай, Луиза, если ты хочешь, чтобы мое доверие к тебе вернулось, ты должна мне все рассказать. Отвечай откровенно на мои вопросы.

— Я слушаю тебя.

— Не забывай, что наша жизнь зависит от того, что ты скажешь, от твоей откровенности.

— Я клянусь тебе нашим ребенком, своей матерью, клянусь Богом, что скажу тебе правду.

После минутного молчания Панафье проговорил:

— Нисетта познакомила тебя с этим господином?

— Нет. Нисетта очень любила меня. В один прекрасный день она отвела меня в великолепный особняк на улице Шальо и сказала мне, что если я буду слушаться человека, который дает мне эту

квартиру, то она будет моей. Потом она добавила, что этот человек женатый.

— И этот человек аббат?

— Да. Его зовут Рауль де Ла-Гавертьер.

— Рауль де Ла-Гавертьер?! — вскричал Панафье.

— Что с тобой?

— Ничего. Продолжай.

— Я не думаю, что это его настоящее имя, но знаю, что он женат.

— Значит, ты не знаешь, где он живет?

— Нет.

— Это очень странно. Но как же ты с ним общалась?

— Повторяю тебе, что посредницей между нами была Нисетта.

— Так она непосредственно общалась с Раулем?

— Да.

— В таком случае я узнаю у Нисетты, где он живет.

— Но какая у тебя необходимость знать это? Почему ты хочешь его видеть? Неужели ты не веришь мне и хочешь...

— Я просто не могу тебе пока ничего сказать. Скажи, Луиза, это тот человек, с которым Нисетта познакомила тебя у Баланжье?

— Да. В первый раз я видела его там.

— Это его звали аббатом?

— Да, его.

— В таком случае, мы поймали действительно аббата, — проговорил Панафье.

Он обнял Луизу и поспешно вышел, оставив девушку в сильном изумлении. «Что происходит? Что это значит?» — говорила она себе. Но все-таки она была сравнительно спокойна, так как ее простили и любили.

Панафье же поспешно спустился вниз и, выйдя на улицу, посмотрел на часы.

— Черт возьми! Они уже должны меня ждать,— и вскочив в первый попавшийся фиакр, он приказал отвезти его на площадь Бастилии.

Усевшись на подушки экипажа и вытерев пот со лба, он со вздохом прибавил:

— Ох! Ну и день!

Панафье ехал на площадь Бастилии, чтобы увидеть своего пленника. Ладеш, увидев его, сказал, что пленник все время молчит, но позавтракал хорошо. Панафье предупредил их о необходимости соблюдать осторожность и вернулся домой к большому изумлению Луизы.

— Теперь, моя милая, я пробуду здесь целый день, и мы успеем хорошенько помириться.

Что касается нас, то мы оставим их наедине и последуем за Винсентом к его сестре.

Придя к ней, он спросил, дома ли господин Берри, и ему ответили, что нет, но госпожа дома. «Тем лучше, — подумал Винсент, — мы сможем поговорить более откровенно».

Глава XIV

ОПАСНО ПОВСЮДУ БРОСАТЬ ПИСЬМА И ДРАГОЦЕННОСТИ

Молодого человека сразу же провели к сестре, и когда двери закрылись, он взял Маргариту за руку. Ее покрасневшие от слез глаза удивили его.

— Что с тобой, моя милая? Ты плакала?

Маргарита бросилась в объятия брата и горько зарыдала.

— Значит, это очень серьезно. Послушай, Маргарита, я пришел успокоить тебя. Не плачь и расскажи, что случилось.

Сквозь рыдания, которые она пыталась подавить, он услышал:

— О! Винсент, я очень несчастна, и не будь у меня ребенка, я не знаю, что сделала бы.

Винсент нежно обнял ее, стараясь успокоить. Когда рыдания стихли, он заставил ее сесть и сам сел рядом, взяв ее за руку.

— Ну, в чем дело, дорогая сестричка? — спросил он.

— Дело в том, что Андре меня обманывает — у него есть женщина на стороне.

— Что ты рассказываешь?!

— Я говорю правду.

— Это все сплетни и глупости. Андре обожает тебя.

— Не старайся обманывать меня. Мои подозрения подтвердились. Я решила следить за мужем и однажды, когда он ушел от меня, чтобы заниматься работой в кабинете, я стала наблюдать за его тенью на занавесах и увидела, как он поставил лампу на стол и посадил в кресло манекен. Он обманывал меня. Я посмеялась, подумав, что он хочет просто сделать вид, что работает, а сам ляжет спать. Так как у меня был ключ, то я пошла в кабинет, чтобы застать его врасплох. Но когда я хотела открыть дверь, то поняла, что она закрыта изнутри. Раздосадованная этой неудачей, я задумалась, как мне бесшумно войти, как вдруг услышала стук входной двери. Я вышла на террасу и увидела Андре, выходящего через маленькую дверь. Я поняла, в чем дело. Я проплакала всю ночь, но под утро смирилась. Я думала, что, может быть, в этот день он вышел случайно. Я наблюдала за ним в течение четырех дней, и каждый день он выходил. Сомнений не осталось. Если бы ты знал, что тогда я почувствовала! Он меня обманывал — он, которому я посвятила свою жизнь! С другой стороны, он мне дал свое имя, и дочь казенного не имеет права жаловаться.

— Молчи, несчастная! — воскликнул Винсент, обнимая рыдающую сестру. — Ревность заводит тебя

слишком далеко. Андре не обманывает тебя. Ты страдаешь, и я скажу тебе правду, но это должно остаться между нами. У Андре есть страсть, которой он стыдится, но которой не может противиться.

— Что ты говоришь? — вскричала молодая женщина, на лице которой сверкнул луч надежды.

— Маргарита, Андре — игрок!

— Игрок?

— Да, он каждый день ходит в клубы или в тайные игорные дома, которыми полон Париж, и играет там целую ночь.

Маргарита опустила голову и ничего не отвечала.

— Игра — это вещь ужасная, — продолжал Винсент, — но ты, по крайней мере, можешь быть уверена в любви твоего мужа. Андре — честный человек и не стал бы проигрывать состояние своей жены и ребенка. Кроме того, мы можем поговорить с ним. Ты знаешь, что он наш единственный родственник, и если он когда-нибудь сделал бы глупость, мы достаточно богаты для всех. Успокойся и поцелуй меня. — Он взял ее за голову и поцеловал в лоб.

— Ты очень добр, Винсент, и я прощаю тебе твою ложь.

— Мою ложь?!

— Да, Винсент. Мне удалось однажды проникнуть в кабинет моего мужа вечером после его ухода. Я вошла и нашла...

— Что ты нашла?

— Женские письма и драгоценности, которых я никогда не видела у него.

Молодая женщина заплакала.

— Да, я нашла женские письма, которые не оставили никаких сомнений относительно смысла этих отношений. Кроме того, я увидела пару бриллиантовых серег и великолепное кольцо. Ты видишь, брат, что больше сомневаться невозможно. Хотя он и сказал мне, что это семейная реликвия, я ему не верю.

— Да, это действительно тяжело, но не думаешь ли ты, что сильно преувеличиваешь? Успокойся, я увижусь с твоим мужем и верну его тебе. Нет ничего удивительного в том, что у него сохранились драгоценности его матери.

— Это еще не все, Винсент, — проговорила Маргарита. — До сих пор я только одна знала обо всем этом. Он достаточно уважал меня, чтобы скрывать свое поведение от прислуги. Он делал что угодно днем. Он возвращался поздно, но утром всегда был дома.

— Ну и что же?

— Но этой ночью он наконец-то сбросил маску, перестав сдерживаться, и я должна покориться той жизни, на которую он меня осуждает. Андре до сих пор еще не вернулся.

— А вот это очень серьезно. До тех пор, пока это было семейным делом, я бы ничего ему не сказал и тебе бы посоветовал сделать это. Но теперь, когда его поведение становится скандальным, я поговорю с ним. Но поверь мне, Маргарита, у твоего мужа есть только один порок. Письма, которые ты нашла, — простое ребячество. Он любит игру, и я его один раз видел играющим. В этом и заключается главное зло.

— Но в игорных домах нельзя проводить целую ночь!

— Наоборот, не только ночь, но и день. Послушай, Маргарита, не огорчайся. Я постараюсь привести к тебе мужа.

— Но я никогда не забуду...

— Послушай, успокойся. Я могу сообщить тебе приятную новость.

— Какую? — печально спросила молодая женщина.

— Мы наконец напали на след убийцы, из-за которого наш бедный отец был казнен.

— Ты думаешь?

— Я почти уверен в этом. У меня очень часто возникала надежда, но доказательств не было. Сейчас у меня есть одно.

— О, если бы это было так!

— Добрая сестра, ты забываешь свое собственное горе при мысли о восстановлении чести нашего отца.

— У тебя есть доказательства?

— Да. Я должен тебе сказать, сестра, что мы имели письмо нашего отца, в котором было описание доказательства вины убийцы и которое мы обязаны были держать в тайне.

Винсент рассказал содержание письма Корнеля Лебрена, уже известного нам, и продолжал:

— Мы нашли это кольцо.

— Ты убежден в этом?

— Абсолютно. Это необычное кольцо, но главным доказательством служат вырезанные на нем имена. Впрочем, ты сама сможешь на него посмотреть. Оно со мной.

— Покажи же скорее, — сказала Маргарита с обычным женским любопытством.

Винсент вынул из кармана кольцо и подал его сестре. Та смотрела на него удивленная, поворачивая его во все стороны.

— Странно! Это очень странно! — выговорила она.

— Что с тобой? — спросил заинтересованный Винсент.

— Это кольцо похоже на то, которое я видела в шкафу у Андре вместе с серьгами.

— Этого не может быть, — сказал Винсент, чувствуя в то же время, как холодная дрожь пробегает у него по телу.

— Я видела его три-четыре дня тому назад, и мы можем их сравнить.

— Как это?

— Я уже сказала тебе, что нашла способ войти в комнату Андре. Пойдем со мной.

Винсент испытывал странное чувство; ему хотелось отказаться от сравнения, которое предлагала

сделать его сестра. Он чувствовал в сердце смертельный холод, но, наконец, отогнав пришедшую ему в голову страшную мысль, последовал за сестрой.

Она вошла в комнату и с горькой улыбкой указала ему на нетронутую постель.

— Ты видишь, он даже не хочет обманывать меня.

Затем она подошла к шкафу и открыла его со словами:

— Ты сейчас увидишь. Вот эта коробка.

Винсент вздохнул с облегчением, услышав эти слова, и подошел.

Маргарита взяла одну из коробок и открыла ее.

— О, какие прекрасные серьги!

— Нет, — сказала Маргарита, преследуя свою цель, — эти серьги не могут быть воспоминанием о матери. Это наверняка обещанный подарок.

Затем она взяла другую коробку и открыла ее. Коробка была пуста.

Винсент страшно побледнел, и взяв из рук сестры коробку, положил в нее кольцо — то вошло, как по мерке.

— Нет, это невозможно! — вскрикнул он.

— Что с тобой? — спросила сестра, взглянув на него, но в то же мгновение она поняла мысль брата и отступила, слегка вскрикнув.

— Нет, Винсент, это невозможно, — шептала она.

Винсент стоял молча, держа в руках коробку, в ужасе от мысли, пришедшей ему в голову. Но он пришел в себя быстрее, чем его сестра.

— У нас промелькнула в голове ужасная мысль, и мне почти стыдно за нас, — сказал он.

— Да, это правда, Винсент.

— Это действительно то кольцо, но твой муж мог купить его у скупщика. Может быть, он просто дал деньги под залог его. Я должен увидеться с ним как можно скорее.

— О-о! Это было бы ужасно! Одна мысль об этом холодит мне кровь!

Оба хотели не думать об этом, но напрасно они старались обмануть себя: мысль, один раз пришедшая в их головы, уже не покидала их.

— Сестра, я говорил тебе о важных делах, которые мне предстоят. Я сейчас уйду, а тебя прошу не думать об этих пустяках. Прости своему мужу легкомысленность, а когда он вернется, скажи ему, что мне крайне необходимо с ним поговорить.

— Хорошо. Ты оставляешь меня одну?

— Но, Маргарита, будь благоразумна! Это наверняка пустяки.

— Если это не то, что я раньше думала, то это еще не такое уж большое несчастье.

— Успокойся. Если будут какие-нибудь новости, я сразу тебе сообщу. Прощай, моя дорогая. Сегодня вечером, самое позднее завтра утром, я увижусь с тобой.

И Винсент поспешно вышел, оставив сестру совершенно пораженной его поведением.

В одно мгновение множество мыслей промелькнуло в голове молодого человека. Кольцо было главным доказательством, а три дня тому назад оно было у его зятя. Не было сомнения в том, что Маргарита видела именно это кольцо. Андре не вернулся в этот день, а Панафье накануне арестовал того, в ком подозревал аббата.

Это совпадение ужасало, тем более, что увеличение состояния его зятя было совершенно необъяснимо. Напрасно Винсент старался забыть свои мысли. Они не покидали его взволнованную голову. Андре, его друг и брат, не мог быть тем, кого они искали. Бог не мог нанести им еще и этот удар.

Дома Винсента ждал брат, горя нетерпением узнать причину беспокойства сестры.

Понятно, каково было огорчение несчастного молодого человека, когда Винсент рассказал ему все, что узнал и увидел. Тем не менее, он энергично отказался от ужасного обвинения.

— О нет, это совершенно бессмысленно и невозможно! Впрочем, мы скоро узнаем истину, и может быть, сам несчастный Андре сообщит ее нам. Ты

знаешь, что он берется за любое дело, которое кажется ему выгодным, и по всей вероятности, негодяй, по странной случайности, обратился к нему с просьбой продать кольцо. Через него мы и узнаем все нужные сведения. В течение четырех лет это кольцо могло пройти через многие руки.

— Это правда, — согласился Винсент.

Но тем не менее он не мог пересилить свои подозрения.

— Надо как можно скорее увидаться с Панафье, — сказал он.

— Что же ты хочешь делать?

— Я хочу отправиться вместе с ним посмотреть на человека, которого они поймали вчера. Он должен заехать за нами.

— Когда?

— Завтра.

— Я не смогу дождаться завтрашнего дня.

— Но ты сказал, что Андре может прийти к нам, и мы должны ждать его.

— Мы должны просить его пощадить нашу бедную Маргариту. Пусть он делает, что хочет, но делает это тайно. Однако я испытываю странное чувство!

— Какое?

— Какое-то предчувствие говорит мне, что нас ждет несчастье.

— О, мой бедный Винсент, горе слишком хорошо известно нам.

Винсент бросился в кресло и, держа в руках кольцо, поворачивал его и открывал надпись.

— Как это все странно, — сказал он. — Это кольцо мы находим через такой большой промежуток времени и таким странным путем!

— Панафье должен сказать нам, как получил его и кто дал ему это кольцо, — отозвался Шарль. — Бедный отец, убитый обществом!.. Будь мужественным, Винсент, и помни, что мы близки к цели.

— Ах, Шарль, я боюсь!

СРЕДСТВА ПАНАФЬЕ

У Панафье была мания рассказывать сказки. Поэтому вечером, посадив Луизу рядом с собой и указывая ей на портрет ребенка, висевший около зеркала, он начал:

— Мы сейчас вместе благодаря ему.

Луиза вытерла свои прекрасные глаза.

— Выслушай, Луиза, одну историю.

Она была блондинкой с жемчужными зубами, красными губами, розовыми щечками, зелеными глазами, черными бровями и ресницами. Он был блондин с серыми глазами, блестящими зубами, толстыми губами, тонким носом, бледным цветом лица, светлыми усами и улыбающимся ртом. Она работала у окна на первом этаже, он напротив — на втором. Как настоящий рабочий он был у окна с шести часов утра до семи вечера. В первый раз, когда они увидели друг друга, он улыбнулся. Она покраснела и опустила глаза. На восьмой она уже отвечала улыбкой на его улыбку. Две недели спустя они встретились у подъезда и оба покраснели. Месяц спустя они начали разговаривать, а через шесть недель он уже ждал ее вечером. Через полгода они отпраздновали свадьбу. Это было осенью прошлого года. Свадьба была веселой. Затем молодые работали не покладая рук, так как хотели, чтобы их будущий ребенок ни в чем не нуждался. И однажды, возвратившись вечером домой, он узнал, что стал отцом. Надо было видеть их радость. Он покрывал ее поцелуями и чуть не задушил ребенка от радости. Чтобы записать сына в мэрии, он взял с собой больше десяти свидетелей.

Как только мать встала на ноги, работа возобновилась с новым пылом, так как теперь их было трое. Через год малютка превратился в прелестного, забавного ребенка. Отец считал, что ребенок похож на мать, а та говорила, что на отца. Малыш

строил очень смешные гримасы. Как-то нарисовали его портрет и повесили рядом с камином. С другой стороны висел портрет матери.

Однажды вечером, когда он вернулся домой, она сказала ему, что у ребенка болит горло. Он бросился за доктором... Всю ночь они по очереди носили ребенка на руках, все предписания доктора исполнялись неукоснительно, но утром ребенок умер на руках своего отца.

Ах, если бы вы видели ее на коленях перед пустой колыбелью ребенка! Нечего говорить об ужасной сцене, когда ребенка должны были уносить... После смерти ребенка в семье начался разлад. Она постоянно плакала. Он, зная, что дома его не встретит улыбающаяся жена, начал возвращаться поздно. Они стали ругаться, ссориться и наконец решили расстаться. Все было обговорено.

«Я человек работающий и заработаю себе на хлеб. Так что я уйду, взяв только свое белье, а тебе оставлю все остальное». — «Я этого не хочу. Мне от вас ничего не нужно. Я хочу взять только одну вещь (и уже взяла ее) — и уйду к матери». — «Что ты взяла?» — «Портрет нашего ребенка». Говоря это, она вынула из кармана портрет. «Портрет! Ни за что. Бери все, что хочешь, но только не портрет». — «У тебя хватит смелости забрать портрет у матери? Бедный малютка!» — продолжала мать, улыбаясь портрету.

Он подошел к ней, поглядел через плечо и почувствовал невольное желание заплакать. «Бедный малютка! Если бы он был здесь!» — «Если бы он был здесь, ты была бы благоразумнее». — «Какие добрые глаза». — «Да, твои». — «Почти, но рот у него был твой». — «Можно подумать, что он улыбается...». — «Когда он был здесь, хорошие отношения не покидали нас». — «Я потому и плачу. Я одна. Если бы ты хоть раз поплакал со мной!» — «Я плакал в день похорон, но скрывал от тебя свои слезы. Я был опечален, но тем не менее заставлял себя улыбаться». — «В таком случае, — сказала она, зарыдав, — нет причины меня гнать отсю-

да». — «Но ты сама оставляешь меня». — «Я?!» Он обнял жену, и они вместе плакали, целовали портрет — и забыли все, что было между ними плохого.

Несколько минут спустя, вешая портрет на место, он говорил: «Милая моя, это очень хорошо, но нужно, чтобы у него был брат».

Так как Луиза плакала, Панафье обнял ее, говоря, что пора ложиться спать. Луиза перестала плакать.

Два раза в течение ночи в квартиру Панафье стучались, но он не открывал дверь. На другой день утром он отправился к братьям Лебрен, и оказалось, что это они присылали за ним ночью.

Дело в том, что среди ночи к ним приезжала смертельно напуганная сестра. Андре так и не возвратился домой. Что с ним могло случиться? Оставил ли он навсегда Маргариту, или с ним случилось какое-нибудь несчастье?

Братья не стали успокаивать молодую женщину, так как им в голову пришла ужасная мысль — Андре не возвращался, следовательно, он был тем самым человеком, которого похитили в прошлую ночь. Следовательно, Андре и был тот Аббат, или Рауль, — тот убийца женщин, которого они искали так давно. Андре — их друг, их брат, отец их племянника — совершил убийство на улице Фридлань, из-за которого и погиб их отец.

Братья переглянулись, но ничего не сказали.

Спеша поскорее разрешить мучившие их сомнения, они ночью посылали за Панафье, чтобы он поскорее отвез их к тому человеку, которого похитили на улице Омер. Они хотели как можно быстрее узнать правду, какой бы ужасной она ни была. Посланный не достучался, а Панафье, придя к ним, извинился за то, что не ночевал дома. Братья сделали ему знак, чтобы он ничего не говорил при их сестре, которая сидела, закрыв лицо руками, и плакала.

— Боже мой, — говорила она, — возврати мне его ради моего ребенка. Боже, сделай так, чтобы с ним ничего не случилось. Увидевшись с ним, я забуду все, что выстрадала.

Братья вышли с Панафье, и спускаясь по лестнице, сказали:

— Вы должны сейчас же повезти нас к человеку, которого арестовали.

— А что, случилось что-то новое? — спросил Панафье.

— Умоляю вас, — настаивал Винсент, — идемте скорее. Я должен видеть этого человека. Сомнения, терзающие меня, должны или рассеяться или подтвердиться.

— Едемте, — согласился Панафье.

Он подозвал фиакр и сел в него вместе с братьями. И все это время безрезультатно ломал голову над тем, чем вызвано их странное поведение. Он не мог понять причину их беспокойства и поспешности. В то время как экипаж ехал к площади Бастилии, Винсент говорил Панафье:

— Я хотел бы, чтобы мы поехали одни в то место, где заключен этот человек, но так как вы назначили свидание Жоберу, то мы отправимся вместе. Только, ради Бога, поторопитесь.

Экипаж, повернув на улицу Шарло, поехал по улице Тюренъ и вскоре остановился перед кафе на площади Бастилии.

Панафье вышел и спросил доктора Жобера.

— Она с вами? — спросил он его.

— Да, она ждет в экипаже.

— Отлично, садитесь с ней и скажите кучеру, чтобы он следовал за нами.

Прежде чем сесть в свой фиакр, Панафье рассказал кучеру дорогу, а затем опять разместился с братьями.

Экипаж поехал по предместью Сент-Антуан, проехал через площадь Трона, через Венсен и повернул, чтобы проехать в Монтрель. Затем, проехав улицу Пре, они выехали на церковную площадь и остановились перед домом, выглядевшим весьма скромно.

— Я хочу видеть этого человека и поговорить с ним наедине, — обратился Винсент к Панафье.

— Как вам угодно, — ответил тот.

Трое молодых людей вышли из экипажа, а доктор и сопровождавшая его молодая женщина последовали их примеру.

Как только они открыли дверь, перед ними предстал Ладеш.

— Проходите. Вы как раз приехали вовремя. Если бы мы не связали нашего молодца, то он бы покончил с собой.

Панафье ввел всех в дом и познакомил братьев Лебрен с доктором Жобером и Эжени Герваль. Он попросил их остаться в гостиной, а Винсента пригласил с собой.

Они поднялись на второй этаж. Ладеш открывал двери. В комнате, куда он их привел, стоял накрытый стол, заставленный пустыми бутылками и тарелками с остатками обеда.

Здесь сторожа проводили ночи, карауля своего пленника.

На постели, спрятав лицо в подушку, лежал человек со связанными руками.

При виде пленника Винсент было кинулся к нему, но затем повернулся к Панафье и, указывая на Ладеша и Пьера Деталья, сидевших за столом, сказал ему:

— Я хочу поговорить с ним наедине.

— Выйдите, — велел им Панафье. — Мсье Лебрен, мы будем за этой дверью, если понадобится.

Они вышли втроем и заперли за собой дверь.

Человек, лежавший на постели, вскочил, услышав голос Винсента.

Лебрен подошел к нему, говоря:

— Значит, это ты, Андре!

Винсент взял нож и разрезал веревки, связывающие руки его зятя.

Тот был смущен и старательно избегал взгляда Винсента.

— Значит, Андре, это ты убил мадам Мазель.

Андре опустил голову и не отвечал.

— Это ужасно!

Винсент, закрыв лицо руками, с отчаянием продолжал:

— Ты наш зять, наш единственный родственник. Но как же ты не побоялся божественного правосудия в тот день, когда, убив нашего отца, обесчестил его детей!

Андре ничего не отвечал и, подавленный ужасным обвинением, молча выслушивал проклятия того, кого он сделал несчастным.

Винсент чувствовал себя уничтоженным нанесенным ему ужасным ударом, и будучи не в состоянии больше противиться охватившему его волнению, он зарыдал.

Андре поднял голову, и увидев своего шурина плачущим, загорелся надеждой получить его прощение. Он бросился на колени и вскрикнул:

— Сжался надо мною! Убей меня! Я негодяй, но спаси их, спаси Маргариту, спаси Корнеля! Винсент, я сделал это в минуту безумия, в минуту страшной ревности! Я поступил, как негодяй, не сознавшись в тот день, когда твой отец был осужден, но я боялся! Прости меня, Винсент! Я страшно виноват, но и очень несчастен!

Винсент продолжал плакать и не слушал его. Ситуация была ужасная.

Молодые люди посвятили всю свою жизнь поискам убийцы отца. Чтобы достичь цели, они отказались от создания семьи. Обожая сестру, они отдали ей свою привязанность, осудив себя на безбрачие, и считали племянника своим сыном. И вдруг они очутились перед ужасной дилеммой: или пожертвовать памятью отца и восстановлением его чести, чему они посвятили свою жизнь, — или пожертвовать сестрой и племянником, которого небо дало им в утешение. Что делать с Андре? Донос на него был бы губителен как для матери, так и для ее ребенка. Если же сохранить тайну, то им угрожала медленная смерть из-за вынужденного сосуществования с убийцей их отца. Винсент, подавленный своим горем, наконец оправился и встряхнул головой, как бы желая прогнать ужасные мысли, теснившиеся в его голове.

— Слезы бесполезны. Нужно действовать, и как можно быстрее. Я знаю, что ты убийца, не старайся обмануть меня, приписывая преступление ревности. Нет, ты не тот человек, который убивает и не сознает, что делает, — ты недостойное существо, поддерживающее свое существование, отнимая жизнь у других!

Андре поднял голову и вопросительно посмотрел на него.

— Ты убил недавно тем же самым оружием несчастную женщину, которая поверила твоей любви. Эту женщину звали Полина.

При этих словах поведение Андре мгновенно изменилось, в его глазах засверкал огонь. Тем не менее он ничего не сказал.

— Затем ты познакомился с Мазель. Ты был ее любовником, но тебя прельщала не ее красота, а ее деньги. И любовь несчастной ты использовал, чтобы обокрасть ее и лишить жизни.

— Это неправда! — закричал Андре.

— Молчи, злодей, — проговорил Винсент презрительным тоном. И от звука этого голоса преступник вздрогнул. — Молчи — это еще не все. Можно было подумать, что, совершив это воровство и разбогатевав, ты почувствуешь раскаяние от содеянного в прошлом, но нет — ты совершил следующее преступление, поехав в Женеву и проиграв там половину украденного состояния. Возвращаясь оттуда через Лион, ты думал только об одном — как возместить потерю. И там ты напел очередную жертву. Не останавливаясь ни перед чем, однажды ночью ты попробовал убить Эжени Герваль.

Вне себя от того, что он слышал, напуганный тем, сколько знал Винсент, Андре тем не менее желал опровергнуть его обвинения.

— Все это ложь! — вскричал он.

Затем подошел к шурину. Винсент подумал, что Андре сейчас нападет на него и встал в оборонительную позицию. Но Андре с надменным видом сказал:

— Винсент, это ложь! Эти обвинения не достойны меня! Правда, что я страшный преступник, но только потому, что из-за меня казнили несчастного Корнеля. Но это было не убийство, а несчастный случай. Вот правда: я любил Адель Мазель, она же любила твоего отца. Следовательно, она обманывала нас обоих: его — ради меня, меня — ради него. Когда я узнал об этом, то у нас ночью произошел скандал. В этом споре она употребляла жестокие выражения. Тогда, выведенный из себя, вспыхнувший по природе, я не смог сдержаться и ударил ее. Остального я не помню. Я словно сошел с ума. Я видел, как она упала к моим ногам. Когда я попытался заговорить с ней, она не отвечала. Увидев, что она мертва, я испугался и убежал. Сначала, когда я узнал об обвинении Корнеля Лебрена, я почувствовал удовлетворение любовника, который видит унижение своего соперника. Когда же, придя в себя, захотел поправить дело, было уже поздно. Мне пришлось бы погубить себя — и я был настолько подл, что промолчал. Вот мое преступление. В нем я и виновен. Я убийца, но убийца из ревности, а не вор.

Во время этого длинного объяснения Винсент спокойно стоял перед негодяем, презрительно оглядывая его с ног до головы. Когда же он окончил, Винсент вынул из кармана кольцо.

— Тогда кто снял это кольцо с трупа, если не ты? Увидев кольцо, злодей был поражен.

Винсент, видя, что он медленно подходит к нему, и опасаясь какого-нибудь насилия с его стороны, подошел к двери и крикнул:

— Войдите!

Дверь сразу же открылась.

Андре при виде Шарля Лебрена и Панафье сразу же отступил в дальний угол комнаты.

— Шарль, — сказал Винсент брату, — все несчастья обрушиваются на нас. Посмотри на человека, из-за которого был казнен наш отец.

— Андре! — вскричал Шарль вне себя от волнения, так как он до последней минуты отказывался верить предположениям брата.

Панафье, удивленный именем, которое услышал, тоже подошел к злодею.

Последний оправился, и видя, что Панафье подходит к нему, надменно спросил:

— Что вам от меня нужно?

— Я хочу рассмотреть твое лицо.

— Я обязан отвечать только этим господам. Вы же исполняли только обязанности полицейского и можете уйти. Оставьте нас.

— Оставить тебя, негодяй! Ты думаешь, я полицейский!

— А кто же вы? — угрожающим тоном спросил Андре.

— Тот, кого ты сделал сиротой. Я сын Полины Панафье, твоей жертвы.

И на это Андре Берри говорил:

— Ложь! Ложь!

— Ты говоришь, что не убивал Полину Панафье, жившую на улице Дам? Не ты убил Адель Мазель на улице Фридлань?

— Нет, я не убивал ее. Это не преступление, это несчастный случай.

— Не ты ли убил Эжени Герваль? — продолжал Панафье.

— Нет! Это уже слишком. За кого вы меня принимаете? В результате ссоры случилось ужасное несчастье. Невинный человек заплатил за мой проступок, и я допустил это из трусости. Но это и все. Я несчастный, а не убийца.

— Не ты убил Эжени Герваль? — повторил Панафье.

— Нет, я никого не убивал. Я даже не знаю людей, о которых вы говорите.

— Вы не знаете Эжени Герваль? — снова спросил Панафье, начиная колебаться под влиянием отрицаний Андре.

Конечно, Панафье боялся, что слишком поспешил. Ведь братья знали того, кому он приписывал

все три убийства. Тот, кого братья Лебрэн называли Андре, мог говорить истину. Тон его голоса казался чистосердечным, у него был вид светского человека, а так как в основе всех этих преступлений было воровство, то Панафье спрашивал себя: мог ли щеголь, которого он оскорбил, быть вором? Мог ли красивый молодой человек с кротким лицом быть убийцей? Тем более, что Панафье не слышал полупризнания, сделанного им Винсенту.

— Нет, я не знаю о чем вы говорите! — вскричал Андре. Чувствуя, что поколебал уверенность своих обвинителей, и видя, что братья плачут, он начинал надеяться на прощение.

Панафье, желая поскорее покончить с этим, поспешно вышел.

Андре вздохнул свободнее. Что же касается братьев, то, видя, как Андре опровергает обвинения, они начали сомневаться и надеяться.

И тут дверь открылась. Комната была погружена в полумрак, так как жалюзи были закрыты, и в светлой рамке двери показалась Эжени Герваль.

При виде ее Андре вскрикнул и в ужасе отступил.

Молодая женщина без шляпы, одетая в белое платье, приближалась к нему, вытянув руки. Ее можно было принять за привидение.

Андре с ужасом смотрел на нее широко раскрытыми глазами, боясь услышать слова из уст, которые он считал немymi навек. Он вжался в угол, и так как Эжени продолжала приближаться к нему, страшным голосом закричал:

— Попадите! Попадите!

Эжени подошла к нему на расстояние двух шагов и, сложив руки на груди, сказала:

— Узнаешь ли ты меня, Рауль? Узнаешь ли ты меня, убийца?

Андре упал на колени, с ужасом повторяя:

— Она жива... Я погиб!

Услышав эти слова, братья Лебрэн вытерли слезы. Подойдя к молодой женщине, Винсент спросил:

— Вы знаете этого человека?

— Это тот самый господин, которого я знала в Лионе, который привез меня в Париж и пытался убить. Это человек, обокравший меня.

— Андре, ты слышал, что сказала эта женщина? Отвечай! — потребовал Винсент.

Андре опустил голову и молчал.

— Тебе нечего отвечать, негодяй!

Отвращение охватило братьев.

— У тебя больше нет сил оправдываться... Ты считал, что она мертва точно так же, как и другие. Ты не ожидал, что может явиться живой свидетель твоих преступлений.

Тихо переговорив с братом, Винсент приказал Панафье позвать Ладеша и Деталья. Те сразу же явились.

Обращаясь к Деталю, который с восторгом смотрел на него, Винсент сказал:

— Пьер, ты отвечаешь мне за этого человека своей головой. Вы не оставите его ни на одну секунду. Ладеш будет наблюдать снаружи, а ты — внутри. И помните, что вы отвечаете мне за него.

— Вы можете на меня рассчитывать. С этой минуты я не выйду отсюда и буду наблюдать, чтобы не было никого постороннего.

— Да, никто кроме вас не должен знать, что этот человек здесь.

— Понимаю.

Андре поднял голову и слушал. Винсент продолжал отдавать приказания, но говорил очень тихо, а Панафье вывел Эжени Герваль, которая чувствовала себя дурно в присутствии негодяя.

— Что вы хотите со мной сделать? — с беспокойством спросил Андре.

— Мы будем судить тебя и накажем, — с презрением ответил Винсент.

Андре хотел что-то сказать, но братья выпли. При виде закрывающейся двери Андре разъярился.

Ладеш заметил это и сказал:

— Ну, голубчик, не надо сердиться и портить даром свою кровь. Увидишь, что мы с Пьером прекрасные собеседники.

Андре бросился на постель, закрыв лицо руками, и было слышно, как он стонал от ярости.

— Мы можем сыграть одну партию, — говорил между тем Деталь, тасуя карты.

Глава XVI

ВДОВА ЖИВОГО МУЖА

Когда братья вышли, они нашли Панафье и Жобера ухаживающими за молодой женщиной, которая была в сильном шоке.

— Мы едем в Париж, — сказал Панафье Винсенту, — и я сразу же отправляюсь в префектуру.

Винсент вздрогнул.

— Вы помните, что по причинам, которые я не могу здесь раскрыть, я не могу обращаться в префектуру полиции.

— Но этот негодяй должен быть осужден.

— Друг мой, позвольте мне руководить этим делом. Не говорите пока ни слова. Вы хотите отомстить за вашу мать, и я клянусь вам — она будет отомщена.

В это время Эжени Герваль окончательно припла в себя, и услышав последние слова Винсента, сказала:

— Мсье, вы правы. Пусть все так и останется.

— Но в этом деле замешаны имущественные интересы, и только суд может принудить этого человека возратить украденное, — сказал Жобер.

— Что касается денег, то я беру это на себя, — сказал Винсент. — Господа, мне тяжело сделать это признание, но я обязан решиться на него, чтобы просить у вас полнейшей тайны относительно того, что произойдет и произошло. Этот человек принадлежит к нашей семье.

Панафье понял ужасное положение братьев, которые, чтобы отомстить за умершего отца, должны послать на эшафот другого члена своей семьи.

— Клянусь вам, господа, — отозвался Жобер, — что вы можете рассчитывать на мою скромность.

— Я со своей стороны полагаюсь на вас. Я знаю, что вы должны отомстить и за меня, — прибавил Панафье.

Затем, обращаясь к молодой женщине, он сказал:

— Вы возвратитесь в «Шарантон»?

— Да, но только на остаток сегодняшнего дня. Завтра же я навсегда покину его. Вы можете располагать мной.

— Когда вы вернетесь, вас станут расспрашивать...

— Я скажу, что это была ошибка, и доктор подтвердит это.

— Благодарю вас.

— Я желаю только одного, — продолжала Эжени Герваль, — никогда не видеть этого человека и знать, что он никогда не найдет меня.

— Это будет выполнено. Что касается украденного у вас, то все вам будет возвращено. А преступника мы просим уступить нам.

— Это дело решенное, — сказал Панафье.

— Вы позволите нам уйти?

— Да-да, идите.

Братья поклонились, затем, поручив еще раз Панафье хорошенько наблюдать за Андре, сели в экипаж, и оставшись вдвоем, предались своему отчаянию.

Панафье, отдав приказания своим помощникам, тоже сел в экипаж к Эжени Герваль и Жоберу и объяснил им ужасное положение братьев, заставлявшее их поступать так странно. Затем он предложил позавтракать вместе, чтобы немного рассеяться, и его предложение было принято.

Панафье велел кучеру ехать к «Четырем сержантам Ла-Рошели» недалеко от площади Бастилии.

Завтрак прошел очень весело. За столом о прошедшем не вспоминали — Панафье и его спутники спешили все это забыть.

Эжени Герваль была девушкой впечатлительной, но впечатления долго над ней не довлели. Убежден-

ная, что ей нечего больше бояться убийцы, уверенная, что ее дело не будет заслушано в суде, а ее положение останется прежним, так как братья Лебрэн дали слово возвратить все, она спешила забыть о событиях в маленьком домике в Монтреле.

Что же касается Жобера, то в должности доктора ему приходилось присутствовать при разных событиях. Ничто не могло произвести на него сильного впечатления.

Панафье выпил больше, чем следовало, довольный достигнутой целью, так как был убежден, что негодяй понесет наказание. И кроме того, небольшое состояние, украденное у его матери, должно было возвратиться к нему. А когда он выпивал лишнее, то язык его развязывался — и он рассказывал все о братьях Лебрэн, об их отце, как и о своих поисках, и даже о Луизе, которую обожал больше, чем когда-либо. Он рассказывал, как она бросила его и как она же навела его на верный след, и затем начал описывать свою любовь в таких выражениях, что Жобер, пожимая руку Эжени Герваль, обменивался с ней странными взглядами.

— Я очень люблю ее, — наивно повторял Панафье.

— Да, это видно, — отвечал Жобер, наливая ему полный стакан шампанского.

Панафье выпил стакан залпом и вытер слезы, появившиеся у него на глазах.

— Как хороша любовь, — сказал Жобер, указывая на Панафье и смело обнимая соседку.

Эжени Герваль громко рассмеялась.

— Какой странный доктор... — заметила она.

— Да, не правда ли? — поддержал ее Жобер. — Я излечиваю все...

Возвратимся же к несчастным героям нашей истории.

Винсент приказал ехать в кафе на бульваре Тампль, расположенное недалеко от улицы Шарло.

Под влиянием испытанных ими тяжелых волнений братья в течение всей дороги не обменялись ни

единым словом. Когда кучер остановил экипаж, Шарль, выглянув в окно, сказал:

— Но кучер остановился не перед нашим домом...

— Это я велел ему везти нас в кафе, ближайшее к улице Шарло, — ответил Винсент.

— Для чего?

— Нам с тобой нужно серьезно поговорить.

— Тогда идем.

Они вышли, заплатили кучеру, и войдя в кафе, сели за самый отдаленный столик. Лакей принес то, что они заказали. Тогда Винсент сказал брату:

— Послушай, Шарль, положение ужасно для всех нас, но особенно — для Маргариты. Если несчастная узнает то, что знаем мы, это убьет ее. Самое меньшее, что можно ожидать, это — безумие.

— Я тоже боюсь этого, — сказал Шарль. — Но правосудие должно свершиться.

— Я ставлю честь нашего отца выше презренной жизни убийцы.

— Да, отец прежде всего, а остальное — будь что будет.

— Ты прав — и не прав, Шарль. Отец прежде всего, но в остальном я не согласен. Мы должны подумать о Маргарите, о нашем дорогом маленьком Корнеле. Это наша семья. И знай: если сестра узнает то, что знаем мы, то будет настолько же ненавидеть своего сына, насколько сейчас его любит.

Шарль отрицательно покачал головой.

— Да, я убежден в этом, — настаивал Винсент. — Я видел Маргариту в ту минуту, когда ужасное подозрение мелькнуло у нас обоих. Я видел ее и повторяю, это будет для нее смертью, и, без всякого сомнения, она бросит Корнеля.

— Что же в таком случае делать? Надеюсь, ты не хочешь заставить сестру жить с убийцей нашего отца. Ты не захочешь постоянно видеть этого человека.

Несколько минут братья молчали, погруженные в свои мысли. Винсент позвал лакея и послал его домой со своей карточкой, на которой написал несколько слов.

Менее чем через час в кафе входила служанка молодых людей.

Шарль с удивлением взглянул на брата.

— Франсуаза, — сказал Винсент, — мадам Берри еще у нас?

— Нет, мсье, она уехала почти следом за вами. Она была страшно огорчена и очень сильно беспокоилась за ребенка. Кроме того, она думала, что, может быть, вернулся господин Андре.

— И она уехала домой?

— Да, господин Винсент. Бедная! Она так плакала и рыдала, что сердце разрывалось. Она сказала мне, что с господином Берри, наверное, что-то случилось, и вы поехали узнать о нем. Уезжая, она просила, чтобы вы, если узнаете что-нибудь, пусть даже плохое, непременно ее известили.

Глаза Винсента сверкнули молнией, затем он нахмурился и мрачным голосом сказал:

— Вы правы, Франсуаза, действительно произошло несчастье.

— Что вы говорите, мсье?!

— Большое несчастье, и поэтому я пригласил вас сюда, не решаясь вернуться домой, так как боялся добавить ей горя.

— Ах, Боже мой, вы меня пугаете. Что случилось?

— Франсуаза, вы сейчас наймете фиакр и поедете к сестре. Вы знали Маргариту ребенком. Постарайтесь ее успокоить. Все несчастья сваливаются на нас одновременно. Андре не вернулся домой не потому, что у него была связь на стороне. Он был достоин моей дорогой Маргариты.

Шарль с изумлением слушал брата, не понимая его странных слов. Старая служанка же с испугом спросила:

— Что же такое случилось?

— Франсуаза, Андре убит вчера утром на дуэли. Скажите Маргарите, что ее муж умер за нее, за нас, за своего сына.

— Ах, Боже мой, значит, на земле нет справедливости. Такой хороший человек, такой примерный

отец... Бедная Марго! Она не переживет этого. — Говоря эти слова, старушка плакала горькими слезами.

— Ну, Франсуаза, вы же знаете, что мы привыкли к несчастьям. Вы наш старый друг, вы должны не терять мужества и помочь нашей маленькой Марго перенести тяжелое несчастье, поразившее ее, вы должны ее успокоить.

Старая служанка вытерла глаза руками и, стараясь сдержать рыдания, сказала:

— Господин Винсент, я постараюсь быть мужественной ради нашей Марго, я постараюсь ее успокоить, мне не хочется, чтобы она умерла.

— Поезжайте же скорее, Франсуаза, и скажите, что мы сами скоро будем у нее.

— Но как будет ужасно, когда Маргарита увидит тело!

— Я хочу этого избежать. Тело сразу перенесут к нам. Впрочем, Шарль через два часа будет у сестры. Поезжайте скорее.

Оставшись наедине с братом, Шарль сказал ему:

— Я никак не пойму, зачем ты выдумал эту страшную историю?

— Затем, чтобы спасти нашу честь, спасти нашу сестру. Не все ли тебе равно. Делай по-моему.

— Но она будет считать себя вдовой.

— Да, завтра она будет вдовой — вдовой живого мужа.

После этого Винсент расплатился и увел Шарля на бульвар.

— Я придумал, что можно сделать, — сказал он. — Наша сестра будет жить счастливо и будет с любовью вспоминать о муже. Честь нашего отца будет восстановлена, и жертвы будут отомщены.

Часть третья

КРЕДИТОРЫ
ЭЦИАФОТА

Глава I

СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА, ЧУВСТВУЮЩЕГО СЕБЯ ОТЛИЧНО

Винсент Лебрэн, повинаясь воле своего отца, не хотел выдавать Андре правосудию, но и не желал судить его сам. В то же время он хотел удовлетворить Эжени Герваль и Панафье. Вдруг на него напало вдохновение.

— Ты не знаешь, где мы смогли бы найти доктора Жобера? — спросил он брата.

— Я видел, как их экипаж остановился на углу бульвара Бомарше перед «Четырьмя сержантами Ла-Рошели». Без сомнения, они там завтракают.

— В таком случае поедем туда.

— Разве ты голоден?

— Нет, но я хочу видеть доктора. Впрочем, нам не нужно идти обоим.

— Что ты хочешь делать?

— У меня нет времени объяснять тебе это, но делай то, что я тебе говорю. Когда я вернусь, ты все узнаешь, а теперь поезжай домой и расскажи ту историю, которую я рассказал Франсуазе, то

есть, что Андре убит и что сегодня вечером его тело принесут к нам.

— Что ты говоришь?! Разве ты забыл волю нашего отца — не проливать крови?

— Шарль, выслушай меня. Ты же знаешь, что я ничего не сделаю против воли нашего отца. Повинуйся мне слепо. Иди скорее. Вечером мы увидимся, и тогда ты все узнаешь.

Удивленный и взволнованный Шарль видел, как брат сел в экипаж и поехал в гостиницу. «Что он хочет делать? — недоумевал Шарль. — Я боюсь, что он не в своем уме и совершит какой-нибудь безумный поступок, впрочем, ему нужен Жобер, а тот не согласится принять участие ни в каком недостойном деле. Может, он хочет попросить какого-нибудь наркотика, чтобы привезти Андре и выдать за мертвого, но с какой целью? Мне следовало бы сопровождать его». Тем не менее, придя домой, он рассказал привратнику историю про дуэль и прибавил, что из-за нежелания пугать сестру он приказал принести тело зятя к себе.

Затем молодой человек поднялся к себе, стараясь понять, что задумал его брат, а Винсент в это самое время входил в «Четыре сержанта Ла-Рошели» и приказывал лакею передать свою карточку Панафье.

Глава II

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЮЛЬСКОМ ВОССТАНИИ 1848 ГОДА

Наши читатели имеют уже достаточное представление об Эжени Герваль.

Она была доброй девушкой и очень хорошенькой. Она пошла работать в театр, чтобы зарабаты-

вать себе на жизнь, но главным ее достоинством была ее внешность.

Выздоровевшая, счастливая и спокойная, она чувствовала, что оживает на этом импровизированном завтраке, следовавшем за ужасной сценой в Мон-треле.

Выпитое ею вино возбуждало желания, и это ясно читалось в ее глазах.

Что же касается Жюбера, то он был очень доволен своей больной и хотел услышать историю ее молодости.

Надо сказать, что симпатия и, в особенности, выпитое вино вызывали в обращении приятную фамильярность. Эжени обращалась к Жюберу на «ты», он отвечал ей тем же.

— Вот где прошла моя молодость, — сказала Эжени, указывая на площадь Бастилии.

— На колонне? — сказал со смехом Жюбер, думая, что она повторяет старый каламбур.

— Что за глупости? Я говорю об этом квартале. В июле 1848 года я здесь жила.

— Расскажите-ка нам про это, — попросил Панафье, облокачиваясь о стол.

— Да, Расскажи-ка нам, — поддержал его Жюбер.

Молодая женщина встала и подошла к окну, указывая на угол площади и говоря:

— Нет, то, что я хочу рассказать, очень серьезно. Я стала тем, что я есть сейчас, потому, что моего отца расстреляли здесь в июле.

Мужчины нахмурили брови. Печально начатый день угрожал и закончиться печально.

— Если бы отец мой был жив, он продолжал бы следить за мной. Будучи сам честным человеком, он бы и из меня сделал честную женщину.

— Когда они убивают людей, то не думают, что те оставляют семьи, — сказал Панафье.

Что касается Жюбера, то он наблюдал новые признаки возвращения памяти больной.

— Молодые родители жили на улице Жан-Бозюр на углу бульвара, — начала Эжени. — Один раз я встала в шесть часов утра и увидела мать плачущей — уже два дня как отец не возвращался домой. Тогда я тихонько вышла из дома, поспешно сбежала по лестнице, и так как дверь была отперта, то я вышла. Вся улица была в обломках. Баррикада напротив двери была разрушена.

Выйдя на бульвар, я вошла в один двор, куда накануне отвозили раненых. Двор был пуст, и только дверь в маленький погреб оставалась открытой. Я заглянула туда и поспешно отскочила. На земле лежал человек.

Я вернулась домой и предупредила привратника, что видела инсургента в погребе соседнего дома. Привратник и один из соседей сразу отправились по моему указанию, но человек был уже мертв.

Мы вспомнили, что видели его накануне на баррикаде. Это был высокий мужчина лет 28 или 30 с черными густыми волосами.

Когда я закрываю глаза, мне кажется, что я его вижу и теперь.

Пуля попала ему между глаз, и кровь залила все лицо. Уже после смерти ударом топора или сабли ему разрубили руку, и все пальцы висели только на коже, в то время как ни одна капля крови не вытекла из ужасной раны.

Привратник и соседи разговаривали между собой о положении дел. Я слышала, как они говорили, что предместье Сент-Антуан еще не взято и продержится часов до девяти.

Тогда я направилась в сторону предместья, не сознавая опасности.

Национальная гвардия занимала все окрестности площади. Артиллерия стояла на улице Тампль и на бульваре.

Отсюда я ничего не видела. Так как войска мешали мне двигаться, то я прошла по улице Жан-Бозюр и очутилась на площади.

Тут страх охватил меня.

Было около 8 часов. Вокруг меня повсюду были солдаты, но такие, каких я никогда не видела: грязные, измазанные, с лицами и руками, черными от пороха.

Когда я подняла глаза, то заметила, что во всех окнах посверкивают дула ружей. Оглянувшись назад, я увидела перед собой ужасающее жерло пушки.

Я стояла перед высокой баррикадой, на которой развевалось красное знамя. Все окна домов предместья Шарантон и улицы Ла-Рокетт были завешаны матрасами.

Во всех магазинах «Бель-Жардиньер» курили инсургенты, сидя на подоконниках.

При этом внешнем спокойствии я тоже успокоилась и направилась к каналу.

В ту минуту, когда я проходила мимо двора Дамуа, забил барабан, заиграли трубы, и все войска двинулись. «Сюда, девочка», — позвал кто-то, и четверо мужчин увлекли меня за собой. Я очутилась в магазине «Бель-Жардиньер», дверь которого сразу же была закрыта и забаррикадирована. «Разве можно выпускать таких ребятишек?» — сказал один из моих спасителей.

Я прошла через магазин и вышла на улицу Ла-Рокетт.

Через несколько минут я очутилась позади большой баррикады предместья. На вершине ее стоял мужчина.

Инсургенты заряжали ружья и выбирали места.

Часы на башне пробили девять часов. Пробираясь вдоль лавок, я добралась до второй баррикады, построенной в пятидесяти шагах позади первой.

Я протискивалась через брешь в баррикаде, когда вдруг прозвучал страшный залп.

Заколебалась земля, лопались стекла, и падали несчастные, убитые осколками камней мостовой, которую разметало выстрелом пушек. Около пятнадцати солдат были убиты и ранены. К громким

звукам ружейной стрельбы присоединились крики раненых. Ноги задрожали у меня от испуга, я хотела кричать, но не могла. Один из мужчин, лежавший на верху баррикады, поспешно спустился, крикнув: «Вот и солдаты!»

В ту же минуту на вершине баррикады показался солдат и попытался сорвать красное знамя, все изрепеченное пулями. Несколько минут продолжалась кровавая схватка: дрались саблями, птыками, ножами и даже осколками мостовой.

Мостовая у подножия укрепления была усеяна ранеными солдатами, а красное знамя продолжало развеваться. Снова начала палить пушка — в ответ раздалась ружейная стрельба из окон.

Для того, чтобы выгнать инсургентов, меткие выстрелы которых поражали артиллеристов, подожгли магазин «Бель-Жардиньер». Потом послышались команды: «Огоны! Огоны!» Выстрелы пушек разбили баррикаду, количество раненых и мертвых было громадным. Новая атака заставила инсургентов отступить почти до второй баррикады.

Тут снова началась рукопашная схватка, и только пять или шесть солдат смогли спастись. Все остальные были убиты.

Не знаю, может быть из-за запаха пороха, криков жертв и вида этого побоища, но только я перестала бояться и подошла к сражающимся.

Женщина, еще молодая, вышла из аллеи и подала мне порох и пули, которые я должна была раздать стрелкам за баррикадой.

Я поднесла заряд одному человеку, он выстрелил через отверстие в баррикаде, но когда я хотела подать ему порох снова, пуля попала ему в шею, кровь брызнула и попала мне в лицо.

В это время пушка замолчала, и из окон слышны были крики: «Верегитесь! Вот они! Это общая атака!»

Так как первую баррикаду защитить было невозможно, потому что пушечные выстрелы пол-

ностью ее разрушили, то все инсургенты бросились ко второй. Во время этого бегства молодая женщина сказала мне: «Ну, девочка, надо ползти».

Я стала карабкаться на баррикаду, а она помогала мне. Вторая атака была отбита, но красное знамя отняли, а на земле лежало более тридцати несчастных, корчившихся в предсмертных судорогах. Им невозможно уже было помочь.

Первая баррикада была взята почти без боя, поэтому следовало как можно скорее заштитить и закрыть вторую. А пушки уже начали свое дело. Я пыталась носить камни, чтобы помочь закрывать бреши, но сил у меня было слишком мало.

В это время я увидела, как молодая женщина, подававшая заряды, свалилась вниз, смешно и нелепо кувыркаясь. Все засмеялись. Но несчастная не оступилась — она упала, сраженная пулей в лоб. Это было ужасно. Страх снова охватил меня.

На этот раз я старалась найти дорогу на бульвар. Человек маленького роста в форме национального гвардейца сказал мне: «Ну, девочка, убирайся отсюда. Через десять минут здесь будут нужны только мужчины».

И повел меня за собой в проходной двор. Там он подошел к колодезю, вытащил ведро воды, снял с себя форму, обернул ее вокруг ружья и бросил все это в колодец, затем вывернул карманы и вытряс их, чтобы не осталось следов пороха. Мне человек велел: «Вытри себе лицо и руки, чтобы не осталось следов пороха, а то они расстреляют тебя, как и всякого другого».

Потом, открыв дверь в одну из лавок, он провел меня через магазин и вывел на улицу Липп. Когда я прошла до конца улицы, запруженной солдатами, так как предместье было взято приступом, и дошла до канала, то увидела человек двенадцать солдат, ведущих трех мужчин. Я подбежала, чтобы посмотреть, нет ли среди них защитников баррикады. Один из них закрывал себе лицо, другой с

отчаянием заламывал руки. Третий держался гордо и прямо.

Этот человек был мой отец.

Эжени замолчала.

Понятно, какое впечатление произвел ее рассказ на слушателей.

— Ну, это не очень весело, — вскричал Панафье. — Такие воспоминания нужно прятать.

Говоря это, он налил ей стакан шампанского.

— Конечно, — поддержал его Жюбер, — теперь не время и не место вспоминать подобное.

В это время в дверь кабинета постучали, и Эжени сразу же очутилась на своем месте. В комнату вошел лакей, спрашивая, действительно ли господ зовут Жюбер и Панафье.

— Да. Почему вы об этом спрашиваете? — с удивлением произнес Жюбер.

— Ну, что еще такое? — проговорил Панафье.

— Вот карточка одного господина, который хотел бы с вами поговорить.

Панафье взял карточку и громко прочитал: «Винсент Лебрэн».

— Винсент? Введите его сюда. Но как он мог нас найти?

Через несколько минут Винсент входил в комнату.

— Извините меня, — сказал он, — что я побеспокоил вас даже здесь.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Мы уже закончили и хотели ехать.

— Неужели произошло еще что-нибудь? — спросил Панафье.

— Нет, ничего. Мне нужно поговорить с доктором.

— Я весь к вашим услугам.

— Но этот разговор вряд ли будет коротким...

— В таком случае мы проводим мадам Герваль, а затем поговорим. Эту ночь вы проведете в «Шарантоне»? — спросил он молодую женщину.

— Да, но только эту ночь.

— Хорошо, идемте. Мы вас проводим, а завтра я найду для вас приличное помещение.

— Отлично, — смеясь, ответила Эжени.

— Что касается меня, то я вас оставляю, — проговорил Панафье. — Я сегодня вряд ли вам пригожусь.

— Но вы будете стеречь пойманного?

— Это само собой разумеется.

Панафье вернулся домой, думая, что Винсент приехал за Жобером, чтобы отвезти его к сестре, наверное, заболевшей от того, что она узнала.

Винсент и Жобер отправились проводить Эжени Герваль. Когда они остались вдвоем, Винсент обратился к Жоберу:

— Я приехал просить у вас об очень большой услуге.

— Какова бы она ни была, я исполню ее, если это возможно.

— Благодарю вас, — сказал Винсент, пожимая ему руку. — Выслушайте меня.

Глава III

И БЕДНЫЙ МОЖЕТ БЫТЬ ПОХОРОНЕН, КАК ПРИНЦ

— Господин Жобер, — начал Винсент, — вы знаете, какое у нас положение?

— Да, почти. Панафье рассказал мне, в чем дело.

— Вы знаете, что наш отец был осужден и казнен за преступление, которого не совершал. Он поручил мне и брату отыскать настоящего преступника, но не для того, чтобы выдать правосудию, а чтобы восстановить честь казненного и освободить от ужасного обвинения, тяготеющего над ним.

— Этого нюанса я не знал. Это очень благородно и возвышенно.

— Услуга, которой я хочу просить у вас, Жобер, требует того, чтобы я откровенно рассказал вам все, но я должен просить у вас соблюдения полнейшей тайны.

Жобер пожал руку молодого человека, уверяя его, что будет хранить молчание.

— Дорогой Жобер, мы кредиторы эшафота, гильотина должна нам жизнь нашего отца-мученика. Мщение было бы ниже его и нашего достоинства. Мы желаем только восстановления его честного имени. Позвольте мне прочесть вам последнюю волю моего отца, и вы, соединив это с тем, что видели сами, все поймете.

Затем, вынув из бумажника пожелтевший лист бумаги, Винсент развернул его со словами:

— Вот, Жобер, завещание казненного.

Затем он начал читать дрожащим голосом письмо, уже известное читателю. Когда бедняга дочитал до конца, рыдания душили его.

— Извините меня, — выговорил он. — Это слишком жестоко: несчастный сам же приказал нам выдать сестру за убийцу.

— Что вы говорите? — вскричал Жобер с удивлением.

— Правду. Чтобы восстановить честь нашего отца, мы должны выставить на позор нашу сестру.

— Я вас не понимаю...

— Человек, которого вы видели, которого мы арестовали, убийца Панафье, Мазель, Эжени Герваль — это Андре Берри, наш зять!

— Какое несчастье! — только и мог сказать Жобер.

Винсент быстро оправился и продолжал:

— Теперь вы можете судить сами о положении дел. Мой отец был осужден и казнен. Он жертва юридической ошибки. После четырех лет поисков мы нашли преступника и можем выдать его право-

судию, но вы видите, что отец запретил нам это. Мы можем заставить его бежать и донести на самого себя. Но этот человек — член нашей семьи, зять казненного.

— Тем не менее вы не можете оставить безнаказанными все эти преступления.

— Я не желаю мстить, Жюбер. Я обожаю мою сестру. Поразившее нас несчастье вынудило нас отказаться от всякой мысли о женитьбе. Следовательно, вся наша семья — это сестра и маленькое существо, крестным отцом которого я являюсь. Согласитесь, что я не могу погубить мою сестру, но в то же время должен восстановить честь своего отца.

— Что же вы хотите делать?

— Вот по поводу этого я и пришел просить у вас услуги.

— Говорите; что бы это ни было, я готов все исполнить.

— Вы можете доставать трупы для вашей учебы?

— Труп? — с изумлением повторил доктор. — Достать труп очень трудно. Это запрещено, но не совсем невозможно.

— В таком случае вы спасете нас всех, если сегодня вечером вы пришлете труп человека лет тридцати, белокурого, лицо которого было бы обезображено.

— А-а! Я вас понимаю... — проговорил Жюбер.

— Ну, и что? — с беспокойством спросил Винсент. — Вы согласны?

Жюбер подумал несколько минут, потом сказал:

— Я не могу вам пообещать точно, но думаю, что это возможно. Во всяком случае, мы попробуем.

— Если вы это сделаете для нас, то я буду вечно вам благодарен!

— Не будем говорить об этом.

Молодой человек опустил стекло в фиакре и назвал новый адрес. Экипаж сразу же повернул, а Жюбер сказал своему спутнику:

— Господин Винсент, через четверть часа я скажу вам — да или нет.

Наконец экипаж остановился перед клиникой, Жобер вышел, говоря Винсенту:

— Подождите меня несколько минут.

Затем он отправился к моргу и спросил служащего:

— Здесь ли Липо?

— Лесной человек? Не знаю, мсье, приходил ли он сегодня.

— Но он в Париже хотя бы?

— Он приехал неделю или полторы назад. Но если вы хотите, я пойду посмотрю: хотя я его и не видел, но все же он может быть здесь.

— Посмотрите, прошу вас.

Служащий ушел, а Жобер, свернув папироску, прогуливался по двору. Он был озабочен и не особенно доволен тем, что ему приходилось делать. Он только успел закурить папироску, как служащий вернулся в сопровождении человека странного вида.

Это был Липо.

Он направился к Жоберу, пытаясь узнать его.

— Он как раз был наверху, — сказал служащий доктору.

— Благодарю вас.

— Да это господин Жобер! — воскликнул Липо.

— Он самый. Я очень боялся, что не найду вас, так как вот уже несколько дней стоит хорошая погода, и вы могли уехать в экспедицию.

— Нет, я провел весь прошлый месяц в Фонтенбло, но так как М.Х. начал практический курс анатомии, то я вернулся и останусь у него на два месяца.

— А-а! Тем лучше.

— Вам что-нибудь нужно от меня?

— Да.

— Я к вашим услугам.

— Вы заняты сейчас? Не можете уделить мне четверть часа?

— С удовольствием. Я только что собирался уйти.

— В таком случае приходите в кафе на углу Севастопольского бульвара. Я буду ждать вас там на террасе. Со мной будет один приятель, который хочет с вами поговорить.

— Я буду после вас через две минуты.

— Отлично. Я вас жду. До свидания.

После этого Жюбер отправился к Винсенту, который с беспокойством спросил его:

— Ну что?

— Я нашел единственного человека, который может достать нам это. Через несколько минут он придет к нам в кафе.

— Что это за человек?

— Это совершенно необычное существо. Он живет столько же времени в городе, сколько в лесу. Вы сами увидите. Липо, по прозвищу «Лесной человек», — одна из редкостей старого Латинского квартала.

Он приказал отвезти их на угол бульвара, расплатился с кучером, и они уселись за стол.

Не прошло и десяти минут, как Липо подошел к ним.

— Дорогой Лебрен, позвольте представить вам Липо, старого ученого, хорошо знающего анатомию, воспитанника самого себя, друга всех студентов и нашего поставщика.

Липо раскланялся с Лебреном, страшно смущенный тем, как его представили.

— Его зовут Лесным человеком, так как он проводит в лесу столько же времени, как и в городе, и знает естественную историю, как Кювье. Он не убивает змей, а укрощает их.

— Вы слишком добры, Жюбер. Я просто люблю все это.

— Он приручает ящериц.

— Все это правда. Вот, посмотрите.

Говоря это, Липо сунул руку за жилет, вынул длинную ящерицу и положил ее на стол.

Вполне понятно, что это вызвало у Винсента невольный жест отвращения, тогда как Жюбер расхохотался.

— Ради Бога, уберите, — сказал с отвращением Винсент.

Липо сразу же спрятал ящерицу.

Человек, которого мы представили, заслуживает нескольких строчек.

Все студенты знали его. Он ходил по мастерским, продавая змей, лягушек, ящериц, сов и кости мертвых. Все, кто его помнил, говорили, что он всегда был таким маленьким, худеньким, с бледным лицом, сверкающими черными глазами и настоящим лесом каштановых волос на голове.

Он чувствовал отвращение к воде, и только дождь смывал с него грязь. Одетый в потертое пальто и жилет, на котором осталась всего одна пуговица, он носил фуражку служащих госпиталя, и его рубашка, более чем сомнительного цвета, была всегда завязана розовой лентой. Что касается носовых платков, то они были непременно из тонкого полотна и с выпивкой. Он долго служил в «Кламаре» и когда ему заказывали что-то, то просто говорили: «Мне хотелось бы мертвую голову, Липо». — «Что-нибудь хорошенькое?» — «Да, мне нужно для мастерской». — «Отлично, как раз третий номер приготовил молодую голову со всеми зубами. Я сам укреплю челюсть. Через неделю вы ее получите».

И действительно, через неделю он приносил голову, завернутую в платок и спрятанную под пальто. «Больше вам ничего не нужно?» — «А нет ли у вас чего-нибудь новенького?» — «У меня есть хорошенькая змейка». Он засовывал руку за жилет и вынимал оттуда старый фуляровый платок, разворачивал его, доставал маленькую змейку и клал ее на пол или на стол: «Посмотрите, она очень хорошенькая и нежная».

Но как только к змее приближались, отбросив опасения, она вдруг высовывала язык, начинала

сверкать глазами и готовиться к прыжку. Все бросались врассыпную, змея вытягивалась, но Липо спокойно слегка ударял ее по голове, и она падала оглушенная, а когда все с отвращением отходили прочь, он говорил, что это предрассудки, будто змеи ядовиты. Говоря это, он засовывал ее голову себе в рот.

Иногда проходило два-три месяца, а Липо не показывался. Он проводил это время в лесу Фонтенбло, ночуя в конюшнях гостиниц. Он запасался там травами. Отсюда и его прозвище «Лесной человек».

Очень часто его старались напоить, чтобы выведать тайну его жизни, но он молчал, а если настаивали — плакал.

Тем не менее однажды, напившись больше обычного, он проговорился: «Если бы я хотел, то был бы самым богатым и самым презируемым человеком. И у меня была бы самая хорошенькая жена в Париже». — «А вы женаты, Липо?» — «Да, я муж Денизы. Нет, лучше сказать, я повенчан с Денизой». — «И она вас оставила?» — «Нет, я ее оставил». — «Расскажите нам про это, Липо». — «Нет, вы слишком любопытны». Несчастный зарыдал, прибавив шепотом: «Нет, я не способен есть такой хлеб. Нет, никогда».

Затем он снова погрузился в свое обычное молчание. На другой день с ним заговорили о Денизе, но Липо не отвечал. И чтобы заставить забыть свою болтовню, не показывался три месяца.

Возвратился он за три недели до того, как Жобер увидел его в клинике.

Читатели уже достаточно знают о Липо, с которым нам придется еще встретиться, поэтому мы будем продолжать нашу историю.

— Липо, — сказал Жобер, — мне необходима одна вещь сегодня вечером.

— Какая вещь?

— Человек.

— Целый человек?

— Да, такой, как вы и я.

Лесной человек с улыбкой поглядел на доктора.

— Что же вы находите странного в моей просьбе, Липо?

— И вы еще спрашиваете? Достать руку, голову, ногу — это не так трудно, но целое тело — это совсем не легко.

— Значит вы отказываетесь?

— Нет, я не отказываюсь, но надо подумать.

— Главное — достаньте; вам хорошо заплатят.

— Тысячу франков, — уточнил Винсент.

— Что вы сказали? — вскричал Лесной человек, подскочив. — Хорошо ли я слышал?

— Да, тысячу франков, — подтвердил, улыбаясь, Жобер.

— Погодите... Один человек рассказывал мне, что сегодня утром привезли человека, раздробившего себе череп. В настоящее время он находится в морге. Предполагают, что он иностранец. При нем не нашли никаких бумаг, ничего.

— Ну и что? Что вы хотите сделать? — спросил Винсент.

— Я знаю одного из сторожей морга. Я скажу, что вы целый день ищете одного исчезнувшего родственника, а услышав о случившемся, испугались и хотите видеть труп. Вы его посмотрите, и если он вам подойдет, то вы заплатите и его отвезут к вам.

— Отлично! — вскричал Жобер. — Едемте туда все вместе. Доктор, служащий в клинике и родственник — это все, что нужно.

Они позвали экипаж и несколько минут спустя под предводительством Липо входили в морг.

Молодой человек лежал на досках. Он был полностью раздет, пистолет, который он слишком приблизил к лицу, обжег ему кожу, а пуля раздробила челюсть и приподняла череп. Он уже начинал разлагаться, так как смерть произошла накануне.

Винсент взглянул на покойника и показал глазами, что этот человек ему подходит.

— Мсье, — сказал он, — я боюсь, что это тот несчастный, которого я ищу. Но я его не могу окончательно узнать. Только одежда может развеять мои сомнения.

— Вот его одежда, — ответил сторож, — весь костюм, кроме сапог, английского производства.

— Это он, — вскричал молодой человек. — Во время своего последнего путешествия два месяца тому назад он купил всю одежду и белье в Лондоне.

— Бедный молодой человек... У него не было ничего, и нельзя было узнать, кто он.

— Он был игроком, — сказал Жобер.

— Тогда все объясняется, — сказал сторож. — Будьте добры, идите за мной — надо сделать заявление и подписать бумаги. Вы родственник?

— Да, это мой зять.

— Отлично, эти господа будут свидетелями.

Все четверо вышли в бюро, что несколько успокоило Винсента, так как ему было очень неприятно лгать, а тем более — лгать перед трупом. Это казалось ему святотатством.

Жобер успокаивал его, говоря:

— Несчастный был бы похоронен в холщовом мешке на госпитальном кладбище, а вы похороните его торжественно. Поверьте, нашлось бы много сумасшедших, которые застрелились бы только из-за этого.

— Вы возьмете тело? — спросил сторож.

— Да, мы возьмем его.

— В таком случае, я расскажу вам, что надо делать.

— Когда вы поставите подпись, — предложил Липо, — я возьму на себя все остальное и привезу вам тело.

— Отлично, — согласился Винсент, — а я уйду раньше, чтобы все приготовить, так как покойника

нужно отвезти к нам, а не к нему домой, потому что его жена умерла бы с горя.

Когда все наконец-то было окончено, Винсент сел в экипаж рядом с доктором и вадохнул спокойно.

— О, доктор, какое мужество нужно иметь, чтобы так лгать перед трупом!

— Успокойтесь, мой милый, у этого человека нет семьи и вы делаете доброе дело.

— Слава Богу, все кончено. Если бы мне пришлось все начать сначала, то у меня не хватило бы сил.

Винсент заявил в морге и в мэрии имя и фамилию своего зятя.

Около шести часов вечера того же дня Липо входил к братьям. Они уже ждали его вместе с доктором.

— Ну что? — спросил Винсент, боясь, что какое-нибудь обстоятельство разрушило его планы.

— Господа, я прошу спуститься вниз и принять тело.

Успокоенный этим ответом, Винсент сказал брату и Жоберу:

— Спустимся.

Они сразу же спустились по лестнице.

Фургон был открыт, и из него вынули гроб с телом мнимого Андре Берри. Затем внесли его в квартиру братьев, и поставив на стол, покрыли покровом. Зажгли восковые свечи.

Доктор и братья следовали за покойным с непокрытыми головами.

Когда привезшие тело ушли, Винсент сунул в руку Липо билет в тысячу франков.

Почувствовав прикосновение бумаги, Лесной человек вадрогнул, словно от удара электрической искры.

— Я прошу вас, Липо, сходите за священником, который будет молиться у тела. Не забудьте, что для всех — это Андре Берри, убитый на дуэли.

— Понимаю, — сказал Липо и отправился в соседнюю церковь.

Шарль отправился к сестре.

Узнав о смерти мужа, она едва не помешалась от горя.

Все ее сомнения были рассеяны, неудовольствия забыты, тогда как любовь вернулась еще более сильной. От мысли, что муж убит из-за нее, так как между братьями было условлено, что дуэль произошла в результате спора относительно приговора Корнеля Лебрена, горе молодой женщины еще более усиливалось, и несмотря на уговоры Шарля остаться дома, она объявила, что в тот же вечер пойдет молиться над телом своего несчастного мужа.

— Итак, она придет? — спросил Винсент.

— Да, она твердо решила.

— Впрочем, — прибавил Винсент, — так будет гораздо лучше. Она действительно поверит своему несчастью. А вас, доктор, я попрошу остаться с нами, чтобы оказать ей помощь в случае необходимости.

— Я к вашим услугам, — отвечал Жобер.

Час спустя священник был около гроба и читал молитвы.

Липо сидел в столовой и писал пригласительные письма на похороны.

Жобер и двое братьев, мрачные, как и положено, ходили туда-сюда по комнате, когда старая Франсуаза услышала звонок и выпустила Маргариту, обезумевшую от горя.

— Франсуаза, води меня к нему, — сказала молодая женщина.

Старая служанка, вся в слезах, подвела ее к гробу.

Увидев черный покров, священника, молящегося при зажженных свечах, вдова громко вскрикнула и упала на колени.

— Я хочу посмотреть на его лицо, обнять его, — говорила она.

Услышав ее голос, братья и доктор сразу же вышли.

— Боже мой, Боже мой, — говорила она раздирающим душу голосом. — Неужели я не увижу тебя, мой Андре! Я так тебя люблю — и я причина твоей смерти! О, Боже мой!

И бросившись на покров, закрывавший гроб, она прижалась к нему лицом, а потом покрыла его поцелуями.

Это было печальное зрелище.

В комнате царил полумрак, и в колеблющемся свете восковых свечей группа, состоящая из священника, доктора, братьев и старой Франсуазы, представляла собой мрачную картину.

Любопытно было наблюдать за выражением лиц братьев. Они были хмурыми по обязанности, а не от горя.

Они заставляли страдать несчастную сестру для того, чтобы спасти ее; они совершали зло ради добра, зная, что их сестра будет жить для ребенка, нося уважаемое имя. Но если она узнает, что ее ребенок — сын негодяя, убившего ее отца, то она не переживет этого.

Молодая женщина стояла и глядела на гроб, надеясь, что он раскроется, ее возлюбленный выйдет из него, и она услышит его голос, говорящий: «Поцелуй меня, Маргарита!»

Но все было тихо, и никто не шевелился.

— Так это правда — он умер? — вскричала она. — Умер! Но это невозможно! Разве это справедливо — убивать сыновей, убив отца!.. Андре! Андре! Это ужасно!

Она поднялась, хотела обнять гроб — и упала без чувств.

Братья подняли ее, Жобер кинулся приводить ее в чувство.

Маргарита припла в себя в спальне Винсента и стала оглядываться, ища гроб мужа.

— Я ни на минутку не хочу оставлять его! Я хочу вернуться к нему!

— Марго, — отвечал Винсент, — я останусь около него до последней минуты. Ты должна помнить, что ты мать, ты должна вернуться к Корнею, к твоему ребенку.

— Да, ты прав, Винсент. Дай мне только последний раз взглянуть на него, и я уйду к моему ребенку.

— Ты обещаешь мне быть мужественной?

— Я не буду плакать. У меня больше нет слез.

Винсент пристально взглянул на сестру, лицо которой было искажено горем, и увидев по его выражению, что она говорит правду, взял ее за руку и отвел к гробу.

Маргарита, не говоря ни слова, опустилась на колени, и прочитав короткую молитву, встала.

Священник подошел к ней, но она твердым голосом ответила ему:

— Я больше не верую, мне нечего слушать вас, — и повернувшись, она вышла в сопровождении братьев.

— Шарль, — сказал Винсент, — проводи ее домой и не оставляй ни на одну минуту, так как она способна совершить безумный поступок.

Шарль уехал вместе с сестрой.

На другой день, в назначенный для погребения час, все спускались по лестнице вслед за гробом. Винсент шел под руку с доктором.

Несчастный, лежащий в гробу, раздробил себе череп из-за того, что ему не на что было пообедать.

Когда отпевание было окончено, Винсент вместе с Жобером отправился за гробом на кладбище Пер-Лашез.

Жобер заметил, что Винсент дрожит и кусает себе губы, тогда как глаза его сверкают странным блеском.

— Что с вами?

— Ничего, — ответил молодой человек. — Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Потому что у вас такой вид, будто вы действительно провожаете на кладбище своего зятя.

— Хуже, — отозвался Винсент. — Я думаю о том, что похороню рядом со своей матерью этого незнакомца. Я был после смерти отца на кладбище и дал слово прийти туда не раньше, чем когда мы будем переносить труп отца.

— Сегодня вы делаете к этому первый шаг.

Несколько минут прошло в молчании.

Когда нужно было проходить через площадь Ларокетт, Винсент с силой сжал руку своего спутника.

— Здесь был убит наш несчастный мученик, — тихо проговорил он. — И теперь, глядя на все смешное величие этих похорон, на эти перья, бархат и серебряные вышивки, я думаю о мрачных похоронах казненного, о фургоне, за которым мы бежали в то холодное утро, о жандарме, который сторожил труп, пока он не был зарыт. Теперь мы проходим через площадь — и мне кажется, что все люди, следующие за нами и знающие нашу историю, стараются прочесть на моем лице все, что творится в моей душе.

— Будьте мужественны, Винсент, — сказал Жобер.

— Поддержите меня, — попросил Винсент, печально улыбаясь. — Я не в состоянии держаться на ногах, но я буду улыбаться. Пусть люди, которые смотрят на меня, скажут: «Он забыл об этом, он презирает своего отца, как тот этого заслуживает».

И несчастный действительно сделал гримасу наподобие улыбки. Жобер поддержал его, так как он спотыкался, проходя через площадь.

Вскоре похоронное шествие прибыло на кладбище, и труп незнакомца был похоронен в семейном склепе.

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

На зеленом берегу Марны стояла лодка. Четверо гребцов в сопровождении четырех веселых спутниц лежали на траве.

Одна из молодых женщин встала, говоря:

— Прекратите серьезные разговоры. Я хочу веселиться.

— Тебе невесело потому, что его нет.

— Да, это правда. Вы все четверо не можете развеселить меня.

— Ты знаешь, что лучшее средство ждать — завтрак.

— А где Панафье должен присоединиться к нам? — спросил тот, что казался постарше.

— Он сказал мне, что приедет по жуанвильской железной дороге.

— В таком случае он может ждать нас у Жюстена.

— Вы уже целый час говорите нам об этом.

— Послушайте, заплатите двадцать су и велите отвести лодку к Жюстену, так как мы сами пойдем пешком.

— Ну нет, я люблю свою лодку и никогда не доверю ее наемнику. Мое сердце никогда не перенесет этого.

— Послушайте, вы мне страшно надоели.

— Нисетта, вы оскорбляете нашу лодку.

— Довольно, я умираю от голода. Панафье ждет. У нас еще два часа, и я пойду закажу обед.

— И я с тобой, — вскочив на ноги, закричали дамы в один голос.

— Пойдемте и мы с ними, — предложил один из четверых, бывший капитаном лодки, — и пусть Сардин отведет лодку.

— Хорошо, — ответил высокий малый, названный этим именем.

— Придете к Жюстену.

— Отлично.

— Ты от меня не отделаешься, ты придешь, — сказала одна из женщин.

— Молчите лучше, Лупинетта, будьте почтительны к начальнику. Идите заказывать завтрак, я же поеду в лодке и, вероятно, буду в одно время с вами.

— Ну хорошо, оставим его.

Каждый из лодочников любезно предложил руку даме, а капитан — даже двум сразу, и все тронулись в путь, напевая песни.

Ресторан Жюстена известен всем парижским любителям катания на лодках — это обычное место свидания всех, катающихся по берегам Сены. Расположенный напротив, на зеленом островке Жуанвиль-Ле-Пон, он был очень замечен среди многочисленных лодок, привязанных к лестнице, разноцветные флаги которых развеваются каждое воскресенье.

Когда экипаж «Летучей мыши» (так называлась лодка) пришел к ресторану, Панафье, сидя на ступенях лестницы, которая ведет из ресторана вниз, с философским видом ждал их.

Как только Нисетта увидела его, она сразу побежала к нему.

— А вот и он! — закричала она.

Подойдя к молодому человеку, она бросилась к нему на шею и нежно поцеловала, говоря:

— Ты видишь, несмотря на зло, которое ты мне делаешь, я по первому твоему зову иду к тебе.

— Мне надо поговорить с тобой серьезно, — сказал Панафье.

— Опять... — проговорила Нисетта. — Каждый раз, когда я тебя вижу, причина одна и та же. Я счастлива, думая, что ты желаешь меня увидеть и повеселиться, а ты вечно встречаешь меня одной и

той же фразой: «Мне надо серьезно поговорить с тобой».

— Ты плохо поняла меня, — проговорил смущенный Панафье.

— Как — плохо поняла?

— Я хочу сначала повеселиться и посмеяться, как ты сейчас сказала, а потом поговорить серьезно, но не о тебе, моя красавица, мне нужно узнать кое-что.

— Про Луизу? — спросила Нисетта, нахмутив брови.

— Никогда, — возразил Панафье, — не говори мне имени этой женщины. Я хотел увидеть ее один раз. Мы объяснились, и все кончено.

Нисетта с удивлением подняла голову и пристально посмотрела на Панафье.

— Что ты такое говоришь?

— Правду.

— Ты расстался с Луизой и больше ее не видишь?

— Говорю тебе, что все кончено.

— Ты больше не живешь с ней?

— Нет, Нисетта, нет. И вот почему, — смело прибавил Панафье, — я написал тебе, чтобы ты приехала, — ведь мое сердце свободно. Ты, Нисетта, добрая девушка, веселая, любящая, может быть, немного легкомысленная, но в любом случае очень приятная. Я хочу с тобой объясниться, и если объяснения удовлетворят меня, если ты будешь откровенна и чистосердечна...

— То что?

— Тогда для нас наступят хорошие дни.

Нисетта пристально смотрела на говорившего и пыталась прочесть его мысли.

Но Панафье был человек ловкий, и она напрасно вглядывалась. На лице его не выражалось ничего кроме того, что говорил его язык.

— Так ты это называешь «говорить серьезно»... — сказала Нисетта.

— Именно это.

— В таком случае мы сговоримся.

И она бросилась к нему на шею с поцелуями.

Между тем экипаж «Летучей мыши» заказал обед, и все сидели вокруг стола.

— Хватит вам целоваться! — кричали они. — Надо подумать о желудке. За стол!

— Вот и мы! — весело воскликнул Панафье, увлекая за собой Нисетту.

Он поднимался по лестнице, когда гребец, оставшийся верным своей лодке, подъехал к берегу.

Он был весь мокрый, пот лил с него градом, так как погода стояла очень жаркая.

Через несколько минут все сидели за столом. Нисетта была рядом с Панафье, и наклонясь к нему, говорила:

— Что же ты хотел меня спросить?

— Потом, Нисетта. Не будем пока думать об этих вещах и постараемся повеселиться как можно дольше.

Говоря это, он налил вино в стакан соседки.

Обед прошел, как обыкновенно проходят обеды на чистом воздухе, где шум заменяет веселье, где говорят всякие глупости...

Когда хорошее вино и веселые разговоры заставили загореться глаза Нисетты, она наклонилась к Панафье и положила руку на плечо человека, которого любила, — так как она действительно любила Панафье.

Панафье обнимал за талию свою соседку, а та шептала ему:

— Так это правда, действительно правда, Поль, что ты возвращаешься ко мне насовсем? Ты окончательно бросил ее? Говори! Окончательно? Ты не любишь ее больше?

— Не только не люблю, но и ненавижу. Я пережил слишком много.

— Хорошо, я расскажу тебе еще больше, так как ты не знаешь всего.

На одно мгновение лицо Панафье передернулось, но он закусил губы, и быстро успокоившись, сказал:

— Ты никогда не расскажешь мне столько, сколько я знаю.

Нисетта обнимала Панафье.

— Так ты меня любишь? — страстно говорила она. — И теперь, когда ты свободен, мы сможем жить вместе? — Говоря последние слова, Нисетта пристально смотрела на молодого человека, стараясь прочесть его сокровенные мысли.

Панафье выдержал ее взгляд и самым чистосердечным тоном ответил:

— Конечно вместе, если ты этого хочешь.

— Что же мне нужно сделать?

— Я уже сказал тебе — будь со мной откровенна.

Нисетта еще раз с удивлением взглянула на Панафье, стараясь угадать, о чем он хочет ее спросить.

Затем вдруг брови ее нахмурились, глаза засверкали.

— Ты хочешь говорить со мной о ней? Она бросила тебя, поэтому-то ты и пришел ко мне!

Панафье покраснел, но пожал плечами.

— Ты с ума сошла, милая Нисетта, — сказал он. — Я на тебя рассержусь, если ты будешь произносить ее имя. Я не хочу разговаривать о ней с тобой.

Нисетта была женщина умная и думала, что умеет читать по выражению лица, поэтому, посмотрев на любимого человека, она подумала: «На этот раз он уже никуда от меня не уйдет». «Боже мой! — думал в свою очередь Панафье. — Сегодня я проведу приятную ночь, так как узнаю, что из себя представляет аббат Пуляр». Читатели видят, что они были вполне расположены солгать друг другу.

Обед продолжался далеко за полночь, и только один из гребцов был на ногах. Дамы спали, а ос-

тальные гребцы делали тщетные усилия бороться со сном.

Панафье проводил Нисетту в маленькую комнату, окна которой выходили на Марну.

Панафье, знавший отлично расположение дома, специально выбрал ее.

Это была маленькая веселая комната, окна ее были окружены вьющимися розами, запах которых врывался в комнату вместе с запахом только что скошенного сена. В комнате была кровать с белыми кисейными занавесками, маленький умывальный столик с фаянсовой посудой синего рисунка и единственный стул.

Наши читатели достаточно знают Нисетту, поэтому можно и не говорить, что она отдала дань обеду, о чем говорили ее блестящие глазки и улыбающийся ротик.

Панафье же только делал вид, что пьет, и заменял искусственной веселостью болтливое расположение духа, которое следует за обильными возлияниями.

Оставшись вдвоем с Нисеттой, которая заперла дверь на ключ, он сел на единственный стул. Нисетта сразу же уселась к нему на колени и, обняв его рукой за шею, играла с его волосами, нежно глядя на него и отвечая улыбкой на улыбку.

— Наконец-то, Поль, мы одни, — сказала она. — Если бы ты знал, как я люблю тебя!

— Любимь в самом деле?

— О да, — прибавила она, вытягивая губы и предлагая поцелуй, который был принят. — Разве ты устал? Я — ни капельки.

— И я тоже. Но нам надо еще поговорить.

— Сколько угодно. Я не хочу еще спать. Мне просто хотелось уйти сюда.

— Как, разве тебе там не было весело?

— Нисколько!

— А они веселятся... Ты слышишь?

— Да, это поет Баландер.

Они прислушались. Слышался звучный голос Баландера. Он пел один, не замечая, что все спят. Время от времени он тряс спавшую около него Лушинетту, говоря:

— Подтягивай же, Лушинетта.

Лушинетта послушно пела две строчки и опять засыпала.

Панафье и Нисетта сели на подоконник и стали слушать. Нисетта обняла Поля за шею и поцеловала его долгим поцелуем.

— Боже мой, возможно ли, чтобы при той любви, которую я к тебе испытываю, ты так мало обращал на меня внимания!

— Что за пустяки ты говоришь? — возмутился Панафье.

— Нет, не пустяки. Если бы ты любил меня хоть немного, то не оставил бы меня так, как ты это сделал. Почему ты оттолкнул меня?

— Я буду откровенен с тобой. Сейчас я не испытываю того чувства к тебе, какое испытывал раньше.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что у меня не было к тебе ни страсти, ни любви. Ты была молоденькая и хорошенькая, и я хотел обладать тобой — вот и все. Ты понимаешь, что не имея к тебе сильной привязанности, я оставил тебя. Мне стало стыдно обманывать твоего мужа.

— Но ты отлично знаешь, что он не был моим мужем.

— Я знаю это сейчас, но не знал тогда. Наши с тобой отношения были для меня неприятны, и я разорвал их или, лучше сказать, — хотел разорвать, так как не успел расстаться с тобой, как почувствовал неизвестное мне до того времени пламя.

— А Луиза?

— В то время я еще верил в Луизу, но теперь я ее больше не люблю и полностью отдаюсь чувству, которое влечет меня к тебе.

— Ты возвращаешься ко мне насовсем?

— Да, насовсем, но вначале я хочу, чтобы ты поговорила со мной откровенно.

Нисетта некоторое время пристально смотрела на Панафье, так что последний смутился от ее взгляда и молчания.

— Что такое? — спросил он.

— Я вспоминаю, Поль, что почти год тому назад ты говорил мне: «Я люблю тебя ужасной любовью, с которой вынужден бороться, так как мои страдания и сомнения слишком ужасны. Слушай, Нисетта, хочешь быть откровенной со мной, хочешь рассказать, что ты из себя представляешь? Я ревную к прошлому, но я боюсь и за будущее. Будь откровенна — и я стану любить тебя». Вот что ты мне говорил. Помнишь ли ты это? Сегодня ты говоришь мне почти то же самое. Какую цель ты преследуешь? Может быть, твое обращение имеет ту же цель, что и тогда?

Панафье был озадачен. Тем не менее он быстро оправился.

— Я думаю то же, что думал, — сказал он. — Тогда ты рассказала мне длинную историю, но не сказала мне единственной вещи, которая меня интересовала.

— Что такое?

— Во всей твоей жизни была только одна истинная страсть — Пуляр. В тот день, когда ты согласишься рассказать то, что знаешь о нем, в тот день, я повторяю, твоя любовь к нему умрет.

Пришла очередь Нисетты смутиться, но не надолго.

— Ты ошибаешься относительно чувства, которое мне предписывает мою сдержанность, — заметила она. — Нет, я не люблю его больше, но я стыжусь и боюсь. Почему ты хочешь знать этого человека? Клянусь тебе, он заслуживает только презрения и ненависти!

— Может быть потому, что зная его как следует, я мог бы одним словом помешать ему видеть тебя, если бы такая мысль пришла ему в голову, — пояснил Панафье.

Ревность всегда по вкусу женщинам, и это объяснение понравилось Нисетте.

— Ты делаешь из мухи слона, — сказала она.

— Нет, Нисетта, я знаю о нем слишком много, но не достаточно, чтобы согласиться не узнавать о нем больше.

— Я тебя не понимаю, — проговорила Нисетта, обеспокоенная последней его фразой.

— Нисетта, у меня очень хорошая память. Помнишь ли ты, что говорила об этом человеке в ту ночь, о которой ты мне сейчас напомнила?

— Нет, — сказала Нисетта, хмуря лоб и делая усилия, чтобы припомнить. — Впрочем, я была немного... Как и сегодня вечером, — прибавила она, пытаясь улыбнуться.

— Когда ты говорила о нем, твои глаза сверкали. «Если бы ты знал, как он был хорош, умен и весел! Как я веселилась с ним... Я его очень сильно любила», — говорила ты.

— Разве я понимала то, что говорю!

— Когда я спросил, любишь ли ты его сейчас, ты ответила: «И да — и нет».

— Я была не в себе, — сказала Нисетта, смеясь, в то же время смущенная воспоминаниями Панафье.

— Ты была откровенна, вот и все.

— Сегодня я не скажу этого, — нежно проговорила она.

— Но это еще не все. Когда я стал настаивать, чтобы узнать, каким образом родилась у тебя любовь к этому человеку...

— Ну, и что же?.. — с беспокойством перебила Нисетта.

— Ты знаешь, что не все мне сказала, и поэтому беспокоюсь, опасаясь, что зашла слишком далеко.

Нисетта прикусила губу.

— Что я тебе сказала? — спросила она.

— Ты отвечала мне: «У меня ужасно ненасытная натура. Я любила этого Пуляра за его пороки. Стыдно сказать, что он сделал со мной. Придумай самое ужасное, что только можешь себе вообразить. Я ему повиновалась из боязни, а отчасти — и от испорченности моей натуры».

— Ну и что же?

— Если ты честно и откровенно скажешь, что значат эти слова, то все недоразумения между нами будут устранены.

— Ты этого хочешь, Поль? — серьезно спросила она.

— Да, хочу.

— Ты можешь узнать ужасные вещи, и в твоих глазах я буду выглядеть последней из женщин.

— Нет такого поступка, который не искупался бы раскаянием.

Эта фраза очень понравилась Нисетте, так как оправдывала ее поведение.

— Я расскажу тебе ужасные вещи.

— Я это знаю.

— И ты не оттолкнешь меня?

— Мы вместе разорвем эту страницу твоей жизни.

Нисетта сидела, закрыв лицо руками, не решаясь начать рассказ.

Поль обнял ее и сказал на ухо:

— Чего ты боишься, Нисетта? Неужели ты думаешь, что я ничего не знаю?

Нисетта сразу же подняла голову и сказала:

— Ты знаешь то, что сказал мне, но это все пустяки. Если бы ты знал...

— Хорошо я немного помогу тебе в твоих признаниях. Аббат Пуляр — это Рауль де Ла-Гавертьер. Он не только мошеник и кутила, но и убийца.

Нисетта вырвалась из объятий Поля, и с испугом отступив, как бы против воли проговорила:

— Ты это знаешь!..

— Не бойся, Нисетта, я обещаю тебе больше, чем прощение. Я знаю; но я хочу знать подробности.

— Хорошо, я расскажу тебе все. Ты не можешь презирать меня больше после того, что ты уже знаешь, — сказала она, решаясь на все.

— Сколько времени ты знаешь этого человека?

— Десять лет.

— Десять лет! Где ты с ним познакомилась?

— Я сказала тебе правду. Я познакомилась с ним в Латинском квартале. В то время он еще ходил в рясе семинариста; в этой одежде он бывал в кафе, на балах — и почти всегда под руку с женщиной. Все его знали, как аббата. От этого и произошло его прозвище.

— А ты знаешь, что он никогда не был аббатом?

— Да, я знаю его с того времени и виделась с ним очень часто.

— Он был твоим любовником?

— Да, три или четыре года, но это уже не имеет значения.

— Я тебя не понимаю.

— Я сейчас объясню. Его зовут «Аббат Пуляр» по имени одного расстриженного аббата из Латинского квартала, но это не его настоящее имя.

— Я знаю. Его зовут Рауль де Ла-Гавертьер, — сказал Поль.

— Нет, этим именем он называется только в клубах и у кокоток.

— Так каково же его настоящее имя?

— Андре Берри.

— Андре Берри? — вскричал Поль. — Что ты мне рассказываешь?!

— Что с тобой? — спросила Нисетта, удивленная тем впечатлением, которое произвели на Поля ее слова.

Панафье был озадачен. До сих пор он не мог объяснить себе причины, которая заставляла братьев хранить тайну и не выдавать правосудию виновного. Он находил удивительным, что они не поль-

зуются случаем исполнить волю отца, так как они повиновались завещанию казненного. Они, кредиторы эшафота, найдя виновного, должны были принудить его сознаться в преступлении, но не мстить ему. Но Панафье, от имени своей названной матери, и Эжени Герваль — от своего собственного имени — могли предать негодя правосудию.

Теперь же он понимал, что братья не согласились на это, потому что, заглаживая одно несчастье, они должны были сами вызвать другое. Они бы спасали имя отца, предавая позору имя сестры.

Понятно, что произнесенное Нисеттой имя Андре Берри произвело на Панафье такое сильное впечатление, что несмотря на всю свою сдержанность он не смог скрыть его.

— Ты знаешь Андре Берри? — спросила Нисетта.

— Ты задаешь мне бессмысленные вопросы, — поспешно ответил он. — Если бы я знал его, то мне не нужно было бы встречаться с тобой и узнавать о нем. Просто удивительно, что есть человек с тремя разными именами: аббат Пуляр, Рауль де Ла-Гавертьер и Андре Берри.

— Последнее имя настоящее.

— Каким образом ты спаслась от него?

— Я тебя не понимаю.

— Этот человек убивает всех женщин, которых знает. А как же ты?..

Нисетта побледнела и как бы против воли сказала:

— Ты это знаешь?

— Да, знаю, и поэтому ты должна говорить откровенно.

— Я откровенна и говорю все, что знаю.

— Почему он тебя пощадил?

— Я могла бы сказать тебе, что он сделал это потому, что любил меня. Но скорее всего потому, что я была бедна. Он становится любовником богатых женщин и ночью убивает их.

— Ты и это знала?

— В тот день, когда я все узнала о нем, я его любила. Если бы я заговорила — он бы убил меня. Я избежала этого, обещая все, что он хочет.

Вспомнив, что Нисетта толкнула Луизу в объятия Аббата, он сказал:

— В таком случае ты была его сообщницей.

— Нет, только один раз я была его поверенной.

— Один раз?

— Да, однажды ночью, когда, по его словам, он устроил выгодное дело.

— Убийство на улице Фридлань?

— Но ты все знаешь! — вскричала озадаченная и немного успокоенная Нисетта.

Поль взял ее за руку, подвел к свету и сказал:

— Я также знаю про дело на улице Дам на Монмартре.

Испуганная поведением и тоном Панафье, Нисетта хотела вырваться, не понимая, откуда ее любовник мог знать такие страшные вещи.

— Я знаю многое, Нисетта, — продолжал Панафье, — поэтому не старайся скрывать от меня что-нибудь. То, как я поведу себя в будущем, зависит от твоего чистосердечного признания. Отвечай мне — была ли ты любовницей этого человека, когда он убил вдову на улице Дам?

— Да.

— Ты знала, что он хочет совершить это ужасное преступление?

— О, нет! Клянусь тебе — нет. Я обожала его. Я жила вместе с ним. Он был игроком и каждый вечер уходил, возвращаясь поздно ночью.

Мы не были бедны, хотя случались и такие дни. Зато в течение десяти-двенадцати дней мы жили широко.

— Чем он занимался?

— Ничем. Он играл. Один раз он не смог ничего выиграть, и нам пришлось все заложить и продать. Наконец наступил день, когда у нас ничего не осталось. Измученная этой жизнью, я рассердилась, но

он успокоил меня, сказав, что через несколько дней мы разбогатеем. Через три дня он вернулся домой около четырех часов утра. Я уже лежала в постели, но не спала. Я не задувала свечку, так как хотела с ним поговорить серьезно, когда он вернется.

Когда он вошел, я была озадачена. Он был бледен и взволнован. Его лоб был покрыт потом, а сам он дрожал.

Он удивился, увидев, что я не сплю так поздно, и хотел улыбнуться, но у него ничего не вышло. Он был совсем не похож на себя. «Почему ты до сих пор не спишь?» — спросил он прерывающимся от волнения голосом, стараясь казаться спокойным. «Я ждала тебя». — «Для чего?» — с беспокойством спросил он, нахмутив брови. «Чтобы сказать тебе, что мне надоела такая жизнь и я хочу порвать с тобой». — «Зачем?» — «Я не могу переносить ничего». — «И это все?!» — спросил он и засмеялся. «Да, наша жизнь должна измениться». «Милая Нисетта, — сказал он, смеясь, — ты хочешь, чтобы наша жизнь изменилась? Ты хочешь денег? Твое желание будет исполнено».

Тут он опустил руку в карман, достал оттуда пригоршню золота и бросил на постель. Блеск золота привел меня в восторг. Он принес около десяти тысяч франков золотом и около двадцати тысяч купюрами. «Где ты все это взял?» — «Э-э, — отвечал он мне, — счастье не всегда постоянно». — «Ты все это выиграл?» — «Даже больше». — «Это невозможно». — «Я проигрывал уже долгое время. Должен же я был когда-нибудь отыграться». Я была в восторге.

Он лег спать и сразу уснул, но сон его был беспокойным. Он бредил, защищался от кого-то. Я заметила на его рубашке капли крови. Так как он вдруг закричал во сне, то я его разбудила. Он выпрямился и с ужасным видом спросил: «Я что-нибудь говорил?» «Нет», — ответила я. Он вздохнул с облегчением и еще раз спросил: «Так я ниче-

го не говорил?» — «Почему ты об этом спрашиваешь?» — «Потому, что мне снился ужасный сон». — «Что с тобой?» — «У меня лихорадка».

Тогда я встала и приготовила ему согревающее питье. В течение многих ночей его сон был беспокоен. Каждое утро, встав, он набрасывался на газеты. Так как мне рассказали об убийстве на улице Дам, то однажды вечером я заговорила о нем. «Почему ты мне это рассказываешь?» — спросил он, побледнев. «Потому, что это напечатано в газетах». — «Вы, женщины, верите всему, что печатается. Это просто утка», — с гневом сказал он. В гневе он был ужасен. Поэтому я сразу замолчала. К тому же я придавала слишком мало значения тому, что рассказала, но не могла забыть его странного ответа и беспричинного гнева.

На другой день я что-то искала в шкафу. Под бельем я нашла сверток, развязала его, чтобы посмотреть, что в нем лежит, и увидела кольца, цепочки и драгоценности. Когда я все это рассматривала, пытаюсь понять, откуда у него все это, он вошел в комнату, и бросившись ко мне, начал душить, говоря: «Ты слишком много знаешь, Нисетта, чтобы жить». Я стала сопротивляться, просила пощады, клялась, что буду молчать. Вдруг он остановился, выпустил меня и сказал: «Я достаточно много знаю, чтобы не дать арестовать себя».

Нисетта вдруг замолчала.

Панафье сухо сказал:

— Ты обещала мне все рассказать, теперь уже поздно останавливаться.

— Он хотел сказать, что я убила своего ребенка, который родился у меня после того, как я оставила мужа, — выдавила Нисетта. — Но это неправда. Бедняжка умер раньше, чем родился, я его не убивала...

Панафье чувствовал, что его сердце наполняется презрением и отвращением от всей этой грязи.

— Чтобы спасти себя, я обещала ему молчать. С этого дня наша любовь погибла, но мы жили вместе поневоле, связанные друг с другом тем, что мы знали. И с этого дня...

— С этого дня ты занялась тем, что стала искать ему женщин, которые могли бы удовлетворить его капризы?

— Да.

— Но как ты привлекала этих женщин?

— Ты должен был понять это. Я говорила тебе, что этот человек передал мне свои пороки.

Панафье, поняв недостойную связь, в которой она признавалась, сделал жест отвращения и презрения.

— А что он делал для тебя взамен?

— Я принимала участие во всех праздниках, вела роскошную жизнь. Он отлично содержал меня.

Эти циничные признания, которые он сам хотел услышать, возмущали его. Он видел Нисетту в новом свете и стыдился своих отношений с этой женщиной. Его презрение перерастало в ненависть.

— В таком случае, ты была его сообщницей!

— Нет! Я тебе очень много сказала. Мне нечего больше скрывать. Я была его поверенной — и все.

— Ты лжешь, Нисетта.

— Клянусь тебе!

— Я читаю твои мысли, — отозвался Панафье, пристальный взгляд которого был устремлен на молодую женщину.

Этот взгляд сильно смущал ее.

— Ты знакомила его с женщинами, которых он должен был убить! Его любовница — ты искала ему других любовниц, которых вы вместе убивали вашей смертоносной любовью!

— Нет-нет, — сказала Нисетта, — я просто знала его лучше всех.

— Ты лжешь — повторяю тебе. Ты лжешь: ты была его сообщницей в убийстве Мазель.

Испуганная обвинением, которое он высказал просто на всякий случай, Нисетта отступила, совершенно потеряв голову.

— Нет-нет! Я не была у Адели в тот день! — пробормотала она.

— Но ты знала ее. Ты выдала себя, сказав мне это.

— Слушай, — сказала Нисетта, дрожа от страха и стыда, и чувствуя, что попалась в грубую ловушку, думая, что Поль хочет помириться с ней. — Я знала Адель, к которой он ходил почти каждый день. Его знали там под именем аббата Пуляра. Мы часто веселились вместе с Аделью, которая обожала его.

Он бросил меня за несколько дней до преступления, уверяя, что женится, но будет видаться со мной иногда и не даст мне испытывать ни в чем недостатка, а пока из-за его свадьбы нам нужно прервать всякие отношения.

Так как в то время я уже не любила его, то была очень довольна.

Спустя некоторое время я узнала об убийстве Адели и стала подозревать, в чем дело.

— И ты ничего не сделала для того, чтобы не осудили невинного?

— Нет. Я ненавидела Адель и ее любовника Корнеля Лебрена, который поссорил нас, и один раз она даже меня выгнала. Я никогда не забываю обид.

Панафье от отвращения передернуло. Эта женщина еще имела гордость!

— Я не сказала ничего, а когда началось следствие, он пришел ко мне и велел познакомиться с одним студентом, который присутствовал при вскрытии трупа, чтобы узнать, нашли ли настоящую причину смерти.

— С Жобером?

— Да.

— Он хотел узнать — нашли ли булавку?

— Ты и это знаешь? — с удивлением спросила она. — Ведь об этом ничего не было упомянуто на процессе.

— Продолжай.

Удивленная Нисетта продолжала:

— Несколько дней спустя я увидалась с ним, и он посоветовал мне скрыться, так как мое имя было произнесено прислугой.

Вот тогда я и стала госпожой Левассер, что тебя так удивляло. Через три года, когда все выяснилось, я бросила его.

— Это ужасно! — подумал вслух Панафье.

— Что ты говоришь?

— Ничего. Но это еще не все. Ты снова с ним увиделась.

— Мы виделись с ним мало. Только спустя два месяца после дела Левассера.

— Какого дела?

— Когда он сошел с ума.

— И ты называешь это делом?.. — с горечью сказал Панафье.

— Он приказал мне отправиться в путешествие в Женеву и Лион.

— Из-за Эжени Герваль по прозвищу «Графиня»...

— Да ты полицейский! — вскричала Нисетта, явно испуганная.

— Ты ездила в Лион, чтобы познакомиться с Эжени Герваль?

— Да, — сказала Нисетта, дрожа от страха.

Панафье перехитрил ее. Теперь она понимала, что значили мнимая страсть и странный каприз Поля. Все это имело одну цель — найти Андре Берри.

Она постоянно попадалась в грубые ловушки, расставляемые для нее, и на этот раз она зашла слишком далеко. Для нее не было возможности отказать от сказанного, надо было продолжать свои признания.

Панафье, заметивший внутреннюю борьбу Нисетты, сказал ей:

— Ты понимаешь, Нисетта, что теперь речь идет о твоей свободе. Я одним словом могу отправить тебя в префектуру. Твоя участь зависит от твоего чистосердечия.

— Но я не виновна. Я действительно была поверенной этого человека.

— Я не буду с тобой спорить, но если ты не будешь продолжать, я подумаю, что ты тоже...

— И ты выдашь меня? — с удивлением спросила Нисетта.

— Если ты солжешь, то отправишься прямо отсюда в тюрьму.

— В таком случае ты настоящий полицейский! Панафье пожал плечами.

— Ты была в Лионе в вечер отъезда Эжени Герваль в Париж?

— Да, — покорно ответила Нисетта.

— Что ты делала?

— По приказанию Андре я занялась багажом.

— Значит, ты ужинала вместе с ними?

— Да.

— Эжени Герваль знала тебя?

— Мы встречались раза два.

— Вместе с Раулем?

— Да, вместе с Раулем.

— Андре тогда называл себя Раулем?

— Да.

— Что вы дали ей выпить за ужином, что она потеряла память?

— Это было не за ужином. За ужином мы пили шампанское и напились обе. Один Рауль был хладнокровен. Но в отдельном вагоне, в котором мы отправились, кутеж продолжался. Тогда Рауль заставил ее выпить шампанское, в которое был насыпан желтый порошок. Этот порошок вначале приводит в возбуждение, внушает безумные идеи — а затем наступает сон.

— А затем?

— А затем — безумие.

— Да, действительно. И ты знала ужасное действие этого порошка? Ты не в первый раз употребляла его?

Нисетта побледнела и опустила глаза.

— Один раз ты уже применила этот порошок у себя дома на Левассере, и с того дня бедняк находится в доме для умалишенных. Нисетта, кто заставил тебя совершить это ужасное преступление?

— Он! Он! Все он! — ответила Нисетта, закрыв лицо руками.

— Однако у него не было причины ненавидеть Левассера.

— Нет, была.

— Какая?

— Андре дал мне на сохранение шкатулку с драгоценностями и бумагами. Я тщательно спрятала эту шкатулку, но однажды Левассер нашел ее и стал требовать у меня объяснений, которых я не могла ему дать. Между нами произошла ужасная сцена, и я сказала ему, что эта шкатулка была мне подарена.

Тогда он мне сказал, что я скрываю краденые вещи. Я хотела отнять у него шкатулку, но он отказался отдать ее и объявил, что отнесет ее в полицию, куда владелец может обратиться за ней.

Он хотел уйти.

Тогда я побежала предупредить Рауля, заставив тем самым Левассера остаться дома, так как он не мог оставить дом без присмотра. Вот тогда Рауль и дал мне этот порошок. Когда я вернулась, меня ожидала новая сцена. Левассер перерыл все и нашел белье и платье, которые ты видел на мне иногда. Тогда он сказал, что понимает теперь мои странные отлучки, и теперь все это должно кончиться.

От гнева у него пена выступила у рта.

Я незаметно для него насыпала порошок в графин. В возбуждении он налил себе воды и выпил.

— И?.. — спросил Панафье, испуганный и озадаченный смелостью и цинизмом существа, на которое он смотрел до сих пор как просто на женщину весьма легкого поведения.

— На другой день Левассер проснулся сумасшедшим. Он воображал, что представляет на земле Амура, посланного Орфеем пленять женщин своими прелестями.

Сказав это, Нисетта расхохоталась.

У Панафье невольно вырвался гневный жест, но он тут же сдержался. Эта женщина без души и сердца внушала ему глубочайшее отвращение.

— И этот же самый порошок вы использовали в случае с Эжени Герваль?

— Да, — ответила Нисетта.

— Какое действие он произвел?

— Часть ночи она смеялась и была весела. В Дижоне она наконец заснула от усталости.

Приехав в Париж, Рауль разбудил ее. Она открыла глаза, и так как порошок уже начал действовать, послушно встала. Я вынуждена была привести в порядок ее костюм, потому что она ничего не соображала. Рауль подал ей руку, довел до экипажа и сел вместе с ней.

— А ты что делала?

— Рауль поручил мне получить багаж и отвезти в указанное место.

— И таким образом несчастная была вами ограблена...

— Нет, на ее плече висела маленькая дорожная сумочка, в которой лежали ее драгоценности и бумажник, содержащий довольно большую сумму денег.

— Он уехал вместе с ней? Куда же вы ее отвезли?

— На бульвар Молерб напротив парка Монсо. Там он нанял квартиру, которую меблировал мебелью, купленной в отеле Друо.

— Он нанял квартиру специально для этого дела?

— Нет. Два или три раза он там устраивал ужины. Там же он переодевался аббатом.

— Разве он еще одевался в этот костюм?

— К Адели Мазель он всегда приходил одетый таким образом. И Адель была уверена, что он аббат. Эта уверенность даже увеличивала ее любовь к нему. Она выдавала его за своего духовника.

— Возвратимся к Эжени Герваль. Ты знала, что произошло?

— Да, как всегда. Они приехали в нанятую квартиру. Когда они легли спать, она воображала, что он любит ее, и доверчиво отдалась ему. Воспользовавшись этим, он воткнул ей в затылок золотую булавку.

— Таковую же, как эта? — спросил Панафье, показывая булавку.

— Где ты ее достал?!

— Я скажу тебе это со временем. Продолжай!

— Я все тебе сказала.

— Он говорил тебе, что его жертвы страдали, кричали?

— О нет! Они незаметно переходили от жизни к смерти, наслаждаясь любовью.

— А Эжени Герваль?

— Я вижу, что ты знаешь все.

— Да, все.

— Но Эжени была только ранена. Она вскочила с постели и, ничего не соображая, выскочила из дома совершенно голая.

— Но негодяй преследовал ее?

— Да, но сразу потерял ее из виду. На следующий день, опасаясь следствия, он начал благообразно наводить справки и узнал, что ее нашли утром в нагие голую и совершенно не в себе. Она выпила ночью через калитку садовника, оставленную открытой. Именно этому обстоятельству она обязана жизнью.

— Неужели негодяй убил бы ее?

— Да, так он говорил мне и вполне способен на это. Я говорю тебе все это, потому что знаю его, — прибавила Нисетта, изменяя тон. — Все, что ему угрожает, что стоит на его пути, уничтожается им. Я знаю слишком много для того, чтобы в один прекрасный день он не убил бы и меня.

— И ты боишься только этого?

— Чего же мне еще бояться? — спросила с беспокойством Нисетта, глядя на Панафье.

— Ты боишься только его?

— Да.

— Однако ты была его сообщницей, и вы должны были делить получаемые вами деньги.

— Я не была его сообщницей никогда, и если иногда он использовал меня, чтобы привлекать свои жертвы, то все-таки я не знала цели.

Заставляя меня помогать ему, он всегда угрожал, что выдаст меня правосудию, рассказав о моем ребенке. Я поневоле повиновалась ему, так как он мог и меня убить.

— Но ты получала деньги? Что ты с ними делала?

— Нет, он давал мне в месяц постоянно одну и ту же сумму и еще делал подарки. Он был молод и не имел ничего, а жизнь, которую он вел, требовала по крайней мере сорока тысяч франков дохода. У него не было ни гроша — и я видела, как в одну ночь он проиграл восемьдесят тысяч франков. Целью его преступлений было достать деньги.

— Но если у тебя ничего нет, то твое поведение совсем непонятно.

— Повторяю тебе — я не была его сообщницей. Если я и согласилась молчать, то потому, что боялась нищеты. Я никогда не тратила много денег, и так как мои дела в порядке, то у меня есть кусок хлеба на старость. Мои деньги хорошо помещены.

Эта фраза поразила Панафье. Это чудовище говорило о том, что ее деньги хорошо помещены и она имеет кусок хлеба на старость!

— Ты думала о старости?.. — сказал Поль. — Ты знаешь, что нельзя вечно жить одной?

— У меня есть проступки, которые я хотела бы забыть, но я могу сказать человеку, которого люблю, что не только не буду ему в тягость, но и дам средства к существованию.

Терпение Панафье лопалось, и он с трудом сдерживал свое негодование.

— Ты не боишься другого наказания?

— Чего мне бояться? Закон не может меня наказать — я не была сообщницей Рауля. Наоборот, я была подругой Эжени Герваль. Они идут вместе и просят меня взять на станции багаж. Я это делаю и отправляю по указанному адресу. Что же тут преступного?

Я была только любовницей Рауля, а затем познакомилась с Эжени Герваль, его новой любовницей. Это порок — не спорю. Но закон не наказывает его.

Я никогда не присутствовала ни при одном из его преступлений. Он давал мне деньги, но я знала, что он играет. Я считала, что он богат и мне нечего бояться.

Один только человек знает истину, и этот человек — ты, а ты, конечно, не захочешь наказывать меня.

Панафье слушал ее, качая головой. Она же с беспокойством глядела на него.

— Итак, ты дошла до такой степени беззаботности и отсутствия здравого смысла, что говоришь себе, что можно хладнокровно выслушивать весь этот рассказ и оставаться спокойным? Ты не подумала, что честный человек может возмутиться, услышав эти признания!

— Что ты хочешь сказать? — с беспокойством спросила Нисетта.

— Я хочу сказать, что ты считаешь меня большим негодяем.

Нисетта испугалась.

— Я хочу сказать, что приехал сюда, чтобы добиться у тебя этих признаний, которые ты мне и сделала. Теперь, когда ты знаешь, что твоя жизнь в моих руках, ты должна слепо повиноваться мне. А чтобы доказать тебе, что между нами не может быть других отношений, кроме отношений рабыни и повелителя, что я не могу уступить твоим слезам и крикам, я скажу тебе, что женщина, убитая твоим сообщником на улице Дам, была моей матерью!

— Сжался! Не убивай меня! — вскричала Нисетта, с испугом отступая в угол комнаты.

— Этот ужас говорит о твоём сообщничестве больше, чем твои признания, — с презрением сказал Панафье. — Ты помогала этому злодею, ты вносила в его преступления свои пороки и развращённость! Ты подготавливала преступление, отыскивая новую жертву. Твое кроткое лицо, твоя красота — все это служило приманкой!

Нисетта стояла молча в своем углу, боясь глядеть на Панафье, со страхом ожидая, что он будет делать.

— Это невероятно! Бог дает преступнице такую привлекательную внешность! Но неужели тени жертв по ночам не приходят мучить тебя? Я не знаю, что не дает мне убить тебя, как собаку!

Нисетта на коленях подползла к Панафье, услышав последние слова, и проговорила:

— Умоляю тебя, не убивай меня! Я сделаю все, что ты хочешь, но не убивай меня!

Панафье, сложив руки, глядел на нее с ненавистью и презрением.

— Я буду молчать, но ты будешь повиноваться мне. Вначале ты сказала, что знаешь многое о Луизе — говори, не лги!

Нисетта взглянула на Панафье, и их взгляды встретились. Она сразу же опустила глаза, понимая, что ложь погубила бы ее.

— Я солгала. Мне нечего сказать о ней. Я хотела обманом развратить ее. Она была убеждена, что

ты был моим любовником. Рауль, который поселил ее в особняке на улице Шальо, был страстно влюблен в нее и к концу пятой недели пребывания ее там подарил ей всю меблировку.

Следуя моим советам, она согласилась стать любовницей Рауля по истечении месяца, если ты не придеешь за ней. Я тщательно избегала всякой встречи с тобой, когда неожиданно мы встретили тебя на кладбище.

— А кольцо?

— С большим бриллиантом? Это кольцо принадлежало Адели Мазель. Луиза получила его только утром, так как месячный срок истекал на следующий день.

Панафье вздохнул с облегчением, что успокоило немного Нисетту.

Панафье направился к двери.

— Ты уходишь и оставляешь меня одну?

— Да, ложись и усни, так как ты можешь еще спать. Завтра утром мы уйдем вместе. Сейчас уже светает, и я скажу приятелям, что только что встал. Мне нужно видеть Баландера.

Сказав это, он вышел.

Нисетта погасила огонь и проговорила, бросаясь на постель:

— К счастью, уже светло, и я не буду бояться одна.

Когда Панафье вошел в комнату, где накануне они пировали, Баландер и один из гребцов еще спали.

Панафье разбудил Баландера, тот вскочил, и узнав приятеля, весело сказал:

— Не хочешь ли выпить, мой милый?

Разбудили третьего гребца и втроем сели завтракать.

АНДРЕ БЕРРИ

Мы должны возвратиться немного назад к таинственному герою этой истории — Андре Берри, который был по-прежнему заключен в маленьком домике в Монтреле под присмотром наших старых знакомых — Пьера Деталя и Ладеша.

После ужасной сцены, во время которой читатели присутствовали, и в которой Винсент и Панафье обвиняли негодая в преступлениях, по мнению Андре Берри, никому неизвестных, он спрашивал себя, какое ужасное наказание ожидает его, и думал только об одном — о бегстве. Но чтобы добиться успеха, ему прежде всего нужно было успокоить своих сторожей.

Ему это удалось очень скоро.

Он стал послушен и кроток и, казалось, находил удовольствие в их обществе, с улыбкой слушая, когда Ладеш предлагал ему стакан вина примерно так: «Со всеми людьми случаются несчастья, господин аббат, и я не из тех, которые презирают людей в несчастье. Не хотите ли выпить стаканчик? Это отличный коньяк. За ваше здоровье».

Через несколько дней оба сторожа совершенно успокоились насчет пленника, который покорился своей судьбе и спокойно ждал, что будет.

Андре не был дураком и поэтому не старался подкупить своих сторожей, так как был уверен, что они откажутся и сразу же скажут об этом тем, кто нанимал их, чтобы получить прибавку. А его непокорность первых дней и так уже привела к тому, что к нему приставили нового сторожа.

Дело в том, что Панафье, боявшийся, что его сообщники проявят слабость, нанял в дом привратником здорового малого, который должен был следить как за пленником, так и за его сторожами.

Со дня посещения Винсента прошло уже десять дней, и Андре чувствовал, что ему необходимо бежать как можно скорее, чтобы избавиться от угроз Винсента, который на его вопрос: «Что вы со мной сделаете?» ответил: «Мы будем судить тебя, и ты понесешь наказание».

Каждый день он ждал начала мести, но ничего не случилось, и он думал, что его не отдали правосудию только с тем, чтобы применить к нему более жестокое наказание.

В течение нескольких дней Андре усиленно наблюдал за окружающими; он изучил проектировку дома, привычки своих сторожей, меры предосторожности, а также часы обхода громадного эльзасца, которого Ладеш звал братом-привратником. Он все изучил и решил попробовать бежать в эту же ночь.

Андре Берри, которого наши читатели видели только мельком, был красивый мужчина с изящными манерами, всегда одетый, как джентльмен, высокого роста, стройный, с кротким лицом, на котором постоянно была добрая улыбка.

Его черные глаза странно контрастировали с белокурыми, слегка вьющимися волосами, обрамлявшими высокий лоб. Длинные ресницы придавали особую прелесть его черным глазам.

Он не носил ни усов, ни бороды.

Его лицо внушало доверие. Он казался человеком откровенным, добрым, кротким. А из-за его красоты в него влюблялись женщины.

В тот вечер, когда мы увидели Андре, он лежал на диване, держась руками за голову и изредка постанывая.

Ладеш и Деталь сидели за столом, заканчивая ужин.

— Послушайте, — говорил Ладеш, — вы не едите потому, что у вас мигрень. Поверьте, только госпитальные доктора придумали из экономии, что больных нужно сажать на диету. Хороший обед —

лучшее лекарство от некоторых болезней, и я хочу дать вам один совет, господин аббат. Садитесь за стол и делайте то же, что и мы.

Андре ничего не отвечал. Он, казалось, боролся с болезнью. Наконец, слегка приподнявшись, он сказал своим сторожам умоляющим голосом:

— Прошу вас, дайте мне уснуть. Ладеш, я знаю вас давно. Во имя наших прежних отношений, прошу вас, — не мучайте меня. Я, кажется, вас ничем не беспокою. Я самый послушный пленник. Будьте со мной великодушны!

Два приятеля с удивлением переглянулись.

— Но, — сказал Ладеш, — мы не делаем вам ничего плохого. Наоборот, мы желаем вам добра. Вы печальны — и мы хотим вас развеселить. Вы больны — и мы советуем вам те лекарства, которые посоветовали бы лучшему другу.

— Которые я посоветовал бы родному отцу, — добавил Пьер.

— Господин аббат, мы когда-то делали вместе дела, мы всегда с вами дружили. Зачем бы мы стали вам приносить вред? За это нам ничего не платят. Нам поручено стеречь вас, и поэтому мы неумолимы, так как рисковали бы своей шкурой, выпустив вас. За исключением этого, мы ваши добрые друзья.

— Мы лучше, чем родные, — прибавил Деталь.

— Лучшим доказательством справедливости ваших слов будет исполнение моей просьбы.

— Если это возможно, то мы исполним ее. Говорите, аббат, мы вас слушаем.

— Я подвержен сильным головным болям, а против этого есть средство гораздо проще вашего.

— Говорите; если это возможно, то я это сделаю.

— Не нужно ничего делать. Мне нужно только тишина и сон.

— Это можно сделать. В этом виноват Пьер. У него ужасный голос, и я вас понимаю. Вот что мы

сделаем. Мы закончили обедать и собираемся сидеть играть в пикет. Мы перейдем в соседнюю комнату и будем играть в молчании, а вы в это время уснете.

— Вы сделаете мне большое одолжение. Поспав три-четыре часа, я буду совсем здоров.

Деталь открыл дверь, взял стол с посудой и бутылками и вынес его в соседнюю комнату, служившую им спальней.

— Мы оставляем вас. Не хотите ли выпить стаканчик нашего питья?

— Нет, благодарю вас, мне ничего не нужно.

— Напрасно. Вот вам стакан. Сейчас 10 часов. В три часа мы придем вас будить.

— Сделайте одолжение. Я попросил бы вас не шуметь. Если стучат стулом или открывают дверь, я просыпаюсь и не могу заснуть потом целый час.

— Решено. Слышишь, Пьер, не надо кричать во всю глотку. Кроме того, я запру вашу дверь и не отопру раньше, чем завтра в 4 часа.

— Благодарю вас, друзья мои, — говорил Андре, пожимая руки удивленным негодяям, которые сразу же вышли, унося огонь, и заперли дверь на ключ.

— Этот аббат совсем не гордый, — сказал Ладеш. — Он подал нам руку, он понял, с кем имеет дело. Вот что значит уметь быть на высоте положения.

— Да, он понял, что можно подняться высоко — и вдруг упасть низко.

— Ну, старина, садись сюда и начнем.

— Идет, — сказал Пьер, снимая все со стола, но оставляя стаканы и бутылки.

Затем он положил на стол новую колоду карт.

— На что будем играть? — спросил Ладеш. — Надо придумать что-нибудь поинтереснее.

— На деньги не будем играть — это отвратительно.

— Нет, не будем играть на деньги. Когда он их проигрывает, то у него портится настроение, и он начинает сердиться.

— А мне пришла в голову одна идея, — вдруг сказал великан, подумав немного.

Очевидно, эта идея ему очень нравилась, так как он улыбался во весь рот.

— Говори — это интересно, — произнес Ладеш, собираясь тасовать карты.

— Тот, кто выиграет, имеет право ударить проигравшего кулаком по носу.

— Ну, я на это не согласен. Лучше будем играть по двадцать су.

— Но это совсем будет неинтересно, — жалобно проговорил Деталь.

Тем не менее приятели начали играть.

Как только дверь за ними закрылась, Андре поспешно оделся и сразу же занялся подготовкой к бегству.

Мы уже сказали, что Андре был убежден, что сыновья Корнеля Лебрена не выдали его полиции потому, что приготовили для него более ужасное наказание, чем то, которым угрожал ему закон.

Но что это было за наказание?

Его воображение рисовало ему каждую ночь ужасные пытки, и очень часто он просыпался от кошмаров.

А ведь Андре не был трусом.

Его поведением руководила не боязнь смерти. Он хотел спастись от братьев, чтобы посвятить себя двум привязанностям, оставшимся чистыми среди грязи его ужасной натуры.

Андре был страшный преступник, и целью его было не просто убийство — он желал обладать своей жертвой. Он испытывал особенное удовольствие, превращая ночь любви в ночь смерти.

Несмотря на эту странность, одно чувство оставалось чистым в его душе — он любил свою жену и обожал ребенка.

Он хотел бежать, так как был уверен в молчании братьев, а главное, в том, что они не скажут своей сестре ужасной правды.

Преисполненный этой мысли, Андре говорил себе: «На те драгоценности и бумаги, которые у меня есть, я могу жить спокойно. Уехав отсюда, я извещу жену о моем новом местонахождении. Она придет ко мне, мы отправимся за границу и будем там жить в безопасности. Я буду вдали от всех, знавших меня, а главное — вдали от всех этих воспоминаний. Братья, как и я, заинтересованы в молчании. Для меня опасна только Эжени Герваль, но она не знает, кто я, к тому же я буду от нее далеко. Главное — вырваться из их рук».

Итак, в эту ночь Андре решил бежать.

Он добился от своих сторожей, чтобы его оставили одного, и у него было около шести часов — вдвое больше, чем ему было нужно. Он уже несколько дней готовился к этой попытке, расспрашивая сторожей. Ладеш и Деталь, не имеющие на этот счет никаких указаний, отвечали на все вопросы, задаваемые так ловко, что не возбуждали у них подозрений.

Андре знал, что находится в уединенном доме в Монтреле. Этот дом принадлежал доктору, который помещал сюда самых опасных сумасшедших. От мира их отделяло множество решеток и замков, из-за чего этот дом принимали за какую-то тюрьму.

Он знал, что оба приятеля имели приказание никогда не спать в одно время, так как один должен был обязательно караулить. Выходить они могли очень редко. В это время за ними наблюдали, хотя они и не знали этого.

У привратника-эльзасца была громадная собака, которую Ладеш называл самым отвратительным существом на свете. Дело в том, что ни он, ни его спутник не могли пройти мимо собаки, пока хозяин не позволял ей пропустить их.

Напрасно Ладеш старался приручить ее, давая ей сахар и мясо — ничего не помогало. Только цепь, удерживавшая Плутона (так звали собаку), сохраняла в целости его ноги.

Штрамм со своей собакой каждую ночь караулил дом.

Андре знал все это, но все равно решился бежать, тем более что каждый день приближал его к развязке и уменьшал шансы на успех.

Прежде всего нужно было выйти, и он придумал, как это сделать.

Деньги у него были. В то время, когда Ладеш и Деталь обыскивали его, он успел сунуть в перчатку тысячефранковый билет, а это было более чем достаточно для начала.

Из-под подушки дивана он вынул каталонский нож, завернул его в салфетку и засунул за пояс.

Затем он тихонько открыл окно — оно было с двойной решеткой. Это не вызвало у него ни удивления, ни удовольствия. Он и не думал, что найдет спасение с этой стороны. А окно открыл для того, чтобы шум, который он мог произвести в комнате, не был бы услышан его сторожами.

Он посмотрел на небо. Оно было совершенно черное.

— Хорошая погода, — сказал он. — Луна выйдет не раньше, чем через час. Я буду тогда уже далеко.

План его был смел, но благодаря своей простоте исполним.

Во-первых, нужно было начинать ночью, что особенно нравилось Андре, так как это давало возможность остаться незамеченным. Сидя целыми днями в своей тюрьме, он напрасно ломал себе голову, и только вечером его посетила счастливая мысль.

Было тихо в его тюрьме.

Первый обход был только что сделан.

Андре открыл маленькую дверь из своей комнаты, о существовании которой его сторожа и не подозревали.

Выйдя в коридор, он поднялся на верхний этаж, где находился чердак.

Замок двери, перед которой он очутился, нужно было взломать. Для него это было детской забавой.

Очутившись на чердаке, он пошел на свет слухового окна.

Окно было открыто, он вылез на крышу и пополз, чтобы его не увидели караульные, стоявшие по углам дома и получившие приказ стрелять в каждого, кто выйдет из этой тюрьмы не через дверь.

Пробираясь, как ящерица, Андре добрался до трубы. Там он наклонился и стал слушать.

План его был очень прост.

Скрытый тенью, которую бросала на крышу труба, он выждал какое-то время, а потом залез на трубу и стал осторожно опускаться.

Беглец опустился уже метра на два, как вдруг его ноги наткнулись на что-то. Четыре крепких жолосы преграждали дальнейший путь. Холодный пот выступил у него на лбу, но медлить было нельзя. Нужно было подниматься как можно скорее. Снова поднимаясь на крышу, Андре пополз в противоположную сторону.

Там, почти в углу, он увидел слуховое окно и проник в него. Он высек огонь и при свете трута осмотрелся вокруг. Дверь чердака была закрыта изнутри, то есть с той стороны, где он был.

В одну минуту она была открыта, и он очутился на верху лестницы. Он снял с себя верхнее пальто, все испачканное сажей, вытер лицо и стал спускаться.

Оглянувшись вокруг, он ничего не заметил: сторожей нигде не было видно.

Тогда Андре стал искать возможность выйти.

Увидев перед собой дверь, он потихоньку ее открыл и стал прислушиваться. Не слыша ничего, он

начал пробираться ощупью, боясь наткнуться на какую-нибудь мебель. Вдруг он остановился. Ему показалось, что он слышит шум голосов.

В конце комнаты, где он находился, Андре увидел полоску пробивавшегося света. Он тихонько подошел и стал слушать.

— Тебе холодно, — говорил хорошо знакомый голос Ладеша. — Сейчас я тебя согрею. Я тебе дам капот. Что, мой милый, хорошо?

— Ужасно, — отвечал Деталь. — Ты выигрываешь постоянно. Тебе особенно везет, когда ты сдаешь.

— Может, ты хочешь сказать, что я плутую?

— Нет, ты мало тасуешь карты.

— Ты проигрываешь и ищешь ссоры, но я не стану уступать тебе только потому, что ты сильнее.

— Да я разве что-нибудь говорю?

— Ты невежа.

— Нет, я не невежа.

— Я угадал, что ты хотел сказать.

— Да я ничего не хотел сказать.

— Ты был ко мне неуважителен, и я не хочу тебя больше знать.

— Но я никогда ничего подобного не говорил, — повторял Деталь.

— Ну, если так, давай твою руку, старина.

И Андре услышал, как друзья громко ударили по рукам.

Затем Ладеш сказал:

— Давай посмотрим, как поживает наш больной.

Услышав эти слова, Андре почувствовал, что холодный пот выступает у него на лбу.

Он с беспокойством стал слушать.

Если бы Ладеш заметил исчезновение Андре, он бы всех поднял на ноги, и беглец был бы живо найден.

Но Деталь сказал своему другу:

— Дай ему выспаться хорошенько. Мы ведь сказали ему, что разбудим не раньше, чем в четыре часа, а теперь всего час. Дай мне отыграться.

— Хорошо, но ты будешь сдавать.

— Я не хочу. Повторяю тебе — я нисколько в тебе не сомневаюсь.

— Я дорожу своей честью. Снимай.

— Тебе первому сдавать.

Друзья снова принялись за игру, и Андре вздохнул свободно, но ему надо было спешить.

Он вернулся обратно по той же дороге и снова очутился на верху большой лестницы.

Он спустился по ней и очутился в сенях, двери которых были с решеткой и крепко заперты. Дверь эта выходила во двор и через стекло было видно помещение привратника, в котором виднелся свет. Очевидно, там не спали.

Кроме того, Андре увидел большую собаку, бегавшую по двору, и боясь, что собака услышит его, поспешно отступил.

Под лестницей он нашел дверь, которая была открыта. Эта дверь вела в длинный коридор, он прошел его и подошел к другой двери, в замке которой торчал ключ.

Открыв эту дверь, Андре по воздуху, ударившему ему в лицо, понял, что он в погребе и подумал, что с этой стороны не будет никаких шансов бежать, и хотел уже искать новый выход, как вдруг раздумал, и вернувшись назад, зажег трут и спустился по лестнице.

Погреб носил на себе следы частых посещений, так как Ладеш и Деталь, которым он был предоставлен, поминутно ходили туда.

Таким образом Панафье пытался заставить их совсем не выходить из дома.

Пройдя несколько погребов, в которых стояли початые бочки вина, и устав от бесполезных поисков, Андре уже хотел вернуться, как вдруг заметил дверь.

Он открыл ее и очутился в новом маленьком погребе, ярко освещенном луной. Лунный свет проходил через небольшое отверстие, предназначенное для загрузки в погреб угля и дров.

Андре вскрикнул от радости.

На этот раз он был спасен.

Погреб был пуст. Чтобы добраться до отверстия, нужна была довольно большая лестница. Андре подумал несколько минут, затем, вспомнив, что в соседнем погребе он видел три или четыре пустых бочки, сразу же пошел туда, подкатил бочки к отверстию, поставил их друг на друга, добрался до отверстия и, хотя и с трудом, но выбрался из него.

Главный вопрос теперь был в том, куда он попал. Может быть, он попал во двор. Тогда на него бросится огромная собака, которую он уже видел из сеней.

Или он еще в доме — тогда была опасность напороться на обход эльзасца. Но он сразу успокоился. Отверстие выходило в маленький сад, окруженный высоким забором.

Поспешно бросившись в тень, он привел в порядок свою одежду. А так как он перед этим снял свое пальто, то был в довольно сносном виде.

Перескочив через забор, он очутился на проселочной дороге, которая вела в Венсен.

Было четыре часа ночи, когда Андре подошел к Венсенской башне.

Глава VI

ПАНАФЬЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ОН НЕ СОВСЕМ В СВОЕМ УМЕ

Мы оставили братьев Лебрэн на кладбище Пер-Лашез, когда они хоронили в семейном склепе, рядом с останками своей матери, труп чужого человека.

Этот день тянулся для несчастных бесконечно.

Их не известили заранее, что похоронное шествие пройдет через площадь Ла-Рокетт, иначе они бы изменили путь, чтобы избавить себя от тяжелых воспоминаний.

По окончании печальной церемонии братья сели в траурный экипаж, чтобы возвратиться в Париж.

Они попросили доктора ехать вместе с ними, и тот проводил их до станции Лионской железной дороги.

Жобер отправлялся в Шарантон за Эжени Гerval, чтобы отвезти ее на квартиру, нанятую для нее на углу улиц Дефо и Сент-Оноре.

— Когда я с вами увижусь? — спросил Жобер.

— Мы увидимся с вами через несколько дней. У нас есть к вам еще одна просьба. Позже мы отблагодарим вас, если благодарность в состоянии хоть сколько-нибудь вознаградить вас за вашу преданность.

— Вы шутите, Лебрен. Я хочу быть вашим другом — вот и все.

— В таком случае — до свидания, — сказал Винсент, дружелюбно пожав ему руку.

— До свидания, — возвращался Шарль.

Обменявшись последними рукопожатиями, молодые люди сказали кучеру, чтобы он вез их на Елисейские поля.

— Что мы будем с ним делать? — спросил Шарль своего брата.

— О ком ты говоришь?

— Я говорю об Андре.

— Я пока об этом не думал. Но меня беспокоит судьба нашей несчастной сестры. Если бы негодяй смог совершить сам над собой правосудие, то это было бы самым счастливым исходом и для него, и для нас.

— Не все ли равно? Она вдова.

— Вдова для всех, но не для нас.

— Какая разница?

— Что ты говоришь, Шарль, — сказал Винсент. — Разве можно считать плохой поступок честным, если знаешь об этом только ты один? Разве ты нуждаешься в других судьях, кроме собственной совести? Неужели ты думаешь, что человек не преступник, пока его преступление неизвестно?

— Ты прав, брат, — сказал Шарль. — Горе заставляет меня неверно судить. Прости меня. Что же ты думаешь делать с Маргаритой?

— Прежде всего, мы должны заняться наследством, а для этого было бы самое лучшее удалить ее. Присутствие нас обоих здесь совершенно не нужно.

— Что же я должен сделать?

— Ты должен уговорить Маргариту отправиться с тобой путешествовать. Вы поедете на несколько месяцев в Швейцарию.

— Она откажется.

— Нет, если только доказать ей, что этого требует здоровье ребенка.

— Но для получения наследства присутствие ее будет необходимо.

— Она даст мне доверенность. Ты же понимаешь, что Маргарита не может жить одна в своем особняке.

— К тому же вчера, когда я провожал ее, она сказала, что не может жить в этом доме.

— Вот видишь. Это обстоятельство для нас очень благоприятно. Так как сейчас трудно найти квартиру, то она отправится путешествовать. Я займусь этим, а ты успокой ее. Бедняжка никогда не оставляла Париж, и путешествие будет для нее в настоящую минуту очень полезным развлечением.

— Теперь она согласится.

— А нам, Шарль, остается сделать еще одно важное дело.

Шарль махнул голову и взглянул на брата.

— У Берри было три жертвы. Две из них в настоящее время требуют, чтобы мы выдали убийцу правосудию, но воля нашего отца для нас закон,

а с другой стороны, положение сестры заставляет похитить у общества преступника, которого оно должно наказать. Панафье и Эжени Герваль, предоставляя нам преступника, ожидают, что мы накажем его. Но они не могут отказаться от денег, которые он похитил у них, и мы должны возвратить эти деньги.

— Ты прав, брат. Я понимаю тебя.

— Но Маргарита никогда не должна знать этого. Следовательно, от нее мы ничего не получим.

— Но, Винсент, наше состояние позволяет нам принести эту жертву. Мы, конечно, не очень богаты, но три тысячи франков годового дохода дают нам возможность сносно жить, и эта жертва нас не сможет разорить.

— Почти не сможет.

— У нас останется еще достаточно, тем более, что когда честь нашего отца будет восстановлена, мы сможем заняться делами.

— Благодарю тебя, брат, — сказал Винсент, пожимая ему руку.

Скоро братья подъехали к маленькому особняку на улице Шальгрэн.

Винсент расплатился с кучером и пошел к сестре в сопровождении Шарля.

Маргарита сидела возле окна и задумчиво смотрела на тучи, бежавшие по небу. Ее бледное лицо, воспаленные глаза и бледные губы доказывали, что она не спала.

Бедная Маргарита думала, что Бог несправедлив к ней. Она всегда была честной женщиной. Слабые и несчастные находили у нее поддержку и помощь. Она делала добро, потому что любила добро и потому что страдания других заставляли ее страдать. Она была хорошей дочерью, хорошей женой и хорошей матерью.

Сначала она потеряла мать, потом отца, и при том при таких ужасных обстоятельствах, что одно воспоминание заставляло ее вздрагивать. Наконец,

когда она думала, что вполне заплатила свою дань несчастьям, у нее отняли единственную поддержку в ее жизни — ее мужа. У нее оставался только ребенок. Он играл около нее в гостиной, не сознавая постигшего его несчастья, и Маргарита с лихорадочным беспокойством глядела на него, спрашивая себя, не похитит ли новая катастрофа и его в свою очередь. «В таком случае я убью себя», — думала она. В эту минуту она услышала стук открывающейся двери. Увидев входящих братьев, она встала, чтобы пойти им навстречу.

Спокойная, с сухими глазами, она обняла братьев и спросила:

— Ну что, все кончено?

— Да, Маргарита, все кончено. Но ты должна быть мужественной и посвятить свою жизнь ему, — прибавил Винсент, указывая на ребенка.

Маргарита обняла маленького Корнеля и покрывала его поцелуями.

— О мой маленький, ты теперь для меня все. Не будь тебя — я бы соединилась со своим возлюбленным.

Братья обменялись взглядами. Одно и то же чувство охватило их.

Это обожание негодяя казалось им святотатством, в котором они сами были виновны.

— Маргарита, не надо говорить глупостей, — сказал Винсент. — Каждый раз, когда нас постигало какое-нибудь несчастье, мы думали только о тебе одной. Не надо же быть неблагодарной. Подумай о том, что мы любим тебя, и будь тверда и мужественна.

Маргарита выпрямилась и, поцеловав братьев, сказала:

— У меня достаточно сил, говорите.

— Что ты будешь теперь делать? — спросил Винсент.

— Ничего. Я не знаю. Я желаю только одного — оставить этот дом, где каждая вещь напоминает мне о нем.

— Мы хотели предложить тебе попутешествовать.

Это решение в особенности нравилось Винсенту — он боялся какого-нибудь обстоятельства, которое могло бы уничтожить все их старания, и поэтому желал как можно скорее удалить Маргариту.

— Если вы хотите, то я готова, — сразу же согласилась молодая женщина. — Прислуга все уложит. Что же касается обстановки, то я ничего не хочу оставлять. Продайте все.

Затем, пристально взглянув на братьев, она прибавила:

— Вы видите, что я держусь твердо. У меня убили мужа, но горе, которое я испытываю, уступит место ненависти. Если вы не хотите, чтобы я проклинала судьбу, то вы скажете мне, кто сделал меня вдовой.

Винсент был озадачен этим вопросом — он его не предвидел.

Но он быстро нашел имя, которое должно было ее удовлетворить, поэтому сразу ответил:

— У меня нет никакой причины скрывать имя этого человека.

— Убийцы! — вскричала Маргарита.

— Да, убийцы твоего мужа. Его зовут Рауль де Ла-Гавертьер.

Шарль обменялся с братом взглядом, в котором выражал удовольствие от придуманного им хода, так как они могли каждый открыто выражать свою ненависть к обладателю этого имени.

Услышав это имя, Маргарита с удивлением спросила:

— Рауль де Ла-Гавертьер?

— Да, — ответил Винсент, также удивленный. — Разве ты знаешь его? — прибавил он с некоторым беспокойством.

— Нет, но это один из друзей Андре.

Братья переглянулись. Они спрашивали себя, до какой степени могла дойти бессовестность этого человека, когда даже у себя в доме он решался произносить имя, под которым совершал все свои преступления.

— Но откуда ты это знаешь? — спросил Винсент свою сестру.

— Сегодня утром, после того как Шарль расстался со мной, чтобы проводить в последний путь моего бедного друга, я заперлась у него в комнате, чтобы снова побыть с ним. Я открыла письменный стол и стала просматривать бумаги, чтобы прочесть его письма.

Братья побледнели.

— И что же ты нашла? — спросил Винсент дрожащим голосом.

— Ничего особенного: письма от друзей, от меня и между всеми этими бумагами несколько писем, подписанных именем Рауля де Ла-Гавертьера, и несколько визитных карточек.

Винсент вздохнул с облегчением. На время он успокоился, но опасность заключалась именно в этом. Поэтому он желал во что бы то ни стало помешать новым поискам Маргариты, чтобы те не привели к открытиям, которые невозможно было бы скрыть.

— Дорогая Маргарита, — проговорил он, — ты сказала, что вполне полагаешься на нас, и вот что мы с Шарлем решили.

— Я вас слушаю, — отозвалась молодая женщина, лаская ребенка и мало обращая внимания на слова брата, так как все ее мысли были в прошлом.

— Удар, перенесенный тобой, ужасен, — продолжал Винсент. — Он может расстроить твое и без того слабое здоровье.

— Мне теперь все равно, каким будет мое здоровье.

— Маргарита, — сказал брат, — выше жены стоит мать. Ты не должна забывать этого.

Маргарита заплакала, прижимая Корнеля к груди и говоря:

— Я буду жить для тебя, Корнель, для тебя, мой родной.

Маленький Корнель с удивлением смотрел на мать и братьев, ровно ничего не понимая во всей этой сцене, но готовясь в свою очередь заплакать.

— Зачем ты заставляешь плакать маму, дядя Винсент? — спросил он.

— Нет, мой милый, я не плачу, — ответила мать, вытирая глаза. — Я слушаю тебя, Винсент.

— Маргарита, ты сегодня же поедешь с сыном и прислугой, но не к нам, а отправишься путешествовать.

— Путешествовать? Одна с Корнелем? — с удивлением спросила молодая женщина.

— Конечно, нет. Мы бы не были спокойны. С тобой поедет Шарль. Вы отправитесь в Швейцарию.

— В Швейцарию... — повторила Маргарита, опуская голову при мысли, что Андре часто обещал ей это путешествие.

— Вы будете постоянно переезжать с места на место, и эта перемена мест поможет тебе немного забыться. Ты будешь меньше чувствовать окружающую тебя пустоту, да и слабоватое здоровье Корнеля укрепитя. Согласна ли ты?

— Так как мне не хотелось оставаться здесь и я думала переехать к вам, то приказала уже все уложить и сама отобрала дорожные для меня вещи.

— Отлично. Шарлю тоже немного времени надо, чтобы уложить свои вещи, и сегодня же вечером вы уедете. Маргарита, я пошлю за экипажем, и мы съездим к твоему нотариусу, у которого ты дашь мне полную доверенность.

— Хорошо.

Маргарита позвала горничную, и та подала ей пальто и шляпу с черной вуалью. Ребенок также был готов.

Молодая женщина дала все необходимые для отъезда указания, отпустила часть прислуги и оставила только горничную и няньку. Эти две женщины должны были вечером ехать на станцию и ожидать там свою госпожу.

Шарль сразу же отправился с племянником на улицу Шальо, чтобы приказать уложить свои чемоданы, что очень заняло ребенка. Маленький Корнель с беззаботностью своих лет уже забыл все и был очень счастлив от мысли, что будет ехать по железной дороге в обществе дяди и матери.

В это самое время Винсент ехал с Маргаритой к нотариусу. Все необходимые бумаги были подписаны, и было решено на другой день приступить к описи оставшегося имущества.

Вечером маленький дом на улице Шальгрэн опустел. Ключи от него взял Винсент.

На станции семья Лебрен нашла двух служанок, сопровождавших их, и еще трех слуг, уже уволенных, которые пришли проститься с хозяйкой и выразить ей свои сожаления, что потеряли такую хорошую госпожу.

Маргарита поблагодарила и сказала, что отпускает их только из-за постигшего ее несчастья.

Раздался третий звонок.

Винсент обнял сестру, обещая, как только позволят дела, приехать к ней.

Потом он обнял племянника, и отведя брата в сторону, сказал:

— Теперь я могу действовать. Я отделаюсь от Андре, и заодно заставлю его восстановить честное имя нашего отца. Я не знаю, что сделаю, и не знаю, что будет. Все, что мы сделали, может открыться, и если это случится, будет ужасный скандал, о котором напечатают во всех газетах.

— Ну и что же?

— Не давай Маргарите читать ни одной газеты, прежде чем сам ее не прочтешь.

— Хорошо. Но ты мне будешь писать?

— Да, каждый день. И еще попрошу тебя об одной вещи — уничтожай мои письма, так как было бы опасно, если бы Маргарита прочла их случайно. До свидания. Постарайся развлечь сестру и как можно скорее заставь ее забыть Андре.

— Постарайся поскорее отделаться от этого человека, а то я боюсь.

— Господин Лебрэн, — сказала одна из служанок, — поезд сейчас отправляется.

— Хорошо. До свидания.

Братья обнялись.

Винсент проводил Шарля до вагона, затем, когда поезд тронулся, он в задумчивости возвратился домой.

Медленно идя по бульварам в свою квартиру на улицу Шальо, Винсент думал о событиях, так быстро следовавших одно за другим.

Теперь он был спокоен, так как мог действовать свободно и не бояться, что какое-нибудь неожиданное обстоятельство может уничтожить все, что он сделал для того, чтобы его сестра не была замешана в ужасной катастрофе, поразившей их вторично.

Он думал только о том, чтобы ускорить развязку, которая должна была возвратить им честь их семьи и которая чуть было не расстроилась из-за ужасного открытия, сделанного ими в доме в Монтреле.

Винсент чувствовал, что надо спешить, и решил все закончить завтра.

Для этого он решил повидаться с Панафье и Жюбером и назначить им на завтра свидание в Монтреле.

Там они должны были произвести суд и выслушать оправдания Андре.

Винсент хотел возвратить украденные деньги, а для этого — получить от Андре признание, где их можно найти.

Видя, что ему предстоит еще многое сделать в этот вечер, Винсент сел в фиакр и поехал домой.

— Франсуаза, — сказал он старой служанке, — вы не побоялись бы пожить в доме Маргариты?

— На Елисейских полях?

— Да.

— Я боялась бы там меньше, чем здесь. Господина Андре туда не носили, а здесь он был. Я знаю, что это глупости, но тем не менее я могу не заснуть всю ночь.

— В таком случае, Франсуаза, возьмите самые необходимые вещи, и я отвезу вас в дом на улице Шальгрэн, где вы и переночуете.

— Тем лучше, — сказала с явным удовольствием старая служанка. Но вы сказали, что я буду там одна?

— Да, мадам Берри вместе с Шарлем и сыном уехала в путешествие, а я за это время должен продать дом и обстановку.

Вы будете пока жить там и приведете все в порядок сегодня же, так как завтра в два часа я приеду туда вместе с нотариусом, чтобы начать опись вещей. Поторопитесь, мы сейчас поедem.

— Мне нужно совсем немного времени.

И старая служанка, довольная тем, что ей не придется спать в квартире, где провел целые сутки жокойник, поспешно уложила маленький узел, а Винсент написал за это время два письма: одно Жюберу, а другое — Панафье.

Старая Франсуаза пришла в ту минуту, когда он запечатывал последнее.

— Вот и я, господин Винсент, — сказала она.

— Едемте, — ответил тот.

Они сошли вниз и сели в экипаж.

Прежде всего Винсент приказал ехать на улицу Пуату, где жил Панафье, и узнав, что он отправил-

ся кататься на лодке, передал письмо привратнику с поручением сейчас же отдать его Панафье, когда тот вернется.

— Могу я отдать его мадам Луизе, если он вернется поздно? Таким образом он точно его получит.

— Нет. Передайте письмо лично, если не сегодня вечером, то завтра утром.

Он бросил другое письмо в почтовый ящик, и сев в фиакр, поехал на Елисейские поля.

Винсент и старая служанка приехали в дом на улице Шальгрэн еще засветло.

Так как там все было в беспорядке, как это всегда бывает после поспешного отъезда, то Франсуаза постелила себе постель рядом с комнатой Андре, в которой ничего не было тронуту, и кроме того, это была маленькая предосторожность, так как Винсент желал, чтобы комнату Андре на всякий случай сторожили до утра, пока он не сделает там осмотр.

Поместив старую Франсуазу, Винсент сказал, что придет завтра рано утром, и снова сев в экипаж, поехал домой.

Несколько успокоившись, он лег в постель, пытаясь уснуть, но сон не шел к нему. Он был сильно возбужден событиями прошедшего дня.

Андре Берри умер для света, и этот факт был занесен в книгу.

Злодей под именем Рауля и аббата Пуляра убил мадам Мазель и должен был в этом признаться. Это заявление нужно было сделать за границей при свидетелях и утвердить его законным порядком. Это могло бы восстановить честь Корнеля Лебрена.

Согласно последней воле умершего, злодею должны были возвратить свободу.

Все, что можно было выручить от продажи драгоценностей и обстановки, а также деньги, которые он хотел получить от негодея, Винсент рассчитывал пустить на уплату долга Эжени Герваль и Панафье.

Думая о приближении завтрашнего дня, Винсент наконец уснул.

Очень часто бывает, что в ту минуту, когда нам угрожает большая опасность, мы чувствуем себя спокойно. Несчастный думал, что спас положение, а между тем все летело в пропасть.

Глава VII

ПИСЬМО, МОНАСТЫРЬ, ТАЙНА

Через день Винсент получил от брата письмо, в котором говорилось, что Маргарита стала спокойнее, и из которого мы приведем отрывок с описанием места, где вскоре должна произойти одна из главных сцен нашего рассказа.

«Когда я укладывал чемоданы, то подумал, что нужно взять с собой несколько летних вещей.

Я говорил себе, что температура в Париже весенняя и чем ближе я буду продвигаться к югу, тем будет теплее. Я весело уселся в вагон Лионской линии, и когда кондуктор закричал: «Дижон!», я выскочил в расстегнутом пальто. При одном воспоминании об этом я вздрагиваю. Множество ледяных сосулек висело на крышах, все окна замерзли.

Не прошло и двух секунд, как мой нос покраснел, пальцы замерзли, зубы выбивали мелкую дрожь, и я с трудом смог спросить служащего: «Извините, жсье, не сел ли я на поезд, который идет в Петербург?» «Бельфор! — услышал я. — Идите садитесь. Бельфор!»

Я поспешно зашел в вагон. На этом холодном воздухе продолжался весь мой остальной путь. Пять часов мы ехали в открытом экипаже. Наконец я приехал в Шоле-Пассаван, монастырь траппистов.

Аббатство, построенное на берегу маленькой речки в глубине громадного ущелья, стоит окру-

женные скалами вывотой более пятидесяти метров и гораздо больше похоже на действующую ферму, чем на обитель религиозной секты.

Дон Жерар, приор монастыря, любезно взялся проводить нас.

Мы последовательно осмотрели великолепную мельницу, построенную по проекту Гербле, механическую лесопилку, на которой работает не меньше 20 пил, разные мастерские, принадлежащие монастырю.

Дон Жерар сознался, что соседние мельники завидуют монастырю, и действительно, есть чему завидовать: мельницы приносят монастырю около ста тысяч франков. Лесопилка тоже приносит хороший доход, и остальные мастерские точно также дают хорошую прибыль.

Бедные монахи! Монастырские правила не разрешают использовать ничего мирского. Они завели стада баранов, из шерсти которых делают ткань для своих длинных ряс белого или серого цвета.

Орден запрещает употреблять в пищу всевозможные сорта мяса, даже рыбу, и несчастные вынуждены продавать мясо и рыбу, производимые ими.

Они едят один раз в день, и их пища состоит из зелени, сваренной в воде или в масле, смотря по тому — поетный или скоромный день.

Так как я скорчил гримасу, услышав это меню, то дон Жерар сказал мне, указывая на свою полноту: «Вы видите, однако, что эта пища не так уж и вредна».

И действительно, глаза у него блестящие, губы красные, цвет лица очень здоровый, и при взгляде на него не придет в голову, что монастырские правила так строги.

Мы вошли в большой зал, выбеленный известью и заставленный по периметру скамейками, в глубине которого стояли три больших кресла для начальства.

Здесь происходит исповедь всех братьев. Каждый день братья должны исповедоваться старшим

в совершенных ими в течение прошедшего дня грехах.

Братья спят в длинных дортуарах, и каждая постель закрыта длинной занавесью.

Сон разделен на две части: в полночь трапписты встают и отправляются молиться. Хотя почтенный дон Жерар утверждал, что молитва является их основным занятием, тем не менее в течение трех часов, которые мы там пробыли, я не видел ни одного монаха, направляющегося в капеллу.

Капелла очень проста. Она без всяких украшений, и в ней стоят два ряда скамеек. Из капеллы мы отправились на кладбище, пройдя мимо конюшен и сараев, большая часть которых сгорела.

Трапписты утверждают, что причиной пожара был поджог, совершенный мельниками, которые завидуют им.

Кладбище тоже очень простое. На нем нет никаких особенных памятников. Над каждой могилой возвышается простой земляной холм с деревянным крестом, на котором на латинском языке написана эпитафия с именем умершего в монашестве, год и количество лет пребывания его в монастыре.

Когда какой-нибудь брат находится при смерти, все трапписты собираются вокруг его постели и тихо читают молитвы. Как только он умирает, тело его относят в капеллу, где в течение двадцати четырех часов два брата постоянно молятся над ним.

Наконец, в монашеском костюме, без гроба, его опускают в могилу глубиной в три метра.

Когда я выехал из монастыря, то первое, что пришло мне в голову, — какое богатое хозяйство!

В этом монастыре мы найдем то, что ищем. Мы с Маргаритой пробудем в Гильоне несколько дней. Пиши мне по этому адресу».

Прочитав эту таинственную фразу, Винсент сказал про себя: «Отлично, теперь все идет как нельзя лучше».

Читатели скоро узнают цель посещения монастыря Шарлем Лебреном и поймут радость Винсента.

Впрочем, со времени отъезда брата Винсент не потерял ни минуты. Перед приездом нотариуса он произвел осмотр у своего зятя и нашел бумаги, которые позволили бы выплатить украденные тем деньги. Он нашел драгоценности, принадлежавшие мадам Мазель, и это было большой удачей, так как должно было помочь исправить юридическую ошибку, жертвой которой стал несчастный Корнель Лебрен.

Винсент перенес к себе деньги и драгоценности.

На другой день во время описи при нотариусе было найдено гораздо больше, чем можно было предполагать.

Не нужда и не необходимость заставляли Андре совершать преступления — причиной этого была его испорченная натура.

Опись была сделана, день продажи — назначен, и на всех четырех углах дома — наклеены объявления, в которых говорилось о продаже. Винсент думал, когда все формальности будут окончены и дела — ликвидированы, собрать всех пострадавших и сообщить им о том, что он решил.

Винсент уже получил письмо от брата и размышлял о том, что ему остается сделать, как вдруг услышал звонок в дверь.

Мы уже говорили, что Винсент старую служанку поместил в доме на улице Шальгрэн, поэтому он сам пошел открывать дверь раннему посетителю.

Это была сама Франсуаза.

При виде ее Винсент невольно вскрикнул от удивления.

— Это вы, Франсуаза! В каком виде!..

Старуха молча закрыла дверь и последовала за своим хозяином в гостиную.

Она едва переводила дыхание. Винсента очень удивил ее вид, потому что она всегда одевалась тщательно. В этот день она была необыкновенно

растрепана. Волосы выбивались у нее из-под чепчика, платье было застегнуто кое-как, платок тащился по полу. Но все это ничего не значило по сравнению с выражением ее лица.

— Что случилось, Франсуаза? — спросил Винсент.

— Боже мой, — ответила старуха прерывающимся голосом. — Я, право, не знаю, как я до сих пор жива. О Боже мой! Бог, должно быть, не прощает покойников.

Винсент взглянул на старуху, не понимая, что она хочет сказать. Неужели она узнала ужасную историю с трупом?

— Объясните, Франсуаза, — с беспокойством потребовал он. — Что вы хотите сказать? Каких покойников?

— Господин Винсент, дайте мне целую кучу золота — я все-таки не соглашусь снова вернуться в этот дом.

— Почему?

— Потому, что сегодня ночью я видела выходца с того света.

— Выходца?..

— Да, я его видела так же, как вижу вас. Около полуночи, когда я уже лежала в постели, мне вдруг послышался стук открываемой двери. Я встала. Я помнила, что сама закрывала дверь комнаты господина Берри. Мне показалось, что через скважину замка просачивается свет. Это все было странно, и я решила пойти посмотреть в замочную скважину.

— И?.. — спросил Винсент, дрожа от беспокойства.

— Клянусь вам своей жизнью — я увидела господина Андре так же, как вижу вас. Что это был не он, я понимаю. Это был призрак, но если бы вы увидели его, то тоже решили, что это он сам — живой, как вы и я. Он искал что-то в бумагах и был очень бледен. Только по этому и можно было понять, что это не живой человек.

— Что же вы сделали?

— Я перекрестилась. Говорят, что это прогоняет духов, но он и не думал уходить. Наоборот, он повернулся к двери и пошел на меня. Тогда...

— Тогда... Говорите, Франсуаза, что тогда?

— Тут, мсье, я не помню, что произошло. Страх схватил меня. Подумайте только, ко мне шел покойник! Я стала читать молитву, но он продолжал двигаться ко мне. Казалось, что он видит меня сквозь дверь. Я потеряла сознание и упала на ковер.

— А он подходил к вам? — с беспокойством спросил Винсент.

— Повторяю, я не помню, так как потеряла сознание. Я пришла в сознание только сегодня утром, продрогнув от холода. Сначала я ничего не могла вспомнить, а потом память стала мало-помалу возвращаться ко мне. Когда я посмотрела, все ли в комнате в порядке, то все оказалось на своих местах. И если бы я не видела его так, как вижу вас, то мне показалось бы, что приснился сон.

— Это наверняка так и есть, Франсуаза, — скавал Винсент. — Постыгшее нас несчастье произвело на вас сильное впечатление, вы легли спать с этой мыслью, которая вас не покидала и во сне, и у вас появились галлюцинации.

— Господин Винсент, может, это и так, но я знаю — проживи я хоть сто лет, я все равно этого не забуду. Я всегда смеялась над призраками, но теперь, — продолжала старуха, крестясь, — теперь я не буду больше смеяться. Никогда, никогда не подумала бы я, что они есть. Если бы не бледность и то, что он выглядел немного более худым, то вы сами бы сказали, что это господин Андре.

— Да это галлюцинация!

— Но ведь я вставала!

— Это иногда случается в припадке лунатизма.

— Но, господин Винсент, вы мне поверите, если узнаете, что сегодня в комнате пахло серой, дымом и табаком.

Винсент кусал себе губы. Эти подробности, рассказанные служанкой, беспокоили его. Во всяком случае, ее необходимо убедить в том, что она видела призрак.

— Добрая Франсуаза, — сказал он, — я немного скептик, но тем не менее то, что вы сказали, заставляет меня не сомневаться во всем этом. Все это странно. В таком случае вы останетесь здесь, а я пошлю туда мужчину.

— Благодарю вас, господин Винсент. Если бы мне пришлось вернуться туда, то я умерла бы от страха.

— Франсуаза, вы останетесь здесь со мной и приготовите все для моего быстрого отъезда. Я отправляюсь путешествовать.

— По всей вероятности, вы едете к мадам Берри?

— Я и вас возьму с собой, чтобы оставить у нее.

— Благодарю вас, мсье.

— Только, Франсуаза, я должен вас предупредить. Итак уже достаточно поразившего нас несчастья, и не следует оживлять воспоминания, рассказывая о случившемся ночью.

— Нет, мсье, я не буду рассказывать.

— Вы понимаете, Франсуаза, — ни одного слова.

— Я отлично понимаю, что дурные языки не замедлили бы сказать, что он умер с большими грехами на душе, если возвращается таким образом.

Несмотря на всю серьезность положения, Винсент с трудом удержался от улыбки при этой наивной мысли.

Когда Франсуаза оставила его одного, он задумался: «Что скрывается под этим? Что это значит? Может, это кошмар, привидевшийся старухе, от страха близкой к помешательству? Невероятно, чтобы Андре мог сбежать! Еще менее вероятно, что он

решился прийти к себе домой, не зная, известно ли о нем жене и полиции.

Перечислив сам себе причины, которые должны были помешать негодяю сделать подобное посещение, Винсент успокоился, говоря себе: «Нет сомнения — это кошмар, привидевшийся бедной старухе. По всей вероятности, она металась на постели и упала на пол, а промерзнув утром и проснувшись, вообразила, что действительно видела то, что ей приснилось».

В эту минуту раздался громкий звонок, который заставил молодого человека подскочить.

В ту же минуту в комнату вошла старая Франсуаза.

— Господин Панафье желает во что бы то ни стало говорить с вами. У него страшно взволнованный вид.

— Введите его скорее и оставьте нас одних.

Панафье сразу вошел. Лицо у него было очень расстроенное.

— Ну, что? — спросил Винсент, как только дверь за старухой закрылась.

— О, мсье, какое несчастье!

— Итак, это правда? — вскричал Винсент.

— Вы уже знаете? — с удивлением спросил Панафье.

— Андре бежал!

— Да, но как вы узнали?

— Сегодня ночью он был у себя дома.

Легко можно представить, как был удивлен Панафье этим известием. Рауль де Ла-Гавертьер решился вернуться к себе! Следовательно, негодяй не сознавал своих преступлений и собирался совершить следующие.

По просьбе Винсента Панафье в нескольких словах рассказал о бегстве негодяя, совершенном накануне ночью.

Он передал ему все, что рассказал Ладеш: представившись больным, Андре попросил своих сторо-

жей оставить его одного в комнате, чтобы он мог уснуть. Те, не зная о существовании второй двери кроме той, через которую они входили, уступили его просьбам.

Тогда Андре поднялся на верхний этаж, без шума спустился в погреб, где нашел отверстие, в которое бросали дрова, пролез в него, попал в сад и уже оттуда бежал.

Деталь, Ладеш, а главное — собака, проследили его путь до самой Венсенской заставы.

Перед рестораном собака уперлась. Зашли туда и стали расспрашивать. Действительно, рано утром в ресторан вошел какой-то господин, заказал себе завтрак, выпил вина, и чтобы расплатиться, разменял тысячефранковую купюру. Затем он послал за фиакром.

— Купюру в тысячу франков! Разве вы оставили у него деньги?

— Я спрашивал об этом сторожей. Они были от него в восторге, так как он подарил им все, что было у него в карманах.

— Первое, что он сделал, — вернулся к себе.

— Но ваша сестра?!

— К счастью, я принял меры предосторожности против всяких случайностей. Моя сестра уехала путешествовать уже три дня тому назад. Вся прислуга отпущена, и дом сторожила моя старая служанка.

— В таком случае, она его видела?

— Нет.

— Как это?

Тогда Винсент рассказал Панафье все, что случилось.

Чтобы вернуться к себе, Андре дождался ночи и прошел своим обычным путем через маленькую дверь. Но чего Винсент не мог объяснить, так это — каким образом ему удалось это сделать, потому что овязка ключей, найденная у Андре, была передана Винсенту.

Как бы то ни было, Андре вошел в свою комнату. Старая служанка, спавшая рядом, увидела в дверную щель свет, встала и со страхом посмотрела в замочную скважину. Увидев того, кого она считала мертвым и уже погребенным четыре дня назад, она приняла его за призрак и, к счастью, потеряла сознание.

Андре не мог с ней говорить. Когда Франсуаза встала, то он уже ушел, оставив после себя запах серы и дыма.

— Нельзя терять ни минуты, — сказал Винсент. — Мы должны его немедленно найти. Ваши два помощника будут служить нам.

— Прежде всего отправимся в дом на улицу Шальгрэн и посмотрим, что он там делал.

— Нужно там оставить кого-нибудь, так как он может вернуться.

— Да, вы правы.

— Для этого мы можем использовать эльзасца, который был в Монреале и знает его. Он очень силен, и если бы Андре пришел, то уже не ушел бы.

Мысль была одобрена, и сразу послали за Штрамом, которому приказали отправиться с ними вместе на улицу Шальгрэн.

Подъехав к дому, они осмотрели двери. Их открывали ключом, так как нигде не было ни единой царапины. Спальня также была открыта ключом, все было на местах, исчезла только маленькая шкапулка с бриллиантовыми серьгами, которые считались собственностью госпожи Мазель. Они были оценены в двадцать-двадцать пять тысяч франков. По приказанию Винсента эти серьги не были включены в опись и в следствие этого не были переданы вместе с деньгами нотариусу.

В этот же день вечером эльзасец приступил к исполнению своих обязанностей, а Панафье и Винсент позвали Ладеша и Деталля, чтобы снова начать поиски.

Глава VIII

МЕРТВЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Мы оставили Андре Берри на Венсенской дороге.

В ожидании часа, когда можно будет отправить-ся в ресторан, Андре прогуливался по Венсенскому лесу. Он умылся из источника, затем поправил одежду и стал анализировать ситуацию.

Он не волновался, так как был убежден, что его не преследуют. Братья Лебрен не могли выдать его правосудию. Они думали о восстановлении чести отца, но отдав его правосудию, они погубили бы сестру и маленького племянника, которого очень любили. Негодяй был спокоен.

Те, что обвиняли его в Монترеле, по всей вероятности, получили деньги в обмен на молчание.

Зная великодушные братьев, Андре был уверен, что ему нечего опасаться полиции, опасность грозила, скорее, со стороны их самих. Заметив его бегство, братья должны сразу пуститься в погоню. Но двое негодяев, которые похитили его ночью на улице Омер, днем были неопасны.

Обдумав все это, Андре спокойно пошел по большой дороге, стараясь держаться наиболее людных мест, где преследователи ничего не могли с ним сделать.

Тем не менее одна мысль мучила его — это мысль о жене и ребенке. Мы уже говорили, что Андре любил свою жену и обожал ребенка, и его пугало то, что братья должны были рассказать о нем Маргарите.

Он представлял себе эту ужасную сцену. Он понимал, какое страшное горе должна была испытать бедняжка: она — жена убийцы, жена человека, который не захотел спасти ее отца от эшафота. И ее ребенок — сын убийцы.

Повторяю, что единственным чистым чувством, которое осталось еще в порочной душе Андре, была любовь к жене и ребенку.

Что произошло за это время? Как объяснили его отсутствие? Он спешил это узнать. По всей вероятности, братья Лебрен поселились со своей сестрой, узнав о его бегстве. Андре хотел во что бы то ни стало попасть к себе домой. Он хотел все узнать, пусть даже подвергая себя опасности; но, разумеется, в его планы не входило дать поймать себя.

Приняв это решение, он отправился в Париж и, добравшись, зашел позавтракать в ресторан «Латурнель». По его расстроенному виду и зверскому аппетиту в ресторане заключили, что он — гость с буржуазной свадьбы, в котором плохой обед и танцы, продолжавшиеся всю ночь, возбудили сильный голод. Позавтракав, он послал за экипажем и приказал везти себя на бульвар Малерб.

Экипаж остановился почти напротив парка Монсо. Андре выпшел, заплатил кучеру и прошелся пешком до великолепного дома, в котором окончательно был отстроен только первый этаж. Работы по строительству почему-то были остановлены, привратника в доме не было. Андре вошел в парадную, влез в окно комнаты, предназначенной для привратника, открыл дверь и очутился уже на лестнице, по которой поднялся на первый этаж. Там он взял из шкафа маленький ключ, припрятанный в темном углу, затем вернулся на площадку лестницы, и открыв этим ключом следующую дверь, вошел в прелестную квартирку. Пройдя в спальню, он упал в кресло со словами:

— Вот я и у себя дома!

Но вдруг встал и прибавил:

— Нужно быть поосторожнее, так как за мной могли следить. — Говоря это, он открыл шкаф возле кровати, достал револьвер и осмотрел патроны.

— Тому, кто попытается поднять на меня руку, я раздроблю череп.

Положив револьвер на стол, он начал переодеваться. Менее чем через час он был уже на улице, остановил экипаж, сел в него, сказал кучеру: «В лес!», и развалившись на подушках, закурил сигарету.

Экипаж тронулся и спустя двадцать минут уже проезжал мимо особняка на улице Шальгрэн. Спрятавшись за опущенные шторы, Андре посмотрел на окна и был удивлен, увидев на всех углах дома желтые афиши. Тогда он приказал кучеру узнать, что это значит. Экипаж остановился на аллее Императрицы, и кучер пошел узнать, в чем дело.

— Особняк продается со всей обстановкой по случаю смерти, — объяснил он, вернувшись.

— По случаю смерти... — повторил Андре, и на лбу у него выступил холодный пот.

Кучер снова хотел сесть на козлы, как вдруг Андре сказал:

— Вернитесь пожалуйста и узнайте имя умершего человека.

В ожидании ответа несчастный сходил с ума. Неужели Бог наказал его, лишив единственной привязанности, жившей в нем? Неужели его жена или сын умерли? Может быть, Маргарита, не сумев вынести горя, решила лишить себя жизни? Неужели он совершил новое преступление, погубив свою жену? Он с беспокойством ожидал ответа, так как кучер долго не возвращался.

— Кто же умер? — спросил он, когда кучер наконец вернулся.

— Неделью тому назад был убит на дуэли хозяин дома, — ответил кучер.

— Что вы рассказываете?! — с удивлением спросил Андре.

— Я повторяю вам то, что мне сейчас сказали.

— Вы узнали имя умершего человека?

— Да. Это был биржевик, который вел большие дела. Его звали Андре Берри.

— Хорошо, — проговорил Андре, откидываясь в угол экипажа. — Поезжайте.

— Прикажете объехать вокруг озера?

— Нет, поезжайте в кафе «Мадридское».

— Хорошо, — сказал кучер и, сев на козлы, ударил лошадей.

Легко понять изумление негодая. Что все это могло значить, и каким образом во время его отсутствия смогли объявить о его смерти? Ситуация складывалась странная, и это пугало его. Незнание для него было страшнее всего. Поэтому, прежде чем появиться дома, он решил навести справки.

Услышанное им приводило его в ужас. Он сидел, закрыв лицо руками, и когда кучер снова проезжал по улице Шальгрэн, он вдруг вышел из задумчивости.

— Это нужно выяснить... Кучер, везите меня на аллею Великой армии.

Несколько минут спустя, расплатившись с кучером, Андре шагнул по дороге к заставе Нелли.

Увидев шедшего ему навстречу молодого человека в довольно потертом пальто — одного из тех людей, о которых трудно сказать, чем они занимаются, но зато сразу скажешь, что это парижанин, — Андре подошел к нему.

— Хотите заработать за двадцать минут луидор? — спросил он.

Тот остановился перед Андре и, не выпуская рук из карманов, заинтересовался протяжным голосом:

— А что для этого нужно сделать?

— Совсем немного.

— Конечно, немного. На эти деньги нельзя же заставить меня выстроить целую колонну... Но всегда нужно узнать, в чем дело, прежде чем сказать «да».

Андре оглянулся вокруг и увидел небольшое кафе, в которое ходила окрестная прислуга. Он указал на него своему собеседнику, говоря:

— Угодно ли вам выпить здесь чего-нибудь?

— От этого я никогда не отказываюсь, тем более что у меня сегодня страшная жажда.

Андре вошел в кафе вместе со своим спутником, и тот, попросив вина, сказал:

— Я вас слушаю.

— Я уже сказал вам, что мне нужно от вас совсем немного.

— Всегда говорят так! Во всяком случае, расскажите, а о цене мы договоримся.

— Вы отправитесь на улицу Шальгрэн...

— Знаю. Продолжайте.

— Там есть маленький дом, на котором наклеены афиши о продаже по случаю смерти хозяина, Андре Берри. Мне необходимо узнать, как умер этот человек.

— Хорошо. Что еще?

— Это все.

— Все?! — удивился бродяга. — А я ожидал совершенно другого. Это можно сделать за вашу цену. Если вы будете довольны, то, может быть, дадите еще на водку.

— Можете рассчитывать на меня. Вот вопросы, на которые мне нужны точные ответы...

— Говорите, — сказал бродяга, отрывая угол газеты, чтобы записывать под диктовку.

— Первое: каким образом, кем и когда был убит Андре Берри? Где он похоронен? Второе: живут ли еще в доме его жена и сын? Если — нет, то где они?

— Отлично. Я узнаю.

— И еще... Что думают о покойнике?

— Это все?

— Все.

— Через четверть часа я буду здесь. Приготовьте деньги.

Он выпил свой стакан вина и ушел.

Менее чем через двадцать минут он уже вернулся.

— Все исполнено, — доложил он.

— Говорите скорее, — с беспокойством перебил Андре.

— Дела обстоят так. Первое: Андре Берри играл на бирже, вел веселую жизнь, не отказывался от кокоток, что не мешало ему любить жену и ребенка, которые отвечали ему тем же. Следовательно, о нем очень жалеют.

— Дальше.

— По какой причине он дрался — неизвестно. Десять дней тому назад он не вернулся домой ночевать. На другой день его жена сходилась с ума от беспокойства, когда вечером пришел брат и сообщил ей, что муж ее накануне убит на дуэли. Так рассказывают. Говорят, однако, что дела его попли плохо, и он просто сам раздробил себе череп, так как его нашли в морге.

— В морге в Париже?

— Да, в Париже.

— И его похоронили?

— Да. Для того, чтобы еще больше не огорчать вдову, тело перевезли к братьям, и она только ездила попрощаться с ним.

— Ездила проститься?

— Да, накануне похорон.

— И видела его? — с удивлением повторил Андре, говоря сам с собой, тогда как бродяга продолжал:

— Его похоронили в семейном склепе. Этот склеп великолепный, как рассказал мне один сосед, бывший на похоронах. Похороны были очень торжественные.

— А-а! — протянул Андре, все больше недоумевая.

— Вечером братья пришли за вдовой и увезли ее вместе с ребенком в путешествие. Дом продается через неделю, а в настоящее время его сторожит старая служанка. Вот и все. Вы довольны?

— Вот вам, — сказал Андре, давая ему два луидора.

— Благодарю вас, — весело воскликнул бродяга. — Если я вам когда-нибудь понадобится, то вы знаете, где меня найти. В любое время меня можно встретить между Триумфальной аркой и заставой. Впрочем, первый попавшийся скажет вам, где я, если вы спросите любовника красавицы англичанки. Мы здесь известны.

Андре не слушал болтовни своего помощника, озабоченный тем, что узнал. Он направился к бульвару Малерб, напрасно ища объяснения всему происшедшему.

Он уже выходил на бульвар, как вдруг передумал, взял экипаж и приказал везти себя на кладбище Пер-Лазез. Андре знал место семейного склепа Лебрен и отправлялся туда не без беспокойства. На мраморной доске склепа он прочел:

«Здесь покоится Андре Берри, умерший 5 июля 18... года и оплакиваемый своей вдовой, сыном и всей семьей. Молитесь за него».

«Что значит вся эта комедия? — говорил про себя Андре, качая головой. — Чистовердечна ли Маргарита? Что было бы, если бы я вернулся домой? Что тогда они ответили бы правосудию?» Думая об этом, он вышел с кладбища и увидел шюврядь Ла-Рошетт. Это заставило его сильно задуматься. «Да, они скажут: смотрите — это Андре Берри, он не умер. Берите его — это убийца госпожи Мазель, вместо которого был казнен наш отец».

Он поспешил в экипаж и приказал везти себя домой. «Итак, решено, — думал он, — Андре Берри умер. Да так оно и лучше. Нет больше преступника, и я начну жить как новый человек. Я был казнен без суда. Следовательно, Лебренам нечего от меня больше требовать. Что теперь мне делать? У меня почти ничего нет на бульваре Малерб. Но я не могу остаться без денег... Какой я дурак! Продажа того, что мне принадлежит, еще не состоялась, и я могу отправиться туда и взять все, что мне нужно. Дом пует, ключи у меня есть, и если я найду доста-

точно средств, то оставлю Париж, где рискую каждую минуту столкнуться с кем-нибудь из старых знакомых. В Лионе знают Рауля де Ла-Гавертьера. Что же, я превращусь в Рауля. У меня есть для этого все нужные бумаги. Я отправлю свои чемоданы на железную дорогу, а мебель из этой квартиры продам сегодня же. Если мне удастся найти бриллианты на прежнем месте, то я продам также и их. В течение пяти лет о них успели забыть, поэтому продать их будет легко, и у меня будет больше денег, чем нужно».

Андре строил еще свои планы, когда кучер открыл дверь и сказал:

— Приехали.

Войдя к себе, Андре сделал все так, как решил, то есть отправился за скупщиком, которому приказал отвезти мебель, белье и все остальные вещи в отель Друо для распродажи. Чемоданы с немногими оставшимися вещами были отправлены на Лионскую железную дорогу и оставлены там до следующего дня.

Сам Андре в дорожном костюме ожидал ночи.

Около восьми часов он отправился обедать, затем нанял экипаж и до полуночи катался по Булонскому лесу.

Наконец, увидев, что огонь в комнате старухи, караулившей дом, погас, он вышел из экипажа на углу улицы и проник в дом, воспользовавшись маленькой дверью, через которую он всегда входил к себе.

В кабинете Андре все нашел на своих местах и открыл ящик, в котором держал деньги. Но денег не оказалось. Как он и предполагал, они были изъяты. Тогда он открыл маленький секретный ящик и вынул оттуда шкатулку. Видя, что бриллиантовые серьги еще там, он вздохнул с облегчением.

Забирая нужные бумаги, он вдруг услышал за спиной шум. Положив бумаги на стол, он взял в одну руку свечу, а другой вытащил из кармана

револьвер и направился к двери, твердо решив разбить голову тому, кто захочет его поймать.

Открыв дверь, он увидел, что к его ногам упала старая Франсуаза. Старуха потеряла сознание. Негодяй пожал плечами, говоря:

— Эта дура приняла меня за призрак... Тем лучше для нее, — прибавил он, кладя револьвер в карман.

После этого он взял бумаги, привел их в порядок, и прихватив драгоценности, вышел из дома.

Наняв экипаж, он сказал кучеру:

— На улицу Лаваль, номер 19.

И прибавил про себя: «Посмотрим — считает ли меня мертвым она».

Приехав на улицу Лаваль, он поднялся на третий этаж и позвонил.

Послышался звук открывающейся двери, и женский голос спросил:

— Кто там?

— Открой, Нисетта. Это я — Рауль.

Дверь открылась.

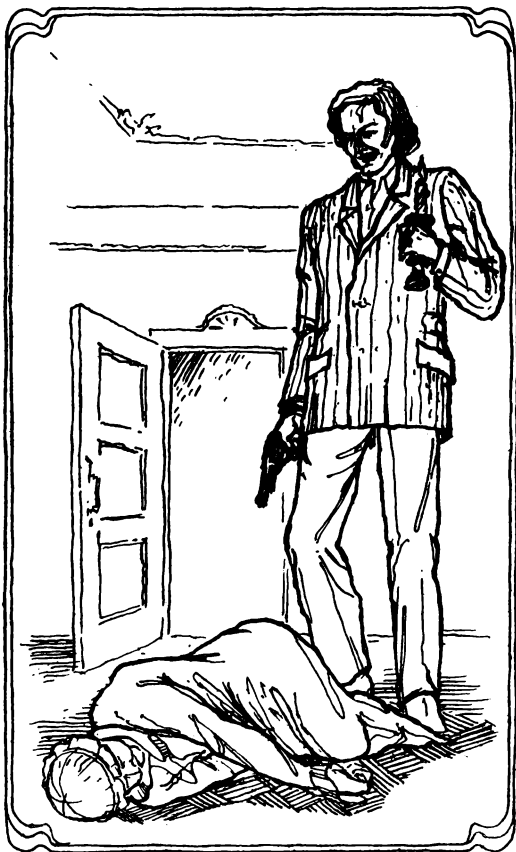
Глава IX

НОЧЬ ЛЮБВИ НИСЕТТЫ

Нисетта появилась в пеньюаре, держа в руках подсвечник. Она обняла посетителя и пригласила в дом.

Поведение Нисетты может показаться странным и невероятным, но она была жертвой пороков, которые не давали ей жить честно.

Она желала жить во что бы то ни стало. В ее поступках перемешались страсти и пороки, удовольствия и разврат. Она презирала нравственность и добродетель, и ее девизом было: «Каждый за себя».

Эта женщина любила жизнь и хотела жить. Ничто в этом желании не могло ее остановить.

Она попадала в разные ситуации, и всегда порок помогал ей из них выбраться.

Она смело переносила нищету и голод, но чего не могла переносить совершенно, так это — новеедневного труда. Только он мог бы ее спасти. Женя сделала из нее то, что мы видели. Нисетта любила тех, кто хотел любить и любил ее. Только один раз она влюбилась серьезно. Это было тогда, когда она встретила с Андре. Этот красивый юноша вскружил ей голову. Она любила его до безумия, не отдавая себе в этом отчета.

Андре обращался к ней, как к последней из женщин. Когда ей надоедало это, она бросала его и клялась, что никогда больше с ним не увидится. В эти моменты она готова была рассказать о нем все, что угодно. Но как только она видела его, чувства возвращались к ней с прежней силой, и она не могла устоять.

Увидев Андре Берри среди ночи, она не удивилась. Наоборот, она с радостью приняла его.

Наши читатели присутствовали при разговоре на Марне. Это было всего несколько часов тому назад...

— Какой счастливый случай привел тебя ко мне? Мне нужно было с тобой увидеться!

— Я приехал проститься с тобой.

— Проститься?..

— Да. Я отправляюсь завтра утром путешествовать.

— И ты подумал обо мне?

Все это время Андре лгал, а она, сев возле него и обвив его шею руками, нежно смотрела ему в глаза.

— Ты меня любишь?

— Как видишь.

— Это правда? Отвечай мне откровенно!

Андре почувствовал, что она знает что-то очень серьезное.

— Нисетта, лучшим доказательством моей любви является то, что в каких бы ситуациях я ни оказывался, я никогда не забывал тебя.

— Но это могло быть и не любовью.

— Что ты хочешь сказать?

— Нас с тобой слишком многое связывает.

Андре так взглянул на Нисетту, что она сразу замолчала. Тогда он повернул ее к себе, и в голове его зазвучали странные нотки:

— Ты забываешь, что моя любовь убивает тех, кто мне больше не нужен. Ты же осталась жива, значит, ты мне дорога.

Нисетта ничего не отвечала, но Андре, державший ее за руки и гладивший по голове, почувствовал, что она вздрогнула.

Чтобы успокоить, он привлек ее к себе и обнял ее словами:

— Я люблю тебя. Будь всегда моей союзницей и не ищи другой причины моих чувств. Помогай мне — и тебе нечего будет бояться.

Несколько минут Нисетта молча отдавалась его ласкам, затем проговорила:

— Я докажу сейчас свою любовь к тебе.

— О чем ты говоришь? — с любопытством спросил Андре.

— Сегодня утром сюда приходил полицейский и спрашивал о тебе. Они тебя ищут.

— Нисетта, не лги. Сюда действительно приходил полицейский?

Молодая женщина была смущена неожиданным вопросом.

Под пристальным взглядом Андре она поежилась и ответила:

— Не совсем так...

— Раз начала — продолжай, моя красавица. Ты слишком умна, чтобы захотеть меня обмануть.

— Слушай, Андре, я скажу тебе все. Ведь ты знаешь, как я тебя люблю.

Андре придвинулся к ней ближе, и она рассказала все, что произошло в прошлую ночь, — так, чтобы не выдать своей измены. Когда она окончила, Андре задумался на несколько минут, а затем, подняв голову, сказал:

— Во всем этом для тебя столько же опасности, сколько и для меня. И для тебя это даже более опасно, чем для меня. Меня ведь больше нет.

— Как это?

Андре рассказал в нескольких словах, что произошло с ним.

— Что же делать? — с испугом спросила Нисетта.

— Я еще не знаю, чего они хотят, и в этом кроется для меня опасность. Тот, кто не может предусмотреть событий, должен погибнуть. Прежде всего нужно бежать, а затем уже начинать действовать. Но главное — проскользнуть у них между рук.

— Что ты думаешь делать?

— Уехать.

— И оставишь меня здесь?

— Я хотел ехать один, но теперь вижу, что нужно вдвоем. Они станут меня искать под различными именами, которыми я назывался.

— Вполне возможно.

— У тебя цел еще твой свадебный контракт?

— Да.

— И бумаги твоего мужа?

— Да, у меня все цело.

— Тогда вставай, Нисетта. Нам нельзя терять время.

— Ты берешь меня с собой?

— Да.

— О, дорогой Андре! — весело вскричала Нисетта.

— Только собирайся побыстрее. Мы должны уехать отсюда до рассвета. Одевайся, уложи чемо-

даны, но прежде всего — дай мне бумаги твоего мужа.

Нисетта вынула из ящика сверток бумаг и передала его Андре. Пока он читал их, она поспешно одевалась и укладывала необходимые вещи.

— Тебя зовут Алиса? — спросил Андре через несколько минут.

— Да.

— Почему же тебя все звали Нисеттой?

— Когда я была маленькой девочкой, меня звали Лисеттой, и я сохранила это имя, изменив только первую букву. Мое настоящее имя — Алиса Барлет, по мужу — Соване.

Ознакомившись с паспортом, Андре повернулся к Нисетте, говоря:

— Ты снова становишься Алисой Соване и едешь со своим мужем.

— Ты с ума сошел. Он умер.

— Твой муж — я. Я женился на тебе лет двенадцать назад, и звали меня Генрихом Соване.

— А, теперь я понимаю! — весело воскликнула Нисетта.

— Ты видишь: хорошим поведением человек может достичь всего, — продолжал Андре с циничным смехом. — Мы входим в раскрытую дверь. В настоящее время от всего прошлого у меня остались только драгоценности. Их было бы трудно продать, но теперь у меня есть паспорт ювелира, и мы сделаем это спокойно.

— Да, это правда.

— Все это как нельзя более кстати. Мы с тобой господин и госпожа Соване. Я был ювелиром, но прекратил заниматься делами. Только время от времени я занимаюсь ими, когда это сулит мне большую выгоду. Я нашел бриллианты Мазель и присоединил их к бриллиантам графини. Таким образом, мы можем существовать безбедно. Отсюда мы отправимся в Лион, а затем в Швейцарию.

— О-о! — весело вскричала Нисетта. — С каким удовольствием я буду называть тебя мужем!

— А теперь, пока ты укладываешь свои чемоданы, я слегка изменю свою внешность.

Говоря это, он вынул из дорожной сумки маленькую пшатулочку, из которой взял флакон и губку, смочил губку и провел ею по волосам.

— Знаешь, Нисетта, ничего нет более приятного, чем иметь паспорт твоего мужа.

— Он даже был симпатичен.

— В нем не было ничего особенного: рот средний, глаза черные, цвет лица обыкновенный, волосы каштановые, бороды нет. Я сделаю себе каштановые волосы, и буду изумительно похож на него. Скоро у меня вырастут усы, и тогда меня никто не узнает.

— Господин Соване, который час? Мои чемоданы уже готовы.

— Скоро шесть часов, госпожа Соване. Нужно поторопиться, так как необходимо все здесь привести в порядок и сжечь компрометирующие бумаги.

Со всем управились очень быстро. Все бумаги были сожжены, квартиру привели в порядок.

Час спустя супруги Соване были на железной дороге.

Мнимый ювелир взял билеты на поезд, и скоро они ехали по дороге в Лион.

Мы уже сказали, что Ладеш и Деталь были отправлены на поиски, и почти два дня ни они, ни Панафье не могли добиться результатов.

На третий день Панафье был у Винсента, когда туда пришли Ладеш и Деталь. Их ввела Франсуаза, удивленная, что к хозяину могли прийти такие гости.

Ладеш улыбнулся старухе, но она приняла эту улыбку за гримасу и была сильно напугана.

Провожая двух друзей, она не спускала глаз с их рук. По мере того, как они продвигались, она

запирала на ключ все шкафы, ~~испадавшие~~ по дороге.

Войдя в гостиную, Ладеш с фуражкой в руках раскланялся, подав знак Деталю следовать его примеру. Но бедняга, смутившись в непривычной обстановке, то спотыкался о ковер, то натыкался на мебель.

— Садитесь, господа, — пригласил Винсент, указывая на диван.

Старая Франсуаза поспешно бросила на диван кусок полотна, бывший у нее в руках, и два друга уселись на самый край.

Затем Франсуаза ушла, подняв глаза к небу и сложив руки.

— Вы узнали что-нибудь новое? — спросил Винсент.

— Мы знаем все, — ответил Ладеш.

— Вы нашли его?

— Нет, но мы напали на след.

— Рассказывайте скорее.

— Вот в чем дело, — начал Ладеш, в то время как Деталь одобрял его рассказ, кивая головой. — Прежде всего мы вернулись в Венсен и там от лакея узнали номер экипажа, за которым он ходил.

— Отлично.

— Тогда Деталь отправился разыскивать кучера (у нас есть друзья везде), и в тот же вечер мы обедали с этим кучером.

— Что же он рассказал?

— Он отвез его на бульвар Малерб, к дому напротив парка Монсо.

— Именно в этом самом доме он ~~пытался~~ убить Эжени Герваль.

— Тогда я узнал, что весь первый этаж занимал аббат по имени Рауль де Ла-Гавертьер. Дом этот еще не достроен.

— Как, недостроен?

— Да. Этот дом не достроен, скорее всего — из-за недостатка денег, и хозяин думал продолжать

работы не ранее, чем через два года. Тогда аббат пришел к нему и нанял квартиру, отремонтировать которую он обещал за свой счет. Понятно, что хозяин с радостью согласился.

— Значит, мы можем поймать его там?

— Не можем. Он человек осторожный. Он приходил туда четыре дня тому назад, переделся, уложил чемоданы и переехал.

— И ты не знаешь — куда? — с досадой спросил Винсент.

— Это еще не все. Я сказал, что чемоданы отнес скупщик, а мебель увезли на двух возах. Деталь найдет скупщика, а я найду перевозчика мебели.

— И тогда?.. — с беспокойством спросил Винсент.

— Тогда мы найдем человека, которого ищем.

— Понятно! — в один голос произнесли Винсент и Панафье, обмениваясь взглядами.

— Впрочем, это уже сделано. Мебель перевезена в отель Друо, где и продана, а чемоданы были отнесены на станцию Лионской железной дороги.

— На станцию Лионской железной дороги?!

— Да, но это еще не все, — добавил Деталь. — Ладеш — человек хитрый.

— Да, меня нелегко обмануть, — скромно заметил Ладеш.

— В чем дело? — спросил Винсент.

— Я снова ходил на железную дорогу и узнал, что наш молодец уехал утренним поездом в сопровождении какой-то женщины.

Панафье и Винсент с удивлением переглянулись.

— В сопровождении женщины?

— Какую женщину он снова мог увезти с собой? Может, это новая жертва?

— Подождите, подождите!..

— Может, ты все-таки ошибся?

— Я убежден, что это он, но слушайте дальше.

— Слушайте, — попросил и Деталь. — Не все ли вам равно, если мы убеждены в своей правоте? Говори, старина, они тебя слушают.

— Заведующий багажом сказал мне, что они дали три франка и сказали, что едут в Лион. Багаж дамы был привезен в железнодорожном экипаже. Я сразу же понял, что смогу узнать что-то новое.

— Ты был у...

— Вы все время меня перебиваете. Я не могу так рассказывать.

— Продолжай, мы тебя слушаем. Но прошу тебя — рассказывай покороче. Ты же видишь, в каком мы беспокойстве.

— Я не умею говорить иначе. Я должен объяснить хорошенько.

— Это чистейшая правда, — подтвердил Деталь. — Не надо торопиться. Лучше все сделать, как следует. Это наше правило.

— Продолжай, Ладеш, — с нетерпением сказал Винсент.

— Я отправился к железнодорожному кучеру, выпил с ним стакан вина и узнал, что накануне утром в семь часов утра он был у дамы. Получив адрес, я сразу отправился туда. Привратница сказала, что дама уехала с господином, который явился к ней среди ночи, но приходил и раньше. Звали его аббатом, или господином Раулем.

— Как же зовут эту женщину?

— Погодите, имя этой женщины у меня записано. Она живет на улице Лаваль, в доме номер 19.

— Но это же Нисетта! — с удивлением проговорил Панафье.

— Точно — Нисетта Левассер.

— И она уехала с ним?

— Да, господин Панафье. Они уехали утром третьего дня на скором поезде.

— Дьявол! — вскричал Панафье.

— Что здесь необычного? — спросил Винсент.

— Дело в том, что я знаю эту женщину. В тот день, когда негодяй бежал, меня не нашли потому, что я был с ней. Я знал, что она поддерживает с ним отношения. Я у нее узнал достаточно для того, чтобы можно было их обвинить. Она, можно сказать, была его сообщницей.

— Что же тогда удивительного в ее отъезде?

— Я не удивлен, а раздосадован, потому что был уверен, что она не сбежит. Уверенный в том, что она никуда не денется, я сказал ей слишком много, и она могла его предупредить. Теперь у нас мало шансов найти его.

— Но тем не менее это необходимо.

— Не бойтесь, мсье, мы найдем его, если вы пошлете нас за ним.

Панафье в отчаянии ходил по комнате, размахивая руками и говоря:

— Как я был глуп! Она обманула меня! Я все испортил своей глупостью!

Винсент Лебрен, владевший собой лучше, закрыв лицо руками, раздумывал.

— Нечего делать. Мы должны пуститься в путь. Вы можете ехать?

— Если вы хотите, то я поеду, но признаюсь — я в отчаянии.

— Мы можем поймать его только в том случае, если быстрее пустимся за ним в погоню. Он думает, что уехав из Парижа, сбил нас со следа, и проживет несколько дней в Лионе. Он знает, что полиция его не преследует. Его тактика спасения от нас будет противоположной той, какая была бы, если бы его разыскивала полиция. Поэтому он будет держаться людных мест и уедет не раньше, чем через три дня. Выехав сегодня, мы будем там завтра, а день много значит.

— Я к вашим услугам, — сказал Панафье.

— Но вас здесь что-то удерживает. Поэтому, если хотите, можете ехать через два дня.

— Это почему? — спросил Панафье.

— Потому что ни вы, ни я не можем заниматься сбором первоначальных сведений. Это нужно поручить им, — сказал Винсент, указывая на Деталья и Ладеша, которые перемигнулись, довольные порученным им делом.

— Вы берете их с собой?

— Конечно.

— В таком случае я выеду завтра вечером и присоединюсь к вам послезавтра.

— Знаете ли вы Лион? — спросил Винсент Ладеша.

— Я — да, он — нет, но так как он со мной — это неважно.

— Вы можете ехать сразу?

— Если это нужно — мы отправимся прямо отсюда, — ответил Ладеш.

— Это очень хорошо. А вы, Панафье, закончите свои дела. Где мы с вами увидимся?

— Только не в отеле Колле. Он может там снова остановиться. Выберите какой-нибудь многолюдный отель. Лучше всего остановиться в отеле для купцов. Послезавтра я буду там, и не один.

— С кем же?

— Я хочу захватить свою жену.

— Очень хорошо, — сказал, улыбаясь, Винсент. — А вы, кажется, не любите оставлять ее одну!

Панафье был немного смущен, так как Винсент угадал истину.

— Вы не о том говорите. Она парижанка и не бывала дальше Сен-Клу. Кроме того, неизвестно, сколько времени это продлится.

— Друзья мои, вы можете уложить свои чемоданы. Мы отправляемся через два часа.

— О чем вы говорите? — с удивлением спросил Деталь.

— Какие чемоданы? — вторил ему Ладеш.

Взглянув на лица двух приятелей, Винсент и Панафье расхохотались.

— Я и забыл, что они носят все свое имущество на себе, — сказал Винсент.

Деталь рассмеялся в свою очередь.

— Дорогой Панафье, окажите мне одну услугу, — попросил Винсент. — Пока я буду собирать свои чемоданы, вы отправитесь вместе с этими молодцами и оденете их.

— Кем они будут служить у нас?

— Пьер — кучером, а Ладеш — конюхом.

— Вы рассуждаете очень благоразумно, так как я не хотел бы командовать им, но и не хотел бы, чтобы командовали мной, — одобрил решение Ладеш.

— Между нами никогда не должно этого быть, — сказал Деталь, пожимая руку своему товарищу.

Через два часа Винсент, Ладеш и Деталь отправлялись в Лион.

Ладеш и Деталь сидели в вагоне второго класса, одетые во все новое. На них интересно было посмотреть, а особенно — послушать их, так как Ладеш говорил своему товарищу убежденным тоном:

— Что еще надо для того, чтобы быть шикарным человеком, — только это. Ты видишь, какое мы производим впечатление. На нас все смотрят. Вот что значит уметь носить свой костюм. Знаешь что, — прибавил он, — нам придется просидеть в этой коробке еще десять часов, поэтому, если ты согласен, снимем эти сюртуки, закурим трубки и сыграем в пикет.

— Отлично, — сказал Деталь.

И игра началась, чтобы окончиться в Лионе.

Часть четвертая

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
ПРАВОСУДИЕ

Глава I

СТРАНСТВОВАНИЯ ЛАДЕША

МЫ дошли до последней части нашей длинной истории. Преступление было раскрыто, готовилось наказание за него.

Следуя дальше за этим рассказом, читатели будут иметь возможность решить, кто был гуманнее — закон, который не осудил преступника, или братья Лебрен, которые не хотели ему мстить, целью которых было только восстановить честь отца. Смертная казнь не пугает преступника, который ставит под угрозу свою жизнь в тот день, когда совершает преступление. Я видел осужденных в последние дни. Они хотели только одного — чтобы все закончилось поскорее.

Но тем не менее трудно себе представить, как они боятся одного только слова «эшафот».

В Каене, в тюрьмах, на галерах — всюду даже самые циничные произносят это слово с трепетом, так как для них это самая большая преграда, еще останавливающая их на пути к преступлению, которое они надеются совершить безнаказанно.

Вид преступника, расстроенного арестом, процессом, приговором, приводит в ужас. Нужно ви-

деть его страх, отчаяние, угрызения совести от одной только мысли об эшафоте. Эта мысль тревожит его днем и ночью, она заменяет ему сон.

В это время он уже не опасен.

Он заслуживает сострадания, и каждый человек в такие минуты видит в нем только жертву.

Нет ничего справедливее.

Но бывают и другие смертники. Они до последней минуты разговаривают о ничего не значащих вещах.

Бывают и такие, которые думают о побеге.

Я читал историю про одного приговоренного, которого вели на казнь. Это было в Бухаресте. Палач вел на казнь злодея чудовищной силы. В последние минуты он разорвал связывавшие его веревки и повесил вместо себя палача.

Город остался без палача.

Что же сделали? Место палача отдали разбойнику, который так быстро исполнил его дело, и тот впоследствии очень долго исполнял эту обязанность.

Возвратимся же теперь к нашему рассказу.

Около десяти часов утра Ладеш и Деталь шли по набережной реки Рона. На них интересно было смотреть в их новой одежде, так как они решили изменить свои манеры в соответствии с ней.

Они были богаты, и Ладеш купил сигареты по одному су за штуку. приятели весело болтали, прося у Бога только одного — продолжения счастливой жизни.

— Что мы будем сегодня делать? — спросил Деталь.

— Что касается меня, то я считаю своим долгом выполнять приказы господина Винсента.

— А какое приказание дано на сегодня?

— Вчера мы гуляли по Лиону, а сегодня будем прогуливаться в парке Золотой головы.

— Но почему мы не заходим в гостиницы?

— Я предлагал ему это, но он решил подождать Панафе — тот и возьмется за это.

— Но ведь мы достаточно хорошо одеты, чтобы иметь возможность попасть в любое место.

— Очевидно, дело не в одежде. Так как нам хорошо платят, мы должны подчиняться. Но я хотел бы, чтобы даже самый умный человек не смог отличить нас от светских людей.

— Мы будем прогуливаться целый день? — спросил Пьер Деталь.

— Нет. Вначале мы отправимся в Шале, там сыграем партию и немного выпьем, а когда наступит час прогулки, мы, как двое джентльменов, закурим сигареты и отправимся прогуливаться по обе стороны дороги, заглядывая в проезжающие экипажи. Вот и все!

— Значит, мы не вернемся в отель завтракать?

— Нет, ведь я сказал уже тебе, что мы будем завтракать в парке Золотой головы. Воображай, что ты получаешь двадцать тысяч годового дохода. Мы выпьем в парке хорошего вина и ликера.

— В таком случае — идем.

С готовностью взяв своего друга под руку, Деталь еще больше сдвинул на затылок свою шляпу, итак каким-то чудом державшуюся на его голове.

Приятель уже два дня прогуливались по Лиону. Винсент не сообщил им, что Панафье уже приехал и осмотрел все гостиницы, но безрезультатно — он ничего не нашел.

По его совету Винсент отправил приятелей в парк Золотой головы.

Так как Андре делать было нечего, то Панафье думал, что он отправится вдвоем с Нисеттой в любимое место прогулок лионцев.

И Панафье оказался совершенно прав.

Ладеш и Деталь, приехав в парк Золотой головы, отправились в кафе. И когда их завтрак близился к концу, перед дверями кафе вдруг остановился экипаж, из которого вышли двое.

— Черт возьми! Вот они. Потри нос салфеткой, а то они сюда смотрят, — вскричал Ладеш.

Деталь закрыл нос салфеткой, а сам Ладеш в это время нагнулся пониже над тарелкой.

Действительно, из экипажа вышли Андре и Нисетта, которые приехали обедать в Шале. И Нисетта, и Андре казались очень веселыми, и каждый, кто смотрел на них, думал: «Вот счастливая пара!»

Андре казалось, что он оживает. Он считал себя в безопасности и не боялся преследований.

Выходя на террасу первого этажа, он прошел мимо двух друзей, не взглянув на них. Они услышали, как Нисетта говорит:

— Нужно быть сумасшедшим, чтобы в такую погоду завтракать в гостинице. Здесь хоть есть чем дышать.

Они сели за стол.

Тогда Ладеш срочно расплатился и сказал Деталю:

— Пойди сядь на скамейку, расположенную напротив них, и делай вид, что ты отдыхающий буржуа. Если они уйдут до моего возвращения, то иди за ними. Думаю, что я приду раньше.

Деталь послушно отправился на свое место наблюдения, а Ладеш подозвал кучера, который привез Андре и Нисетту.

— Эй! Вы свободны или нет?

Экипаж остановился, но Ладеш не захотел сесть внутрь него, объяснив:

— Мне было бы скучно одному. Я сяду рядом с вами, и по дороге мы немного поговорим.

— Как вам угодно, — ответил кучер, освобождая место на козлах.

— Отвезите меня к Нотр-Дам-де-Фурвер, а затем обратно.

— Хорошо, как прикажете. Вас вести по набережной или по улицам?

— Я не очень хорошо знаю Лион. Везите по улицам.

— А, вы педешный!

— Я парижанин, друг мой, и если вам угодно — предложу сигарету. Я человек не гордый.

— Благодарю вас.

Кучер взял сигарету, и они оба закурили.

Несколько минут спустя Ладеш был закадычным другом кучера, знал все о его семье и говорил ему «ты».

— Разве выгодно заниматься этим делом? — спрашивал Ладеш.

— Разное бывает. Иногда бывают дни, когда я зарабатываю от сорока до пятидесяти франков.

— Неужели?!

— Конечно, это бывает не часто. Обычно мой средний заработок составляет пятнадцать—двадцать франков.

— А сегодня утром?

— Почти ничего не заработал. Я проехал всего в один конец.

— А, да. Я видел — ты привез маленькую дамочку с красивым мужчиной.

— Да.

— Мне показалось, что они незнакомые.

— Я думаю, что они парижане.

— Разве ты это понимаешь?

— Еще бы!

— Дамочка недурна, но мне показалось, что она из кокоток.

— Между нами будь сказано — я думаю, что это так и есть.

— А между тем у них такой вид, как будто они очень любят друг друга.

— Они, наверное, и живут вместе!

— Откуда ты это знаешь?

— Я привез их прямо из гостиницы.

— Так они живут в гостинице?

— Да, в гостинице Колле.

— Знаешь что, — сказал Ладеш, — мы не поедем сейчас в Фурвер, а пойдем и выпьем бутылочку вина, а затем ты снова отвезешь меня в парк.

— Как хочешь, — равнодушно ответил кучер.

Они вошли в трактир, а полчаса спустя Ладеш остановил экипаж у входа в парк. Он пешком пошел к Деталю, но его там уже не было.

— Отлично. Пьер пошел за ними, а я узнал, где они живут.

На другой день с утра оба приятеля пришли к Винсенту Лебрену, чтобы доложить, что они узнали. В это же время к ним подошел и Панафье.

Деталь рассказал, что следил за Андре и его спутницей до пяти часов. Затем Андре пошел в свой клуб на площадь Якобинцев и пробыл там два часа. После этого он пошел на площадь Терро, где к нему присоединилась Нисетта, и они отправились обедать. Закончили они день в театре.

— Но где они живут? — спросил Панафье.

— Я знаю, где они живут.

— Где? — в один голос проговорили Панафье и Винсент.

— В отеле Колле.

— Я был в отеле два раза, но их там не видели.

— Уверяю вас, еще сегодня утром они там жили.

— Это значит, что они там живут под другой фамилией.

— Вполне вероятно. Итак, они живут там.

— Я убежден в этом.

— Отлично! Он живет в гостинице — значит он убежден, что полиция не следит за ним. Он все знает, поэтому и не ищет свою жену.

— Вполне возможно, он думает, что ей все известно. Во всяком случае, он не собирается селиться в Лионе, так как живет в гостинице и не ищет квартиру. Очевидно, они здесь проездом, и мы должны спешить.

— Что же мы будем делать сегодня? — спросил Ладеш.

— Будем отдыхать. Если вы нам понадобится, мы уведомим вас.

Приятели сразу ушли.

Оставшись вдвоем с Панафье, Винсент спросил у него:

— Что мы будем делать?

— Я еще не знаю, но мы должны поймать его сейчас, иначе он ускользнет.

— Но как же сделать это?

— Я думаю над этим. Наверное, мы это сделаем при помощи Нисетты.

— Нисетты?!

— Не удивляйтесь! Я заставлю ее делать то, что мне нужно. Несмотря на любовь к нему, она изменит ему, так как себя она любит больше. Поэтому угрозами я добьюсь от нее всего.

— Нужно узнать, верны ли полученные нами сведения.

— Не нужно тратить на это время, так как невозможно, чтобы они ошиблись оба.

— Да, вы правы.

— Я уйду и займусь ими вечером. Мой план уже готов.

Он ушел и вернулся в гостиницу только вечером. Послав за Луизой, чтобы вместе пообедать, он говорил Винсенту:

— Я нашел.

— Они в гостинице Колле?

— Да, они уезжают завтра вечером, и нам нельзя терять времени.

— Но ведь вы много раз бывали в гостинице.

— Но я же спрашивал аббата или господина Рауля, а их зовут госпожа и господин Соване. Он купец, удалившийся от дел.

— Так как у нас мало времени, то придется применить силу.

— На это нечего даже надеяться.

— Если бы я мог просто переговорить с ним и отпустить его на известных условиях...

— Это был бы самый худший вариант, — ответил Панафье. — Узнав, что мы здесь, он завтра же уедет и ни за что на свете не захочет с вами гово-

рить, так как считает, что будет в безопасности в тот день, когда пересечет границу.

— Но что же нам тогда делать?

— Я придумал план и считаю его хорошим. Но мне нужно еще кое-что узнать. Потом я все расскажу вам.

В эту минуту вошла Луиза, очень кокетливо одетая. Она весело поздоровалась, и они сели за стол.

Луиза не знала причин, заставлявших путешествовать того, кого она считала своим мужем, и видела в этом только приятное развлечение. Она даже думала, что истинной причиной было сделать ей приятное и удалить ее из Парижа, в котором она в течение месяца вела аморальную жизнь.

Луиза никогда не уезжала из Парижа и поэтому была полностью поглощена первым путешествием.

Что касается Панафье, то ведя жизнь, полную забот, он мог наслаждаться каждой свободной минутой.

Читатели сильно ошиблись бы, подумав, что он хочет отомстить убийце своей матери. Он был вполне согласен с Винсентом и с заведением казенного, а кроме того, убийство было совершено очень давно, и время сгладило печальные воспоминания. Винсент, требуя для себя жизни Андре, восполнил материальные убытки Панафье, и последний уже получил часть денег, что делало его существование сносным. Итак, он мало думал об убийце и с удовольствием забыл бы о нем.

Но кого он никогда не смог бы простить — это человека, который отнял у него Луизу и чуть было не разлучил их навсегда. К этому человеку он не мог быть милосердным. Он жаждал мести.

ТОРГОВЫЙ ДОМ «МЮЛЛЕР И К.»

Вечером того же дня Панафье отвез Луизу в театр, а сам отправился вместе с Винсентом на набережную Дальбре.

— Что мы будем делать? — спросил Винсент.

— Я целый день искал квартиру, в которой мы смогли бы запереть Андре.

— Прежде чем думать об этом, нам нужно его поймать.

— Я уже говорил, что придумал план и убежден в его успехе.

— И вы нашли такую квартиру?

— Да, я нашел ее в необитаемом доме, на первом этаже, и сказал хозяину, что для окончания дела приду с моим другом.

— Вы могли бы это сделать без меня.

— Нет. Так выглядит более естественно.

Вскоре они подошли к названному дому и заключили контракт на имя братьев Мюллер — ювелиров.

— Объясните мне ваш план, — сказал Винсент. — Надеюсь, это не помешает его исполнению.

— Конечно, нет.

— По какой причине мы стали продавцами бриллиантов?

— Вот что я думаю сделать и сделаю.

— Я вас слушаю.

— Я узнал в гостинице, что вчера вечером он потребовал лионский ежегодник и выписал из него два или три адреса. Лакей, прислуживающий мне, назвал страницы, на которых он их искал. Я просмотрел эти страницы и увидел адреса ювелиров.

— Понятно. Значит, он хочет продать бриллианты, которые взял с собой.

— Именно так. И вот какая идея пришла мне в голову. Я решил нанять небольшую квартиру под

именем Мюллера, ювелира, и даже заказал визитки, — и он показал их Винсенту.

Винсент взял их и с удивлением прочел:

«БРАТЬЯ МЮЛЛЕР. Покупка и продажа бриллиантов. Набережная Дальбре, номер 1»

— Неужели карточки сделаны?

— Более того. Я уже отнес их в гостиницу, и лакей положил карточки ему на стол.

— Отлично!

— Когда Андре спросил о появлении этих карточек, то лакей отвечал, что, наверное, их забыл предыдущий постоялец. Тогда он стал спрашивать о Мюллере. Я объяснил лакею, как отвечать, и не сомневаюсь, что завтра он будет у нас.

— Это очень хорошо придумано, — сказал Винсент.

— Вы теперь понимаете, что нам нужно делать. Завтра мы будем там с нашими помощниками. Когда он войдет, они свяжут его, и вечером мы отвезем его туда, где можно будет с ним покончить.

— Отлично!

— Итак, господин Винсент, все готово, и мы должны серьезно подумать о наших дальнейших действиях.

Когда они пришли к театру, Винсент оставил Панафье.

Последний нашел Луизу в коридоре, несмотря на то, что спектакль уже начался.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Я с нетерпением жду тебя.

— Для чего?

— Для того, чтобы уехать!

— Что это за капризы? Ты же, кажется, обожаешь театр!

Говоря это, он смотрел на свою любовницу, на лице которой было написано сильное волнение.

— Что с тобой, Луиза?

— В ложе напротив меня я увидела Нисетту.

— А они тебя видели?

— Да. Я сделала вид, что не замечаю их, но они не переставали смотреть на меня.

Вначале Панафье не мог удержаться от гневного жеста, но подумав минуту, он сказал так, чтобы Луиза слышала его:

— Они могут что-то заподозрить, поэтому лучше использовать этот случай.

— Что такое? — спросила Луиза, надевая пальто.

— Ты вернешься в ложу. Если Нисетта даст тебе знак, то ты ответишь на него.

— Что ты говоришь?! — с удивлением спросила Луиза.

— Я говорю тебе о том, что нужно сделать, моя дорогая.

— Но если Нисетта придет со мной говорить, то от имени...

— Рауля. Я знаю. Надеюсь, ты убеждена, что я всей душой хочу отделаться от этих людей, которые до сих пор приносили нам только несчастья.

— Но что же мне сказать, если она придет ко мне?

— Ты скажешь, что совершенно отделалась от меня.

— Я не смогу сказать этого.

— Умоляю тебя, Луиза! Как ни неприятна тебе моя просьба, ты должна ее исполнить. Если ты не сделаешь этого, то мы погибнем. Эти люди преследуют нас и если они достигнут своей цели, то у нас будет большое несчастье. Ты должна быть такой, как и они — без сердца и души, любящей только деньги. Я повторяю тебе — это необходимо.

— Хорошо, я сделаю то, что ты требуешь, — согласилась Луиза, недовольная тем, что ей предстояло делать. — Что же я должна сказать? Я же должна выдумать какую-то причину, объясняющую мое присутствие здесь.

— Я это тебе и хотел сказать, но надо торопиться, так как они не перестают смотреть на твою ложу. Они боятся, не ушла ли ты.

— Я тебя слушаю.

— Так как Нисетта много о нас знает, то ты скажешь, что бросила меня и познакомилась с одним торговцем бриллиантов.

— Ты с ума сошел, заставляя меня говорить это.

— Ты обещала меня слушаться. Не все ли тебе равно, что они будут думать о тебе?

— Хорошо, я буду тебя слушаться, — печально сказала Луиза.

— Ты познакомилась с одним торговцем бриллиантов, который живет на улице Дальбре. Вот его карточка.

Панафье дал Луизе две карточки.

— Это уже чересчур!

— Слушайся меня. Главное, не забудь имя — Мюллер. Что же касается остального, то ты не знаешь, что со мной, ты оставила Париж и не хочешь ничего слышать обо мне.

— Ты заставляешь меня делать такие вещи, которые мне неприятны. Для того, чтобы исполнить твою просьбу, мне нужна вся моя любовь к тебе.

— Дело идет о твоём и моём спокойствии, Луиза. Можно сказать даже больше — о нашем существовании.

— Но этот человек захочет меня увидеть!

— Я уверен в этом. Ты скажешь ему, что живешь у Мюллера, что можешь принимать гостей, когда он уходит в кафе, то есть около десяти часов вечера, и он обязательно назначит тебе свидание.

— На которое я не соглашусь! Да я ни за что на свете не соглашусь снова увидеться с этим человеком!

— На этом свидании не ты его примешь.

— Но мне нужно будет принять его в ложе!

— Совсем не обязательно. Нисетта придет к тебе от его имени, ты скажешь ей все это и уйдешь, так как ожидаешь Мюллера, который приезжает за тобой в конце спектакля.

— Хорошо, — со вздохом проговорила Луиза.

— Будь мужественна, — сказал Панафье, пожимая ей руку.

— Но где я тебя найду?

— Я не оставлю тебя, моя дорогая. Как только Нисетта уйдет из ложи, ты выйдешь, и мы вместе с тобой отправимся домой.

Луиза, улыбаясь, села на место и начала осматривать всех в театре. Тут ее взгляд встретился со взглядом Нисетты. Луиза сделала вид, что приятно поражена этим сюрпризом, так что даже Нисетта была обманута. Нисетта сделала вопросительный знак, на который Луиза ответила согласием. Тогда Нисетта пошла в ложу приятельницы.

— Какая приятная неожиданность! — сказала она, садясь рядом с Луизой.

— Я так рада тебя видеть! Вы давно здесь?

— Мы приехали во время второго акта.

— Я вас не видела.

— А я видела тебя и даже подумала, что ты не хочешь нас узнавать.

— Почему это?

— Но он мог запретить тебе это!

— Кто? — спросила Луиза, боясь, что они видели Панафье.

— Он.

— Кто — он? — презрительно продолжала она.

— Твой Поль.

— Ха-ха-ха! Мой Поль! — И она так громко рассмеялась, что несколько человек обернулись.

— Это уже старая история, — сказала она немножко тише.

— Ты что, рассорилась с ним?

— Ты же видишь, что я в Лионе, а он, наверное, в Париже.

— Милая Луиза, я поздравляю тебя! Было бы просто глупо губить свою молодость с этим бедняком. Любовь — вещь хорошая, но она не позволяет удовлетворять капризы.

Луиза улыбалась своей подруге, но ее маленькие зубки кусали до крови губы, чтобы скрыть свое отвращение.

— А что ты делаешь здесь?

— Я вторично вышла замуж, — и она лукаво улыбнулась. — Он крупный торговец и торгует бриллиантами.

— За ювелира?

— За торговца! Он покупает и продает обработанные и необработанные бриллианты. Его зовут Мюллер, и он ревнив, как тигр.

— А можно его увидеть?

— Другие не могут, но вы — да.

— Где же можно его увидеть?

— У него, у меня.

— Ты живешь у него?

— Да, он так хотел. Но это меня несколько не стесняет, и я свободна вечерами. Я очень редко езжу в театр, а он с десяти часов до полуночи не бывает дома и проводит время в клубе, и если вы меня хотите видеть...

— Да, у тебя нам будет удобнее поговорить, а то здесь все на нас смотрят.

Действительно, публика уже несколько раз выражала неудовольствие по поводу их разговоров во время спектакля.

— Есть у тебя его карточка?

— Да.

— Дай сюда.

— На, возьми, — сказала Луиза, подавая одну из карточек, которые дал ей Панафье.

— Я уйду. Завтра мы будем у тебя.

— Отлично.

— Между девятью и десятью часами.

— До свидания.

— До встречи.

Нисетта ушла.

Пока длился весь этот разговор, Андре не спускал с них глаз.

Луиза вышла и поспешно набросила пальто в тот момент, когда Панафье подошел к ней.

— Ну что? — спросил он.

— Они будут завтра между девятью и десятью часами.

— Благодарю, моя дорогая.

— Посмотри, что ты со мной сделал, — сказала Луиза, становясь перед Панафье так, чтобы он увидел залитое слезами лицо.

Он поспешно довел ее до экипажа, сказал кучеру адрес и сел рядом с ней.

— Дорогая моя Луиза, не плачь! Я люблю тебя! Я очень люблю тебя!

Глава III

ЧЕГО СТОЯТ ЖЕНЩИНЫ

На другой день вечером Панафье, Винсент, Ладеш и Деталь шли в маленький домик на набережной Дальбре, нанятый ими на имя Мюллера.

Надеясь захватить негодяя, Панафье старался убедить Винсента разделить свои идеи мщения.

— Этот человек еще молодой, но совершил уже много преступлений. Неужели, найдя палача многих жертв, вы не выдадите его правосудию?

— Я не могу этого сделать.

— Но вы не думаете о том, что негодяй, пользуясь своей безнаказанностью, совершит новые преступления? Этот счастливый муж, отец, который должен служить примером всех добродетелей, этот человек — величайший преступник, который когда-либо существовал, — и вы спасете его! Подумайте о вашем несчастном отце, казненном безвинно.

— Я действую по его завещанию.

— Это существо не достойно сострадания, господин Лебрен. Ваш отец видел в нем только ревнивца, а не такое чудовище! Этот человек — дикое животное, которое нужно убить, чтобы помешать ему убивать других. Если вы его простите, то он никогда не простит вас.

Винсент не знал истории Дамы с фиалками. Поэтому он думал, что его помощником руководит месть из-за смерти матери.

Скоро они пришли на улицу Дальбре и узнали, что утром приходил человек и сказал, что он по делу и придет снова или пусть господин Мюллер придет к нему в отель Колле. Он оставил карточку, на которой было написано: «Генрих Соване».

Он показал эту карточку Винсенту, думая о свидании, назначенном Луизою Нисетте. Осторожный Андре, чтобы обеспечить свидание с Луизой наедине, посылал мнимого торговца бриллиантами в гостиницу, где, скорее всего, Нисетта должна была занять его подольше.

— Он обязательно придет, — сказал Панафье. — Нужно принять все меры предосторожности. Ладеш откроет и закроет дверь. Он должен загримироваться так, чтобы его не узнали. В этой шкатулке есть все необходимое для этого.

— Дайте мне десять минут, и я все сделаю, — сказав это, Ладеш пошел в соседнюю комнату и через несколько минут вышел совершенно неузнаваемым.

— Очень хорошо, — одобрил Винсент.

— Отлично, — проговорил Панафье.

— Я готов был принять его за служащего банка, — сказал Деталь.

— Ты станешь в передней и будешь ждать. Когда позвонят, ты откроешь дверь. Слабое освещение мешает ему узнать тебя. Когда он спросит, дома ли господин Мюллер, ты ответишь, что хозяина

дома нет, но зато есть госпожа. Проводишь его сюда, где мы будем уже наготове, и поможешь нам.

— Отлично. Может, нужно изменить голос?

— Да, конечно.

— Я отправляюсь на свой пост, — сказал Ладеш. Панафье, обращаясь к Деталю, продолжал:

— Ты, Пьер, станешь около двери. В ту минуту, когда он войдет, ты бросишься на него и будешь держать до тех пор, пока мы не велим тебе отпустить его.

— Понимаю, — сказал Пьер, поспешно становясь на свой пост.

— Мы же в ожидании его спрячемся.

— Вы уверены, что он придет?

— Убежден в этом.

— Однако он может отложить свой визит до завтра.

— Я убежден, что он придет сегодня. Вчера вечером я упросил одну женщину сыграть с ним шутку.

— Он был вчера в театре?

— Да. Эта женщина, которую он знал раньше, выдала себя за любовницу Мюллера, и сегодня вечером он придет не столько из-за дела, сколько из-за возможности остаться с ней наедине.

— Я никогда не пойму спокойствия человека, которого должны были бы мучить угрызения совести.

— Это потому, что вы хотите видеть человека там, где есть только дикое животное. Он живет только злом и для зла. Его единственная радость — убийство. Вы же знаете, что он убивает даже во время любви.

— Хорошо. Предположим, что ваша попытка будет удачной. Все ли вы хорошо подготовили?

— Все, что вы хотели, мы сделали. Мы наняли экипаж и поедем туда, куда вы нам скажете.

— Мы поедем в место, расположенное в нескольких милях от Безансона. Только там я буду с ним серьезно разговаривать.

— Все готово. Дорожная карета запирается на ключ. Мы поедem без остановки?

— Да.

— Это необходимо, так как малейшая оплошность возбудила бы внимание полиции, которая забрала бы его себе и закончила дело по-своему.

— Нам нужно избежать этого во чтобы то ни стало.

В эту минуту послышался звонок.

— Вот и он, — сказал Панафье.

Все замолчали. Деталь готовился, засучивая рукава. Послышался звук открывающейся двери, и голос, заставивший Панафье вздрогнуть, спросил:

— Здесь живет господин Мюллер?

— Здесь, — отвечал Ладеш таким голосом, что Панафье поневоле улыбнулся.

— Могу я с ним поговорить?

— Хозяйина нет дома, но хозяйка в гостиной.

— Спросите, согласна ли госпожа меня принять?

Входная дверь закрылась, и Панафье шепнул Винсенту:

— Теперь он наш.

В эту минуту в комнату вошел, тщательно закрыв за собой дверь, Ладеш.

— Внимание. Наш знакомый пришел. Сейчас я его введу.

Он вышел, и став позади Андре, сказал:

— Потрудитесь войти.

Негодяй доверчиво вошел в комнату. Он держал в руках шляпу и улыбался.

Но едва гость сделал два шага, как Деталь набросился на него. Он отскочил назад и попал на Ладеша, который толкнул его назад в объятия своего приятеля.

Напрасно старался Андре вырваться. В одно мгновение он был связан Ладешем и не успел прийти в себя от удивления, как по приказанию Винсента был посажен в кресло напротив него.

— Прикажете сделать то, что вы говорили?

— Да, я хочу закончить с ним.

Услышав последние слова, Андре поднял голову, и глаза его сверкнули.

По приказанию Панафье Ладеш и Деталь вышли за экипажем. Когда дверь за ними закрылась, Винсент встал перед зятем и сказал:

— Да, Андре, сегодня мы хотим закончить с тобой, мы скажем тебе все, так как после побега ты и так многое узнал. Ты больше не существуешь. Будучи подлецом, ты забыл о своей жене и ребенке, но мы спасли их от позора и бесчестия. Андре Берри умер, убитый на дуэли человеком, который презрительно говорил с ним о безвинно казненном тесте. Все это оформлено законным порядком. Семья нашла его труп в морге, признала его, и он похоронен в семейном склепе на кладбище Пер-Лашез. Несчастная, которую ты мог убить своими поступками, та, которая могла оттолкнуть своего ребенка, узнав, что ее муж убийца, теперь оплакивает тебя, считая, что ты погиб из-за нее. Я говорю тебе все это для того, чтобы ты понял, что муж моей сестры, отец моего племянника умер, пропал для общества, остался только злодей, убивший Мазель. Я похитил тебя для того, чтобы ты объявил, что убийство на улице Фридлань было совершено только тобой одним и что Корнель Лебрен казнен по ошибке.

Андре был не только связан, но и сидел с завязанным ртом, поэтому он ничего не мог сказать на слова Винсента и отвечал ему только взглядом.

Пока Винсент говорил о нем, он был равнодушен, но стал внимательнее, когда тот заговорил о сестре. По его лицу было видно, что у него возродилась надежда, когда он узнал, что жена не знает о его второй жизни.

Винсент понял это и сразу сказал:

— Не надейся больше бежать от нас. Мои слова не пустые фразы. Когда убийца сознается во всем, я найду возможность не дать ему поговорить с сестрой.

Услышав эти слова, Андре побледнел, и в его глазах засветилась ярость, но он заметил, что во взгляде Панафье промелькнула ненависть, и ему стало страшно.

Он чувствовал, что этот человек, преследовавший его, был главным предводителем того, что предпринималось против него.

Этот человек, которого он сначала принял за полицейского, начальника двух негодяев, стороживших его, был также беспощадным мстителем.

Когда он увидел его в первый раз после дела на улице Омер, он отрицал его право преследователя и надменным тоном спросил: «Что вам от меня нужно?» — «Я хочу посмотреть тебе в лицо», — сказал Панафье, едва сдерживаясь. — «Я обязан отвечать только этим господам, — презрительным тоном сказал Андре. — Вы уже исполнили вашу обязанность полицейского, а теперь оставьте нас». — «Оставить тебя? Так ты думаешь, что я полицейский?» — «Но кто же ты такой?» — «Я — человек, которого ты сделал сиротой. Я сын Полины Панафье, которую ты убил». — «Это ложь, ложь!» — вскричал Андре. Затем он прибавил: «Это уже слишком! За кого вы меня принимаете! Я стал убийцей из ревности. Невинный заплатил за это несчастье своей жизнью, и виновны в этом моя трусость и подлость. Но это и все. Я несчастный, а не убийца».

Читатель помнит, что перед этим, столь решительным отрицанием Панафье начал колебаться.

С того времени Андре часто думал об этом человеке и вспоминал свою первую жертву — Полину Панафье, которая никогда не говорила ему о своем сыне. Учитывая возраст несчастной, он считал невероятным, чтобы она имела такого взрослого сына.

Следовательно, Панафье был просто родственником, и его желание объяснялось тем, что не сбылась мечта стать наследником. Андре был человеком практичным и думал, что другие будут поступать так, как поступил бы он.

Он знал, что его зять обещал возвратить каждому заинтересованному лицу украденное, и поэтому не понимал ненависти этого человека. Здесь была тайна, которую Андре должен был разгадать.

— На этот раз я не оставляю его до тех пор, пока не настанет минута мщения, и при первой же его попытке бежать я раздроблю ему череп.

— Панафье, — поспешно сказал Винсент, — что бы он ни делал, не забывайте, что он должен жить до тех пор, пока мы не окончим нашу миссию.

— Не бойтесь, мы не допустим такой крайности.

— Мы сейчас же поедem.

— Хорошо.

— Мне кажется, я слышу стук экипажа.

Действительно, в эту минуту послышался звон бубенчиков.

— Я вас оставляю, — сказал Винсент. — Вы поедете по этому пути, — и он подал бумагу, на которой был нарисован маршрут.

— Я хотел бы у вас еще спросить, — вдруг вспомнил Панафье, отводя Винсента в сторону, что-бы Андре его не услышал, — что будет, если кто-то по дороге увидит, что мы ведем связанного человека?

Тогда Винсент вынул из кармана письмо и, подавая его Панафье, сказал:

— Я предвидел этот случай, и мне удалось достать бумагу у известного вам лица с приказом перевести сумасшедшего в Дуб.

— Тогда нам нечего бояться!

В эту минуту вошел Ладеш, говоря, что экипаж прибыл.

— Его нужно посадить в экипаж так, чтобы кучер ничего не заметил, хотя я сказал начальнику почты, в чем дело.

— Это очень просто, — сказал Панафье. — Ладеш предложит кучеру выпить стакан вина, проведи его на кухню. Ты знаешь, где кухня?

— Да, мы с Пьером осмотрели весь дом. Ведь нужно же знать, где находишься.

— Отлично. Ты угостишь почтальона, а пока он будет с тобой пить, Деталь отнесет нашего молодца в карету. Потом вы захватите корзину с вином и поставите ее сзади кареты.

— Хорошо. Я иду. Предупредите Деталья.

Сразу же послышался стук открываемой и закрываемой двери. Это Ладеш повел кучера в кухню. Затем в комнату вошел Деталь и взял на руки Андре; тот пытался сопротивляться, но через минуту убедился, что это невозможно. Слышно было только, как он скрипел зубами.

Панафье пошел посмотреть, нет ли прохожих, но набережная была пуста.

Тогда Деталь вышел со своей ношей и посадил Андре в экипаж. Вскоре вышел и почтальон, несущий вместе с Ладешем корзину с вином.

— Вы готовы ехать? — спросил Панафье у почтальона.

— К вашим услугам.

— Тогда поезжайте скорее.

Все расселись по местам, почтальон щелкнул бичом, и карета поехала.

— Встретимся послезавтра, — сказал Панафье Винсенту. — Присмотрите за Нисеттой.

Услышав это, Андре подскочил на скамейке.

— Что с вами? Будьте благоразумны. Уже пора спать.

Несчастный вжался в угол. Он думал, что был выдан своим палачам Нисеттой. «О, женщины!» — думал он.

Глава IV

ДОБРОТА ДУШИ НИСЕТТЫ

Утром следующего дня Винсент пошел к отелю Колле.

— Есть ли господин Соване? — спросил он.

Лакей проводил его к номеру, он постучался, и был принят Нисеттой.

Увидев Винсента, который был ей незнаком, она пыталась понять, зачем он пришел.

Предложив посетителю кресло, она села сама и сказала:

— Господин Соване вышел по делам.

— Я это знаю мадам. Я хочу говорить с вами, а не с ним.

На лице Нисетты отразилось волнение. Она несколько не тревожилась из-за отсутствия Андре, так как это случалось с ним часто, но при виде незнакомца она почувствовала невольное беспокойство.

— Могу ли я узнать, с кем говорю?

— Да, хотя мое имя вам не скажет ничего. Меня зовут Винсент Лебрен.

— Лебрен! — повторила Нисетта, подскочив от удивления.

— Значит, я ошибся. Вы знаете все.

— Нет, мсье, я...

— Не отрицайте. Будет гораздо лучше, если мы сразу же будем знать, с кем имеем дело. Я сын Корнеля Лебрена и знаю, что вы любовница человека, из-за которого умер наш отец.

— Я ничья не любовница, я...

— Не будем играть словами. На самом деле вы Алиса Соване, но ваш муж умер или пропал, и человек, называющий себя именем Генриха Соване, не кто иной как Андре Берри. Вы видите, мадам, что я все знаю. Поэтому садитесь, и мы с вами поговорим.

— Он может войти каждую минуту и..

— Не бойтесь, мадам, Андре не придет. Благодаря вам его вчера арестовали.

— Арестовали! — вскричала Нисетта, действительно начиная чувствовать беспокойство.

— Да, мадам. Послав Андре туда, где мы ждали его, вы послужили причиной его ареста.

— Луиза обманула меня! Но я живу с господином Андре совсем недавно и...

— Андре арестован, и если мы захотим, то и с вами через час будет то же самое.

Нисетта испугалась и искала взглядом, куда бы можно было бежать. Винсент угадал ее мысли и сказал:

— Если вы хотите спастись, то не ищите дверь, а будьте с нами откровенны и помогите нам.

— Что вы хотите сказать?

— Что мы вас спасем, если вы захотите этого.

— Объясните, — сказала она, надеясь, что опасность не велика, так как ей предложили торг.

Винсент снова угадал ее мысли и продолжал:

— Андре погиб, и мы не желаем его спасать. Мы знаем все, и вы это поймете из слов:

«Теперь, когда ты знаешь, что твоя жизнь в наших руках, ты можешь спасти ее, только слепо повинаясь мне. Ты понимаешь, что между нами могут существовать отношения только раба к господину, что ты не вызовешь у меня жалости ни слезами, ни криками. У меня есть доказательства, что ты помогала этому разбойнику, выискивая для него жертвы».

Вне себя от страха Нисетта отступила в угол комнаты, в то время как Винсент продолжал:

— Вы помните все это?

— Да, — глухо ответила она. — Ночью в Крете-ле вы были вместе с Полем...

— Он послал меня сюда, чтобы предложить вам выбор: или сразу отправиться в полицию, или исполнить данное вами обещание.

Тогда Нисетта подошла к Винсенту и села возле него, сказав:

— Говорите, мсье. Я сделаю все, что вы хотите, — но можно было понять, что, говоря эти слова, она боялась снова попасться в ловушку.

Винсент в двух словах рассказал о ее прошлом, и она вынуждена была ему подчиниться.

— Андре в наших руках. Мы хотим с ним покончить, и его отрицаниям мы должны противопоставить веские свидетельства.

— И вы думаете, что я буду этим свидетелем?

— Да, я так думаю.

— Погубив его, я погублю и себя.

— Нисколько. Кроме нас вам никто не может предъявить обвинения. Вы заявите, что Пуляр, Рауль де Ла-Гавертьер, «Аббат» — одно и то же лицо. Вы подтвердите, что видели его в одежде аббата. Вы скажете, что все ночи до убийства на улице Фридлань он проводил у вас, точно так же, как и после убийства. Ночь же во время убийства он не ночевал дома. Когда же вы спросили, откуда у него взялись деньги, то он ответил, что выиграл эти деньги в игорном доме.

— Это правда! — воскликнула Нисетта, вспоминая, что она это говорила Панафье.

Тогда Винсент вынул бумагу из кармана и прочитал:

«Три дня спустя он вернулся около четырех часов ночи. Я уже лежала в постели, но не спала. Я оставила гореть свечу, так как хотела серьезно поговорить с ним и разорвать отношения. Когда он вошел, я была поражена его видом. Он был бледен, расстроен, лоб его был покрыт испариной, и сам он дрожал. Видя, что я не сплю, он был удивлен и постарался мне улыбнуться. Он сильно изменился и прерывающимся голосом, стараясь унять дрожь, сказал: «Почему ты не спишь?» — «Я ждала тебя, чтобы сказать, что мне надоела такая жизнь и что я хочу расстаться с тобой. Я не могу переносить эту постоянную нищету». — «Это все? — сказал он, смеясь. — Ты хочешь, чтобы твоя жизнь изменилась! Ты хочешь денег! Твое желание исполнено».

Тут он сунул руку в карман, вынул пригоршню золота и бросил мне на постель.

Он принес около десяти тысяч франков золотом и двадцать тысяч деньгами. «Где ты взял все это?» — поинтересовалась я. Он отвечал мне, что выиграл в карты. Я была в восторге от этого неожиданного богатства и от радости не могла заснуть. Он лег спать и уснул, но сон его был беспокойным. Он громко бредил, жаловался, боролся с кем-то.

Я заметила, что на правом рукаве его рубашки было несколько капель крови.

Так как он кричал во сне, то я его разбудила. Тогда он вскочил и с угрожающим видом спросил меня: «Я что-нибудь говорил?» «Нет», — с беспокойством отвечала я. Он успокоился, и вздохнув с облегчением, сказал: «Мне приснился ужасный сон. Меня мучил кошмар, потому что у меня лихорадка».

В течение нескольких дней сон его был беспокоен».

— Вы помните этот рассказ? — спросил Винсент, окончив чтение и взглянув на Нисетту.

Нисетта была в страшном волнении, губы ее шевелились, но она не могла произнести ни слова. Наконец, сделав над собой усилие, она сказала:

— Почему вы записали все, что я рассказывала? Почему этот рассказ с вами?

— Его записал Панафье в то утро, когда вы сделали свое признание. Так записываются важные свидетельские показания.

— Зачем рассказ вам нужен?

— Я пришел к вам, чтобы вы подтвердили, что ваши слова записаны верно.

— Но что вы хотите сделать с этой бумагой? — с беспокойством спросила Нисетта.

— Я сейчас прочту начало, и вам все станет ясно:

«Я, нижеподписавшаяся, заявляю, что знала Рауля Пуляра, или Рауля де Ла-Гавертьера, по прозвищу «Аббат». Я была его любовницей. Он проводил большую часть ночей в игорных домах, где

израл по-крупному. Я сердилась на него. Тогда он ответил мне: «Не беспокойся, мы скоро будем богаты». Это было 30 сентября 18... года, а три дня спустя...»

Остальное я вам прочел.

— И вы хотите, чтобы я подписала это?

— Я для этого и пришел к вам.

— Никогда! Это то же самое, если бы я сама отправилась в полицию. Никогда, мсье.

Винсент поднял голову и самым естественным тоном сказал:

— Но мы не собираемся передавать эту бумагу в полицию. Нам нужна гарантия на случай какого-нибудь происшествия.

Нахмутив брови, Нисетта старалась понять, что хочет сказать Винсент.

— Если вы не подпишете бумагу, то вам придется отправиться в полицию. Вам придется все это подтвердить прокурору.

Нисетта была поражена.

— Чтобы я пошла к прокурору!.. В таком случае лучше сразу пошлите меня в тюрьму, и я признаюсь, что совершила все преступления Андре Берри.

— Если вы не хотите сделать то, чего от вас требуют, то мне придется пойти в полицию и сделать там это заявление.

— Вы пойдете?

— Да, пойду, и вы знаете, что я буду прав. Андре негодай, не заслуживающий никакого прощения, но я убежден, что вас он любил. Вы знали его честным человеком, вы могли помешать ему стать преступником. Он виновен, но та, которую он любил, более виновна, чем он: она подтолкнула его к совершению преступления.

По мере того как Винсент говорил, можно было видеть, какое впечатление производят его слова на Нисетту.

На ее лице попеременно отразились презрение, беспокойство, страх, ужас. Наконец она бросилась к нему, и заламывая руки, закричала:

— Замолчите! Замолчите! Если вы меня спасете, то я сделаю все, что вы скажете.

Винсент презрительно улыбался.

— Эта бумага будет нам гарантией спокойствия. Едва сделав признание, вы сразу направились к нему и разрушили наш двухлетний труд. Мы не чувствуем к вам ни привязанности, ни презрения. Вы можете быть нам полезны, и в обмен на вашу подпись мы гарантируем молчание. Мы позволим вам выдавать себя за несчастную обманутую женщину, вместо сообщницы. Служа нам, вы спасаете себя не только в настоящем, но и в будущем.

Нисетта слухала, сжав лоб руками.

Когда Винсент закончил, наступило молчание. Молодой человек с беспокойством ожидал решения.

Читатель понимает, что Винсент прибегал ко лжи, так как ему нужно было добиться результата во что бы то ни стало. Иначе все пошло бы прахом.

— Вы говорите мне, что хотите погубить Андре во что бы то ни стало и для этого вам нужны свидетели... Вы пришли просить меня быть этим свидетелем, а иначе вы обвините меня?

— Вы совершенно правильно поняли меня.

— Вы сказали мне, что из его сообщницы я стану якобы его жертвой, что, служа вам, я спасаю себя, обеспечиваю будущее и уничтожаю настоящее...

— Я клянусь вам своей честью.

— Своей честью... — задумчиво повторила Нисетта.

Снова несколько минут прошло в молчании. Винсент с беспокойством наблюдал за ней.

— Все это хорошо, но когда его возьмут, то он скажет...

— Его никто не возьмет.

— Что вы говорите?

Винсенту было неприятно, но тем не менее он сказал:

— Андре в наших руках. Мы не собираемся предавать его суду. Мы только докажем, что он виновен, но за глаза.

— Я могу рассказать все, что угодно. Между нами не будет очной ставки?

— Нет. Вы сообщите правду о нем. Только тогда мы согласны молчать о вас.

— Но вы обещаете мне, что я его никогда больше не увижу? Дайте слово, что у нас с ним не будет очной ставки.

— Вы будете вызваны только тогда, когда он умрет.

Услышав последние слова, она испугалась, так как поняла, что те, кто хотел отомстить за жертвы Андре, гораздо сильнее, и ее жизнь для них будет значить очень мало, если им придется ею пожертвовать.

Нисетта всегда действовала под влиянием минуты. Не заботясь о будущем, презирая прошлое, она жила только настоящим. Она не думала о последствиях такого поведения. Убежденная, что она не подвергается никакой опасности, а наоборот, будет находиться под покровительством семьи Лебрен, она решительно сказала:

— Хорошо, мсье, я к вашим услугам. Я сделаю то, что вы хотите.

Он подал ей показания, записанные Панафье, и она поставила свою подпись.

— Разве вы не вдова? — спросил Винсент, читая ее подпись.

— Для всего света я вдова, но если эта бумага попадет в суд, то я не хочу лгать.

— Ваш муж жив?

— Жив, но я не знаю, что с ним случилось. Он изменил имя, как и я, и мы с ним все это время не виделись.

Винсент спрашивал об этом совершенно равнодушно. Он делал это для того, чтобы протянуть время, пока сохнут чернила.

Затем он тщательно свернул бумагу и положил ее в бумажник, говоря:

— Теперь слушайте меня. Я дам вам необходимые деньги для переезда, и вы отправитесь к себе домой, где постараетесь жить как можно проще и скромнее. Так как с этого дня могут проверить, как вы живете, то следите за собой и ждите от нас известий.

Эти слова не успокоили Нисетту. Поэтому она, получив деньги, напомнила:

— Дайте слово, что я не буду скомпрометирована. В противном случае я не скрою ничего.

Но Винсент сухо перебил ее:

— Вам не нужно будет говорить ничего сверх того, что мы вам скажем, когда наступит время. Если же вы заговорите, то в руках правосудия будет только одна жертва — вы.

Тон Винсента привел Нисетту в ужас.

Тот же, посмотрев на нее и поняв, что она укрощена, сказал:

— Прощайте, мадам. Мы увидимся с вами в Париже.

И вышел.

Сжав в ярости губы, Нисетта говорила себе: «Я должна повиноваться — или я погибла».

Она позвала лакея и приказала ему отнести чемоданы на станцию Парижской дороги.

СТРАННАЯ ГОСТИНИЦА, НЕ МЕНЕЕ СТРАННЫЙ ХОЗЯИН И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

На расстоянии нескольких часов от Гильона по дороге в Дом-ле-Дам находится маленький кабачок.

Дом имеет всего два этажа, причем в верхнем — четыре комнаты, а в нижнем — только три.

В большом зале стоят пять столов. За этой комнатой расположены кухня и комната, в которой спит хозяин дома.

Возле дома посажен фруктовый сад, который спускается к реке Гюзансен.

Кабачок этот сам выглядит весело, и вид из него великолепный. Он стоит возле горы и по своему расположению должен привлекать посетителей. Содержится он в чистоте, что можно редко встретить в маленьких деревнях Франш-Конте, а между тем в зале раздается только монотонный звук маятника.

Дело в том, что дом пользуется плохой репутацией. Он был открыт всего несколько месяцев тому назад, и в день открытия один из посетителей был убит. И хотя это не было доказано, но ходили слухи, что хозяин — бывший каторжник.

В тот день, когда мы вводим читателя в этот кабачок, хозяин его сидел у дверей, облокотясь на стол и опершись лбом на руки. Это странное существо было красиво, как Квазимодо, и высоко, как Мефистофель. Его руки были так длинны, что он мог ими доставать с одного конца стола до другого. Звали его Грибом — то ли из-за его носа, то ли из-за горба.

Наши читатели вспомнят, что видели его в начале нашего рассказа в кабачке «Бешеная кошка».

Он получил в наследство дом, виноградники и немного денег.

Тогда он превратил свой дом в гостиницу и повесил над ним вывеску.

Устроив у себя меблированные комнаты, он надеялся, что найдется какой-нибудь иностранец, который соблазнится прекрасным видом и захочет покупаться в Гильонских купальнях, но предпочтет жить не среди больных в гостинице.

Гриб сидел возле двери и думал: «Вот какая награда за то, что человек хочет жить честно...»

Вдруг он услышал стук приближающегося экипажа. Он взял тряпку и вытер пыль со стола, говоря:

— Это звенят колокольчики. Может, почтальон захочет выпить бутылочку вина.

Он вышел на улицу посмотреть и увидел вдали почтовую карету, мчавшуюся во всю прыть, несмотря на крутой спуск с горы. «Этот почтальон рискует сломать шею себе и ноги — своим путешественникам», — подумал Гриб.

Тем не менее экипаж безо всяких приключений доехал до дверей гостиницы «Добрые ребята».

Гриб с салфеткой в руках стоял у дверей и улыбался путешественникам самой любезной улыбкой.

Он с удивлением заметил, что почтальон, здоровый малый, без сюртука и даже без сапог.

Когда экипаж остановился, чей-то голос сказал:

— Узнай, далеко ли нам еще?

С козел соскочил человек и подошел к Грибу.

Тот взглянул на него, и оба в один голос вскричали:

— Как! Это ты!

Почтальон следил с удивлением за этой сценой. Он был слишком далеко, чтобы слышать, о чем говорят.

Услышав восклицания, к дверцам кареты наклонился какой-то человек и спросил:

— Что случилось?

— Господин Панафье, посмотрите, какая встреча!

Хозяин гостиницы, услышав это имя, подбежал к карете, говоря:

— И вы здесь, господин Панафье?

— Гриб, — сказал с удивлением последний, — что ты здесь делаешь?

— Я здесь поселился. У меня гостиница, ресторан, меблированные комнаты, конюшня, сарай.

— Далеко ли мы от монастыря трапистов?

— Отсюда не больше мили. Окажите мне честь, остановитесь у меня.

Панафье оглянулся вокруг.

Увидев уединенный домик и пустынную дорогу, он выпел из экипажа, запер дверцу на ключ и отвел Гриба на несколько шагов в сторону. Там он стал расспрашивать его относительно заведения, а потом сказал, что везет пленника.

Физиономия Гриба засияла.

— Я именно тот человек, который вам нужен, и мой дом вам также подходит. Наконец-то я тоже развежусь и припомню доброе старое время.

Через десять минут карета стояла в сарае, а лошади — в конюшне. Гриб хлопотал на кухне, а Ладеш, Деталь и почтальон сидели вокруг стола.

Панафье запер Андре в комнате второго этажа, расположенной рядом с той, что была предоставлена ему.

Все путешествие прошло в молчании, и только в нескольких милях от Лиона Андре сказал Панафье:

— Мне очень неудобно так сидеть. У меня нет никакого оружия, так как вы меня обыскали и взяли все, что у меня было. Кроме того, вас трое против меня одного, и я полагаю, что вы ничем не рискуете, развязав мне руки и разрешив курить.

Панафье позвал Ладеша и Деталья, и Андре развязали.

— Но я вас предупреждаю, — сказал Панафье, — если вы попытаетесь бежать, я раздроблю вам череп.

Андре улыбнулся злой улыбкой.

— Я в вашей власти.

— Нет, я здесь только ваш сторож от имени Винсента Лебрена. Я буду иметь с вами дело, когда он закончит свои дела и вы будете свободны.

Слово «свободен» приятно поразило того.

Вжавшись в угол кареты, он думал только об этом и не обращал внимания на угрозы Панафье. «Значит, семья Лебрен не желает моей смерти и не хочет выдать меня палачу. Следовательно, ими руководит только расчет, и они хотят получить деньги. В таком случае, еще не все потеряно». И Андре, совершенно успокоенный, закурил.

На первой станции он спал, как праведник, и проснулся только поздно утром.

Панафье не хотел говорить с ним. На четвертой станции в десять часов утра он приказал Ладешу подать завтрак Андре прямо в экипаж. Сам же он позавтракал в гостинице.

— Скоро ли я увижу Винсента?

— Завтра, — сухо ответил Панафье.

Вечером они приехали в гостиницу «Добрые ребята», расположенную между Гильоном и Пассаваном.

Панафье затруднялся выбрать гостиницу, и случай помог ему встретиться с бывшим слугой из «Бешеной кошки».

Гриб не нуждался ни в каких объяснениях. Он был готов на все, и видя, что Андре заперли, только подмигнул Ладешу.

— Что, его здесь прикончат? — спросил он.

— Нет, — ответил Ладеш. — Дело совсем в другом. Мы, наоборот, должны как можно дольше беречь его. Ты знаешь этого молодца по имени... Помнишь аббата?

— Аббата? — почтительно повторил Гриб. — Да, он молодец.

— Да, он молодец, но все-таки Панафье объедал его.

— Но зачем вам почтовая карета и лошади?

— Почтовая карета наша. Мы ее не нанимаем. Чего другого, а денег у нас много — сколько хочешь! Ты увидишь. Мы ждем главного патрона — деньги у него. Все это мы купили в Лионе.

— Но что же вы делаете?

— Я же тебе сказал, что сам не знаю. Они уверяют, что это семейное дело. Что же касается меня, то я думаю, что это политика.

— Но вы довольны?

— Спроси у Пьера. Мы уже начали копить деньги. Когда все закончится, то мы устроимся как следует. А как идут твои дела?

— Совсем плохо и, может случиться, я продам все это. Вначале пошло недурно, но мне пришлось в голову, что надо заставить себя уважать. В первый же день подвернулся случай, и я покончил с одним.

— Какое несчастье!

— Меня судили, но оправдали, так как я находился в положении необходимой обороны. Но ко мне перестали ходить.

— Как это глупо, — сказал Деталь. — Они не поняли, что с этого дня должно было начаться настоящее веселье.

В эту минуту появился Панафье.

— Есть ли здесь телеграф? — спросил он.

— Есть в Боме.

— Ты можешь отправить депешу?

— Конечно, я к вашим услугам. Сейчас пошлю одного молодца на лошади.

— Отлично!

Несколько минут спустя крестьянин вез на лошади депешу, указывавшую Винсенту Лебрену, где они живут.

Панафье лично наблюдал за своим пленником. Он сразу же ушел к себе в комнату и приказал подать есть туда.

Трое бывших посетителя «Бешеной кошки» поужинали, и так как они выпили немного больше, чем следовало, то веселье их было безгранично.

Панафье услышал, что Ладеш поет романсы.

Это была одна из слабостей друга Деталья. Он обожал музыку. Впрочем, это вещь вполне обыкновенная — слышать, как разбойники поют про цветы, птичек и тому подобное.

Ладеш пел романс «Проклятая любовь»: о том, как один молодой человек объясняется монахине в любви прямо у подножия алтаря, но та предпочитает умереть; она дотрагивается до креста, и красавец исчезает в дыму — это был сатана.

Ладеш пел басом, Деталь вторил ему фальцетом.

Ничто не в состоянии передать, каким печальным голосом пел Ладеш, сопровождая свое пение вздохами. Но на него невозможно было смотреть без смеха.

Глава VI

ПОСЕЩЕНИЕ МОНАСТЫРЯ

На другой день вечером, около шести часов, какой-то человек быстро скакал на лошади по дороге, ведущей в монастырь трапистов.

Погода была весенняя. Ветер громко свистел в высоких соснах, покрывающих холмы, по которым проходила дорога.

По одну сторону дороги, пенясь, катилась маленькая река, превратившаяся в поток.

Вдали виднелся мрачный силуэт громадного монастыря.

Все было мрачно и печально вокруг одинокого всадника.

Подъехав к воротам монастыря, он соскочил с лошади и позвонил.

— Отец мой, — сказал приезжий привратнику, — я проскакал целую милю, чтобы найти здесь священника, так как один человек умирает на дороге в Пассаван.

— Почему же вы не были в церкви того прихода?

— Я был там, но господин аббат уехал два дня тому назад.

— И этот человек умирает?

— Он не доживет до утра.

— И он требует исповедника?

— Да, отец мой. Он просит привезти ему исповедника, так как чувствует свой кончину и желает просить у Бога прощения за большие грехи.

— Погодите, — сказал брат-привратник. — Постучите в дверь напротив. Вам откроют, и один из братьев сразу поедет с вами. Но я должен доложить об этом приору.

Сказав это, монах запер решетку, а незнакомец повернулся и увидел в нескольких шагах на краю дороги маленький дом, похожий по внешнему виду на гостиницу.

На звонок колокольчика дверь сразу же открылась.

Незнакомец вошел.

Его принял монах с веселым лицом, который сразу предложил ему кресло и спросил, не хочет ли он чего-нибудь.

— Где я нахожусь? — спросил незнакомец, глядя с удивлением на монашескую одежду принимавшего его, на стоящие повсюду бутылки с ликерами и на стеклянный шкаф, заполненный крестами и образами.

— Мы это сделали потому, что, хотя отсюда не более трех часов ходьбы до ближайшей гостиницы, путешественники приезжали к нам утомленные и умирающие с голода. Поэтому мы и построили этот маленький ресторан. Кроме того, здесь никогда не бывает много народа.

— Да, придумали вы это очень остроумно, тем более что гостиницу вы не позволили бы здесь открыть.

— Да, мсье: лес, река, дорога — все это принадлежит нам. Вы знаете одно правило?

— Какое правило?

— Женщина не может входить в монастырь.

— А-а!

— И те, кто этого правила не знают, приезжают сюда с дамами, которые и ожидают их здесь.

Незнакомец приказал подать себе стакан ликера.

— Подумайте, мсье, — продолжал монах, — как много мы теряли бы, если бы не открыли это заведение. Наши правила запрещают нам есть даже ту рыбу, которую мы ловим, а в реке у нас водятся прекрасные форели, которых обожают путешественники.

— Я думал, что трапписты дают обет нищеты.

— Да, мсье, и вы видите, что мы живем бедно, одеваемся в самые грубые одежды. Мы можем есть только один раз в день и то овощи, сваренные на воде или припущенные на масле. Это зависит от того, скромный день или постный.

— Неужели, — поинтересовался незнакомец, — вы достигли такой полноты, купая один раз в день?

— Дело в том, что я не обязан следовать правилам. Мне дано на время разрешение делать все, что я хочу. Торговля прежде всего. Я должен есть и пить с посетителями, когда это нужно.

— И только зелень?

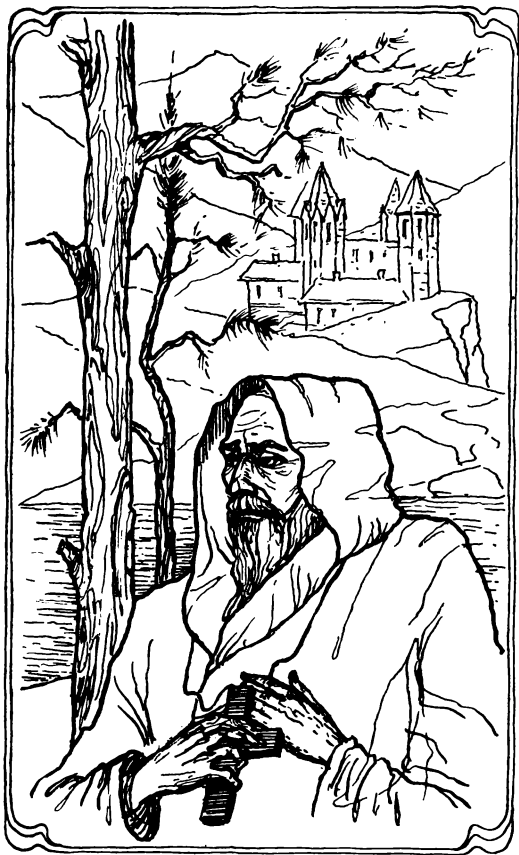
— Не только. Можно есть немного мяса, рыбы. Я ведь запасая продукты для посетителей.

— Да, я вас понимаю.

— Иногда никто не приезжает. В таком случае...

— Вы жертвуете собой, чтобы добро не пропадало даром.

— Да, так я и делаю. Мне дано разрешение на это.

Тогда приезжий велел подать второй стакан, чокнулся с монахом, и они выпили вместе.

Несколько минут спустя в кабачок вошли два монаха.

— Это вы, мсье, приехали за исповедником для умирающего?

— Да, отец мой.

— Это кто-нибудь здешний?

— Нет, это путешественник, остановившийся в гостинице «Добрые ребята», расположенной по дороге в Пассаван. Он не мог продолжать путь.

— У вас есть лошадь? — спросил монах.

— Да.

— Тогда вы поезжайте вперед, а мы будем следовать за вами. Нам сейчас запрягут телегу.

— Благодарю вас.

Посетитель расплатился, вскочил в седло и укакал галопом.

В то время, как закладывали телегу, брат-траппист спросил у послушника:

— Захватил ли ты на всякий случай шкатулку с лекарствами?

— Да.

— Иногда достаточно какого-то простого средства, чтобы поправить здоровье несчастного, принимающего простую слабость за приближение конца.

Говоривший монах был человеком среднего роста и под длинными складками своей грубой одежды походил на статуэтку из старого дуба, которые мы часто встречаем в средневековых капеллах.

При свете свечи, слабо освещающей маленький зал, его лицо казалось восковым, настолько оно было желтым. Лысый череп был в венчике седых волос, остриженных довольно коротко, кожа же на черепе блестела, словно лакированная. Его живые глаза сидели глубоко в орбитах и казались еще более блестящими от окружавших их темных кругов. Нос был прямой и тонкий, но немного длинно-

ватый. Нижняя часть лица терялась в длинной седой бороде.

Когда тележка была запряжена, брат, которого звали Дон Калист, и сопровождавший его молодой послушник сели в тележку, причем младший взял вожжи.

Собиралась гроза. Ветер дул все сильнее, и сухие листья, поднятые им, летели по дороге, словно темные бабочки. Ветер ревел так громко, что едва был слышен стук колес по каменной дороге. Уже погромыживал гром, и дождь капал крупными каплями.

Брат-послушник усердно погонял лошадь, которая ржала от испуга и летела со всех ног. Вскоре они приехали в гостиницу «Добрые ребята». Панафье только что вышел из конюшни, в которую он поставил лошадь.

Ладеп и Пьер Деталь взяли под уздцы коня, привезшего монахов, и вместе с телегой ввели ее в сарай.

Винсент, приехавший в этот день рано утром, вышел встретить монаха.

— Отец мой, — сказал он, — благодарю вас за поспешность, с которой вы исполнили нашу просьбу.

— Когда грешник страдает, то было бы несправедливо отдалять утешение в его страданиях.

— Войдите, пожалуйста, отец мой. Несчастный немного забылся. Мы воспользуемся этим моментом. Видя, что идет дождь, мы приказали развести огонь в камине. Вы просушите ваши вещи и сообщите нам некоторые сведения.

Монах согласился и последовал за Винсентом на кухню, где был разведен огонь.

Винсент запер за собой дверь, предложил монаху сесть и сам сел рядом с ним.

— Несколько дней тому назад мой брат был у вас в монастыре, и его представили Дону Калисту.

— Это я, — сказал монах, поднимая голову, но не выражая ни малейшего удивления.

— Помните ли вы, отец мой, об этом посещении? Помните ли вы о молодом человеке, который расспрашивал об исповеди *in extremis*?

Монах не колеблясь отвечал:

— Да, я помню о человеке немного моложе вас. Он приезжал в сопровождении сестры, которая ожидала его в гостинице монастыря. Молодая дама была в глубоком трауре, с ней был ребенок пяти или шести лет.

— Да, это были мои брат и сестра.

Монах поднял голову и равнодушно посмотрел на молодого человека.

— Ваш брат говорил, что один его друг, мучимый страшной болезнью, должен приехать провести сезон в гильонских купальнях. Этот несчастный, по мнению вашего брата, имел страшную историю в своей жизни, от которой он хотел облегчить свою совесть только в последние минуты своей жизни и вдали от тех мест, где она произошла, и не хотел исповедоваться ни у одного из светских духовников, так как тот в случае выздоровления исповедуемого мог бы встретиться с ним. Поэтому, прежде чем приехать в Гильон, он поручил вашему брату узнать, может ли какой-нибудь траппист выслушать его исповедь.

— Совершенно верно, отец мой.

— И вы призвали меня для этого человека?

— Да, отец мой. Он приехал сюда один, и ему стало так плохо, что он не смог доехать двух миль до ближайшей гостиницы и был вынужден остановиться здесь. Видя, что его состояние постоянно ухудшается, он послал за мной. Приехав сюда несколько часов тому назад, я решил, что нужно позвать вас.

— Брат мой, — сказал монах, — проводите меня к грешнику.

Винсент взял свечу и проводил монаха в последнюю комнату второго этажа.

Андре лежал в постели.

Услышав стук открывающейся двери, он проснулся и тщательно старался подняться.

Когда Винсент приблизился к нему, то при свете свечи можно было увидеть, что несчастный страшно бледен, щеки его ввалились, глаза тоже, только взгляд еще и жил.

— Благодарю вас, отец мой, что вы приехали на мой зов, — сказал он.

— Бог всегда слышит голос того, кто его зовет.

— Винсент, — сказал Андре, — благодарю вас. Оставьте меня наедине с духовником и возьмите эту свечу, на которую мне больно смотреть.

Винсент подчинился и поставил свечу в отдаленный угол комнаты, затем опустил занавеси рядом с постелью, чтобы свет не попадал больному в глаза. Монах опустился на колени около больного, говоря:

— Молись, сын мой, — и сам стал молиться.

Затем, поднявшись и придвинув кресло, он сел у изголовья больного и сказал:

— Сын мой, я слушаю вас.

Прежде, чем рассказывать дальше, мы скажем читателям, что происходило в гостинице после приезда Винсента.

Глава VII

В СЕРДЦЕ АНДРЕ БЕРРИ ЕЩЕ ОСТАЛОСЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЧУВСТВО

Винсент приехал в гостиницу «Добрые ребята» утром того дня, когда Панафье ездил за исповедником в монастырь.

Приехав в гостиницу, он сразу же пошел к Андре и сказал ему:

— Мы должны с тобой серьезно переговорить.

— Я хочу этого от всего сердца, — проговорил насмешливо негодая.

Винсент не обратил на это никакого внимания, взял кресло и знаком указал Андре тоже сесть.

— Во-первых, ты должен понимать, что здесь ты полностью в моей власти. Вдали от всех, в незнакомой для тебя местности, где о тебе никто не знает, я мог бы отделаться от тебя, не боясь, что кто-то тебя будет разыскивать.

— Ты ошибаешься, — сказал Андре, чувствуя, что похолодел от слов шурина. — Я был не один в Лионе, и меня должны искать.

— Нисетта в настоящее в Париже, куда я отослал ее три дня тому назад, очень счастливая и опасаящаяся только встречи с тобой.

Андре прикусил губу и ничего не сказал.

— Я не буду повторять имена твоих жертв. Я не буду ни за кого мстить. Я хочу только восстановить честь моего отца. Я надеялся, что в тебе нет склонности к убийствам. Я думал, что побежденный преступник вспомнит, что у него есть жена и сын.

Андре вскочил с места.

— Молчи, Винсент, молчи! Не говори мне о них! Я не хочу думать о них!

— И в этом все твое несчастье. Если бы ты почаще думал о них, то не совершал бы таких преступлений.

— Мой сын... — повторил Андре, закрыв лицо руками. — Они считают меня мертвым.

— Мы должны были подумать о них, и именно им ты обязан тем, что мы не выдали тебя в руки правосудия, так как ты был настолько подл, что придумал ужасный план. Ты был связан с ними таким образом, что мы не могли выдать тебя правосудию. Мы не могли возвратить честь нашему отцу, не обесчестив его дочь.

Андре снова упал на стул.

— Слава Богу, Маргарита и Корнель спасены. Нам остается только спасти честь нашего отца. И если ты чистосердечен в своих чувствах, то ты должен помочь нам восстановить честное имя отца.

— Говори, — прошептал Андре.

Винсент не чувствовал ни малейшего сострадания к этому позднему раскаянию. Он слишком ненавидел и презирал злодея!

Он рассказал о последней воле своего отца, поручившего разыскать убийцу, из-за которого он был казнен, и запрещающего им выдавать этого убийцу правосудию. Затем он прочел письмо Корнеля Лебрена.

— Что ты хочешь делать? — спросил Андре, когда Винсент окончил чтение. — Я буду повиноваться тебе, но ты спасешь мою жену и ребенка.

— Вот что мы сделаем.

Андре внимательно слушал, опустив голову и не смея смотреть в глаза своему шуруну. Человеческое чувство победило его дикую натуру. Он думал только о том, чтобы спасти свою жену, а главное — ребенка, от позора, который пал бы на них, если бы о его преступлениях узнали.

— Нужно доказать, что убийцей Мазель был не Корнель Лебрен, но в то же время — скрыть, что это был Андре Берри. Андре Берри умер для всех. Он был убит на дуэли с человеком, который говорил о его жене в непочтительных выражениях, намекая на смерть ее отца. Этот человек смертельно ранил его. Когда его переносили в Ларибуазер, он умер и был отнесен в морг, где его и признал шурин. Я приказал перенести тело к себе домой, отдал ему последние почести и похоронил в семейном склепе. Так что Андре умер, оставив вдову, которая его оплакивает и воспитывает сына в уважении к его имени. Таким образом, будущее обеспечено, остается спасти прошлое. Ты называл себя аббатом Пуляром, или Раулем де Ла-Гавертьером. Ты понимаешь?

— Да, — сказал Андре, явно ничего не понимая.

— Нужно было расплатиться с наследниками твоих жертв. С помощью найденных драгоценнос-

тей и денег, о которых не знала твоя жена, а также моего личного состояния, мы уже все им выплатили. Остался только долг моему отцу, и вот что ты сделаешь. Так как конец твой близок, ты позовешь священника и признаешься ему в преступлении, совершенном на улице Фридлань. Ты расскажешь о нем во всех подробностях. Расскажешь, что выдавал себя за аббата, что был тайным любовником Мазель, которая жила на содержании нашего отца. Ты расскажешь все, но изменишь свое имя. Ты попросишь его заявить в полицию через два дня, которых будет тебе достаточно, чтобы уехать за границу, что Корнель Лебрэн, казненный по приговору суда, был невиновен в преступлении, в котором его обвинили.

Винсент ждал ответа Андре, но тот молчал, пристально глядя в пространство, и в его взгляде читалась только одна мысль.

— Ты мне не отвечаешь? — спросил Винсент.

Андре точно проснулся ото сна.

— Что же тебе сказать? Маргарита и ребенок будут спасены. Это все, на что я могу надеяться.

— Ты сделаешь то, что я тебя прошу?

— Да, и клянусь, что свою последующую жизнь я буду работать на тех, которых разорил и погубил.

Винсент взглянул на своего зятя с меньшей ненавистью.

— Нужно побыстрее заканчивать. Здесь можно найти священника.

— Да, но до того мы подготовимся к приходу монаха, за которым отправится Панафье.

— Монаха? — переспросил Андре.

— Ты не можешь понять наших предосторожностей, а это очень просто. Если бы мы это делали в Париже, то не было бы рядом границы, за которой ты можешь спрятаться. Мы бы взяли священника, который, веря в твою смерть, рассказал бы все друзьям. Здесь этого бояться нечего. Мы вдали

от всех, и твоя исповедь потеряется в стенах монастыря.

— Вы пошлете за монахом из соседнего монастыря?

— Да, из монастыря трапистов. Шарль уже был в этом монастыре и навел справки. Он сказал, что один из наших друзей умирает от странной болезни и хочет приехать лечиться в Гильон. По всей вероятности, у этого несчастного была в жизни драма. Он спросил — нет ли в соседнем монастыре исповедника, которого он мог бы призвать в случае, если его друг почувствует себя хуже. Тогда он был представлен Дону Калисту, который согласился на его предложение.

— Хорошо. Я загримируюсь, лягу в постель, и вы сможете отправляться в монастырь трапистов.

— Так как ты должен казаться умирающим, то тебе нужно написать письмо.

— Какое письмо?

— Пиши — и поймешь.

Андре послушно взял бумагу и написал под диктовку Винсента:

«Чувствуя приближение смерти, я должен явиться перед престолом всевышнего, покайся во всех моих проступках, признавшись во всех моих преступлениях.

Я являюсь единственным убийцей Адели Мазель, любовником которой я был. Я подробно признался в моем преступлении Дону Калисту и даю ему это письмо с поручением открыть тайну исповеди, чтобы восстановить честь Корнеля Лебрена, приговоренного и казненного безвинно».

— Поставь число и подпиши — Рауль Пуляр.

Андре подчинился, но нахмурил брови.

— Что я должен с этим делать? — спросил он.

— Ты передашь эту бумагу монаху, который должен будет поехать в Париж через два дня, чтобы сделать свое признание прокурору.

— Теперь я понимаю, — странным тоном сказал Андре.

— Приготовься, и сегодня вечером монах придет к тебе.

Теперь мы можем возвратиться к исповедующему его монаху.

Глава VIII

АНДРЕ ХОЧЕТ СПАСТИ СВОЮ ДУШУ И ТЕЛО

Мы оставили Андре наедине с монахом, который, сидя у его изголовья, ожидал исповеди пленника, пробывшего несколько часов наедине.

Винсент все это время не находил в себе мужества войти к нему, чувствуя естественное отвращение. Монаха решили позвать ночью, чтобы облегчить обман, с помощью которого Андре должен был иметь вид умирающего.

Панафье мог войти в комнату, но, избавившись от обязанностей сторожа с приездом Винсента, он старался как можно реже видеть ненавистного ему человека.

Время, проведенное с Андре в экипаже, истощило весь его запас терпения, которое он хотел проявлять к этому человеку.

Оставленный один, Андре имел достаточно времени, чтобы обдумать свое положение.

Он полностью зависел от Винсента, который мог выдать его правосудию, но спасали от этого жена и сын. Привязанность Винсента к племяннику и сестре обеспечивала Андре безнаказанность.

Так что с этой стороны опасности не было. Но при мысли о Панафье он приходил в ужас, чувствуя в нем смертельного врага.

Причиной этого было не дурное обращение со стороны Панафье. Наоборот, он был предупредите-

лен как человек, не знающий о преступлениях. Но одна только фраза Панафье, вырвавшаяся случайно, показала Андре всю меру ненависти, которую испытывал к нему этот человек.

Оставшись один в ожидании монаха, Андре вспомнил эту фразу и не мог избавиться от мыслей: «Когда мы закончим дела с Винсентом и я стану свободным, этот человек будет преследовать меня. Мое письменное признание, поручающее монаху открыть тайну моей исповеди, делает меня зависимым от этого человека, который может доказать, что я преступник, и отдать меня в руки правосудия. Винсент простит меня, а Панафье — никогда, хотя у него нет ни одного доказательства. Я могу все отрицать до того момента, пока монах не отдаст мое признание прокурору».

Началась гроза: гремел гром, и дождь начал хлестать по стеклам. Размышляя, Андре гримировался перед зеркалом: наводил на веках синеву, на щеках — желтизну, и глядя на себя, говорил:

— Черт возьми! Я похож на покойника!

Затем он лег, и ожидая прихода монаха, насмешливо улыбался: «Сейчас придет исповедник. Сначала я спасу свою душу, а потом буду спасать свое тело».

Монах вошел.

Читатели видели, что он молился, стоя на коленях у постели больного. Потом стало слышно, как он сказал:

— Говорите, сын мой. Я вас слушаю.

Тогда Андре начал глухим голосом:

— То, что я должен рассказать вам, до такой степени ужасно, что прежде всего я должен сообщить, кто я такой. То, что я вам скажу, не уменьшит и не увеличит мое преступление, но объяснит мой характер.

Когда у ребенка не было ни отца ни матери, чтобы научить его жить порядочно, когда нищета держит человека в тисках целыми днями, когда он

видит вокруг себя только преступления, он старается взять у жизни то, что она отказывалась дать ему добровольно. Человек находит удовольствие в пороке и называет его страстью. Я никогда не был любим, так как был приемным. Я не получил никакого воспитания, бегая целыми днями по улице, и тогда я был принят людьми, которые нашли во мне независимый и сильный характер. Моими друзьями были все негодяи Парижа.

Я с детства рос в испорченной среде.

Мне нечего дальше объясняться — вы меня понимаете. Я был воспитан в школе порока. В двадцать лет я наследовал состояние своих названных родителей. Получив небольшое наследство, я пробовал изменить свою жизнь, но напрасно. Я был игроком и в течение нескольких месяцев все проиграл.

— Разве вы не получили образования?

— Получил, отец мой, но поздно. У меня были способности к наукам, и я все выучил быстро.

— Значит, названные родители не наблюдали за вами?

— Это была кошмарная семья. Муж развлекался на стороне, и жена делала то же самое. Но самое ужасное было в том, что я был их поверенным.

Монах передернулся от отвращения.

— Теперь я перейду к преступлениям, прощение за которые я хочу получить.

И Андре рассказал испуганному монаху о трех преступлениях, совершенных им.

— Но, значит, вы совершенно не чувствовали к этим женщинам любви?

— Наоборот. Я не любил их всерьез, но все-таки они мне нравились, и я не лгал, говоря им, что люблю их.

— Но почему же вы убивали?

— Потому, что это доставляло мне новое наслаждение.

Понятно, какое впечатление произвело это новое признание.

Монах попросил Андре заканчивать исповедь.

Андре рассказал все, что нам известно, попросив с умоляющим видом монаха:

— Теперь, отец мой, я должен просить у вас одной милости. Ужасные тайны, открытые вам, могут спасти одну семью, глава которой был осужден и казнен. Я хочу поручить вам открыть свою тайну кому следует. Я скоро умру и хочу, чтобы это признание было сделано только после моей смерти или по моему приказанию в тот день, когда я буду вне всякой опасности.

— Что вы хотите сказать? — спросил монах, стараясь скрыть отвращение, испытываемое им к ужасному негодяю, эгоизм которого не останавливает его и на пороге смерти.

— Я написал письмо, отец мой, которое разрешает вам открыть тайну исповеди. Возьмите его в этом комодѣ, в верхнем ящике.

Монах встал, открыл комод и взял письмо, запечатанное черной печатью, но без адреса.

— Это? — спросил монах.

— Да, отец мой. На столе лежит перо. Напишите ваше имя. Если я умру, то это письмо будет вам немедленно передано.

Монах повиновался и положил письмо под подушку.

— Не забудьте, отец мой, что тайну моей исповеди вы должны открыть только по получении этого письма.

Несколько минут монах совещался сам с собой, в то время как негодяй разыгрывал самое смиренное раскаяние.

Когда монах покидал гостиницу, Винсент подошел к нему и спросил:

— Все кончено, отец мой?

Монах мрачно кивнул головой, как бы желая сказать «да», и уехал. На его лице ясно читалось впечатление, произведенное ужасной исповедью.

Андре же, как только монах вышел, сунул письмо под подкладку своего пальто, говоря:

— Теперь, когда мы разберемся с Винсентом, я не буду зависеть от вас, господин Панафье.

Глава IX

МОЖНО ПОДУМАТЬ, ЧТО ПОРОК ВСЕГДА НАГРАЖДАЕТСЯ

Сразу же после ухода монаха Винсент вошел к Андре.

Андре, вытирая с лица грим, повернулся к шурину.

— Что тебе нужно? — спросил он. — Я исполнил твою просьбу.

— Я хочу закончить наши дела, так как отношения между нами тебя тяготят в той же мере, что и меня.

Андре молча с ним согласился.

— Во-первых, как ты договорился с Доном Калистом?

— Как ты того требовал, я открыл ему истину. Я сказал, что меня зовут Рауль Пуляр, что я часто носил одежду духовника. Потом я передал ему мое письменное заявление с просьбой передать его через двое суток прокурору Парижа.

— Через двое суток!

Услышав слова Винсента, он испугался, как бы его не захотели удерживать эти двое суток пленником.

— Андре, вот завещание, помеченное задним числом, которое ты должен переписать и подписать, чтобы оно было неоспоримо.

— Для чего завещание?

— Оно поможет нам возвратить все, что ты взял. Оно подписано тем числом, когда ты исчез, и следовательно, покажется вполне естественным, что перед дуэлью ты закончил со всеми делами.

Андре сел за стол, переписал поданную ему бумагу и поставил свою подпись.

— Теперь ты свободен. Если у тебя осталась еще хоть какая-то привязанность к ребенку и жене, то не пройдет и двух суток, как ты оставишь Европу. Но помни, что исполнив волю отца, я в будущем буду руководствоваться только своими побуждениями.

— Это значит?..

— Это значит, что если ты встанешь на моей дороге, то я не колеблясь выдам тебя правосудию не за убийство Мазель, а за убийство Полины Панафье.

На губах Андре мелькнула насмешливая улыбка, которой Винсент не заметил.

— У тебя нет своих денег, и мы отдадим тебе твой бумажник, в котором находятся бумаги и четыре тысячи франков. Но ты должен написать одно письмо.

Андре, торопясь быстрее перейти границу, придавал так мало значения тому, о чем говорил ему Винсент, что сразу же сел, говоря:

— Диктуй.

— Отец мой...

Андре с беспокойством поднял голову.

— Это письмо к монаху?

— Да.

— Что же я должен написать?

— Я хочу переслать ему драгоценности, которые мы нашли и которые смогут служить доказательством совершенных преступлений.

— Какие драгоценности?

— Серьги Мазель, которые ты взял в своем кабинете, и кольцо, подаренное ей моим отцом.

— Кольцо у вас?

— Да.

— Значит, наивная Луиза была с вами!..

Подумав несколько минут, он написал:

«Отец мой, боясь, что смерть поразит меня раньше, чем я думаю, и что в этот последний час у меня не хватит сил, чтобы исполнить свое желание, я посылаю вам свои драгоценности, которые, подтверждая сделанные вам признания, смогут хоть как-то возместить потери семейства, погубленных мной.

Вы поступите так, как я вас просил, и передадите эти вещи и мою исповедь в руки правосудия только в назначенный день.

Молитесь за того, кого убивают угрызения совести.

Молитесь за раскаявшегося грешника.

Рауль Пуляр».

— Хорошо? — спросил он, подписываясь.

— Да.

Винсент положил письмо и завещание в карман, говоря:

— Теперь ты свободен, Андре. Ты обязан своей жизнью тому, кто умер из-за тебя, а твоей жене ты обязан тем, что мы не обратились в суд. Пусть исполнится воля нашего отца! Как ни глубока пропасть между тобой и честными людьми, она уничтожена, и ты снова можешь возвратиться к нормальной жизни. Твое будущее в твоих руках. Это мое последнее слово.

С этой минуты я не знаю аббата Пуляра, а мой зять — Андре Берри — умер. Ты свободен!

— Завтра утром я оставляю Францию. Прощай!

Говоря это, Андре беззаботно протянул Винсенту руку, но тот повернулся и вышел, не обращая внимания на это прощание.

Как только дверь закрылась, Андре в ярости сжал кулаки.

— Вы дураки! — проговорил он. — Вы еще не победили меня.

Затем мысли его вдруг изменились.

— Почему бы мне не взять у монаха то, что они пошлют ему... Ведь это маленькое состояние.

Рано утром Андре уехал.

В тот же самый вечер Винсент щедро заплатил Ладешу и Деталю, что было видно по радостному выражению их лиц.

Утром, собираясь ехать, Винсент спросил о Панафье.

— Он отправился сегодня ночью вместе с Ладешем и Деталем, — ответил Гриб, — сразу за аббатом, и сказал, что, скорее всего, вернется завтра.

Винсент был удивлен этим поспешным отъездом, но потом объяснил себе его тем, что Панафье хотел убедиться в отъезде Андре.

Довольный своим одиночеством и тем, что он сделал, он приказал подать себе завтрак.

Наконец-то цель была достигнута! Через двое суток монах отправится в Париж, и самое большее через три дня о невиновности Корнеля Лебрена будет всем известно.

Сколько разных людей видел Винсент во время своих поисков, со сколькими людьми из другого круга он встречался! И все это время постоянно сталкивался с убийцей.

Он благодарил отца, открывшего им про исчезнувшее кольцо — первую улику, указавшую им на преступника.

Он был счастлив от того, что с самого начала держал поиски в тайне.

Теперь он видел, что этой сдержанности они были обязаны достигнутым успехом. Если бы они поступили иначе, Андре предложил бы им свои услуги и думал бы только о том, чтобы сбить их со следа.

Особенно он был счастлив от того, что спас сестру и племянника от позора, исполнив в то же время волю отца.

Но все-таки он сожалел, что отец так поступил с преступником, и спрашивал себя — не запел ли он слишком далеко, повинуюсь воле отца?

Когда отец писал свое завещание, он считал, что преступник хотел только обокрасть убитую. Он видел только это преступление.

Но вскоре Винсент заставил себя думать только о достигнутой цели, то есть о восстановлении честного имени отца, о том, скоро ли наступит время исполнения другого его приказа — перенесения останков из Проклятого угла и перезахоронения их рядом с матерью после того, как обществу будет доказано, что оно ошиблось.

Этот час наступил.

— Ну, — сказал Винсент, — надо спешить.

Запечатав коробку с драгоценностями, он заплатил Грибу все, что был должен за три дня и приказал оседлать лошадь. Также он просил передать Панафье, что просит его поскорее приехать в Париж.

После этого он вскочил в седло и направился к монастырю трапистов.

Менее чем через час он был там и спрашивал отца Калиста.

Тот сразу вышел. Увидев молодого человека, он подумал, что Андре умер.

— Вы привезли печальное известие? — спросил он.

— Нет, отец мой. Ему сегодня лучше, и по совету доктора он поедет в Швейцарию.

— А-а! — сказал монах, довольный этим выздоровлением.

— Я привез вам по его поручению эту шкатулку и письмо.

— Ответ нужен? — спросил монах, беря письмо и шкатулку.

— Не думаю. Но посмотрите сами.

Монах развернул письмо и прочел уже известные нам строки.

— Скажите ему, что его воля будет исполнена, — сказал он.

Затем он поклонился и ушел.

В тот же вечер Винсент отправился скорым поездом в Париж.

Глава X

ПИСЬМО И ДВЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Приехав в Париж, Винсент нашел письмо от брата, пришедшее накануне.

«Дорогой Винсент!

Мы в Швейцарии, и результаты твоей счастливой идеи уже дают себя знать.

Маргарите уже лучше.

Конечно, она не забыла, но спокойствие постепенно возвращается к ней.

Она спокойно обдумала свое положение.

Мне даже кажется, что она вспомнила свои жалобы на мужа, и я думаю, что она теперь убедилась, что ее муж не был ей так верен и не любил в той степени, как она думала.

Маргарита не сказала мне ни слова, но я понял это по происшедшей в ней перемене.

Сейчас она думает только о сыне.

Впрочем, надо добавить, что Корнель — самый прекрасный в мире ребенок.

Ты не можешь представить себе, какое волнение я испытываю от мысли, что было бы, если бы мы не смогли укротить негодяя.

Спокойствие, последовавшее за отчаянием, немного успокоило меня и сделало наше путешествие приятней.

Ты знаешь, что Маргарита, никогда не уезжала из Парижа кроме того случая, когда мы отправляли ее к нашей тетке после несчастья, да и то недалеко. Поэтому путешествие доставляет ей удовольствие.

По приезду в Женеву она пришла в восторг от чудесного озера с его спокойными, прозрачными водами и от веселого, шумного города.

Я не даю ей ни минуты отдыха, и из Женевы мы отправились в Невшатель, затем в Берн, осмотрели озера и совершили восхождение на горы.

Осмотрев глетчеры, озера и горы, я решил отдохнуть, и мы поехали на воды в Саксон.

Мы не уедем из Швейцарии до тех пор, пока ты к нам не приедешь. Это желание Маргариты и особенно Корнеля, который не видит большого дяди.

Ответь мне скорей, так как я горю желанием узнать, близок ли тот день, когда будет исполнена предсмертная воля отца.

Целую тебя. Твой брат — Шарль Лебрен».

Винсент собирался писать ответ на письмо, когда в комнату вошла служанка.

— Что такое? — спросил он.

— Принесли телеграмму.

Прочтя телеграмму, Винсент вскрикнул от удивления.

Вот что в ней было:

«Из Женевы. Винсенту Лебрену, улица Шарло, Париж.

Боюсь, что снова обмануты. Наблюдаю за ним сам. Он в гостинице Берг. Завтра едет в Саксон.

Повидайтесь с Нисеттой.

Панафье».

При одной мысли о том, что Андре может встретить жену, кровь застыла у Винсента в жилах.

Что делать?

Глядя на телеграмму, он перечитал дату.

— Ладно! — вдруг воскликнул он. — На сегодня бояться нечего, а завтра я сам буду там.

Он взял лист бумаги и написал:

«Шарлю Леброну. Саксон. Швейцария.

Сегодня день смерти нашей матери. Думайте о ней и не выходите никуда. Посидите целый день дома, как мы это делали каждый год.

Я буду завтра.

Винсент ».

«Теперь я спокоен. Бедная дорогая матушка! Может, воспоминание о тебе спасет нас сегодня от большого несчастья».

Отправив телеграмму, он по совету Панафье пошел к Нисетте.

Когда он пришел на улицу Лаваль, привратница ответила ему, что мадам Левассер нет дома.

Тогда он решил узнать, когда она вернулась в Париж, и убедился, что поставленные условия были тщательно соблюдены. Нисетта приехала пять дней тому назад.

Привратница была болтлива, и Винсенту стоило только слушать.

Она рассказала, что в последние дни с ее жилищкой происходит что-то странное.

Во время ее отсутствия пришел человек странного вида и спросил вначале мадам Соване, а потом — Нисетту. Ему отвечали, что она уехала неделю тому назад и скоро должна вернуться.

После этого он приходил каждое утро.

В тот день, когда ему сказали о возвращении Нисетты, он оставил ей письмо.

Когда Нисетта прочла письмо, то была страшно поражена, но потом пришла в себя. «Когда этот человек придет, — сказала она, — вы ответите, что меня нет дома».

Но незнакомец больше не приходил.

Винсенту показалось, что посещение этого господина имело отношение к тому, кого он искал.

Но не имея времени заняться этим, он решил поискать возможность помешать Нисетте соединить-

ся со своим любовником, как это советовал Панафье.

Чтобы дать знать о своем приезде, он оставил карточку.

— Передайте эту карточку госпоже Левассер и скажите ей следующее...

— Хорошо, мсье, я слушаю.

— Известный ей человек приехал из Лиона и хотел видеть ее завтра. Но не застав ее дома, он обещал прийти послезавтра. Он не может прийти завтра потому, что должен идти в суд, куда передал вчера то дело, которое известно госпоже Левассер и по поводу которого он приходил к ней.

— Это нужно передать?

— Да. И смотрите не перепутайте, — сказал Винсент, опуская в руку восхищенной привратницы луидор.

Затем он снова повторил все с самого начала.

— Слушаю, мсье, — сказала привратница, повторяя фразы, чтобы лучше запомнить.

Уходя, Винсент увидел, что с другой стороны улицы идет господин, лицо которого показалось ему знакомым. Он хотел припомнить его имя, посмотрев куда он идет. Тот вошел в дом Нисетты, и тогда Винсент вспомнил его. Это был Липо, Лесной человек, тот, который достал труп убийцы, похороненного вместо Андре.

Для чего этот человек мог приходить к Нисетте?

Винсент спрятался в воротах и стал ждать. Липо сразу же вышел. Когда он повернул за угол, Винсент вернулся к привратнице.

— Что это за человек, который только что вышел отсюда? — спросил он.

— Это тот самый, о котором я вам говорила. Он приходил спрашивать госпожу Нисетту и сказал, чтобы она сама назначила свидание.

— Послушайте, — сказал Винсент привратнице, давая ей новый луидор, — вы можете на два дня забыть то, что вам сейчас сказали?

— О, мсье, — сказала она с восхищением, — я могу для вас сделать все, что угодно.

— Из того, что вам сказал этот человек, вы ничего не скажете до моего возвращения, то есть до послезавтра.

— Слушаю, мсье. Когда мадам Нисетта вернется, я скажу ей то, что вы просили, а о старике ни слова.

— Отлично.

Глава XI

НА ГОРЕ

После этого Винсент ушел, сел в фиакр и поехал к Лионскому вокзалу. Там он взял билет до Женевы.

Приехав в Женеву в тот же вечер, он был вынужден ждать утра, чтобы переправиться через озеро и попасть в Саксон, где находился тот, кого он искал.

Все дальнейшие события будут происходить в горах.

Мы опишем место, куда просим перенестись читателя. На самой высокой из этих гор, которая, кажется, теряется в облаках и склоны которой поросли лесом, образовано на вершине бесплодное плато, на скалистой почве которого растут только крапива и редкая трава.

Эта голая площадка окружена лесом, точно лысина — короткими волосами.

По середине плато течет чистый источник, который, несмотря на быстрое течение, не производит ни малейшего шума, до такой степени мягко его ложе, покрытое травой или мхом.

На вершину горы ведут только две дороги. В остальных же местах она неприступна.

Обе дороги начинаются у деревни и представляют собой лестницу, идущую по спирали, с которой через двадцать метров открывается новый вид.

Вторая дорога, выбитая в скале, орошается ручьем, образовавшимся из дождей, и доходит до края плато.

Вначале это широкая дорога, потом она становится все уже и наконец превращается в тропинку, по которой ходят козы. Тут не видно ничего, кроме неба и скал.

На этой тропинке вдруг появился человек, задыхающийся от усталости и с беспокойством смотрящий во мрак леса.

Это был мужчина среднего роста, лет тридцати двух, великолепно сложенный и, по-видимому, отличавшийся большой силой и ловкостью.

Сделав несколько шагов по плато, он оглянулся, и, не увидев никого, вытер платком лоб.

Скорее всего, до него донесся какой-то шум, так как он недовольно нахмурился и стиснул зубы.

Послушав несколько минут, он ничего не уловил и вернулся к ручью, намочил платок и приложил его к своим горячим вискам.

Немного успокоившись, он сел на камень и задумался.

В эту минуту на плато появились двое, пришедшие по другой дороге, но они не вышли на открытое место, а только высунули головы, и убедившись, что тот, кого они ищут, здесь, снова скрылись.

Эти двое спустились навстречу третьему, поднимавшемуся наверх.

Без сомнения, читатель уже узнал этих людей.

Тот, который пришел первым по тропинке, был Андре Берри.

Двое других — Ладеш и Деталь.

То, что происходило, было очень важно.

Приехав в Женеву, Винсент напел Панафье.

— Все это происходит по вашей вине, — говорил Панафье. — Андре исполняет план, который разработал еще в Лионе. Это было его целью еще тогда, когда он отправлялся в Женеву. Он, наверное, узнал от Нисетты, по какому пути будет следовать ваш брат, и отправился вслед за ним, убежденный, что безнаказанность ему будет обеспечена, если он встретится с женой. Но так как вы не знаете, где он, то несчастье может случиться каждую минуту.

— Что нам делать?

— Вы предупредили брата?

— Да.

— Хорошо. Следовательно, он настороже. Но не забывайте, что в этот раз я преследую Андре Берри, а вы только помогаете мне.

— Зачем вы мне это говорите? — с удивлением спросил Винсент.

— Потому, что ваше дело окончено и начинается мое. Ваш отец не хотел, чтобы преступника, из-за которого он погиб, преследовали. Это желание вами исполнено. Но лично я ищу убийцу своей матери, хотя тоже не желаю выдавать его в руки правосудия.

— Что же вы хотите делать?

— Позвольте мне сохранить это в тайне. У вас слишком чувствительное сердце для этих дел. Если вы хотите помочь мне, то я с радостью приму вашу помощь, но только я буду иметь право делать с ним, что захочу. Если вы согласитесь, то вам нечего будет беспокоиться за вашу сестру.

— Я сделаю все, что вы хотите.

— Наконец-то!

Чего не мог понять Винсент, так это возродившейся ненависти Панафье. Ведь вначале он легко соглашался на его условия.

Дело в том, что он не знал историю Дамы с фиалками, а ведь именно этой истории Панафье не мог простить Андре.

У него хотели отнять Луизу, и ее похитителя он хотел наказать тем строже, чем легче простил молодой девушке.

— Что же нам делать? — говорил Винсент.

Вдруг в эту минуту в комнату буквально ворвался Ладеш.

— Мы нашли его!

— Где?

— Он выходил из гостиницы «Лебедь».

— Будь, что будет, но надо заканчивать. Ладеш! Веди нас.

— Идите за мной, и на этот раз мы покончим с ним.

Они шли по главной улице, как вдруг Винсент вскрикнул от удивления.

Панафье обернулся.

— Что случилось?

— Я боюсь, что мы опоздали.

Говоря это, он показывал на стоявшего в конце улицы Шарля, а потом бросился бежать к нему навстречу.

— Шарль! Шарль! Что случилось? — кричал он еще издали.

Тот обернулся с удивлением.

— Ничего. Как ты попал сюда? Это случайность?

— Где Маргарита? — перебил Винсент, задыхаясь от усталости.

— В гостинице.

— Скорее увези ее. Нам угрожает большая опасность. Панафье ищет Андре, он здесь и, по всей вероятности, знает, что и Маргарита здесь.

— Что ты говоришь?! — с беспокойством проговорил Шарль.

— То, что есть.

— Тогда я сейчас же иду к ней.

— Да, иди и не оставляй ее ни на минуту. Мы должны найти его и сегодня же все закончить.

— Иди скорей, брат, а я побегу к Маргарите.

Винсент вернулся к Панафье в то время, когда Шарль повернул за угол. В это же время Ладеш встретился с Деталем.

— Ну что? — спросил Панафье.

— Он в гостинице и готовится ехать.

— Мы едва успеваем, — сказал Ладеш.

— Скорее ведите нас. Я должен с ним переговорить.

Панафье пожал плечами.

— Что сказал вам брат? — спросил он.

— По моей телеграмме они уехали из Саксона и отправляются в Лове.

— Они не видели Андре?

— Нет!

— Он следует за ними и ищет случая встретиться с ней наедине.

— Этого я больше всего и боюсь. Нужно предотвратить это.

— Лебрен, разрешите мне руководить вами. Делайте только то, что я скажу вам. Иначе вы все погубите.

Винсент только этого и ждал. Он сильно волновался и ничего не мог придумать. Поэтому он положился на Панафье.

Последний же обратился к своим помощникам.

— Встаньте на разных концах улицы, и если он выйдет, следите за ним. Под любым предлогом, рискуя устроить скандал, заставьте арестовать его, и один из вас пусть предупредит меня, если нас не будет поблизости.

— Все будет исполнено.

Тогда он отправился к гостинице, где остановился и Шарль.

Это открытие страшно взволновало Винсента: Андре жил под одной крышей с женой.

Только он хотел сказать об этом Панафье, как вдруг страшный крик заставил его побледнеть от ужаса.

— Это Маргарита, — прошептал он.

— Новое несчастье, — крикнул Панафье, бросаясь к темной лестнице, с которой раздался этот крик.

Испуганный Винсент последовал за ним.

Они поднялись всего на несколько ступенек, и тут бежавший сверху человек чуть не сбил с ног Панафье. Как ни быстро он исчез, но Панафье узнал его и бросился за ним, крича:

— Это он! На этот раз он не уйдет от нас.

Винсент же поспешил подняться на первый этаж, уверенный в том, что произошло несчастье.

На площадке лежала без чувств Маргарита, а перед ней на коленях стоял Шарль.

— Что с ней? — спросил Винсент.

— Ничего. Она увидела, как он спускается по лестнице, когда выходила из салона, страшно вскрикнула и упала без чувств.

— Он не дотрагивался до нее?

— Нет. Я о ней позабочусь, а ты беги следом за ним.

— Это будет благоразумнее. Я уйду.

Он ушел со спокойной душой. За сестру он не боялся — за ней присматривал Шарль.

Выйдя на улицу, он не увидел никого. Тогда он бросился бежать по дороге, ведущей на железнодорожную станцию.

Там он увидел Ладеша, спрятавшегося в воротах. Тот сделал ему знак подойти.

Винсент подошел.

— В чем дело? — спросил он.

— Мы его нашли. Он на той улице, которая ведет к горной дороге.

— Где же он?

— Он прячется, как и мы. Если он не вернется в город, то мы его поймем.

Эти слова были сказаны так спокойно, что Винсента мороз продрал по коже.

— У нас только один незакрытый путь — тот, что ведет на станцию, и было бы неплохо, если бы вы стали там. Мне же хватит дела и здесь.

— Но если он пойдет по другой дороге?..

— Вы услышите свист. Вот такой.

И Ладеш тихо свиснул.

— По этому сигналу вы пойдете к нам, стараясь оставаться незамеченным. А теперь идите, господин Лебрэн, и смотрите в оба.

Винсент послушно отправился в указанное место.

Прошло два часа, а Андре не появлялся.

Винсент уже думал, что их обманули, когда услышал свист. Взглянув перед собой, он увидел Андре, направлявшегося к горам. Он думал, что здесь его никто не будет караулить.

Через полчаса Андре обернулся и увидел следовавших за собой четырех человек, но принял их за крестьян.

— Однако, — говорил в это время Винсент, — в горах он может от нас ускользнуть.

— Это невозможно, — ответил Панафье. — Я знаю дорогу лучше него. Мы разделимся на две группы. Вы с Ладешем будете следовать за ним, а мы пойдем ему навстречу.

— Я ни в ком не нуждаюсь. От меня он не уйдет.

— Как хотите.

Винсент бросился за Андре, а остальные медленно пошли к лестнице.

Глава XII

СТОЛКНОВЕНИЕ

Мы оставили Маргариту, когда она лежала без чувств на площадке лестницы и Шарль пытался привести ее в чувство.

То, что произошло, было очень просто. Маргарита, выходя из своего номера, почти лицом к лицу столкнулась с мужем, спускавшимся по лестнице. Последний был поражен не менее ее и стоял, не шевелясь. Маргарита приняла его за привидение и без чувств упала на пол, а Андре помчался прочь.

Прибежав на крик сестры, Шарль позвал старую Франсуазу, и они перенесли несчастную в комнату, где она мало-помалу пришла в себя.

— Это сон, — прошептала она.

— Но что с тобой случилось? — спросил Шарль.

— Очень странная вещь. Выйдя из комнаты, я вдруг увидела призрак моего мужа, стоящий передо мной.

— Призрак!.. — повторил Шарль, довольный тем оборотом, какой принимало дело. — Он не говорил?

— Призраки не говорят, — наивно возразила Маргарита. — Он только смотрел на меня, и я упала, воскликнув: «Прости!»

Это слово заставило вздрогнуть Шарля. Его сестра просила прощения у такого злодея!

— Наверное, усталость и постоянные мысли о нем стали причиной обморока. Самое лучшее — не вспоминать об этом и побыстрее уехать.

— Да, я тоже хочу оставить эти места, так как мне будет постоянно казаться, что я его вижу.

Поспешно были уложены вещи, и через полчаса все двинулись в путь.

Глава XIII

КРОВЬ ЗА КРОВЬ

Возвратимся снова к Андре и его преследователям.

Убедясь, что он на горе, Ладеш и Деталь спустились сказать об этом Панафье.

Подняв голову, Андре вдруг увидел перед собой Панафье.

— Опять ты! — вскричал злодей. — На этот раз мы сведем счеты!

— Я тоже так думаю. Только подождем Винсента Лебрена.

— Я не хочу его видеть.

— И тем не менее вы должны подчиниться.

— Но чего же вы от меня хотите?

— Вы чуть не отняли у меня любимую женщину, но я не убийца и дам вам возможность записаться. Возьмите револьвер. Вы можете в меня выстрелить шесть раз, как и я в вас. Мы будем драться по-американски.

Первые пять выстрелов не имели результатов. Шестой пулей Андре был ранен в плечо, тогда как его пуля раздробила револьвер противника.

Тогда Андре с револьвером в руках бросился на противника и ударом по голове спшиб его с ног, но в ту же минуту почувствовал, что его самого кто-то хватает за одежду и поднимает над пропастью.

В эту минуту на площадке появился Винсент.

Раздался страшный крик. В руках Деталья остался только клочок платья Андре, упавшего в бездну.

Сама судьба наказала преступника.

— У меня остался в руках его бумажник, — сказал Деталь, подавая его Панафье.

Тот открыл его, и перебрав несколько бумаг, увидел письмо, на конверте которого было написано:

*«Его преподобию, отцу Калисту.
Монастырь траппистов».*

Эпилог

Пять месяцев спустя после описанных нами событий из ресторана Бребана выходили четверо мужчин.

Это были Панафье, братья Лебрен и доктор Жюбер.

Они только что перенесли в семейный склеп останки Корнеля Лебрена, которому было возвращено правосудием честное имя.

Уже сидя за столом, Винсент спросил:

— Знаете, что делают Ладеш и Деталь? Они основали в Женеве невероятное заведение и зарабатывают много денег. Они дают пристанище всем негодяям, скрывающимся от закона.

— Но это не может их обогатить.

— Они используют их в деле. Приятели основали Агентство всеобщих сведений, а попросту — полицию для частных лиц. Эти люди — их агенты. Они предлагали и мне свои услуги.

Все засмеялись.

— А знаете, что я вам расскажу? — произнес Жюбер. — Липо основал в Фонтенбло лавчонку, где

продает ящериц, лягушек и тому подобное. Он нашел жену и живет с ней. Но самое странное — это то, что его жена — Нисетта. Но она сильно изменилась и, кажется, не в своем уме.

— А что поделывает Эжени Герваль?

— Она выступает в провинции, где сошлась с одним тенором.

— Ну, господа, не будем говорить об этом. Слава Богу, что все хорошо окончилось.

— Я пью за здоровье мадам Панафье и за ее будущего ребенка.

Все выпили.

Луиза уже пять месяцев как стала женой Панафье, и Жобер с Маргаритой должны были крестить ее ребенка.

Ужин окончился весело. Уходя, Панафье сказал Винсенту, указывая на Жобера:

— Вот хороший утешитель для вашей сестры.

— Мы поговорим об этом на крестинах, — улыбаясь, ответил Винсент.

Содержание

Пролог

Глава I. Что происходило на площади Ла-Рокетт в одну ноябрьскую ночь	5
Глава II. Проклятый угол	11
Глава III. Три брата	16
Глава IV. Завещание	22
Глава V. Кольцо	26

Часть первая

Парижские труппы и игорные дома

Глава I. «Бешеная кошка»	33
Глава II. Удары кулака иногда поддерживают дружбу ...	49
Глава III. Да здравствует вино и красавицы	53
Глава IV. Панафье начинает надеяться	66
Глава V. Панафье получает полезные сведения	69
Глава VI. Дом на улице Фридлань	79
Глава VII. Ужасное и любопытное зрелище	92
Глава VIII. Два письма	101
Глава IX. У Баландые	108
Глава X. Нисетта занимается странным ремеслом	120
Глава XI. У детей лиры Орфея	127
Глава XII. Панафье начинает думать, что он дурак	134

Глава XIII. Вечная история	146
Глава XIV. Приготовление к экспедиции	150
Глава XV. Панафье ровно ничего не понимает	157

Часть вторая

Семейные воспоминания

Глава I. Бог благославляет большие семьи	173
Глава II. Средство Панафье поддержать у Луизы веру в клятву	190
Глава III. У цели	195
Глава IV. Господин, которого приятно было другом	199
Глава V. Ладеш превращается в сиделку	208
Глава VI. Дама с фиалками	218
Глава VII. Появление особы в странном костюме	243
Глава VIII. Странная история	253
Глава IX. В одну прекрасную ночь в новом Париже	262
Глава X. Большие и маленькие любовные печали	268
Глава XI. История детства	273
Глава XII. Панафье нападает на другой след	277
Глава XIII. Панафье жалеет о сделанном	282
Глава XIV. Опасно повсюду бросать письма и драгоценности	289
Глава XV. Средства Панафье	297
Глава XVI. Вдова живого мужа	309

Часть третья

Кредиторы эшафота

Глава I. Смерть человека, чувствующего себя отлично ..	317
Глава II. Воспоминания об июльском восстании 1848 года	318
Глава III. И бедный может быть похоронен, как принц	325
Глава IV. Старый знакомый	339
Глава V. Андре Берри	365
Глава VI. Панафье кажется, что он не совсем в своем уме	375
Глава VII. Письмо, монастырь, тайна	387
Глава VIII. Мертвые возвращаются	398
Глава IX. Ночь любви Нисетты	406

Часть четвертая

Человеческое правосудие

Глава I. Странствования Ладеша	421
Глава II. Торговый дом «Мюллер и К.»	429
Глава III. Чего стоят женщины	435
Глава IV. Доброта души Нисетты	442
Глава V. Странная гостиница, не менее странный хозяин и удивительные путешественники	451
Глава VI. Посещение монастыря	456
Глава VII. В сердце Андре Берри еще осталось человеческое чувство	463
Глава VIII. Андре хочет спасти свою душу и тело	468
Глава IX. Можно подумать, что порок всегда награждается	472
Глава X. Письмо и две телеграммы	477
Глава XI. На горе	481
Глава XII. Столкновение	488
Глава XIII. Кровь за кровь	489
Эпилог	491

*Литературно-художественное
издание*

Бувье Алексис
КРЕДИТОРЫ ЭШАФОТА
Роман

Редактор Ю.В. Родионов
Художественный редактор Ю.А. Модлинский
Технический редактор С.А. Щербатая
Корректоры Л.А. Луганская, Г.А. Воронина

Подписано к печати с готовых диапозитивов 18.05.94. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура Школьная. Печать
высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,04.
Уч.-изд. л. 33,81. Тираж 25 000 экз. Заказ № 4-199.

Издательско-коммерческое предприятие «Паритет» ЛТД,
810057, Харьков, ул. Рымарская, 18.

Харьковская книжная фабрика им. М.В. Фрунзе,
810057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

